

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»**

(22–26 апреля 2013 г.)

**Том IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Томск 2013

ББК 74.58
В 65

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

- В 65 III Всероссийский фестиваль науки. XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.) : В 5 т. Т. IV: История. Философия. Культурология. Социальные науки / ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2013. – 336 с.

Научные редакторы:

Зайцева Т.И., канд. ист. наук, доцент
Морозова О.Ю., канд. пед. наук, доцент
Грошева Г.В., канд. ист. наук, доцент
Сазонова Н.И., д-р. филос. наук, профессор
Нестеренко П.Л., канд. ист. наук, доцент
Панкратова Л.В., канд. ист. наук, доцент
Рудковский И.В., канд. ист. наук, доцент
Гужавина О.Б., канд. филос. наук, доцент
Селиванов С.А., канд. филос. наук, доцент
Романова Н.И., канд. культурологии, доцент
Герасимова О.В., ст. преподаватель

Статьи публикуются в авторской редакции

История России

ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Г. В. Горшков

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: Л.А. Полякова, к.и.н., доц.

Политика СССР в сфере идеологии во время Великой Отечественной войны представляет особый интерес для научного исследования. Агитационно-пропагандистская система страны обладала серьезным потенциалом, позволившим мобилизовать духовно-нравственные силы народа на отражение внешней агрессии.

После подписания 23 августа 1939 года пакта Молотова-Риббентропа о ненападении между Германией и Советским Союзом советско-германские отношения расширились во многих направлениях. Данный документ подтвердил *de jure status quo* между двумя государствами как союзнический. «Союзнический» характер отношений подтвердил германо-советский договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., подписанный после вторжения в Польшу Германии и ввода частей Красной Армии в Восточную Польшу. По этой причине информационно-пропагандистский аппарат обеих стран поддерживал позитивный образ друг друга, в Советском Союзе практически прекратилась антигитлеровская пропаганда. Но вскоре после «Пятого раздела Польши» в условиях подготовки войны против СССР и ее идеологического обоснования Министерство пропаганды Германии во главе с Йозефом Геббельсом стало осуществлять политику создания негативного образа Советского государства. В рядах вермахта стала активно распространяться идея о том, «...что огромная Россия стонет под игмом комиссаров и жидов», что надо «идти спасать Россию» [2].

В СССР ответная реакция наступила существенно позже. После вероломного нападения нацистской Германии на Советский Союз агитационно-пропагандистская работа партийно-государственных структур сделала акцент на поддержании патриотизма и высокого морального духа советского народа на фронте и в тылу. Одним из направлений этой работы было формирование негативного образа врага, воспитание

ненависти к захватчикам. Важной составляющей этой работы был призыв к беспощадной борьбе с агрессором. Ненависть к врагу являлась важнейшим условием победы нашего народа в этой войне. Советская пропаганда военного времени создала единый, исключительно негативный образ «нациста». Показательны в этом плане публикации начального периода войны в главной военной газете «Красная звезда» в виде заметок, статей и небольших сообщений.

Германские солдаты изображались часто неадекватными фанатиками национал-социализма: «Остервенелый враг, не считаясь с огромными потерями...» [3, № 216]. Помимо того нацисты изображались лжецами и манипуляторами, которые скрывали от соотечественников потери вермахта и сопротивление солдат Красной Армии, которого они не ожидали. Семен Кирсанов пишет об этом: «Посмотрел на счет потерь, подсчитал и пропотел! / На бумагу смотрит кисло: – Мол, откуда эти числа? / Шнель, открыть мое бюро, шнель, подать мое перо! Изменить итог недели! / Подымает фюрер рев, и пыхтя, на десять делит счет подбитых коршунов» [3, №152]. Вот строки неизвестного автора, тоже из «Красной звезды»: «Подобное, как сон, впервой / Встает перед глазами: / Сидит холуй вниз головой / И брешет вверх ногами» [3, № 215].

В печати широко использовалась критика нацистской идеологии, направленной против людей «неарийской расы», в частности, по отношению к славянским народам. Заголовки газет об этом свидетельствуют: «Что замышляет изверг Гитлер против славянских народов» [3, №166], «Германские фашисты истребляют сербский народ» [3, № 166], «Немцы гонят пленных красноармейцев на минные поля» [3, № 281], «Хорватия в тисках фашизма» [3, №216]. Примечательно, что образ врага-фашиста ассоциируется с образом врага-немца.

Но больше всего использовали сравнение гитлеровцев с нежитью, с нечистой силой: «Сметем с лица земли фашистскую нечисть!» [3, №152]. Сильнее всего этот образ начал развиваться после публикации 7 ноября 1941 года по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции доклада Сталина, в котором приведен фрагмент из т.н. «Памятки немецкого солдата». В «Памятке» нацистское правительство призывало солдат быть бессердечными, безжалостными извергами: «В одном из обращений немецкого командования к солдатам, найденном у убитого лейтенанта Густава Цигеля, уроженца Франкфурта на Майне, говорится: У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки» [3, №263]. Примеров такого поведения гитлеровцев было не счесть. В газете часто приводились факты зверского обращения немцев с военнопленными, партизанами, простыми жителями оккупированных территорий.

Лексика, характеризующая гитлеровских захватчиков как нелюдей, добавляла в восприятие немцев эмоциональную окраску, вызывая

отвращение и ненависть к супостату. Для этого использовались различные эпитеты – «стервятники», «оголтелая банда», «фашистские варвары», «воздушные пираты», «гиены», «шакалы» и т.п.

В итоге, в массовом сознании советских граждан немецкие солдаты выглядели как некая «черная сущность», собравшая в себе все самые отвратительные черты и пороки человечества и не имевшая ничего позитивного в своем образе. Это были шакалы, терзавшие плоть мировой общественности и подлежавшие полному искоренению.

Но ужасающий образ нацистских солдат вырос не на пустом месте. По большей части этот образ бандита, безжалостного убийцы без каких либо моральных устоев создали сами немцы.

Во-первых, расистская идеология о превосходстве арийской расы, вера в законность господства высшей расы над низшими, политика антисемитизма и др. идеи нацистов формировали не лучшее мнение о Германии, немцах и тем более о немецких солдатах.

Во-вторых, лицом нацистской Германии были войска СС – жестокие, крайне фанатичные, без малейших комплексов о ценности человеческой жизни и гуманном отношении к людям. Сами немцы не очень любили эсэсманов. Бывший ефрейтор 111-ой пехотной дивизии Гельмут Клаусман так описывает отношение к эсэсовцам: «...они несколько свысока относились к вермахту. Кроме того, их не очень любили из-за крайней жестокости. Они были очень жестоки к пленным и к мирному населению. И стоять рядом с ними было неприятно. Там часто убивали людей. Кроме того, это было и опасно. Русские, зная о жестокости СС к мирному населению и пленным, эсэсовцев в плен не брали. И во время наступления на этих участках мало кто из русских разбирался, кто перед тобой – эсэсман или обычный солдат вермахта. Убивали всех. Поэтому за глаза СС иногда называли «покойниками» [2].

В-третьих, в любой армии в военное время могут оказаться преступники, которых война не меняет, а даже раскрывает их сущность в полном объеме. Один из бывших солдат вермахта, обычный немец, каких было много, рассказывал в своих воспоминаниях: «Однажды я, сменившись с поста, вернулся домой. Войдя во двор, услышал из хозяйского дома женские крики: звали на помощь. Войдя в дом, я увидел мерзкую картину, как солдат из соседнего подразделения, повалив Тamarу на кровать, пытается сорвать с неё одежду. Она кричала, отбивалась от насильника. Я подскочил, откинул этого ублюдка в угол. И, передёрнув затвор автомата, висевшего у меня на шее, предупредил, что уложу его на месте» [4]. По законам военного времени, немецкие солдаты не имели права притеснять и использовать в корыстных целях местное население оккупированных территорий, за это провинившийся немедленно приговаривался к расстрелу на месте совершения преступления. Но на советской территории это правило не применялось.

В-четвертых, следует учесть и то, что в условиях военных действий против СССР немецкий солдат, обычный человек в мирной жизни, напичканный гитлеровской пропагандой о превосходстве арийской расы, о немецкой исключительности и германском превосходстве,

убежденный в безнаказанности убийства советских людей независимо от пола и возраста, превращался быстро в убийцу и насильника. Сама природа фашизма порождала аморальность и безнравственность не только эсэсовцев, но и рядовых солдат и офицеров вермахта.

В книге Г. Гиммлера «Эсэсовец и вопрос крови» образ немецкого солдата выглядит так: «Немецкий солдат воспитан в прусских традициях, которые по своей строгости и требовательности, по своему культу преданности командирам и неукоснительному соблюдению долга чести являются истинно нордическими. Кроме того, в немецком национальном характере заложена и такая черта, как стремление к проявлению личной инициативы, что не раз выручало немецкого солдата в тех ситуациях, когда он мог положиться только на самого себя» [1]. Солдаты воспитывались на традициях пруссачества. Они были стойкими, целеустремленными и жесткими, жесткость эта была необходима для достижения цели любой ценой.

Таким образом, в экстремальных условиях войны советская пропаганда сформировала в массовом сознании советских людей негативный «образ врага» – гитлеровского захватчика, вызывающего чувство ненависти и желание его уничтожить в самом логове. При этом формируемый советской пропагандой «образ врага», сильно гиперболизированный, в значительной степени, на наш взгляд, совпадал с реальным коллективным портретом солдат вермахта, который проявлялся в их целях и действиях. В военный период «образ врага» выполнял чрезвычайно важную консолидирующую для общества роль, выступая инструментом социальной мобилизации в борьбе с фашистской Германией.

Литература

1. Гиммлер Г. Эсэсовец и вопрос крови (репринтное издание). Гл.3. О наследовании. Параграф 9. Воин и раса. М. , 1997. (Монография)
2. Клаусман Гельмут. Воспоминания немецкого ефрейтора. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://liewar.ru/content/view/56>
3. Красная звезда. Центральный орган народного комиссариата обороны СССР. №№ 152 (4907) от 01.07.1941 г., 166 (4921) от 17.07.1941 г., 215 (4970) от 12.09.1941 г., 263 (5018) от 07.11.1941 г., 281 (5036) от 29.11.1941 г., 216 (5280) от 13.09.1942 г.
4. Солдат вермахта. Рассказ с противоположного берега. © Copyright: Эгрант. 2012. Свидетельство о публикации №212090901718. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/09/09/1718/>

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГРАЖДАНСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Е.С. Гугунова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: Л.А. Полякова, к.и.н., доц.

В советской песне периода Великой Отечественной войны отразилось душевное состояние воинов и тружеников тыла. Лирические песни военного времени воплощают образ «коллективного героя» и в них гражданственное звучание является доминирующим. Лирические песни военного времени глубоко патриотичны. По содержанию лирических песен военного времени можно проследить и этапы войны. Вместе с тем, в них много личного, интимного. Написаны лирические песни в форме вальса, танго, бытового романа, они очень мелодичны и задушевные.

Существует немало лирических песен времен Великой Отечественной войны, которые появились совершенно случайно, но позже стали всеми любимыми и получили колоссальную известность.

Одной из самых известных и любимых по сей день является песня «Катюша» на стихи М. Исаковского и музыку М. Блантера. [1, с. 46] Эта лирическая песня отражает самую важную тему периода войны – тему Родины, тему защиты ее от посягательств внешних врагов. Девушка гордится тем, что ее любимый – «боец на дальнем пограничье». Вместе с тем песня глубоко лирична. Она была написана незадолго до начала войны. Поэтому в ней нет описания суровой обстановки, нет горечи утраты, а наоборот, песня энергичная, полная жизни и новых начал, когда все расцветает, а на душе тепло и ясно.

Когда началась война, «Катюша» встала в боевой строй. И была рядом с бойцами на протяжении всей войны, ее слушали, любили и пели. Имеется около 100 вариантов «Катюши» [1, с. 25]. В них рассказывалось о Катюше – медицинской сестре («раны Катя крепко перевязет»), Катюше-бойце («с автоматом девушка простая»). «Катюшами» стали называть грозное оружие – реактивные минометы. Песня «Катюша» была широко известна за рубежом в Движении Сопротивления и даже стала гимном итальянских партизан. Песню «Катюша» поют и сейчас, она стала всенародной и, более того, интернациональной.

Начальный этап войны отражен в лирических песнях, обращенных к сердцу бойца, отстаивающего независимость своей Родины. Бывшие фронтовики навечно сохранили в памяти одну из самых известных песен Великой Отечественной войны – «В землянке». Это, пожалуй, первая лирическая песня, написанная в период Великой Отечественной войны. Слова песни были написаны военным корреспондентом А.Сурковым на музыку композитора К.Листова. А.Сурков написал стихи, обращенные к жене, когда пробивался из окружения. Тогда слова:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – 4 шага... .

были для него не только поэтическим образом, но пронзительной реальностью [5]. Почему же так дорога людям песня «В землянке»? Слова и музыка песни очень точно передавали переносимые воинами трудности и лишения начального этапа Великой Отечественной войны. И в то же время песня глубоко лирична. В грозной, кровавой битве песня эта помогала воинам сохранить в себе человека, не позволяла забыть об удивительном, чистом и светлом чувстве – о любви.

Сражаться до последнего во имя Родины готовы были моряки. Именно им на начальном этапе войны была посвящена песня «Вечер на рейде» [8]. Эту песню поэт А. Чуркин и композитор В. Соловьев-Седой создали в память о тех моряках, которые, исполняя свой долг, навечно остались в морских глубинах, защищая честь Родины. В этой задушевной песне даже нет слова «война», но она очень точно передает чувства и переживания людей, которые расстались с родным домом, любимыми, и завтра вновь отправятся в поход. Большая внутренняя сила песни придавала бойцам возвышенные чувства любви к Родине, ко всему, что было близко и дорого, что надо было отстоять в жестокой схватке с врагом. Песню пели не только моряки, ее пели все.

Популярность песни «Вечер на рейде» во время войны была столь велика, что появились различные ее варианты и переделки. Парашютисты десантники пели:

Споете, друзья, ведь завтра в полет
Летим мы во вражеский тыл...

Партизаны Крыма переделали песню по-своему:
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в горы...

На переломном этапе Великой Отечественной войны песни, написанные поэтами и композиторами, вселяли уверенность в победе над врагом. Лирическая песня этого периода войны давала возможность бойцам вспомнить родных и близких людей, помечтать о мирной жизни. Во второй год войны композитором М.Блантером на слова М.Исаковского была создана красивая, мелодичная лирическая песня «В лесу прифронтовом». Песня написана в форме вальса, в которую вплетаются звуки знакомого всем старинного русского вальса «Осенний сон». Вместе с тем эта удивительно красивая лирическая песня содержит высокие гражданские ноты, призывающие к бою с ненавистным врагом:

...Настал черед, пришла пора, -
Идем, друзья, идем,
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем...

Когда до победы оставалось несколько месяцев, и это было понятно всем, была создана песня, которая задела сердца многих, и нет человека, который, хоть раз услышав эту песню, не влюбился бы в нее. Песня «Соловьи», одна из лучших песен Великой Отечественной войны, появилась на фронте ранней весной 1945 года и сразу же поко-

рила сердца воинов своим лиризмом и задушевностью. Поэт А.Фатьянов и композитор Соловьев-Седой точно отразили в песне «Соловьи» душевное состояние солдат в конце войны, когда победа уже близка, но война еще не закончена [7].

Слова песни очень точно и вместе с тем просто говорили о том, что было в те дни на душе у каждого бойца – ожидание скорого мира, встреча с родным домом, с дорогими родными и близкими людьми.

Пение соловья выступает в песне жизнеутверждающим символом.

Ведь завтра снова будет бой-
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Песня во время войны воздействовала на настроение солдат как мощное духовное оружие, не давая солдату падать духом. Нередко с песней солдат шел в бой или, наоборот, отдыхал от той среды, в которой находился, погружаясь на секунды в теплые воспоминания о мирном времени. С первого дня Великой Отечественной войны до победного праздничного салюта песня была с солдатом. [5]

Слова лирических песен были близки и понятны всем, их задушевная мелодия проникала в душу каждого бойца. Песня скрашивала военные будни и досуг солдат, помогала им преодолевать трудности и лишения фронтовой жизни, поднимала боевой дух воинов, Песня звучала повсюду – в походах и в землянках, в концертах армейской самодеятельности и в исполнении артистов, приезжавших к фронтовикам. Песни исполнялись по радио, печатались в газетах на фронте и в тылу, переписывались в письмах домой и из дома, передавались из уст в уста [2, с. 68]. Повествуя о любви и любимых, о разлуках и встречах, о родном доме и русской природе, они звучали как напоминание о тех мирных днях, о той мирной жизни, ради которой солдаты воевали и жертвовали собственной жизнью. В этом их большое гражданское и этическое звучание.

Песни войны часто поют и сейчас, они стали всенародными. Их лиризм и жизнелюбие трогают сердца не только ветеранов, но и молодое поколение. Эти песни будут жить до тех пор, пока жива память о той далекой, но такой еще близкой войне.

Литература

1. Заводская Н. Любимые песни военных лет: Сб. песен. М.: Прогресс, 1983. 85 с. (Монография)
2. Кокорин П. Песни войны. М.: Прогресс, 1976. 120 с. (Монография)
3. Луковников А. Друзья-однополчане. М.: Музыка, 1985. 151 с. (Монография)
4. Новиков А. Рожденные в боях . 1981. [Электронный ресурс]//Режим доступа: Pesni-tekst.stihopro. ru URL : <http://mp3ostrov.com> (Дата обращения: 21.03.13).
5. Орлов В. Песни великого подвига. 2008. [Электронный ресурс] // Режим доступа: [pesni.yandex.ru URL : http://www.9maya.ru/2008/04/27/pesni_voennykh_let_v_mp3.html](http://www.9maya.ru/2008/04/27/pesni_voennykh_let_v_mp3.html)

6. <http://pesni.mgpru.ru/> (Дата обращения: 21.03.13).
7. Соловьев- Седой В.П. Пути-дороги. 1983. 74 с. (Монография)
8. Точилин А. Песни в граните. 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: [Pesni-tekst.stihopro. ru URL : http://www.myzuka.ru/Album/355402](http://www.myzuka.ru/Album/355402) (Дата обращения: 26.03.13).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТОМСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А.О. Дегтярёва

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Сергеев – ст. преподаватель

За первый период XX века физическая культура и спорт прочно вошли в жизнь людей. В горькие годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время успехи и достижения спортсменов зачастую были на грани подвига. В спортивном коллективе выросли выдающиеся мастера спорта, прославившие наши Вооруженные Силы и отечественный спорт. В годы Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии спортсмены сменили спортивные снаряды на боевое оружие и в рядах Советской Армии стойко и мужественно защищали страну.

В начале XX века в Томске спорт был заметным общественным явлением. На окраине города в конце ул. Солдатской (ныне Красноармейская; «Дворец спорта») имелся отличный ипподром с пробковой дорожкой – одна миля и крытыми дорожками. В городском саду работала прокатная база, где за плату выдавали коньки «Снегурки» и финские сани. Дорожки заливались льдом. В городе работали два цирка. В устье реки Ушайки каждое лето оборудовалась народная купальня. На специальной базе были оборудованы раздевалки, душевые, буфет, вышки для прыжков в воду. Около баржи был устроен бассейн. На прокат выдавались прогулочные лодки.

Среди имущих были распространены крокет и кегли. Зимой народ любил кататься на санках в телячьих шкурах, бочатах (доски от бочек), деревянных коньках. Летом на реке Ушайке в черте города было несколько пляжей, некоторые имели платные раздевалки, устраивались самодеятельные состязания в плавании.

Нельзя упомянуть имя Владислава Станиславовича Пирусского. Им была проделана большая работа по популяризации физического воспитания и спорта. Пирусский организовал «Общество содействия физическому развитию», издавал спортивный журнал, организовал курсовую подготовку инструкторов физической культуры. Также по инициативе Пирусского был построен «Дом физического развития» с манежем (ныне больница скорой помощи на улице Красноармейской). Заливались катки для массового катания, устраивались купальни, загородные лагеря для детей неимущих родителей, спортивные площадки [1, с. 4-12].

С вероломного нападения Германии в июне 1941 г., для Советского Союза начались страшные годы. Деятельность всех учреждений и организаций огромного государства перестроилась в соответствии с нуждами военного времени. Томск жил полнокровной жизнью. Бесперебойно работали предприятия, школы, вузы, техникумы, научно-исследовательские институты и т.д. За время войны вузы подготовили более тысячи высококвалифицированных специалистов. Продолжалась работа физкультурных организаций. Во время войны перед ними стояли конкретные задачи: подготовка резерва Красной Армии, проведение массовой военно-физической подготовки, реабилитация раненых. В августе 1941 г. было принято постановление горкома ВЛКСМ, в котором был утвержден план работы физкультурных и оборонных организаций. План включал в себя подготовку лыжников и гранатометчиков, проведение военизированных соревнований, оборонной и физической подготовки в подразделениях Осоавиахима и т.д.

С начала войны в Томске начал формироваться лыжный батальон. Туда направлялись лучшие лыжники города и области. В годы войны практически все спортивно-массовые мероприятия носили военизированный характер. Но, как и в довоенное время, проводились различные спортивные соревнования, конечно, в меньшем количестве. Проходили розыгрыши по волейболу, футболу, баскетболу и т.д. Несмотря на изнурительный труд, перед соревнованиями проходили обязательные тренировки. Развитие лыжного спорта было приоритетным направлением в физкультурной работе в те годы, вследствие огромного военно-прикладного значения. Другие виды спорта, не имеющие военно-прикладного значения, развивались намного хуже. Например, в городском футбольном турнире 1944 г. участвовало всего 5 команд.

В военные годы проходило много военизированных соревнований. Подготовка к соревнованиям и их проведение постоянно освещалось в прессе и по радио. Существенным недостатком в физкультурной работе было то, что основной упор делался на организацию массовых физкультурных мероприятий, а регулярный тренировочный процесс во многих организациях отсутствовал. Военные годы стали серьезной проверкой на прочность для всех спортивных обществ. Часть из них прекратила своё существование [2].

Война. Она ворвалась в их юность, как ураган, смешав все планы о добрых начинаниях. Один за другим уходили на фронт добровольцами спортсмены:

Нестеренко Алексей Иванович (1908 -1995) родился в 1908 году в Поволжье. Во время Великой Отечественной войны он возглавлял оперативные группы гвардейских миномётных частей (ГМЧ), был заместителем командующего артиллерией 2-го Прибалтийского, а затем Ленинградского фронтов. После войны генерал Нестеренко руководил научно-исследовательским институтом реактивной техники. А. И. Нестеренко был назначен начальником космодрома Байконур, он участвовал в величайших событиях века: запуске первого искусственного спутника Земли и старте весной 1961 года первого космонавта Юрия

Гагарина. В 1966 году он уволился в запас, прослужим 41 год, награждён 13 орденами и многими медалями. Несколько раз Алексей Иванович приезжал в Томск, выступать перед студентами и курсантами военного училища связи. В 1972 году ему одному из первых присвоено звание «Почётный ветеран томского спорта».

Моравецкий Дмитрий Владимирович (1907-2006) родился 10 июня 1907 года в Томске в семье фармацевтов. На войне 1941 – 1945 гг. майор Моравецкий командовал батальонами, награждён многими боевыми наградами. Почётный гражданин города Томска Дмитрий Владимирович Моравецкий считал, что его главные достижения в спорте – это подготовка многих спортсменов высокого класса, чемпионов РСФСР и СССР, участников международных соревнований. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны, многими медалями и знаками отличия.

Пожидаев Иван Семёнович (родился в 1919 г.) родился 27 марта 1919 года в с. Крутые Луки Омской области, в крестьянской семье. Один из сильнейших лыжников Сибири, первый томский олимпиец, гвардии лейтенант, командир танкового взвода, Иван Пожидаев в 1940-1950 годы был известен как один из лучших стайеров страны, тренер сборной команды Советского Союза. Иван Пожидаев удостоен высоких званий – «Заслуженный мастер спорта СССР» и «Заслуженный тренер СССР», многими медалями и знаками отличия. Его имя навсегда останется в истории олимпийского движения, в истории томского спорта.

Топоров Геннадий Васильевич (1914-1996) родился в Челябинской области в селе Каракульское. В Великую Отечественную войну возглавлял центральную заводскую лабораторию Томского электромеханического завода, которая выполняла военные заказы, в том числе выпускала механизмы по обезвреживанию акустических мин. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг». А также другими медалями и почётными знаками.

Крюкова Валентина Кондратьевна (1922-1997) родилась в 1922 году в Красноярском крае. В 1945 году работала заместителем председателя областного совета СО «Динамо», а с 1947 года и далее в течение 16 лет была председателем Томского областного комитета по физической культуре и спорту. В ту пору на такой должности Валентина Крюкова была единственной женщиной в РСФСР. В истории Томского спорта В.К. Крюкова – фигура знаковая. У неё были высокие спортивные достижения, её вклад в развитие спортивного движения огромен, она многократно награждена государством, в том числе орденом «Знак Почёта» и несколькими медалями. Благодаря энергии и настойчивости Валентины Кондратьевны в 1949 году в ТГПИ открыт факультет физической культуры, построен комплекс трамплинов, былая гордость томичей, а Томск на продолжительное время стал одним из главных центров в стране по подготовке спортсменов высокого класса.

В конце 40-х годов в стране в труппных условиях послевоенного времени, восстановления народного хозяйства и культуры шли интенсивные процессы развития спортивного движения и укрепления здо-

ровья подрастающего поколения. Нехватка кадров специалистов по физкультуре и спорту не позволяла эффективно проводить работу по организации физического воспитания в учебных заведениях и развитию массового спорта. Малочисленные институты и техникумы физической культуры не смогли обеспечить решения этой задачи. Поэтому решением правительства в педагогических университетах и педагогических институтах были открыты факультеты физического воспитания, призванные готовить учителей физической культуры [3, с.168-183].

1-го сентября 1949 года одним из самых первых в Сибири, свои двери открыл факультет физического воспитания «Томского государственного педагогического института» положив начало высшего физкультурного образования в Сибири. Инициативу и настойчивость в создании факультета в Томске проявили В. К. Крюкова – председатель Областного комитета по физической культуре и спорту и ректоры пединститута Ф. Ф. Шамахов, а затем А. М. Санников. Новый факультет возглавили И. А. Воробьев. Его сменил П. И. Лукин, который был деканом с 1950 по 1956 год. Институт не имел тогда никакой спортивной базы, теоретические занятия проходили в аудиториях Естественного факультета. Не было учебных пособий, не хватало преподавателей. П. И. Лукин сумел в труднейших условиях построить (в основном силами студентов и сотрудников) спортивный корпус на ул. Киевская 64, организовал учебно-методическую, спортивную работу. Для работы на факультете были приглашены выпускники Ленинградского института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта и Ленинградского педагогического института им. Герцена: Виктор Иванович и Полина Петровна Григорьевны, Нина Васильевна Охотникова, Юрий Михайлович Сухов и др.

В 1947 году при Институте усовершенствования учителей физической культуры Александра Вишневого были открыты годовые курсы учителей физической культуры, которые окончили более 30 слушателей, бывших фронтовиков. В 1948 году при старейшем педагогическом учебном заведении – Томском педагогическом училище было открыто физкультурное отделение по подготовке учителей физической культуры для неполных средних школ. Это отделение просуществовало до 1958 года [1, с. 13-17].

Томские спортсмены получили закалку ещё до войны. Спорт воспитывает морально-волевые качества и готовит организм к своему роду стрессам. А что можно чувствовать после битвы, которую проиграла? Мы привыкли побеждать, не оглядываться на других, не смотреть в спину. История жизни Томских спортсменов в годы ВОВ, на данном этапе исследования не исчерпывается, а наоборот лишь даёт новую почву для размышлений и реализации дальнейших работ данной тематики.

Литература

1. Хилькевич В.С. Краткая история физической культуры. Часть III. Томск 2001. С. 18
2. http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/verolomnoe_napadenie.html
3. Иконников С. К. Летопись томского спорта. Томск 2011. 419 с.
4. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. Москва, 2002. 528 с.

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
И ЛЕЧЕБНО-КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОФЕССОРОВ ВРАЧЕБНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ТОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА
С 1945 ПО 1970-Е ГГ.**

И. В. Клименко

Томский государственный университет

Научный руководитель: С.А. Некрылов, д.и.н., профессор

После Великой Отечественной Войны в ТМИ, была нехватка опытных профессоров, доцентов, кандидатов медицинских наук, но уже к 1956 г. число профессоров и преподавателей ТМИ значительно возрос: в 1946г. профессорско-преподавательский состав составил – 215, а в 1956г. – 265 человек. Докторов наук, профессоров в 1946 г. – 23 человека, а в 1956 г. – 30 человек, кандидатов медицинских наук в 1946 г. – 55 чел., а в 1956 г. – 112 чел. [ГАТО. Ф. Р.357. Оп.10. Д. 33. Л. 126.]

К 1956г. количество студентов в Томском Медицинском Институте составило: Лечебный факультет (лечебное дело) – 1112, Педиатрический факультет (педиатрия) – 594. [ГАТО. Ф. Р.357. Оп.10. Д.42 Л.16.] Важнейшую роль в развитии науки в ТМИ вплоть до 60-х гг. играли профессора и преподаватели, работавшие в институте в течение долгого времени, защитившие докторские диссертации в 1940-ые годы. Это были научные школы Бориса Ивановича Баяндурова (нормальная физиология), Николая Васильевича Вершинина (фармакология), Исаака Соломоновича Венгеровского (детской хирургии), Вадима Габриэлиевича Вогралика (госпитальная терапия), Сергея Петровича Карпова (микробиология), Иннокентия Николаевича Осипова (педиатрия), Виктора Павловича Миролубова (анатомия).

Планы научно-исследовательской работы факультета на учебный год обсуждались и с некоторыми поправками утверждались на заседаниях учёного совета института, которые, как правило, проходили в сентябре месяце. Деятельность ученого совета была направлена на повышение уровня научной работы. Ученый совет состоял из 34 членов и работал по утвержденному плану. Вначале заседания совета с докладом о результатах научно-исследовательской работы за прошедший год выступал проректор по научно-исследовательской работе. Научно-исследовательская работа профессоров и преподавателей педиатрического факультета велась главным образом в факультетских и госпитальных клиниках. Особенное значение они имели для молодых учёных, здесь они получали возможность практиковаться и собирать клинический материал для будущих исследований.

В то время у каждого факультета медицинского института была своя специфика научных исследований.

Кафедры педиатрического факультета большое внимание уделяли вопросу лечения острых детских инфекционных болезней – дифте-

рии и скарлатины. Этой проблеме было посвящено большинство работ как самого Сергея Михайловича Тимашева, так и его сотрудников Евгения Ивановича Неболюбова, Иннокентия Николаевича Осипова. Следует отметить, что тогда только начиналось лечение дифтерии сывороткой, и вполне понятно, что накопление опыта в этой области имело научно-практическое значение.

Так же, с 1944 по 1957 гг. большое внимание уделяется изучению проблемы туберкулеза, этому была посвящена докторская диссертация И.Н. Осипова (туберкулез лимфатических желез у детей, 1943 г.) [ГАТО. Ф. Р.561. Оп.1. Д. 2443. Л.5.]

Для кафедры детской хирургии, важнейшей хирургической патологией в 1950-е годы был гематогенный остеомиелит, отличающийся крайне тяжелым течением, высоким уровнем летальности, частой хронизацией процесса. Длительный период изучения проблемы, глубокая разработка вопросов патогенеза, создание экспериментальной модели остеомиелита, обоснование новых принципов лечебной тактики и методов хирургического лечения позволяют считать кафедру ведущей в России по изучению этой сложной проблемы гнойной хирургии. По результатам исследований И.С. Венгеровский опубликовал первую в Советском Союзе монографию «Гематогенный остеомиелит», которая до настоящего времени остается настольным практическим руководством для хирургов. По этой проблеме защищены 1 докторская и 3 кандидатские диссертации. В кандидатской диссертации В.И. Москвина «Влияние повреждения ростковой хрящевой пластинки на рост кости в длину» (1951), отражено изучение патогенеза посттравматических деформаций костей у детей, основной причиной которых явилось повреждение ростковых хрящевых структур эпиметафизов.

В 1960-е гг. выходят работы Александры Федоровны Смышляевой, посвященные особенностям течения стафилококковых заболеваний (пневмоний, сепсиса, энтероколитов) у новорожденных и детей раннего возраста. Уточняются методы диагностики, совершенствуются подходы к терапии.

В последующие годы под руководством А.Ф. Смышляевой начинается разработка одной из актуальных проблем современной медицины – проблемы заболеваний крови у детей. Вопросы географии злокачественных заболеваний крови у детей Сибири. Дается характеристика особенностей течения лейкоза, внедряются новые методы диагностики и лечения этого заболевания. Работы по этому направлению вносят несомненный вклад в развитие отечественной гематологии детского возраста. В 1964 году по проблеме крови защищена кандидатская диссертация аспирантом Н.Д. Седуновым на тему «Кинетика кислотного гемолиза эритроцитов при заболеваниях системы крови».

Большой уровень травматизма детей всегда представлял актуальную проблему. Оптимальная лечебная тактика и рациональные методы лечения многих видов травм разработаны в кандидатских диссертациях доцента Г.В. Лайер «Комплексное лечение ожогов у детей»

(1964), ассистента О.И. Земляковой «Переломы области локтевого сустава у детей» (1967), ассистента В.Н. Соколовой «Переломы бедренной кости у детей». [5, с. 81.]

Начиная с 1960-х гг. в НИИР кафедры детских инфекций была включена новая тема – вирусный гепатит, т.к. в эти годы наметился рост данной инфекции не только в Томске, но и по всей стране. Работа по данной проблеме велась в широком плане. Для ее осуществления на первых этапах необходимо было создание биохимической лаборатории. Первоначально кафедра взяла на себя биохимическую диагностику вирусного гепатита. В дальнейшем биохимическая лаборатория была организована в больнице и утверждены ее штаты приказом Горздравотдела. Постоянно диагностика вирусного гепатита расширялась путем освоения новых методов и внедрения их в работу больницы и вирусологической лаборатории при областной санитарно-эпидемиологической станции. Это позволило разработать клинико-биохимические тесты, как по показателям тяжести прогноза заболевания (К.Н. Жукова), так и их значение в патогенезе микроэлементов (М.Х. Акчурина) и состоянии системы гемостаза (Л.М. Панова, Л.А. Журавлева, Т.Г. Фурсова, А.П. Помогаева, К.В. Лаврова). Полученные результаты докладываются на различных съездах, конференциях, семинарах, как местного значения, так и республиканского. Обследуются и анализируются очаги вирусного гепатита, консультируются и наблюдаются дети с поражением печени, острым хроническим гепатитом [5, с. 32.].

В послевоенные годы профессора лечебного факультета продолжали заниматься исследованиями по военно-медицинской тематике: профессор Борис Александрович Альбицкий успешно применил оригинальный метод лечения огнестрельных ран, осложненных остеомиелитом. Профессор Константин Николаевич Черепнин разработал модификации шин для лечения переломов и протезов для инвалидов.

Изучались проблемы лечения туберкулеза профессором Дмитрием Дмитриевичем Яблоковым. Изданы монографии Д.Д. Яблокова «Клиника силикоза и силико – туберкулеза» (1952 г.), «Бронхолегочные кровотечения и кровохарканье в клинике туберкулеза и внутренних болезней» (1971). Последняя монография удостоена премии им. С.П. Боткина. В 1978 г. опубликована монография Д.Д. Яблокова и А.И. Галибиной «Туберкулез легких в сочетании с внутренними болезнями».

В связи с мощным развитием горнорудного дела, а также ростом угольной промышленности проблемы силикоза являются одной из наиболее важных научных и практических проблем охраны здоровья промышленных рабочих. В разработке этой проблемы под руководством Д.Д. Яблокова, участвовали сотрудники кафедры факультетской терапии, врачи Кузбасса.

Профессор Александр Георгиевич Фетисов разработал метод широкой декомпрессии при мозговых абсцессах травматического и отогенного происхождения, методика операции удаления из дыхательных

путей инородных тел при военных ранениях и травмах лицевого черепа, носа и придаточных пазух.

На кафедре госпитальной хирургии Академик медицинских наук СССР Андрей Григорьевич Савиных работал в различных разделах хирургии: урологии, пластической хирургии, ортопедии, онкологии, занимался вопросами обезболивания и переливания крови.

В 50-е гг. на кафедре анатомии человека рассматривались проблемы хирургии пищевода и желудка. В разработке этой проблемы участвовали доценты Е.И. Гонтарь, Г.К. Борейшо.

На кафедре акушерства и гинекологии профессором Борисом Сигизмундовичем Пойзнером велись исследования по трихомониазу, что было особенно актуально после войны.

Профессор Б.С. Пойзнер впервые в стране применил бетатрон для лечения опухолей половой сферы женщин, местное обезболивание при кесаревом сечении и гинекологических операциях. По его инициативе в Сибири начала создаваться детская гинекологическая помощь. [ГАТО. Ф. Р.357. Оп.10. Д.42. Л. 53.]

Профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней Борис Максимович Шершевский установил патогенез, описал клинику легочного сердца при эмфиземе легких, предложил новые методы лечения, что позволило значительно снизить летальность пациентов с декомпенсированным легочным сердцем.

На кафедре нормальной физиологии под руководством профессора Евгения Федоровича Ларина проводились изучения физиологии и патологии желчевыделения. Велись исследования, устанавливающие определенную зависимость моторики желчевыделительного аппарата от рецептивных влияний со стороны различных отделов пищеварительного тракта.

В 1950-е годы сотрудники кафедры патологической физиологии под руководством профессора Даниила Исааковича Гольдберга проводились исследования по проблеме функциональных взаимоотношений между желудочно-кишечным трактом и системой крови. В результате этих исследований был изучен патогенез агастрических пернициозных анемий, разработаны и внедрены в клиническую практику патогенетически обоснованные методы профилактики и лечения этого заболевания.

Так же, в 1960-е годы на кафедре проводились комплексные исследования по изучению радио – и химиочувствительности кровяных клеток.

В 1970-е гг. сотрудники кафедры патофизиологии описали гематологию острой и острейшей лучевой болезни, патогенез цитостатической болезни и механизм развития побочных эффектов противоопухолевых препаратов, создали оригинальную теорию регуляции кроветворения в норме и при патологии (Е.Д. Гольдберг, В.В. Новицкий, А.М. Дыгай).

На кафедре патологической анатомии по руководством Академика Иннокентия Васильевича Торопцева продолжались исследования

по радиобиологии и магнитобиологии. Так в 1976 г. в Томске работала Всесоюзная школа-семинар по проблеме магнитобиологии.

Опытные профессора выполняли в клиниках медицинского института уникальные операции, результаты которых получили не только российскую, но и мировую известность.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные документы и материалы

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Ф. Р.561.(Сибирский Государственный Медицинский университет), Оп.1. Д. 2443.

Ф. Р.357.(Сибирский Государственный Медицинский университет), Оп.10. Д.33, 42.

Исследования

1. Балашева И.И., Мендрина Г.И., Михайлов В.Д., Олейниченко В.Ф. Сборник научных работ посвященный 50-летию педиатрического факультета. Томск. 1995. 107 с. (*Монография*)
2. Балашева И.И. Научно-исследовательская работа на педиатрическом факультете // За медицинские кадры. 1973. 12 июня.
3. Землякова З.М. Научные студенческие кружки // За медицинские кадры. 1974. 12 февраля.
4. Кафедра госпитальной педиатрии (1946–1996). Томск. СибГМУ. 1996.
5. Кафедры педиатрического факультета. Томск, 1988. 107с.
6. Олейниченко В.Ф., Михайлов В.Д., Мендрина Г.И., Балашева И.И. 50 лет педиатрическому факультету Сибирского медицинского университета. Томск: Изд-во Томского университета. 1996. 32 с.
7. Страницы истории лечебного (медицинского) факультета Сибирского государственного медицинского университета (1888–2008). г. Томск: Иван Федоров. 2008. 281с.
8. Томский медицинский институт. 1888–1988: сто лет со дня основания. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. 1992. 210 с.
9. 70 лет педиатрическому факультету РГМУ. 1930–2000. Москва. 2000. 234 с.

Справочная литература

1. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.Ю., Мендрина Г.И., Венгеровский А.И., Новицкий В.В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003). Томск. 2004. Т.1. 378 с.; Т. 2. 404 с.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЗЛАТОУСТОВСКИМИ ЗАВОДАМИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. (СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ)

Е. А. Кобякова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Нестеренко П.Л., к.н.н., доц.

В течении XVIII – начала XIX вв. Урал, а в частности Южный Урал, превратился в крупнейшую горно-металлургическую базу Российской империи. Были образованы многие заводы. Отдельного рассмотрения заслуживает группа заводов, объединенных общим названием – Златоустовские. Сюда входило пять заводов и заводских контор: Златоустовская, Саткинская, Кусинская, Миасская, Артинская. Для более полного и объективного изучения их экономической и административной деятельности необходимо выяснить то как именно управлялись данные предприятия в конце XVIII – начале XIX вв.

Данная тема представляет интерес для историков-краеведов, в частности для краеведов Урала. Существует ряд работ по истории возникновения и эволюции органов управления горнозаводской промышленности. Это работы Корепанова Н.С., [1] Тулисова Е.С. [7] и в соавторстве с Зубковым К.И в 2008 году была издана книга [6].

Статьи посвящены непосредственно системе управления, они дают представление о структуре, организации управления заводов на Урале. Упомянутая же монография посвящена организации территориально-экономического управления в России на примере Уральского горного управления в XVIII – начале XX вв. В работе проанализированы структура и функции, этапы эволюции Уральского горного управления и так далее.

Монография затрагивает многие вопросы, связанные с взаимодействием горной и гражданской администрации, форм и методов отраслевого управления региональным развитием. Коллектив авторов рассматривает структуру системы управления заводов, деля их на макро- и микро- и мезо уровни, которые были ранее выделены в работе Корепанова [1, с.209]. Макроуровень системы они характеризует наличием нескольких институтов. [7 с. 101] В первую очередь это Главный начальник Канцелярии Главного заводов правления и монетных дел. [6, с.179] В свою очередь в него включалась Практическая канцелярия, Канцелярия Главного заводов правления. Каждая из них делилась еще на ряд подразделений.

Учреждения мезоуровня курировали зональные отраслевые комплексы. [6, с.184] В частности сюда относятся Начальники заводов или Командиры. В период управления Златоустовскими заводами Государственным ассигнационным банком на этом уровне появилась новая должность – Начальник Златоустовских банковских заводов. К этому времени был создан проект унификации учреждений по типу горных начальств и в июне 1799 года на Златоустовских заводах хотели утвердить

горное начальство. Это и было сделано позднее. В подсистему микроуровня входят сеть заводских контор других институтов, которые осуществляли контрольно-распорядительные функции на предприятиях. После учреждения должности Начальника Златоустовских банковских заводов в подчинение к нему перешли Златоустовская, Миасская, Кузинская, Артинская и Саткинская заводские конторы [6, с.188].

Таким образом, обновление трехуровневой системы уральской горнозаводской администрации, начатое после выхода указа от 19 ноября 1796 года [5], привело к централизации отраслевого управления. Данный период характеризуется как переходный в реформировании системы горной администрации, свойственно постепенное смещение в выборе единоначалия. Уральская горнозаводская промышленность приобрела черты системно структурированного комплекса. Реформирование системы органов управления горнозаводской промышленностью Урала привело к активизации процессов формирования производственных структур.

В последние годы данную тему активно разрабатывает И.А. Новиков – преподаватель Челябинского государственного педагогического университета. Среди его работ по данной проблематике стоит выделить следующие: «Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII – первой половины XIX вв. Становление и развитие»; «Структура управления горнозаводской промышленностью Южного Урала в XVIII веке»; «История формирования и развития системы управления горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половины XIX вв.»

В основе трудов И.А. Новикова положен сюжет, связанный с описанием системы управления заводами, но также большое внимание он уделяет системе управления Златоустовских заводов. В отличие от К.И. Зубкова, Н.С. Корепанова и Е.С. Тулисова, его работы более структурированы. Большое внимание уделяется так называемым мезо и микроуровням. Это, несомненно, позволяет увидеть систему управления заводами в более полном объеме.

При изучении темы возникает невозможность доподлинного воспроизведения жизни заводов из-за непостоянной отчетности самих заводов перед Главной конторой. Еще одной из трудностей в изучении данной темы является раздробленность архивных данных. Некоторые хранятся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), другие в Объединенном Архиве Челябинской области, третьи в Архиве города Златоуста.

Хронологические рамки данной публикации охватывают конец XVIII – начало XIX веков. Именно в это время происходит частое изменение в структуре и системе управления металлургических заводов, что естественно вносит свои коррективы в жизнь и работу самих производственных единиц. Задачей данного исследования является описание и анализ системы управления Златоустовскими заводами.

Конец XVIII – начало XIX вв. – время постоянных преобразований и нововведений в сфере горнозаводского производства. Данная

практика распространялась на всю территорию Российской Империи. Так, в XVIII в. было создано восемь органов управления заводами. 1720г. – Казанское, с 1725г. – Пермское, 1725-1756гг. – Нерченское, 1736 – 1747гг. – Томское и Кузнецкое, 1737-1747гг. – Красноярское и 1754г. – Оренбургское, в 1755 г. переведена в Уфу, Кушвинская заводская контора – 1742 – 1755 гг. [2, с. 19] Златоустовские заводы относились к Оренбургской.

Ядром системы местных органов управления горнозаводской промышленности Урала было «Уральское горное управление. Механизм его работы укладывался в трехуровневом делении: центр – начальство – завод [3, с.149.]. Во главе Уральского горного управления стоял Главный командир, который назначался Сенатом. По уровню своих полномочий он приравнивался к губернатору и считался доверенным лицом монарха. По своему административно-правовому положению Уральское горное управление было эквивалентно губернским и провинциальным канцеляриям, берг-конторам.

С конца 1730-х гг. до начала 1780-х гг. основы системы управления, заложенные В.Н. Татищевым и И.Ф. Гениным, разделенные на 3 уровня (обербергамт – бергамт – заводская контора), не претерпели существенных изменений, что привело, по мнению И.А. Новикова, к децентрализации управления металлургической отрасли региона. [2 с. 21].

С 1781 по 1796 гг. была произведена реорганизация Уральского горного управления, чьи заводы теперь управлялись Пермской, Оренбургской и Вятской казенными палатами. Так же Канцелярию Горных заводов заменили на правление горной экспедиции при Пермской казенной палате, что привело, по мнению исследователей, к нарушению прежних связей, и во многих случаях к их ликвидации. Кроме того, местная горнозаводская администрация фактически утратила свою независимость.

С воцарением Павла I вновь произошла централизация управления и была восстановлена Канцелярия главного заводов правления в Екатеринбурге. Вместе с тем возросла роль Главного начальника, которым стал крупный организатор горнозаводского дела А.С. Ярцов.

В начале XIX в. усилилась централизация управления: Берг-коллегия была вновь восстановлена «на основании как она находилась до 1775 года» и просуществовавшая до 1802 года, когда с учреждением Горного департамента Министерства финансов необходимость в ней отпала. Также была восстановлена и Канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге, которая наделялась правами и обязанностями по штату 1763 года. Кроме того, усилилось единоначалие: Главный командир стал опираться на собственный аппарат – Практическую канцелярию, выведенную из состава канцелярии Главного заводов правления. [4, с.13-19]

В конце XVIII века произошло не только восстановление трехступенчатой структуры: Канцелярия – начальство – контора, но и повысилась роль главного начальника. Но это были лишь внешние очертания, и правительство продолжало искать пути для преобразования не

только местных, но и центральных органов управления горнозаводской промышленностью. Усиление единоначалия и коллегиальный способ управления нередко вступали в противоречие друг с другом. Восстановление Берг-коллегии и Канцелярии Главного заводов правления можно охарактеризовать как переходный этап в системе горного управления заводами. По новейшей информации И.А. Новикова на Южном Урале было 4-х уровневое деление: Берг-коллегия – канцелярия Главного заводов правления – Оренбургская горное начальство – заводская контора [4,с 19].

На рубеже XVIII – XIX вв. в горнозаводской промышленности наиболее отчетливо проявились отрицательные черты: патернализм, использование труда приписных и крепостных крестьян, производство металла на экспорт и для военно-государственных нужд [4,с 19]. Выпуск продукции снижался и находился на одном уровне. Начавшаяся Отечественная война 1812 г. привела к снижению внутреннего рынка, и приостановке производства на одних заводах и к тяжелому положению на других.

Также с 1797 г. началась перестройка и реконструкция казенных заводов, которая совпала с очередной реорганизацией в системе управления. С целью разрешить вновь появившиеся трудности были образованы Екатеринбургское, Гороблагодатское и Пермское горные начальства. Согласно принятым положениям, гражданская власть не имела права вмешиваться во внутреннюю жизнь заводов. Во главе Екатеринбургского Горного начальства стал И.Ф. Герман, австриец на русской службе.

Первая четверть XIX века – финал складывания системы управления горнозаводской промышленности Урала. С восшествием на престол Александра I Горные начальства относились к исполнительной власти, а Берг-коллегия перешла в подчинение Министерству финансов. Так же к одному из новшеств в управлении заводов можно причислить, утверждение в 1806 году Проекта горного положения. Согласно этому документу, произошло воссоздание системы трехуровневого управления: Уральское горное управление – управление округом – заводоуправление.

Данная реформа привела к образованию довольно стройной иерархической лестницы властных органов горнозаводской промышленности Урала, что соответствовало министерской структуре власти. Во главе горных заводов становился генерал-губернатор, который сосредоточил в своих руках высшее управление горнозаводской промышленностью. Горное начальство освободилось от контроля со стороны гражданских властей, а горные чиновники получили определенную свободу действий во вверенных им округах.

Так же было создано «уральское правительство» – первый департамент горного правления, в ведении которого находились вопросы производства и снабжения заводов, повышение в чине, оплата труда. Судопроизводством занимался второй департамент Горного правления. Была создана особая горная полиция. Деление на департаменты

подразумевало принцип разделения властей. Носителем законодательной власти становился генерал-губернатор. Уральское горное управление законодательно подчинялось монарху и Сенату.

Подводя итог, можно сказать что, XVIII в. – период создания, активного формирования системы управления горнозаводской промышленностью Урала и административно-управленческого персонала горных заводов. Именно тогда начала складываться особая форма организации производства и управления, получившая название окружной. В начале же XIX в. система управления продолжала строиться на принципах, заложенных в XVIII в., т.е. на трёхуровневом подчинении: горное правление – округ – завод. Вместе с тем, она не была статичной. Происходило дальнейшее усиление и замкнутость горного ведомства от гражданской власти, окончательно оформившиеся с учреждением при Николае I Корпуса горных инженеров.

Литература

1. Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX вв.: Исторический опыт // Уральский исторический вестник. 1996. №3. (Сборник)
2. Новиков И.А. История Формирования и развития системы управления горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половины XIX вв. Курган: 1999. 32 с. (Автореферат)
3. Новиков И.А. Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII – первой половины XIX вв. Становление и развитие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос.пед. ин-та, 2004 – 259 с. (Монография)
4. Новиков И.А. Структура управления горнозаводской промышленностью Южного Урала в XVIII веке // Вестник ТГПУ. 2012. №3. С. 13 – 19. (Сборник)
5. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. № 17567. Электронный ресурс http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
6. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начало XX вв. / К.И. Зубков, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников, Е.С. Тулисов; М.: Наука, 2008. 355 с. (Монография)
7. Тулисов Е.С. Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII века. Екатеринбург: 1999. (Монография)

КАДРОВАЯ ПОДГОТОВКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Н. Кокшенева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, к.и.н., доц.

В последнее время наблюдается рост интереса к истории органов государственной безопасности. Это объясняется тем, что спецслужбы на всех этапах развития государства и общества влияли на внутреннюю и внешнюю политику. Спецслужбы являются важным государст-

венным институтом, который обеспечивает надежную защиту существующего государственного строя, народа, правящей элиты.

Актуальность изучения органов госбезопасности заключается в том, что опыт предшественников помогает выявить все минусы и плюсы их деятельности и выработать новые пути реорганизации правоохранительных органов, избежать ошибок. Не смотря на то, что про спецслужбы написано довольно много, но проблеме кадровой политики органов госбезопасности уделено немного.

Но между тем, основой любой спецслужбы являются работники и от того насколько они образованы, профессионально подготовлены напрямую зависит сама эффективность работы структур госбезопасности. Именно поэтому важно знать, какие требования предъявлялись к сотрудникам спецслужб в разные периоды. Одним из наиболее драматичных этапов в истории советских спецслужб стала Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.

Особенностью подготовки кадрового состава органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны стало то, что процесс набора и обучения новых оперативных сотрудников не прерывался. На протяжении 1941–1945 гг. учебные заведения при НКВД–НКГБ провели большую работу в этом направлении.

Были сформированы специальные учебные дисциплины и кафедры в центральных и межкраевых школах НКВД СССР, которые определяли каким образом вести подготовки и переподготовки слушателей. Специальный цикл дисциплин профессиональной подготовки составляли: «Борьба с иностранными разведками», «Следственное дело», «Основы агентурно-оперативной работы», «История ВЧК-ОГПУ-НКВД». Учебники по спецдисциплинам были систематизированы и научно-обобщенными.

Так же обсуждалась идея создать универсальный учебник, который включал бы в себя все направления оперативной деятельности органов государственной безопасности.

В начале 1941г. в Высшей школе НКВД на основном курсе со сроком обучения 1 год занималось 250 человек, а на шестимесячных курсах УСО руководящего состава – 250 человек [2].

27 марта 1941 г. в связи образованием Наркомата государственной безопасности страны Высшая школа НКВД была включена в состав НКГБ и была переименована в Высшую школу Народного комиссариата госбезопасности СССР. Начальник школы был Н.К. Давыдов [4].

Таким образом, можно сказать, что к самому началу войны Высшая школа НКГБ завершила начальный этап своего становления. Это в кратчайшие сроки позволило быстро реагировать на потребности органов госбезопасности в подготовке и переподготовки кадров.

22 июня 1941 г. во все органы НКГБ СССР была направлена директива о мероприятиях органов государственной безопасности в связи начавшейся войной с Германией. Требовалось привести в полную готовность весь оперативно-чекистский аппарат, обеспечить охрану коммуникаций и важных промышленных объектов.

22 июня 1941 г. Н.К. Давыдов издал приказ, в котором говорилось, что с 13 часов 22 июня 1941 г. в г. Москве и Московской области объявлено «угрожаемое положение». В Высшей школе сразу были предприняты ряд мер: введено усиленное дежурство штаба МПВО, взяты под усиленную охрану склады вооружения, линии связи, транспорта, объекты школы, созданы дежурные подразделения; личный состав был вызван из отпусков и командировок.

В самые первые дни по приказу наркома внутренних дел СССР была образована Особая группа при НКВД, основная задача которой была организация разведывательно-диверсионной работы и партизанской войны. В эту группу набирали оперативных сотрудников имевших опыт в период гражданской войны в Испании. Оперативно эта группа подчинялась Первому управлению Наркомата государственной безопасности. Ее возглавил заместитель начальника Первого управления П.А. Судоплатов. 26 июня в специальный отряд в эту группу было откомандировано 140 слушателей основного отделения Высшей школы. Уже 27 июня 1941 г. в спецотряд было входящего состава Высшей школы [3].

В июле-сентябре 1941 г. обстановка на Западном фронте была очень сложной. Личный состав школы выезжал на строительство оборонительных сооружений, ловил дезертиров. После ухода из Высшей школы опытных и квалифицированных преподавателей всю нагрузку приняли на себя оставшиеся сотрудники, но на учебном процессе это никак не сказалось. Они работали без выходных и отпусков, не жалея своих сил.

Уже в первые месяцы войны резко возросла потребность в военных контрразведчиках. Именно поэтому 23 июля 1941 приказом НКВД СССР при Высших школах НКВД были созданы подготовительные курсы на месяц для оперативных работников особых отделов НКВД, но чуть позже курсы продлились на трехмесячное обучение. И уже в сентябре 1941 г. из Высшей школы отправлялись 300 контрразведчиков в особые отделы НКВД СССР [7].

Особенно острым был дефицит в шифровальщиках. Именно поэтому было решено организовать двухмесячные курсы шифровальщиков в сентябре 1941.

Как и в предыдущих случаях, ощущалась серьезная нехватка в квалифицированных преподавательских кадрах. Поэтому к педагогической работе по приказу руководства НКВД СССР привлекали наиболее подготовленных слушателей курсов усовершенствования руководящего состава, квалифицированных сотрудников разведывательных и контрразведывательных отделов, следственных работников Наркомата. По этому приказу к преподавательской работе было привлечено 76 руководящих и оперативных работников [8].

С 12 февраля 1942 г. на курсы усовершенствования было зачислено 275 слушателей. Уже в мае 1942 г. по приказу НКВД СССР туда дополнительно было направлено еще 30 ведущих специалистов. Руководство Наркомата делало все возможное в крайне сложных условиях

войны для наращивания числа высококвалифицированных сотрудников госбезопасности. На всех потоках возобновлялись занятия, параллельно с этим росла и государственная потребность в чекистах. Летом 1942 г. были созданы филиалы Высшей школы НКВД, ее численность была увеличена с 500 до 800 человек [5].

Очень сложный режим был как у слушателей, так и у преподавателей. Приказом от 12 августа 1942 г. состав был переведен в казарменный режим. Было оборудовано общежитие. Рабочий день сотрудников рабочего отдела начинался в 10 часов и длился до 22 часов. Преподаватели начинали сувою работу в 9 часов утра и заканчивали к полуночи. Выходные предоставлялись по очереди, некоторые и вовсе не получали отпуска годами. Даже в воскресенье рабочий день длился с 12 до 17 часов. [8].

Достаточно сложная ситуация наблюдалась в вопросах материально-технического и учебно-методического обеспечения образовательного процесса, создания минимальных комфортабельных условий. Не хватало учебников, бумаги, карандашей. В аудиториях стоял холод.

Школы для подготовки кадров спецслужб в годы Великой Отечественной Войны выполняли все задания как НКВД, так и НКГБ. Подготавливались и проходили переподготовку оперативные работники широкого профиля, в том количестве, которое нужно было фронту, партизанскому движению.

Так, 22 декабря 1942 г. при Высшей школе НКВД были организованы курсы по иностранным языкам для подготовки переводчиков с английского, немецкого, французского, итальянского, японского, польского, шведского, турецкого языков. В январе 1943 были созданы курсы стенографии на иностранных языках [6].

20 июля 1944 г. НКГБ СССР дал указание местным органам о сборе документальных материалов о подвигах чекистов. В то же время особый интерес руководство проявляло к дневникам, запискам и письмам с фронта, т.е. ко всему, что давало любую информацию о деятельности сотрудников госбезопасности. Весь собранный материал после проверки направляли в Высшую школу на обработку.

Итоги деятельности и заслуг Высшей школы в годы войны подвел начальник Школы генерал-майор Л.Ф. Баштыков в справке 20 марта 1946 г.: «...за период Отечественной войны с германским фашизмом в Школе подготовлено 7135 человек...» [8].

Окончание войны и переход к мирному времени потребовали перестройки органов государственной безопасности. Высшей школе, уже при Министерстве государственной безопасности, и другим учебным заведениям ведомства также предстояло реорганизовать свою работу в условиях мирного времени.

Руководство считало целесообразным повысить требования поступающим в Высшую школу, увеличить срок обучения на курсах усовершенствования до 3 лет, включить дополнительные дисциплины, такие как – история СССР, политэкономия, классическая и современная литература, иностранный язык, усилить юридическую подготовку [1].

Таким образом, на основании вышеизложенного материала представляется возможным сделать ряд выводов.

Несмотря на тяжелое положение в стране, советское правительство вместе с органами государственной безопасности проводили ряд эффективных мероприятий для подготовки кадров в спецслужбах.

Нехватка квалифицированных преподавателей, учебного материала, а также не всегда удовлетворительный уровень материально-технического обеспечения, не стали дестабилизирующими и дезорганизуемыми факторами.

Комплекс основных и специальных учебных дисциплин, по которым велась кадровая подготовка, составлялся и корректировался с учетом требований военного времени.

Тем самым, ко второй половине 1940-х гг. органы государственной безопасности СССР вступили в новый, хотя и в значительной мере противоречивый период своего существования.

Литература

1. Алексушин Г.В. История правоохранительных органов. Самара: Ретроспектива, 2005. 249 с. (Монография)
2. Гашенко В.А. Руководящий состав НКВД в Западной Сибири в годы Великой Отечественной Войны. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 12.03.13)
3. Грачев А.В. Подготовка кадров для подразделений НКВД, НКГБ и Красной Армии на территории Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны /А. В. Грачев // Власть. 2011. № 11. С. 147 – 149. (Сборник)
4. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917 -1984 гг.). Новосибирск, 1991. 324 с. (Монография)
5. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М.: Политиздат, 1998. 198 с. (Монография)
6. Шамаров В.М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР (правовые и организационные основы). М., 1997. (Монография)
7. Яковлев А.Н. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917 – 1991. Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 768 с. (Монография)
8. Сайт ФСБ [Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.academy.fsb.ru/index.html>]. (Дата обращения: 18.03.2013).

ИСТОРИЯ ТОМСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ АВСТРИЙСКОГО СОГЛАСИЯ В ДОРЕГИСТРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1860–1907 ГГ.)

Г.А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Томская община старообрядцев Австрийского согласия была официально зарегистрирована в Томске 21 февраля 1907 года и внесена

в реестр старообрядческих общин г. Томска [6, с. 2]. От этой даты официально и начинается отсчет её истории. В 2007 году Томские старообрядцы отмечали 100-летний юбилей своей общины. Однако, из архивных материалов и информации из специализированной периодической печати известно, что представители старообрядчества Австрийского согласия появились и проживали как на территории города Томска, так и на территории Томской Епархии и в более раннее время. Цель данной публикации: проследить исторические особенности проживания представителей старообрядчества Австрийского согласия, Белокриницкой иерархии на территории города Томска и Томской Епархии, соответственно, в рассматриваемый хронологический период. Тем более, что научных исследований по истории Томской старообрядческой общины Австрийского согласия в вышеуказанные хронологические рамки, проводилось немного и данная публикация во многом, может дополнить информацию по уже проведенным историческим исследованиям.

В журнале «Томские епархиальные ведомости» за 1889 год, приводится информация, что старообрядцы Австрийского согласия появились на территории Томской епархии не более 20-25 лет [7, с.5] т.е. с 1864 года. А в архивных документах ГАТО, самое раннее упоминание об австрийских старообрядцах относится к 1868 году, в деле №462, Описи 1, 170-го фонда на 3 листе указано: «Австрийской секты раскольники, прибытие в Томскую Епархию» – запись продатирована 1868 годом. [1, Л.3.] В Томских епархиальных ведомостях сообщается так же, самая ранняя дата упоминания о старообрядцах австрийского согласия по территории Томской епархии: «старообрядцы Австрийского согласия жили в селе Новоглушино с 1860 года» [4, с. 36]. Однако, вполне вероятно и то, что они появились на территории Томской епархии и города Томска с 1864 года и заселялись постепенно, по принципу «одновременной неодновременности», а в 1868 году их число было настолько весомым, что представители господствовавшей на тот момент Церкви по-просту не могли не обратить внимания на их заселение на территории епархии. Так же сообщается и о появлении старообрядцев Австрийского согласия в Томске: «...дело развития и распространения в губернии австрийского согласия двинулось вперед с тех пор, как губернию навел в 1867 г. австрийский иерарх в лице Савватия, епископа Тобольского и всея Сибири». [2, с. 27]. Стоит так же отметить, что в 1863 году старообрядцы получили со стороны властей некоторые послабления, так например, в соответствии с указом Министерства Внутренних дел, старообрядцам разных направлений и сектантам различных сект, разрешалось строить молельные дома, часовни и даже церкви, но с обязательным условием, чтобы при церкви было не менее ста прихожан [9, Л. 6.].

Прибывали же старообрядцы, как в город, так и в саму епархию из Европейской части России, в «Томских епархиальных ведомостях» перечисляются некоторые места откуда именно прибывали: «Целые сотни раскольников разных сект ежегодно приезжали в Сибирь из губерний: Вятской, Пермской, Оренбургской и др» [8, с. 21]. Эта инфор-

мация так же подтверждалась старообрядческим священнослужителем во время одной из бесед. А уже в начале 1870-х гг. австрийские старообрядцы разделились на 2 группы: «противоокружников и окружников. Противоокружники, верные завету первых расколуучителей и по настоящее время считают православную церковь еретическую, а окружники, не находя в ней ересей однако не вступают в единение с нею». [11, с. 1]. Стоит так же отметить, что в 1884 году в господствовавшей Церкви было учреждено Противораскольническое Братство Святителя Димитрия Митрополита Ростовского, Томское отделение братства было открыто 1 сентября 1885 года.

По информации на 1892 год известно, что во главе Томских старообрядцев Австрийского согласия был епископ Мефодий, а кроме того, в 80 верстах от Томска, в районе р. Юксы действовал старообрядческий монастырь игуменом которого был Феофилакт. А в самом Томске был построен молитвенный дом, который по данным на 1889 год был уже «запечатан» [7, с.9]

На 1893 год о Томских старообрядцах известно, что епископом Томской старообрядческой (Белокриницкой) епархии по-прежнему был Мефодий «окруженный лжеепископами и лжедьяконами. Есть последователи австрийского лжесвященства и в самом г. Томске – около 10 семейств. Они имеют у себя частную молельню при доме лжепопа Никиты». [3, с. 18] Попом тогда, вероятно был Никита Седых.

По информации из Томских епархиальных ведомостей на 1896 год, в старообрядческой пастве епископа Мефодия произошел разлад, расколовший паству надвое: «Дер. Выдриха до последнего времени пользовалась особенным значением последователей австрийской иерархии, как место пребывания лжеепископа Мефодия. Со времени ссылки Мефодия среди выдрихинских австрийцев не переводятся ссоры и раздоры. Дети Мефодия (Акимовы) хотели бы заправлять всеми духовными делами безконтрольно: но им не хочет уступить бывший дьякон Мефодия Харламий Теплов, который сына своего Трифилия, уже давно метит в иереи. Таким образом, в Выдрихе образовалось две партии: одна сочувствующая Мефодию, считавшая его за мученика, другая совсем отказавшаяся от Мефодия и считавшая для себя обязательным лишь авторитет Савватия Московского». [14, с. 7-8]. К 1897 году главой Томских старообрядцев Австрийского согласия был Антоний Томский, а противоокружническое направление возглавлял о. Герасим.

За 1898 год об австрийских старообрядцах приводится информация кто и когда возглавлял Томское старообрядчество Белокриницкой иерархии, состоявшее из двух групп: «Во главе окружников стоит особый епископ Антоний, по счету со времени появления Австрийщины в пределах Томской епархии, уже третий. Первым был Мефодий – Михаил Акимов Кузнецов из крестьян д. Выдрихи Бийского (ныне Змеиногорского округа). В Выдрихе же он имел свою кафедру... На место Мефодия явился в Алтайских горах епископ Герасим и местом своего пребывания избрал д. Александровку, Орловского прихода Змеино-

горского округа... в 1895 году появился с титулом Тобольского и Сибирского новый епископ Антоний, поставленный лжеархиепископом Московским Савватием и уполномоченный на управление Сибирской паствой Московским духовным советом... Получив поставление, он избрал себе кафедру уже не в Алтайских горах, а в Томской тайге в 80 верстах от г. Томска – в Австрийском монастыре, расположенном на р. Юксе» [5, с. 16-17]. Правой рукой Антония был архимандрит Феофилакт [5, с. 18]. В Томске из австрийских священников были «поп Никита Седых (слепой) и Георгий» [5, с. 19] (вероятно, речь идет о Георгии Шарыпове. Никита Седых содержал Томский молитвенный дом, а по данным на 1899 год у старообрядцев Австрийского согласия новым епископом Томским, Иркутским и всея Сибири Древлеправославной Церкви Христовой (старообрядцев приемлющих Белокриницкую иерархию) стал Феодосий: «в его рукоположении принял участие Антоний, передавший ему для управления часть своей огромной епархии» [10].

По сведениям 1900 года у старообрядцев Австрийского согласия был вновь выстроен молитвенный дом [12, с. 8]. А за 1901 год так же сообщается о них, что «...эти самые беспокойные люди как-то притихли: хотя они ныне открыли в Томске молитвенный дом, но событие это произошло почти незаметным и вновь выстроенный молитвенный дом большей частью пустует» [13, с. 15] Про моленные дома старообрядцев за 1902-1903 гг. так же сообщается, что у «томских австрийцев имеется своя церковь, устроенная с разрешения правительства, при доме попа Егора Шарыпова» [15, с. 19]

Существенные послабления старообрядцы получили после издания Манифеста от 17 апреля 1905 года, известного ещё так же как «закон о веротерпимости», который фактически объявлял о свободе совести, и в котором признавалось, что отпадение от Православной веры в другое христианское вероисповедание или вероучение не подлежит преследованию [16]. Но переход в другое вероисповедание мог осуществляться только по достижении возраста «гражданского совершеннолетия» (с 21 года). Однако господствующей Церковью, по-прежнему оставалась Православная Синодальная Церковь.

Согласно же Манифесту от 17 апреля 1905 года: «Старообрядцам разрешалось образовывать религиозные общины, для чего учредители этих общин обязывались сообщать губернской власти:

- а) наименование согласия или толка;
- б) допускает ли община духовных лиц, настоятелей или наставников;
- в) местности на которые предполагается распространить деятельность общины;
- г) местонахождении существующего или предполагаемого к постройке храма, молитвенного дома, или соответствующего ему помещения.

2. Общинам предоставлялось право избирать совет духовных лиц, настоятелей, сооружать храмы, устраивать школы, благотворительные учреждения и приобретать недвижимые имущества (ст. 13 и 14)

3. Избранным общиной духовным лицам, настоятелям и наставникам предоставлялись общие права, принадлежащие духовным лицам и им вверялось ведение книг для записи рождений браков и смертей...» [16].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. На протяжении периода с 1864 по 1905 гг. Томское старообрядчество Австрийского согласия пережило очень непростой этап своей истории. Начиная от обретения собственного митрополита (в 1846 году) и формирования собственной церковной иерархии, приезда в Томскую епархию, в частности в г. Томск и дальнейшего существования на полулегальном положении, до обретения полной свободы совести и права открыто вести свои богослужения уже не опасаясь за них преследований со стороны властей. Более того, старообрядцы Австрийского согласия, живущие в гор. Томске, как и старообрядцы других согласий получили право зарегистрировать свою общину в органах местной власти, что во многом, впоследствии скажется на их общине положительным образом. После издания манифеста от 17 апреля 1905 г. все преследования со стороны властей по отношению к старообрядцам, только за то, что они старообрядцы, прекратились, равно, как и отменялись все ранее изданные законы, предусматривающие ответственность за принадлежность к старообрядчеству.

А Томское старообрядчество Австрийского согласия, приемлющее Белокриницкую иерархию, к 1907 году вступило в новый этап своего исторического развития.

Литература

1. Алфавитный указатель // ГАТО Ф. 170. Оп. 1. Д. 462. Л. 3.
2. Библиографические заметки // Томские епархиальные ведомости. 1900. №12. С. 24 – 29.
3. Записка о состоянии раскола в Томской епархии и противораскольнической деятельности епархиального духовенства и братства Св. Димитрия Ростовского // Томские епархиальные ведомости. 1893. №17. С. 16 – 24.
4. Из путевых заметок по расколу // Томские епархиальные ведомости. 1897. №15. С. 12–24.
5. Обзор деятельности первого епархиального миссионерского съезда в г. Томске 10 – 27 августа 1898 года // Томские епархиальные ведомости. 1898. №22. С.16 – 30.
6. От Томского Губернского Управления. Об открытии старообрядческих общин // Томские губернские ведомости – 1907. – №17. – С. 2.
7. Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887/8 четвертый отчетный год // Томские епархиальные ведомости. 1889. №3. С. 1 – 25.
8. Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890/91 год // Томские епархиальные ведомости. 1892. №3. С. 14 – 34.
9. По прошению В. Герасимова о разрешении раскольникам строить молитвенные дома // ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д.7. Л.6.
10. Приль Л.Н. История Томского старообрядчества: епископы и обители [Электронный ресурс] – ОГКУ «Центр документации новейшей истории Томской области» Архивного управления Томской области (ОГКУ «ЦДНИ ТО») / Электрон. дан. – URL: <http://cdnito.tomsk.ru/index.php?sectionid=6039> (дата обращения: 7.02. 2013)

11. Разбор вопросов, составленных старообрядцем, крестьянином деревни Почанки Томской губернии Григорием Страховым // Томские епархиальные ведомости. 1891. № 10. С. 1–19.
12. Современное расколосектантство в Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1900. №18. С. 1 – 18.
13. Современное расколосектантство в Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1901. №17. С. 1 – 18.
14. Состояние раскола в Томской епархии и летопись происходящих в нем событий в 1894-95 году // Томские епархиальные ведомости. 1896. №7. С. 6 – 13.
15. Томская епархия в 1902 году // Томские епархиальные ведомости. 1903. №17. С. 16 – 32.
16. Церковные вопросы в Государственной Думе. Протоиерей Владимир Рожков [Электронный ресурс] – Материалы по истории церкви / Электрон. дан. – URL: <http://www.regels.org / Church-Duma. htm> (дата обращения: 11.03.2013)

УСЛОВИЯ ДОСТАВКИ И СОДЕРЖАНИЯ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Е. А. Перемитин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Ю.М. Гончаров, д.и.н., проф.

Практика политической ссылки в Сибирь известна в России еще с XVII века, тогда же началось и ее правовое оформление. Темой настоящего исследования является анализ процесса организации ссылки в Сибирь поляков-участников национально-освободительного восстания 1863-1864 гг., условий их быта и содержания во время транспортировки к месту пребывания. Поскольку властями Российской империи политические дела приравнивались к уголовным, а, значит, на ссылаемых поляков распространялись все нормативные акты по порядку и организации ссылки, польскую ссылку мы будем рассматривать в контексте общероссийской ссылки.

В качестве основных документов, регламентирующих порядок ссылки, выступали: Уголовное Уложение, Уложение о наказаниях, Устав уголовного судопроизводства, Положение о чрезвычайной и усиленной охране, Устав предупреждения и пресечения преступлений, Устав о содержащихся под стражей и, разумеется, Устав о ссыльных.

Стоит отметить, что Устав о ссыльных известен в нескольких редакциях, последняя из которых датируется 1909 годом, однако периоду, описываемому в данной статье, соответствует редакция 1857 года.

Благодаря исследованиям, уже получившим известность, можно достаточно достоверно проследить путь поляков-участников восстания из Польши до Европейской России.

Началом долгого пути служила Варшавская цитадель, куда попадала большая часть плененных рядовых участников восстания. Действующая здесь специальная военная судебная комиссия собирала захва-

ченных повстанцев в арестантские партии, после чего они отправлялись на центральный сборный пункт в Пскове, где передавались в руки органов МВД Российской империи. Далее под конвоем ссыльные направлялись в Москву, и там их дороги расходились: те, кто на момент прибытия в Москву уже имел приговор о высылке, отправлялись в предназначенную местность, остальные, не имевшие приговора, отправлялись во Владимир [1, с.118-119].

По имеющемуся расписанию движения ссыльных партий на 1868-1869 год можно установить график следования и задержек в случае наступления ненавигационного периода, когда дальнейшая отправка в Сибирь запрещалась. Так, например, высылаемые из Царства Польского, Гродненской и Виленской губерний задерживались на сборных пунктах уже с конца августа (29-30 числа), но в случае большого скопления в этих пунктах, часть из них зимой отправлялась в Москву. По расписанию на 1868-1869 год из Царства Польского должно было отправлено 170 человек. Из них 120 задерживалось в сборных пунктах, если их не успевали отправить. Первым днем отправки ссыльных из этого расписания уже весной нового года указано 15 мая, последним днем – 28 августа. В состав первой партии должно было входить 60 человек, остальные «по мере надобности» [2, л. 269, 272].

Отправка приговоренных к ссылке в Сибирь большей частью осуществлялась пешеходным способом по главному ссыльному (Сибирскому) тракту, состоявшему из трех частей: Нижегородско-Тюменскому, Тюменско-Ачинскому и Ачинско-Иркутскому. Удалось установить, что в период с 1858 по 1860 год через Томский округ проследовало 116 арестантских партий [3, л. 29].

Однако в Европейской части России в навигационное время возможна была доставка ссыльных пароходами из Нижнего Новгорода до Перми. Для этого была разработана инструкция правительствующего сената от 13 июля 1864 года. Согласно ей, «Переселенцев, отправляемых в настоящее время из Царства Польского и из Западного края, по распоряжению Правительства, а также политических арестантов, высылаемых на водворение в отдаленные губернии России, перевозить из Нижнего Новгорода в Казань и Пермь, если не будет достаточно места на означенном в § 2 пароходе с баржею, на пассажирских пароходах, по распоряжению Начальника Нижегородской губернии, подобно тому, как перевозятся пересыльные нижние чины. Уплату за таковую перевозку их производить из Нижегородского Уездного Казначейства, по солдатской таксе, приложенной к приказу по военному ведомству, от 11-го Марта 1859 года (34207), с возвратом употребленных на этот предмет денег, согласно Высочайшему повелению, последовавшему, в 31-й день Января 1864 года, чрез Министерство Финансов, из казны Царства Польского и 10% сбора, установленного в Западных губерниях».

Согласно пункта 11 инструкции, «На пароходе и барже, зафрахтованных для перевозки арестантов, должны быть отделены места для размещения арестантов по разрядам, а именно для ссыльных:

В каторжную работу и арестантские роты, на 150 чел. (на барже под палубою)

На поселение, на 190 чел. (на пароходе)

Для жен и детей, на 165 чел. (на пароходе)

Для привилегированного класса, на 25 чел. (на пароходе), и

Для пересыльных по мере надобности.

И устроены: кухни с особыми котлами для арестантов и конвойных и отпускаемы от пароходоладельца дрова в количестве, потребном для варки арестантам и конвойным пищи; отдельные каюты: для Начальника конвойной команды и его Помощника; для конвойных, с нарами (которые в случае недостатка мест могут быть устроены в несколько ярусов, подобно морским койкам) и со стенными пирамидами для ружей; каюта для больных (на пароходе); для одиночного заключения пять отдельных карцеров (на барже); удобный чулан для хранения (на пароходе или барже) съестных припасов и переносные скамейки, а по бортам парохода и баржи прочные перила и удобные отхожие места» [4].

В соответствии с уставом о содержащихся под стражей, управлением этапов каторжан к месту отбывания наказания ведал главный инспектор по пересылке арестантов, назначавшийся из числа генералов Военного министерства и подчинявшийся начальнику главного тюремного управления. На местах руководство этапами осуществляли участковые инспекторы по пересылке арестантов в Западной и Восточной Сибири, которым подчинялись конвойные команды [5, с. 128].

Пешее передвижение ссыльных осуществлялась этапными (конвойными) командами также только в навигационное время. В состав команды входили: офицер, 2 унтер-офицера, барабанщик и 25 рядовых пеших солдат. Команда подчинялась командиру гарнизонного полка или батальона, расположенного в губернском городе и выполнявшего обязанности внутренней стражи, подобно командам уездных инвалидов. На каждый этап для конвоирования партий и преследования беглых отряжалось по 4 конных городских казака, которые подчинялись этапным начальникам.

Конвоирование осуществлялось следующим способом: пешие партии должны были проходить в месяц до 500 верст с суточным отдыхом на каждый 3-й день. Такой «маятниковый» порядок, заведенный в начале 1820-х гг., когда этапная команда, проводив партию ссыльных до следующего этапа и передав ее другой этапной команде, возвращалась на свой этап, сохранялся практически все время ссылки.

С 1878 года порядок конвоирования изменился. Теперь конвойные команды сопровождали «передние и обратные» партии ссыльных от этапа до этапа, а не от этапа до полупята. Например, вот как изображается порядок конвоирования томской команды: «Придя в Халупьевский этап во вторник вечером, будет оставаться в селе Халупьевском на дневке среду, и тут приняв от Халупьевской команды обратных арестантов, следует в город Томск» [6, л. 25].

В соответствии со статьей 377 Устава, руководству этапов предоставлялось право по своему усмотрению содержать во время следова-

ния по этапу каторжан и ссыльных в кандалах. Перед отправкой, в соответствии с 331 статьей Устава о ссыльных, ссыльнокаторжным был положен медицинский осмотр. Его целью было определение физических возможностей того или иного каторжного преодолеть грандиозное расстояние [5, с. 128-129].

Податное население – крестьяне (подрядчики, с ними заключался договор) было обязано выставлять на каждый этап по 3-4 одноконные подводы для перевозки больных и грузов партии ссыльных [6, л. 28]. Эта повинность именовалась этапной гоньбой. С крестьянами заключался договор «кондиции», в котором четко прописывалось количество и особенности лошадей, подвод должен предоставить подрядчик, указаны категории ссыльных и арестантов, имеющих право ехать на подводах (больные, женщины, грудные и малолетние дети (до 10 лет)). Подрядчиков полагалось брать «поведения трезвого, неподозрительных и вообще благонадежных», кроме того они должны были представить от окружного полицейского управления «вид о том кто они» [2, л. 69].

В 1865–1868 гг. в Западной Сибири (от Перми до Тюмени и от Томска до Ачинска) практиковалась доставка ссыльных на одноконных подводах, по затратам она была дороже пешеэтапной. Так, например, в письме от 21 июня 1868 года главному инспектору Томского ссыльного тракта сообщалось, что конная перевозка арестантов будет отменена приказом по военному ведомству, но до этого времени перевозка арестантов между Томском и Ачинском должна совершаться на прежнем основании [2, л. 4]. Что касается перевозки имевшегося у ссыльных багажа, то на одного человека полагалось не более 30 фунтов веса багажа [7, л. 22]. С развитием пароходного движения власти перешли к водной доставке ссыльных из Тюмени в Ачинск. С 1865 г. пароходовладельцы брали подряды на доставку ссыльных специально оборудованные баржами, буксируемыми пароходами. Сокращалось время доставки из Тюмени в Томск а, соответственно, и затраты. В связи этим упразднились 33 этапные команды по ссыльному тракту от села Успенского под Тюменью до Ачинска. Были усилены этапные команды из Томска. Пешеэтапное передвижение ссыльных осталось между Томском и Иркутском, а также в Забайкалье.

Согласно распоряжения правительствующего сената от 23 марта 1868 года, отменялось конвоирование ссыльных в зимнее время по ссыльному тракту из Нижнего Новгорода в Томск. Об этом губернские власти были уведомлены циркуляром. Следовательно, ссыльные должны были задерживаться на зиму «в особо избранных для сего центральных пунктов». Одним из таких пунктов был и город Томск [8, л. 35]. Прибывшие в город на зимовку арестанты и ссыльные должны были быть размещены в губернских и уездных тюрьмах. Так, например, на 17 ноября 1869 года в Томской центральной пересыльной тюрьме находилось 254 мужчин, 13 женщин, 6 детей, в тюремной больнице – 18 мужчин, 20 женщин, 9 детей, всего 383 человека [8, л. 41]. Таким образом за 1869 год через Томск в летние месяцы прошло 8000 арестантов и ссыльных.

Во время содержания ссыльных в местах осуждения их полагалось снабжать как и «местных арестантов» продовольствием, одеждой (рубашкой, портками на 3 месяца; белье еженедельно стирали во время бани) [9, л. 35], за исключением лиц привилегированного сословия. Им полагалось денежное содержание по 10 копеек в сутки. При отправлении в дальнейший путь полагалось выдавать кормовые деньги.

В Уставе о ссыльных имеется ряд статей, посвященных устройству и содержанию этапных тюрем. Главное требование к тюремным зданиям состояло в том, чтобы из него невозможно было совершить побег. На элементарное санитарное состояние тюрем практически не обращалось внимания, в некоторых из них отсутствовали бани, и этапное руководство искало другие места для помывки ссыльных [9, л. 39].

С наступлением весны или навигационной поры ссыльных надлежало отправлять в дальнейший путь до места водворения или каторги вышеописанным порядком. Однако следует отметить, что с 1869 года Томск был обозначен как город, из которого ссыльные и арестанты должны препровождаться в Ачинск и оттуда далее в Восточную Сибирь круглогодичным порядком. Из расписания движения 1869 г. следует: «В отношении ссыльных, они должны отправляться из Томска летом усиленными партиями, зимой же партиями в половину состава; а именно с 26 мая по 6 октября, т.е. со времени прибытия арестантов из Тюмени в Томск первым рейсом по день доставления таковых последним рейсом отправляются из Томска в Ачинск и далее партиями еженедельно численностью около 300 человек, что составит в течении 4 летних месяцев (19 недель) до 5700 человек; остальные же около 2300 арестантов отправляются после навигации, т.е. 6 октября партиями в 150 человек...» Последняя партия должна была выступить из Томска 19 января будущего 1870 года [2, л. 276-277].

Таким образом, проанализировав уже изученную по теме литературу и архивные источники, можно утверждать, что порядок перевозки и условий содержания ссыльных был полностью регламентирован властями Российской империи: они практически не отличались от порядка и условий перевозки любой категории ссыльных, вне зависимости от национальности и тяжести обвинения. Исполнительная власть действовала в соответствии с действующим законодательством и духом времени.

Литература

1. Kuczynski A. Cztery lata polskiej diaspory / A. Kuczynski. Wrocław: Dolnośląski oddział Stowarzyszenia «Wspólnota Polska» we Wrocławiu Oficyna wydawnicza «Biblioteka Wschodnia», 1995. 433 S. (*Монография*)
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 70.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 24.
4. О порядке перевозки арестантов на пароходах по рекам Волге и Каме. Инструкция, утвержденная Правительствующим Сенатом 13 июля 1864 года. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.oldriver.ru/Page.php?PID=349&MID=78> (дата обращения: 03.04.2012)

5. Сибирская ссылка: Сборник научных статей / Отв. Ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). 720 с. (*Сборник*)
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 153.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 69.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 74.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 117.

ОБРАЗ Б.Н. ЕЛЬЦИНА В «ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ» И ШИРОКОФОРМАТНЫХ ГАЗЕТАХ 1987–1991 ГГ.

Д. А. Поццов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.Ю. Николаева, д.и.н., проф.

Конец 1980-х и все 1990-е гг. становятся всё более актуальными темами для исследования, поскольку появляющаяся все новая противоречивая информация вносит такую путаницу в исследовательские поиски, что эти годы, несмотря на их близость к нынешним так и остаются «тёмным пятном» в истории России. Мы до сих пор мало знаем о реформах власти того времени, о мотивациях «делателей» перестройки, о самой её структуре, элите, людях которые в неё входили и задавали политический и социально-экономический вектор развития, который много даёт знать о себе и сейчас.

Акцентируя актуальность данной проблемы, не следует забывать, что харизматический образ Б.Н. Ельцина, повернувшего курс развития страны, во многом создавался, как и самим им и его окружением, так и «третьей властью». Иными словами, периодической печатью, телевидением, которые представляли собой сложный сплав общественного сознания, «режиссируемого» разными агентами политического поля.

Между тем эта актуальнейшая тема остается за чертой многих исследований. Взор исследователей в основном обращён к архивным документам и актам международной жизни. Такой угол аналитического зрения затемняет роль общества, его мифов и представлений о нашем главном герое в столь динамичный в социально-политическом плане период, Автору данного текста уже доводилось работать с газетным материалом указанных «горячих лет» перестройки. Целью данной работы будет попытка проанализировать в аналогичном режиме так называемые большие или толстые журналы того же периода, а также широкоформатные газеты, чтобы выявить характерные тренды образа Ельцина в общественном сознании.

«Толстые» журналы» и широкоформатные газеты – одни из самых ярких выразителей общественного сознания эпохи перестройки. Эти периодические издания можно отнести к той категории, которая в отличие от ежедневной прессы публиковала статьи, дававшие возможность писать «не с пылу с жару», а уже «оглянувшись», более дистанцированно и взвешенно. В данной статье автор обратился к трём самым

авторитетным изданиям: «Огонёк», «Литературная газета» и «Дружба народов». Спектр их критики охватывал практически все сферы жизни общества в 1987–1991 гг. В этих издания наиболее полно отражена атмосфера зарождающейся гласности, постепенной демократизации общества и политической элиты.

В частности, «большая тройка» не обошла вниманием и такую **незаметную** (выделено мной – Д.П.), в начале своей политической карьеры, фигуру как Б.Н. Ельцин. Такой вывод напрашивается после анализа первых годовых подкладок журналов Огонёк [1, 1987 №1-52] и Литературная газета [2, 1987]. Пространных сведений о любой деятельности Ельцина мы там не найдём. Замалчиваются его первые серьёзные шаги на политической арене, освещается лишь должность Бориса Николаевича в формально-общепринятом по тем временам стиле как первого секретаря московского горкома КПСС [1, 1987 №5 С.1; №28 С.1; 2, 1987 №5-27], на которую он был назначен ещё в 1985 г.

С первого взгляда может показаться странным, что всё это молчание происходит в год скандального октябрьского пленума ЦК КПСС, на котором Ельцин впервые встал в оппозицию самым видным деятелям компартии (см. на стенограмму). Высказавшись в своём докладе за перестройку работы партийных комитетов, критикуя при этом стиль работы верхушки КПСС, в частности Лигачёва и Горбачёва, Борис Николаевич пусть и ненадолго, но попадёт в опалу. Всем запомнится фраза Генсека, адресованная Ельцину «В политику я тебя больше не пущу...» [3, С.51].

Журналы, да и газетная периодика в основном эту выходку Ельцина замалчивает, и не потому, что это была «путаная импровизация» со стороны Ельцина, как напишет Ю.М. Батулин и его коллеги [3, с.49], а потому что такова была природа «молодой гласности», только набирающей свои обороты. Всю суть проблемы выражает довольно каверзная карикатура Виталия Пескова в одном из номеров «Огонька», на форзаце которого изображён журналист, спрашивающий у рыбы в аквариуме: «Несколько слов о гласности?» [1, 1987 №1]. Но ряд газет опубликовал стенограмму и вынес разразившийся на пленуме скандал во вне. И если пресса по большей части молчала, то появилось нечто новое в выражении протеста – на стенах стали писать лозунги в поддержку московского руководителя.

Тем не менее, при всем недовольстве положением дел в стране общественное сознание ещё не претерпело каких-либо серьёзных изменений, в нём не было глубины понимания процесса, равно как и долгие года застоя породили неверие в возможность перемен. А потому не было ярко выраженной критики партии или партийных боссов, поиска иных альтернатив политического развития в информационном пространстве. В принципе этот тезис находит своё отражение в мыслях главного редактора газеты «Известия» И.Д. Лаптева, помещённых в одном из интервью Огонька. Лаптев заявляет, что: «Многие перестройку воспринимают как очередную компанию» [4, с.4], это подтверждается рядом освещённых писем в редакцию. Например, письмо из

Харькова: «Ну, просто надоело читать всё о справедливости и перестройке. Ведь всё это мираж. Этой справедливости и перестройки век не будет», или «Я пришёл к выводу, что перестройки не будет, всё это очередная компания словеса», или «Не верю, и не буду верить в эту болтовню о перестройке <...>» [Там же. Подобные мнения: 1, 1987 №48 с.6]. В «Литературной газете» найдём ряд таких же высказываний, например: «Перестройка застала нас врасплох, каждый понимает ее, как хочет» [2, 1987 №20 с.10], «Сказывается в массах ещё оробелость, перед гласностью» [2, 1987 №10 с.1; Подобные мнения: 2, 1987 №43 с.2]. Даже в одном из самых литературных журналов «Дружба народов» в момент пленума, в разделе публицистика, найдём очередную статью о неготовности советского народа к перестройке, где «самоуправление», «выборность» и «гласность» лишь усложняют современную обстановку. Ю. Апенченко, автор статьи, выражается вполне недвусмысленно: «Нам предстоит долгий и, похоже, трудный путь взаимообучения весьма сложной и малознакомой науке. Науке жить при демократии» [5, 1987 №11 с.188]. Оказывается, как высказался собкор «Литературки» А. Адамович: «<...> перестраивать не легче чем строить, а даже сложнее» [6, 1987 с.4].

Тем не менее, подспудно интуитивно нарастало в сознании народа, что их возможности каким-то образом расширились. Лаптев в «Огоньке» отмечает: «Читатели, даже утверждая, что они перестройку и гласность не ощущают, тем не менее, этой гласностью пользуются», «Письма стали более деловыми и критичными», [1, 1987 №32 с.4; Подобные мнения: 2, 1987 №43 с.2].

Понимал ли Ельцин всю обстановку в партии, и в народе? Всё же думается, что нет [3, с.49]. Однако, можно сказать, что он явился первым, неофициальным выразителем практических идей перестройки, что отвечало духу времени, ведь как заметил собкор «Огонька» Л.П. Плешаков «Словом сегодня уже ни кого не удивишь, все ждут дела» [1, 1987 №32 с.5]. Ельцин же к этому времени накопил определенный политико-символический капитал. Его многочисленные встречи с людьми, на улицах, а магазинах, демонстративные поездки на общественном транспорте, выступления против привилегий московского чиновничества (чего только стоили публикации Полторанина, гл. ред. «Московской правды» вроде «Кареты у подъезда».) Все это формировало образ борца со старым порядком.

Под пристальным наблюдением периодической печати, с конца 1980-х, оказалась вся партноменклатура, от рядовых чиновников, до людей напрямую определяющих политику страны. Фамилии Горбачёва, Рыжкова, Лигачёва лишь отражали необходимый программный минимум журналов и газет, который подавался в разных контекстах в зависимости от специфики самого издания. [См. комплекты за 1987-89 гг.: 1, 7, 8, 9, 10].

Выбор писем, напрямую начинает зависеть от смелости редакции, всё большее значение приобретают рубрики, где эти письма печатаются, им уделяют одну-две, а то и три страницы [1, 1988 №1 с. 2-3].

Меняется структура самих журналов, например, из «Огонька» к 1988 г. исчезнет отдел коммунистического воспитания, отдел писем и массовой работы заменит отдел морали и писем. Ширятся темы дискуссий, общественность по мере осознания «просторов» гласности, начинает требовать от периодики всё больше критики и открытости.

Ельцин встретит подобного рода «демократизацию», отстранённым от политической жизни страны. На февральском пленуме, делегаты, освободили его «от обязанностей кандидата в члены полит бюро ЦК КПСС» [1, 1988 №9 с.2]. Стоит отметить, что это было подано общественности в виде обычного информационного письма [Там же]. По всей видимости, внутренние дела партии тема ещё слишком закрытая. Журналы и газеты якобы волновали проблемы врачей, учителей, сельского хозяйства и всего того, что в период застоя пришло в небывалый упадок, и чем пестрили заголовки конца 1980-х, раздавая выговоры тем или иным чиновникам, не посягая на центральную власть.

Стоит отметить, что до съезда народных депутатов, где Борис Николаевич, несомненно, проявит себя новоявленным лидером альтернативного развития, произойдёт ещё одно знаковое событие в общественно-политической жизни страны. Именно XIX всесоюзная конференция КПСС, поставит точку во всех неясностях перестройки, её, наконец, перестанут воспринимать как своего рода компанию. Только после конференции, которая стала самой открытой из всех, что проводились до этого, начнутся действительно заметные подвижки в гласности, будет взят курс на политическую реформу страны. Первым шагом на пути такого вынужденного реформирования станет созыв съезда народных депутатов [1, 1988 №1-52].

Данное событие повысит температуру политической жизни в стране, все заговорят о парламенте, как единственном выразителе альтернативных путей развития [2, 1989 №19]. Выйдет на политическую арену и Ельцин, причём сделает это, как говорится, под шумок, разгоревшихся на съезде скандалов, один из которых напрямую будет с ним связан. В «Литературной газете» и «Огоньке» начнётся обсуждение так называемого «феномена Ельцина», его суть можно свести к следующей цитате: «К особому разряду относится и то, что общественное сознание связывает с «феноменом Ельцина». Депутаты в некотором роде проигнорировали почти 6 млн. избирателей делегировавших Б.Н. на съезд. (Б.Н. поначалу не включили в состав депутатов съезда – включено мной Д.П.). Впрочем, он набрал, тем не менее, больше 50% голосов, (по данным аппарата Ельцина – 89% [11, с.170]) и именно это легло в основу рокировки Казанник-Ельцин»[2, 1989 №22 с.1-2]. Массы, чье сознание не без помощи прессы образованное в вопросе права выбора, не позволили парт аппарату и на этот раз отстранить Ельцина от политики, поддержка 6 млн. оказалась легитимным бонусом, против которого партия была уже бессильна [Мнения масс: 1, 1989 №23 с.2; №26 с.2]. Данный инцидент и его последствия говорят о действительно серьёзных подвижках общественного сознания произошедших за столь короткий период времени, суть этих тенденций и роль в них Ель-

цина, на страницах «Литературной газеты» выразил писатель, депутат съезда Даниил Гранин: «Разве дело, к примеру, в одном Ельцине? Дело, разумеется, в том, что стоит за ним. Он стал депутатом, несмотря на сопротивление сильного своей монолитностью крыла.

Однако хватит строить иллюзии в отношении «феномена Ельцина». Это феномен времени, разбуженного перестройкой. Поскольку в нашем парламенте нет оппозиции, которая могла бы предлагать альтернативные программы и тем самым помогать поиску оптимальных решений, то такие люди, как Ельцин, необходимы уже потому – что они побуждают к действию. Не все в их предложениях безоговорочно верно, есть в них сомнительные пункты, но энергия таких депутатов, стимулирует энергию тех, кто предпочитает более умеренные программы» [2, 1989 №23 С.2].

Всё говорит о том, что Ельцин начинает приобретать политическую харизму. Вместе с тем партия окажется, дискредитирована в глазах общественности, её авторитет заметно пошатнётся. В редакцию «Огонька» посыпятся горы писем следующего характера: «Как так получается, за Ельцина голосовали, а он не проходит, разве это не говорит о том, что аппарат не сдаёт своих позиций?» [1, 1989 №26 с.2]. Партия убедила общество в радикальности изменений, более того произошёл переход этих изменений в область завоеваний. Ельцин стал ближе к народу. Общение напрямую, без формальностей, ответы на самые острые вопросы в открытом диалоге, вот что сделало Бориса Николаевича любимцем публики.

1990 – 1991 гг. стали самыми насыщенными в плане политических событий, как для общества, так и для самого Б.Н. Ельцина. Сюда можно отнести и продолжающуюся деятельность съезда народных депутатов (1989 – 1991), попытки решения вопросов сепаратизма в прибалтийских и других республиках (1990 – 1991), включение в политическую систему много партийности (1990), учреждение президентства (1990), августовский путч (1991), развал СССР (1991), выборы Б.Н. Ельцина президентом (1991) и многое другое

Роль Ельцина во всех событиях начала 1990-х гг. оценивается по-разному, не только историками, но уже и печатью того времени. Общественное сознание оказалось между «молотом и наковальней». С одной стороны на него действовала демократизация, с другой давала о себе знать авторитарность, привитая многолетним существованием цензуры. Такого рода противоречие часто выливалось в неоднозначность общественного мнения, на страницах прессы образно выражаясь, господствовала охлократия. За образом Ельцина, например, были закреплены не только характеристики как конструктивности политика, но и популиста. И все же Борис Ельцин оставался одновременно и «тамадой» [12, 1991 №9 с.2] и «надеждой парламентской оппозиции» [7, 1991 №54 с.1].

Все переломы и значимые события в СССР конца 1980-х – начала 1990-х, очень сложно отразились на людях, в них поселилось чувство отчуждённости, те, кто не мог занять однозначной позиции, теряли

всякое доверие к власти. Кто-то вместе с СССР потерял «большую родину», кто-то как Б.Н. Ельцин обрёл новую страну.

Анализируя «толстые журналы» и широкоформатные газеты, сопоставляя их с другими изданиями, можно сделать вывод о том, что образ Ельцина в общественном сознании приобретал определённые черты по мере, того как набирали темпы перестройка и демократизация. Из рядового партийного деятеля, Ельцин, благодаря своим способностям, массам и печати, сумел превратиться в национального лидера. Однако таковым он являлся не для всех. Учитывая идеологический раскол в обществе, вызывавший охлократию в сознании масс, можно говорить о том, что Ельцин ни когда не был окружён только позитивным ореолом славы, ровно, как и не был, однозначно осуждаем в своих действиях. Можно с уверенностью сказать, что такую тенденцию мы можем наблюдать и сегодня, в оценках Ельцина расходятся многие исследователи, и возможно рациональное зерно этих оценок должно лежать в анализе общественного сознания того времени.

Источники и литература

1. Огонёк. 1987 – 1991 гг.
2. Литературная газета. 1987 – 1991 гг.
3. Батулин Ю.М. Эпоха Ельцина. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 815 с. (Монография)
4. Плешаков Л. Обратная связь гласности // Огонёк. 1987. №32 С.4
5. Апенченко Ю. Жить при демократии // Дружба народов. 1987. №11 С.180
6. Адамович А. Против Правил? // Литературная газета. 1987. №1 С.4
7. Комсомольская правда. 1987 – 1991 гг.
8. Дружба народов. 1987 – 1991 гг.
9. Эхо планеты. 1988 – 1991 гг.
10. Известия. 1987 – 1989 гг.
11. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. Томск: Томьлад, 1990. 191с. (Монография)
12. Независимая газета. 1991.

ПОЛНОМОЧИЯ ИМПЕРАТОРА ПО КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРОЕКТАМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Д.А. Семендяева

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: Л.В. Константинова, к.и.н., доц.

Россия вступила в XIX век абсолютной монархией. Во главе пирамиды власти стоял император. В России первой четверти XIX века, в ряду крупнейших проектов реформ и преобразований, важное место занимают конституционные проекты. Правительственный конституционализм Александра I сформировался под влиянием европейских идей и практики. Необходимо отметить, что исследователями не было предпринято систематического историко-теоретического исследова-

ния правительственных проектов этого периода, в том числе, осмысления прерогатив императорской власти. В современной России президент имеет широкие полномочия, осуществляет координирующие функции и имеет право роспуска Государственной думы. Рассмотрим, какие полномочия имел император в проектах начала XIX века.

Конституционные замыслы Александра I базировались на концепции просвещенной монархии, ограниченной фундаментальными законами, позволявшими уничтожить «произвол правления». Конституционные проекты должны были опираться на принцип разделения властей. Во всех рассматриваемых нами проектах большое внимание уделяется спектру полномочий монарха. Данные проблемы нашли отражение в проектах М.М. Сперанского «Введение к Уложению государственных законов», в трех главах «Конституционной Хартии Царства Польского» и главе II «Государственной Уставной Грамоты Российской империи» Н.Н. Новосильцева.

В проекте Сперанского говорилось: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на неприменяемом законе» [6]. Необходимо было изменить порядок, при котором все ветви власти полностью сосредоточены в руках государя. Сперанский рассуждает о том, какое действие державная власть должна иметь в законодательном, судебном и исполнительном порядке. Первый слагался из трех начал: из предложения закона, его уважения и утверждения. Автор рассуждал, «какие из сих трех начал принадлежат ей исключительно», и говорил, что предложение закона необходимо присвоить державной власти. Но государь контролировался в своих важных действиях государственным советом, который учреждался в качестве совещательного органа при царе. Дела Государственной думе предлагались от имени державной власти. На заседаниях Государственной Думы (по Хартии и Грамоте это Государственный Сейм) обсуждались проекты императора, дума не могла предлагать свои реформы. Но в законодательном порядке «новый закон не мог быть принят без уважения (одобрения) Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается (рассматривается и одобряется) в Думе», утверждал законы, одобренные Думой, лично император.

Законодательная инициатива по ст.90 Хартии [2] и ст.115 Грамоты [1] также принадлежала государю. Она являлась прерогативой «одной державной власти». По Хартии законодательную власть «осуществлял король вместе с Сеймом» (ст.86), по Грамоте – Государственный Сейм «содействовал» власти государя (ст.13, 101). Данные положения соответствуют ст. 15-17 Хартии Франции 1814 года [3]. По ст.31, 32 и ст. 91 Грамоты законы постановлялись Государем при содействии общего Сейма (по Грамоте и Сеймов Наместнических). Таким образом, ст. 13, 31, 32, 101 содержат формулировку задачи, возлагаемой на сейм: лишь «содействие» императору в осуществлении им законодательной власти. Сейм был призван ограничивать право царя на единоличное издание законов, что не соответствовало буржуазным принципам консти-

туционных монархий того времени. По ст.130 Грамоты сейму предоставлялась «свобода насчет проектов излагать мнение». По Конституции Франции VIII года (1799 г.) правительство обладало правом законодательной инициативы, первый консул обнародовал законов (ст. 41, 44) [4]. По конституции 1818 г. Бавария – страна конституционно – <http://deigratiacoins.com/images/DE/Bav/crown.jpg> монархическая [7]. Законодательная власть вручалась королю совокупно с сеймом, состоящим из двух палат. Предложение законов могло исходить только от короля, и решения палат получали законную силу после утверждения верховной власти. Но важные постановления издавались лишь при участии и с одобрения палат. Положения Хартии и Грамоты копируют данные пункты.

Сейм лишался важного права законодательной власти – предлагать новые законы, а был призван редактировать предложенные. Но он имел право отклонить проект закона, т.е. обладал право «вето», чем ограничивал власть императора. Закон не мог быть принят и издан без утверждения Сейма. Он мог отвергнуть проект, внесенный императором (ст.103 Хартии, 133 Грамоты). Статьи Хартии (ст. 104 и 105) говорили, что проект, принятый обеими палатами, представлялся на утверждение государю (ст. 104), а царь мог принять или отвергнуть поднесенный закон (ст. 105), т.е. окончательная санкция законов принадлежала королю. По Конституции Франции VIII года (1799 г.) также окончательное решение всегда принимал консул. У Сперанского отсутствует разделение Государственной Думы на палаты и право сейма отвергнуть закон. Но о любых проблемах сейм «рассуждал» только «по воле государя».

По проектам Сейм созывался с царским актом созыва (ст. 87 и ст. 100). По ст. 108 – 110 Хартии состав Сената и число сенаторов определялись императором (ст.136, 137 Грамоты). По Хартии Франции 1814 года палата пэров формировалась королём (ст.25). По русским проектам, окончательный отбор Посольской палаты производился царем (ст. 114, 148), царь имел право ее распустить (ст. 124 и ст.158). Аналогичное положение содержится в конституции Баварии. По Грамоте сеймы наместничеств составлялись из государя и двух Палат (ст. 102). Император вмешивался в формирование перечисленных органов, по проектам не предусматривались прямые и ни чем не ограниченные выборы депутатов. В этом отражалось желание сочетать самодержавные принципы государственного устройства с чертами буржуазного права, стремление императора обеспечения подконтрольности себе всех структур. Созыв Государственной думы по российским проектам мог быть отсрочен до следующего года актом императора, её состав мог быть изменен таким же актом. Царь мог созвать или распустить чрезвычайный сейм. Императором мог прервать сессию Думы или распустить её, назначив новые выборы. Это положение прописано в части 5 «О разуме законов органических. Порядок законодательный. Степень четвертая» Сперанского, статьях 87 и 126 Хартии и Грамоты соответственно.

В итоге, по российским проектам, помимо составления бюджета страны, вся деятельность парламента сводилась к праву высказывать свое мнение в ответ на запросы царя, т.е. она носила не законодательный, а законосовещательный характер. Минаева Н.В. говорила о «Грамоте»: «Законодательная власть переставала быть компетенцией одного монарха, но не становилась принадлежностью органа представительного правления. Она делилась между императором и сеймом» [5, с.196]. Это относится и к проекту Сперанского, и к Хартии Царства Польского.

Автор «Введения» отмечал, что в России вся исполнительная часть должна принадлежать державной власти и иметь связь с законодательным порядком. Всякая мера, принимаемая в нарушение закона, вменяется не державной власти и не совету, а подчиненным ей исполнителям или министрам, которые лично подвергаются за них ответу. Данное обязательство они принимают на себя подписанием актов. Министр будет нести ответственность за все, что могло бы в этих распоряжениях и постановлениях «заключаться противного» конституции и законам (ст.47 Хартии Польши и ст.34 Уставной Грамоты). Таким образом, за акты государя отвечали министры (контрасигнация, контрасигнатура). Права державной власти в проекте Сперанского подробно не расписываются, в отличие от остальных проектов.

Остановимся на структуре исполнительной власти по Хартии и Грамоте. Согласно ст.36 Хартии и ст.14 Грамоты, особа Царя объявлялась священной и неприкосновенной. По Хартии император-король являлся конституционным монархом в Польском Королевстве (ст.3). Королевская власть по Хартии охватывала: 1) всю полноту правительственно-административных функций: «всецело исполнительная и административная власть исходит» от царя (ст.35). По Грамоте главой исполнительной власти государства провозглашался, как и у Сперанского, император (ст.12, 15): «Государь есть единственный источник всех в империи властей: гражданских, политических, законодательных и военных», «верховная глава общего управления империи», «он управляет исполнительную часть во всем ее пространстве». По Хартии, единой для Империи и Королевства была и внешняя политика (ст.8 – 10, ст.38, ст.40). По ст.38, император исключительно заведовал военной силой в мирное и военное время, назначением командующих и офицеров. По Грамоте император был призван заботиться о внутренней и внешней безопасности страны (ст.15), являлся главой армии и флота (ст.17). Право объявления войны и заключение договоров принадлежало Царю (ст.40 Хартии и ст.16 Грамоты). Государь распоряжался доходами государства (ст.39, ст.24) .

Ст.41 Хартии указывает: «Царь назначает сенаторов, министров, членов государственного совета, судей, а равно всех остальных должностных лиц по администрации». По Грамоте он занимался назначением чиновников на «гражданские, управительные и судебные» должности (ст.18-19). В проекте Сперанского также прописано, что на основные должности назначает император, например, представителей в Сенат и Государственный Совет (часть «Порядок судный»

и «Государственный совет»). Структуры государственного управления формировались под контролем императорской власти. По Грамоте Государь составлял и издавал «уставы, учреждения, указы, рескрипты и постановления» (ст.26, 28-29). В Хартии не прописывались те виды документов, которые царь мог самостоятельно приводить в действие на территории Царства. Статьи 13 – 25, 58 Хартии 1814 года Людовика XVIII воспроизводятся в российских проектах. «Его министры ответственные». Исполнительная власть принадлежала исключительно Королю. Король являлся верховным главнокомандующим вооружёнными силами (ст.14). Конституция VIII года подчеркивала исполнительную власть (глава IV, ст. 39), которая принадлежала трём консулам. По ст. 40 и ст. 41, Бонапарт как первый консул назначал министров, отвечавших перед ним, послов и гражданских служащих, судей. Права монарха по документам соответствовали нормам буржуазного права, характерным для конституционных монархий того времени (Отделение II «О разуме законов в державной власти» Сперанского, ст.35-47 Хартии, ст. 9-34 Грамоты).

По Сперанскому, порядок судный, как часть порядка исполнительного, принадлежал царю. Власть судебная осталась в правах власти державной, но исполнение ее вверила судьям. Ответственность «переходит на самих судей». Действие державной власти в суде ограничивалось установлением власти, охраняющей судные образы. Сенат как «верховное судилище империи» не являлся в чистом виде выборным органом. Решение о назначении сенаторов принимал монарх («Степень четвертая. Сенат»). По Хартии и Грамоте судьи подразделялись на 2 категории (ст.140, 151 и ст.177, 180): назначаемых королем и выборных. По Хартии 1814 года Франции источником правосудия являлся король. Он обладал правом назначать пожизненных судей (ст. 57), а также правом помилования (ст. 67 Хартии 1814 года; ст. 43 и ст.21 Хартии и Грамоты).

Российские конституционные проекты начала XIX века отличает более умеренный характер, по сравнению с европейскими конституциями того же периода. Это выразилось в сохранении за монархом права законодательной инициативы, широком спектре полномочий государя в отношении исполнительной и судебной ветвях власти. В российских проектах частично нарушался основополагающий для Европы принцип разделения властей. Конституционные проекты России являлись своеобразным гибридом, сочетающим самодержавные и буржуазные принципы организации власти.

Источники и литература

1. Государственная Уставная Грамота Российской Империи 1818г. [Электронный ресурс] // dugward.ru. URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/vyazemskiy_gosudarstvennaya_ustavnaya_gramota.html (дата обращения: 12.03.2013). (Сборник документов)
2. Конституционная Хартия Царства Польского 1815 года. [Электронный ресурс] // hrono.ru. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/konst1815.html> (дата обращения: 12.03.2013). (Сборник документов).

3. Конституционная Хартия Французского Королевства 4 июня 1814 года. [Электронный ресурс] // constitutions.ru. URL: <http://constitutions.ru/archives/8690> (дата обращения: 12.03.2013). (*Сборник документов*)
4. Конституция Французской Республики 22 февраля VIII года (13 декабря 1799 г.). [Электронный ресурс] // liberte.newmail.ru. URL: <http://liberte.newmail.ru/Constitution99.html> (дата обращения: 14.03.2013). (*Сборник документов*).
5. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1982. 239 с. (*Монография*)
6. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов (план всеобщего государственного преобразования). [Электронный ресурс] // dugward.ru. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_vvedenie_k_ulojeniu.html (дата обращения: 15.03.2013). (*Сборник документов*)
7. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (ЭСБЕ). Т. 4: Аскания – Балюз. – [1911]. 578-610 [Электронный ресурс] // dlib.rsl.ru. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004010521#?page=344> (дата обращения: 12.03.2013). (*Энциклопедический словарь*)

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «РУССКОГО БУНТА» В СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДВИЖЕНИЯ И.И.БОЛОТНИКОВА)

М. В. Симонова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.В. Лосева, к.и.н., доц.

Протест народа в виде выступления или восстания – это попытка изменения существующего порядка по инициативе низов. Поэтому проблема народных восстаний в целом, и восстания И.И. Болотникова в частности, привлекала историков уже с XIX в.

Историки-классики (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов) поставили важнейшую проблему малочисленности источников и принципов их отбора. Оценка движения И.И. Болотникова зависела от занимаемой историком позиции, например, С.М. Соловьев, будучи последовательным «государственником», крайне негативно характеризовал восстание. Труды классиков по истории Смуты послужили фундаментом для дальнейшей исследовательской работы. К тому же богатейшая фактология, содержащаяся в работах С.М. Соловьёва и С.Ф. Платонова, до сих пор используется в трудах отечественных и зарубежных историков.

В советские десятилетия в соответствии с марксистской парадигмой и утвердившимся классовым подходом началось переосмысление народных движений, в том числе движения И.И. Болотникова. Историки занимались поиском истоков революции 1917 г., поэтому изучение антиправительственных движений стало одной из основных тем исторических исследований.

Историография советского периода начинается с работ М.Н. Покровского. Историк назвал причиной восстания гибель «названного»

Дмитрия, который выступил защитником крестьян и угнетенных: «Как только те войска, которые Димитрий собрал на южной окраине, узнали о его гибели, они восстали против нового правительства, как один человек» [1,с.50].

Более основательно крестьянские движения стали изучаться с 1950-х гг. В 1951 году вышел фундаментальный труд Ивана Ивановича Смирнова, посвященный восстанию под руководством И.И. Болотникова [2]. Историк подверг критике хронологические рамки восстания, которые, по его мнению, потребовали пересмотра.

В 1958-1961гг. в журнале «Вопросы истории» состоялась дискуссия о крестьянской войне начала XVII в. Начало дискуссии положил А.А. Зимин [3], который поставил ряд вопросов: об определении и признаках крестьянской войны, о хронологии крестьянской войны начала XVII века, о её движущих силах и значении. В дискуссии также участвовали И.И. Смирнов и В.И. Корецкий. Эта дискуссия показала, что произошла переоценка восстания И.И. Болотникова. Это связано с «Академическим делом». В 1929 г. Термин «Смута» был вытравлен из всех работ, включая учебники, и весьма сложную ситуацию начала XVII в. Историки свели к двум проблемам: первая крестьянская война, интервенция и создание народного ополчения. Вместо определения «бунт», которое фигурировало в работах классиков, появились новое определение – «гражданская война» или «крестьянская война». А.А. Зимин выделил характерные черты крестьянской войны: «распространение движения на значительную территорию, наличие у повстанцев больших вооруженных сил, систематически сражавшихся с правительственными войсками» [3,с.98].

Относительно хронологии движений начала XVII века, историки высказали следующие точки зрения. А.А. Зимин выделил три этапа крестьянской войны: первый – «время ее постепенного нарастания» 1603-1605 [3,с.98]; второй – восстание И.И. Болотникова как кульминационный этап; третий – «характеризуется постепенным спадом движения» [3,с.100], 1607-1614. Позицию А.А. Зимина о делении восстания на три периода поддержал В.И. Корецкий [5]. В.И. Корецкий, назвав восстание Хлопка лета-осени 1603г. началом крестьянской войны, обосновал преемственность движений Хлопка и И.И. Болотникова и выделил ряд общих черт: массовость, обширное распространение, схожесть действий восставших и единство движущих сил. И.И.Смирнов отстаивал мнение о том, что движение И.И. Болотникова явилось самостоятельным событием, которое автор назвал первой крестьянской войной.

Спор развернулся вокруг вопроса о движущих силах восстания. А.А. Зимин, обращаясь к И.И. Смирнову, говорил о том, что «считать холопов основной движущей силой крестьянской войны нельзя» [3,с.108]. и называл основной движущей силой крестьянство. В качестве довода автор приводит два аргумента: 1) в источниках слово «рабы» применялось не только к собственно холопам, но и к крестьянам; 2) огромная территория распространения движения, учитывая, что основой населения были крестьяне.

Другим спорным вопросом дискуссии стало определение даты начала осады столицы. И.И. Смирнов назвал датой начала осады Москвы повстанцами 7 октября 1606 г., а А.А. Зимин – 28 октября. Свою позицию А.А. Зимин обосновывает данными источников: Расходная книга Разрядного приказа содержит сведения о походе правительственных войск от 23 октября 1606 г., в котором они были разбиты, после чего началась осада столицы. Таким образом, осада не могла начаться 7 октября 1606 г. И.И. Смирнов, ссылаясь на сведения «Иного сказания», говорит о дате 28 октября как о продолжении осады, которая началась 7 октября: «Согласно свидетельству «Иного сказания», между приходом второй группы войск в Коломенское и временем, когда воеводы Шуйского затворились в Москве (28 октября), лежит трехнедельный промежуток времени»[4,с.124]. Таким образом, историк с помощью указания о трех неделях затишья, высчитал дату начала осады – 7 октября и сделал вывод, что повстанцы два раза подходили к столице. Позднее к этому вопросу обратится Р.Г.Скрынников, подтверждая вывод о двух подходах повстанцев к столице. Но историк полагал, что первый раз «повстанцы впервые подошли к Москве не в октябре, а в сентябре» [13,с.99].

В ходе дискуссии снова был актуализирован вопрос о недостатке источников о восстании под предводительством И.И. Болотникова. В 1971 году В.И. Корецкий в статье «Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья)», опубликованной в журнале «Вопросы истории», обратился к материалам развернувшейся дискуссии. Историк обнаружил новую летопись, которая охватывает период с 1598 по 1632 год. По словам В.И. Корецкого, автор летописи крайне негативно оценивает восставших, а «информаторы составителя летописи – служилые люди северо-западных уездов»[7,с.137]. Летопись вводит уточнения о сражении болотниковцев с правительственной армией под Кромами, а именно то, что благодаря И.И. Болотникову была одержана победа в этом сражении. В новой летописи содержалась и краткая характеристика самого И.И. Болотникова: «всему злу вор и захватчик и всех злых дел начальник»[7,с.136]. Такая характеристика предводителя восстания подтверждает то, что автор был негативно настроен к повстанцам.

В 1975 г. в книге В.И. Корецкого прозвучал отзыв о состоявшейся дискуссии. Автор полагал, что круг вопросов дискуссии был неполон, а по некоторым вопросам слишком обобщенным: «Горячо споря по проблемам хронологии и географии восстания, характере его движущих сил и исторических последствий, они (историки – М.С.) ограничиваются самыми общими суждениями, как только дело доходит до анализа программы восстания»[6,с.258].

История восстания под руководством И.И. Болотникова продолжала изучаться в 1970-1980-е годы. В этой связи необходимо отметить работы К.В. Чистова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова, В.И. Буганова и др.

К.В.Чистов исследовал легенды о «возвращающихся избавителях». Одной из них стала легенда о спасении царевича Дмитрия. Условием

формирования легенды стал голод 1601-1603гг. Эта легенда стала идейной основой движения И.И. Болотникова. Автор пришел к выводу о двойственном влиянии легенды о Дмитрии на восстание И.И. Болотникова: 1) «объединяла народные массы, санкционировала их борьбу с правительством изменников-бояр»[8,с.58]; 2) ослабляла восставших из-за утопичности иллюзий, которые не могли быть реализованы.

В 1974 г. был опубликован сборник статей «Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения», в котором ряд статей был посвящен восстанию И.И. Болотникова. Исследователи рассматривают новые аспекты движения и углубляют или проясняют известные, такие как связь болотниковцев с польским населением, требования повстанцев, личность И.И. Болотникова и формирование его как вождя восстания, заключительный этап восстания и место крестьянских войн в истории. Основные выводы, которые сделали авторы статей сборника: 1) В.И.Корецкий пришел к выводу о том, что предводитель восстания был не просто боевым холопом князя А.А. Телятевского, а выходцем из среды тульских детей боярских [9]; 2) требования повстанцев носили царистский характер и не имели религиозного оттенка[10]; 3) официального вмешательства в восстание И.И. Болотникова со стороны Польши не было, но повстанцы сами стремились наладить контакт с польским населением[11]; 4) в конце осады Тулы И.И. Болотников и «царевич Петр» не присягали В.И. Шуйскому, а были выданы тулянами[12].

Р.Г. Скрынников, исследуя восстание И.И. Болотникова, задался вопросом, почему именно южные окраины стали очагом восстания. Историк обратился к анализу земельного вопроса. К концу XVI в. наблюдался рост феодального сословия и «процесс дробления поместий стал одним из главных факторов кризиса феодального сословия начала XVII в.»[13,с.6]. В результате стали осваивать южные территории, на которых не было крепостничества и поместной системы. Именно из-за насаждения там поместной системы и введения отработки, юг стал очагом восстания. Предпосылкой восстания И.И. Болотникова, по мнению Р.Г. Скрынникова, стала закрепостительная политика Б.Ф. Годунова.

1990-е гг. можно рассматривать как переходный период от советской науки к современному ее состоянию. В этой связи показательны работы Р.Г. Скрынникова. Историк пересмотрел вопрос о движущих силах восстания, включив в их состав казаков и служилых людей[15].

В 1994 году в первом томе «Энциклопедии»[14] было дано определение восстанию И.И. Болотникова. Прослеживается отход от определения восстания как классовой борьбы между крестьянами и феодалами.

Современные исследователи стали больше уделять внимания антропологическому подходу к изучению «русского бунта». Это прослеживается в работах А.М. Панченко[16], К.В. Чистова[17], Д.И. Антонова[18] и др., которые рассматривали феномен самозванчества и его влияние на формирование и развитие движения И.И. Болотникова.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: 1) классическая историография заложила основы изучения восстания И.И. Болотникова и поставила основную проблему о малочисленности источников по данному вопросу; 2) в 1950-1960-е гг. история восстания была переосмыслена, что выразилось в смене его наименования с «бунта» на «крестьянскую войну» и «гражданскую войну»; 3) с советского периода начинают разворачиваться дискуссии по спорным вопросам восстания, а также прослеживается стремление историков к поиску нового материала; 4) с 1970-1980-х гг. происходит пересмотр многих важнейших сюжетов истории болотниковского движения, таких как состав повстанцев и их лозунги, начало осады столицы болотниковцами, социальное происхождение предводителя восстания. К анализу восстания начинают подходить непосредственно с точки зрения становления русского феодализма. 5) современные историки предпринимают исследования в рамках антропологического подхода.

Литература

1. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке в 3-х ч. – ч. 1-2. М.: Полиграфкнига, 1934. 259 с. (*Монография*)
2. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л.: Политиздат, 1951. – 588 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/319351/> (дата обращения 20.03.2013) (*Монография*)
3. Зимин А.А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. №3. С. 97-113 (*Статья журнала*)
4. Смирнов И.И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории. 1958. №12. С. 116 – 131. (*Статья журнала*)
5. Корецкий В.И. Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории. 1959. №3. С. 118 – 137. (*Статья журнала*)
6. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.: Наука, 1975. 372 с. (*Монография*)
7. Корецкий В.И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. 1971. №5. С. 130–152. (*Статья журнала*)
8. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с. (*Монография*)
9. Корецкий В.И. О формировании И.И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 122 – 147. (*Сборник*)
10. Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII-XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 239 – 269. (*Сборник*)
11. Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 326 – 352. (*Сборник*)
12. Зимин А.А. И.И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 52 – 64. (*Сборник*)
13. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 255 с. (*Монография*)

14. Корецкий В.И. Болотникова восстание // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1. А-Д. М.: БРЭ, 1994. С. 262 – 263. (*Статья журнала*)
15. Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2002. 400 с. (*Монография*)
16. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с. (*Монография*)
17. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб: РАН, 2003. 539 с. (*Монография*)
18. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 424 с. (*Монография*)

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

Т. Г. Солдатенко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Восстанию 14 декабря 1825 года на Сенатской площади его причинам, последствиям, именам и судьбам участников посвящена обширная литература. Но немногие касаются такого явления как женщина-жена, верная спутница и соратница декабриста. А ведь во многом благодаря именно им, спасительницам, декабристы и смогли преодолеть жребий, выпавший им на долю. «Женщины не только утешали, они как бы цементировали, сплачивали узников. Женский фермент сыграл огромную роль в каторжной жизни декабристов.» [1, с.58] Вспомним хотя бы Ивашева В.П. готового покончить жизнь самоубийством. Но, о чудо, он узнает о любви к нему и готовности приехать в Сибирь, молодой француженки Камиллы Ле-Дантю. Она становится его спасением.

По делу декабристов было привлечено к допросам приблизительно 579 человек, 121 – осудили, и казнили пятерых. 88 человек были сосланы в Сибирь, из них 23 – женаты. Государственные преступники были подвергнуты казни за свои деяния против государя. Однако, их родственники, в частности жены, пережили не меньшие моральные потрясения. Среди декабристов были не только мужья, но и братья, дяди, да и просто знакомые. Семья Чернышевых подверглась 3 ударам сразу: два зятя (в том числе и Никита Муравьев), а так же единственный сын Захар (наследник всего состояния, лишенный титула и права наследования) были привлечены к делу и понесли соответствующие наказания.

Основной задачей в воспитании девушек в начале XIX века была подготовка их к будущему, в большинстве своем выгодному для семьи, замужеству. Вспомним Марию Николаевну Раевскую 20 лет отроду, выданную замуж за князя Сергея Григорьевича Волконского, героя Отечественной войны 1812 года (которому на момент свадьбы было 37 лет). «Родители желали мне блестящее будущее» – пишет в своих «Воспоминаниях» Мария Николаевна [2, с.141]. Но на деле ей просто

пришлось подчиниться воле родителя. Девушки, воспитывались на литературе Просвещения, но в то же время на канонах православия. Ю.М. Лотман отмечает: «Именно литература, наряду с религиозными нормами, вошедшими в национально-этическое сознание русской женщины, дала русской дворянке начала XIX века программу поведения, сознательно осмысляемого как героическое».[3] Этот симбиоз явился основой их жертвенности, полной отдаче семье, в первую очередь мужу. Следуя за ссыльными, женщины (в большей своей части молодые девушки, еще даже не познавшие счастья семейной жизни) соблюдали свой супружеский долг, данный перед Богом. Все та же Волконская, зная своего мужа всего три месяца до восстания, оставила маленького сына Николеньку и уехала.

Однако стоит отметить, что были и те, что уехали по большой крепкой любви. Читая переписку Никиты Муравьева и его жены Александрины Григорьевны, невольно представляешь всю пылкость, страстность и яркость любви этих людей. Из писем ясно видна причина ее поступка. «Мой добрый друг, мой ангел, я уже здесь следом за тобой... Когда я писала тебе в первый раз, твоя мать не передала мне еще твое письмо, оно было для меня ударом грома! Ты преступник! Ты виновный! Это не уместится в моей бедной голове... Ты просишь у меня прощения. Не говори со мной так, ты разрываешь мне сердце. Мне нечего тебе прощать. В течение почти трех лет, что я замужем, я не жила в этом мире – я была в раю. Счастье не может быть вечным. Не поддавайся отчаянию, я все вынесла. Ты казнишь себя за то, что сделал меня кем-то вроде соучастницы такого преступника как ты... Я самая счастливая из женщин». [4]

На пути в Сибирь жены преодолели множество преград: семьи были против, государь нехотя давал своё соглашение на выбранный женщинами путь, необходимо было подписать ряд бумаг касающихся как самих жен, так и будущих детей, да и на каждой станции находились люди, которые долгое время пытались убедить вернуться.

Не все женщины последовали за мужьями. Лишь только Е.В. Фаленберг (урожденная Раевская) сразу отказалась от каких-либо отношений с мужем и вскоре вышла замуж повторно. Остальные не смогли поехать по разным причинам. Например, сестры Бороздины. Одна, жена В.Н. Лихарева, вторично вышла замуж по велению отца-сенатора после двух лет отсутствия мужа; вторая, жена М.А. Поджио, изъявила желание уехать за супругом, но вновь вмешался отец, и ей пришлось оступить от своего. Две другие женщины – В.А. Муравьева и А.В. Якушкина подавали прошения на выезд императору, но их мужья решительно настаивали отложить поездку, т.к. они считали, что именно они, жены, способны воспитать сыновей должным образом (у Муравьевых было 3 сына, у Якушкиных- два). Но правительство не дало повторного разрешения. Стоит заметить, что надежды отцов были оправданы. Сыновья Якушкина выросли в глубочайшем уважении к отцу, его товарищам и их делу. Муравьева же после смерти двух сыновей не смогла оставить третьего.

Другие жены ссыльных не смогли поехать вслед за мужьями главным образом из-за детей. У П.П. Штейнгейль было десять, у С.М. Бриген – четверо, у Ф.Р. Тизенгаузен – трое. Детей не у кого было оставить, как это сделали Муравьева и Давыдова. Тем не менее, оставшись в Европейской части России, женщины не забыли своих родных. Они поддерживали связь, посылали все необходимое и деньги, хранили верность, в детях же они воспитывали любовь к отцам и уважение к их делу.

Обычно путь в Сибирь занимал несколько месяцев, М.Н. Волконская преодолела путь от Москвы до Иркутска за 20 суток. В своих «Воспоминаниях» она дает понять, что для нее главным была конечная цель, а путь ее достижения – не важен. «Я ехала день и ночь, не останавливаясь и не обедая нигде; я просто пила чай там, где находила поставленный самовар; мне подавали в кибитку кусок хлеба, или, что попало, или же стакан молока, и этим все ограничивалось».[2, с. 323] Необходимо отметить, что первым делом Мария Николаевна отправилась, не к мужу, не к начальству, а в первую же попавшуюся ей церковь, чтоб отслужить благодарственный молебен.

По приезде в Читинский острог, иначе говоря, в Читу, женщины обустроивали свой быт как могли. Они никогда не жаловались на свою судьбу, напротив всегда казались веселы, беспечны, всем довольны. Но чего это им стоило? Видеть мужа два раза в неделю, и то под конвоем, строго выполнять все предписания, докладывать о своих денежных затратах. Да и сами условия жизни резко отличались от привычных им. Описывая свою жизнь в Чите, княгиня Волконская обращает внимание на поведение женщин. Вот, что она пишет о Екатерине Трубецкой (урожденной графине Лаваль): «Каташа была нетребовательна и всем довольствовалась, хотя выросла в Петербурге, в великолепном доме Лавалья, где ходила по мраморным плитам, принадлежавшим Нерону, приобретенным ее матерью в Риме...». [2, с.329]

Ссыльно-каторжная жизнь сблизила женщин, бывших совершенно разными по социальному положению: княгини – М.Н. Волконская и Е.И. Трубецкая, в тоже время генеральша М.К. Юшневская похвастаться богатством не могла, да и две француженки-Полина Гебль и Камилла Ле Дантю имели бедственное положение до замужества. По возрасту: самой старшей была на момент прибытия в Сибирь А.В. Ентальцева, ей было 44 года, а М.Н. Волконской не было еще и двадцати двух лет. Но одно их объединяло наверняка – преданность супругу и готовность бросить все ради столь зыбкого семейного счастья.

Ежегодно вслед за мужьями отправлялись сотни женщин, но то были не дворянки! Поступок жен государственных преступников вызвал большой общественный резонанс. Николай I, разрешая отправиться вслед за преступниками, не рассчитывал, что многие проникнутся сочувствием «подвигу любви бескорыстной». Женщины, оказавшись в Сибири, стали выразительницами идей и проблем самих декабристов. Достаточно вспомнить, чего они добились в письмах своим родным. «Наши дамы подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, что, на-

конец, разрешено прорубить окна на улицу в каждом номере». [5, с.155] После этого события (весьма важного для жизни и сохранения здоровья каторжан) жизнь хоть немного, но все же стала лучше. Декабристы работали в шахтах на Благодатском руднике с 5 часов утра до 11, все же остальное время находились в камерах, при этом все делалось в состоянии заключения в кандалы. Лишь в 1829 году пришло высочайшее повеление снять их. Н. А. Бестужев сделал каждой жене кольцо из мужней цепи, это было своеобразным символом верности и пройденных испытаний, что выпали на их общую долю. В 1830 году была построена новая тюрьма в Петровском. Женщинам было разрешено совместное проживание с мужьями. Добившись этого, детей пришлось оставить вне казематов; приходилось в буквальном смысле бегать от мужа к детям и обратно.

Жизнь в казематах была очень сложной, последствия были ужасающими. В 1832 году умерла Александрина Григорьевна Муравьева, оставив Никиту Михайловича с маленькой дочерью Софьей. В записках декабриста Н.И. Лорера мы читаем: «Маленькое общество наше было поражено смертью нашей общей благодетельницы... Чувствуя приближение смерти своей, она просила священника, и когда тот немного громко стал говорить с ней, она просила его говорить тише, чтобы не разбудить малютки, которую не в силах уже была приласкать... Через несколько минут, держа руки мужа и брата его в своих холодеющих руках, она закрыла глаза со словами «Боже, как там хорошо!» – и оставила нас навеки. В эту печальную ночь никто из нас не сомкнул глаз, мы бродили из угла в угол, как отуманенные». [2, с. 401] Ее смерть принесла вместе с невыносимым горем утраты и некое облегчение для каторжан. Государственным преступникам стали разрешать больше времени проводить с семьями вне камер.

Можно сказать, что женщины-декабристки предваряют участие женщин в революционном движении в России вообще. «... Первыми открыто выразили участие опальной женщины. Больше того, сразу же после катастрофы женщины начали бороться за близких, пуская в ход все: деньги, родственные связи, влиятельные знакомства, прошения на «высочайшее имя». И без сомнения, надо было обладать немалым мужеством, чтобы пойти против самодержавной воли, мнения большинства». [1, с.15]

Говорить однозначно о том, что жены знали о тайной деятельности своих мужей нельзя. А.Е. Розен не состоял ни в каком тайном обществе. В ночь на 14 декабря он рассказал жене о готовящемся восстании. «Я мог ей совершенно открыться, ее ум и сердце все понимали», – напишет он в воспоминаниях. [2, с. 305]

Если не знали, это не значит, что не поддерживали. «Он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: «Вставай скорей»; я встаю, дрожа от страха. Моя беременность приближалась к концу, и это возвращение, этот шум меня испугали. Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивала, в чем дело? «Пестель арестован». – «За что?» – Нет ответа. Вся эта таинственность

меня тревожила. Я видела, что он был грустен, озабочен...». [2, с. 287] На тот момент главной ее задачей было сохранение ребенка, но тем не менее она помогала ему уничтожать бумаги, хотя и не знала, что и зачем они делают. Позже в своих «Воспоминаниях» Мария Николаевна объясняет своим детям, почему их отец пошел против правительства, раскрывает идеалы декабристов. «Если даже смотреть на убеждения декабристов как на безумие и на политический бред, все же справедливость требует сказать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслужить уважения соотечественников. Кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество» [2, с. 24].

След, оставленный женщинами в Сибири, не остался незамеченным как современниками, так и потомками. Современники восхваляли подвиг, совершенный во имя любви, долга и сострадания. Потомки продолжали дело, начатое первыми революционерами России. Дочери и внучки В.П. Ивашева продолжили дело отца и деда. Поэт Н.А. Некрасов высоко оценил и художественно изобразил героинь Сибирской каторги в «Русских женщинах».

«Слава страны, вас произрастившей! Вы стали, поистине, образцом самоотвержения, мужества, твердости, при всей вашей юности, нежности и слабости вашего пола. Да будут незабвенны имена ваши!» [6, с. 216].

Литература

1. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. – М.: Наука, 1986. – 160 с. (Серия «Страницы истории нашей Родины») (Монография)
2. Федорова В.А. Декабристы в воспоминаниях современников. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 510 с. (Сборник)
3. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) [Электронный ресурс]Режим доступа : <http://dekabrist.mybb.ru/viewtopic.php?id=104> (дата обращения 28.03.13)
4. В добровольном изгнании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.websib.ru/fio/fp/works/042/dekabristki/muraveva.htm> (дата обращения 28.03.13)
5. Воспоминания Бестужевых / Ред., ст. и примеч. М. К. Азадовского. – М.-Л., 1951. – 904 с. (Сборник)
6. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805 – 1850. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1882. 524 с.

ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.М. ФЛОРИНСКОГО

А. А. Сячина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа, ученый в области медицины, вошел в

историю как основатель и строитель Томского университета. Будучи попечителем Западно-Сибирского округа, он приложил большие усилия для развития просвещения в Томске.

К сожалению, мало кто в современном обществе знает о личности и о деятельности Флоринского. А ведь одно из его великих дел, дошедшее и до наших дней, это создание Сибирского университета. Можно сказать, что именно благодаря Василию Марковичу Томск приобрел престижный и сильный в настоящее время Томский государственный университет.

Василий Маркович Флоринский родился 16 февраля 1834г. в селе Флоровское Юрьевского уезда Владимирской губернии, в многодетной семье сельского дьякона. Когда ему было 3,5 года, его семья переехала из Владимирской губернии в Пермскую [1, с.14]. Отец Василия Марковича, Марк Яковлевич, был первым учителем своих сыновей. Он знакомил их с церковно-славянской и гражданской азбуками, чтением, письмом и учил церковной службе, чтобы они пошли по его стопам и стали священниками. В 1843 года Василий начал учиться в Далматовском пятилетнем начальном училище, а в 1848 году его для продолжения учебы направили в Пермскую духовную семинарию. После окончания семинарии Флоринский решил направиться учиться в Петербургскую духовную академию, но туда не был зачислен [1, с.15].

Надежды учиться в Петербурге рухнули, но Флоринский не стал огорчаться и подал прошение в Медико-хирургическую академию. Несмотря на что, вступительные экзамены уже закончились, ректор В. В. Пеликан, разрешил ему сдать все экзамены, но только в один день. И Василий Маркович успешно сдал экзамены и был принят в академию слушателем.

Учеба Василию Флоринскому давалась легко, и уже на втором курсе он начал получать стипендию [1, с.19]. На четвертом курсе был рекомендован в ординаторы хирургической клиники, и, будучи ординатором, провел несколько операций под руководством П.С. Платонова. Первая статья Флоринского «Проницающая рана коленного сустава» была написана по материалам клиники [1, с.20].

Неожиданно Флоринскому пришлось оставить пост ординатора хирургической клиники и переключиться на другую специальность – акушерство и гинекологию. Это произошло из-за того, что ординарный профессор медицинской академии А.А. Китер, слабо владеющий русским языком, взялся за написание учебника по акушерству, и Платонов порекомендовал ему взять в помощники Василия Марковича. Флоринскому пришлось посещать и записывать лекции Китера и заниматься литературной обработкой текста [1, с.22].

Работая с Китером, Василий Маркович заинтересовался гинекологией и акушерством. В 1858 году Василий Маркович был зачислен в Институт молодых врачей для приготовления к профессорскому званию. В качестве своей специальности Флоринский выбрал акушерство и гинекологию. [1, с.23] В сентябре 1860 года Флоринский начал читать лекции по теоретическому акушерству и женским болезням. В том же году получил звание приват-доцента [1, с.24].

После окончания Института и заграничной поездки Василий Маркович был назначен профессором А.Я. Крассовским на должность адъюнкт-профессора на кафедре акушерства, гинекологии и педиатрии. Тогда он стал читать лекции по теоретической части этих дисциплин [1].

Не все в жизни Флоринского крутилось вокруг работы. В феврале 1865 года в его жизни произошло важное событие: он венчался с Марией Леонидовной Фуфаевой [1, с.30]. Через год они стали счастливыми родителями: у них родилась дочь, а осенью следующего, 1867 года, – сын. Но, к сожалению, он умер, не дожив до четырех лет один всего лишь день [1, с.31]. Тем не менее, Василий Маркович продолжал вести занятия, заниматься научной работой и публиковать статьи. И в 1868 года его избрали экстраординарным профессором.

Переломным моментом в жизни Флоринского можно назвать начало 70-х годов, когда он ушел из академии и начал работу при Министерстве народного просвещения. Его работа была в основном сосредоточена в ученом комитете. С 1875 года он входил в комиссию по пересмотру университетского устава [1].

В Министерстве Флоринский проработал недолго, через два года неожиданно решил перейти на другую работу – в Казанский университет [1, с.42]. Министр Толстой пытался убедить Флоринского передумать, поскольку рассчитывал видеть его ректором будущего Сибирского университета, но Василий Маркович заверил, что примет в создании университета самое активное участие [1, с.43]. С 1878 года Флоринский уехал в Казань и в местном университете возглавил кафедру акушерства и гинекологии [3, с.139]. В 1880 году выяснилось, что Василию Марковичу ежегодно в летний период предстоит выезжать в Томск. И с того времени стало ясно, что проблемы нового университета интересуют Флоринского больше, чем занятия в Казани [1, с.46].

С 1875 года, Толстой предложил Флоринскому подготовить документы о Сибирском университете, потому что знал его как ответственного и пунктуального человека. Флоринский встретился с Казнаковым, в это время генерал-губернатором Западной Сибири, и предложил открыть высшее учебное заведение с четырьмя факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским. В личном архиве Василия Марковича сохранилась «Черновая записка проекта Томского университета», датированная 1875 годом. В черновом наброске Флоринский назвал предполагавшийся университет не Сибирским, а Томским [1, с.47].

Казнаков согласился, что Томск подходит для размещения университета. Однако к началу 1876 году он пришел к мысли, что Омск не хуже других городов Сибири [1, с.49]. Министр Толстой не возражал против идеи разместить университет в Омске.

Флоринский считал такое мнение ошибочным, и пошел на крайние меры. 2 сентября 1876 года в одной из газет появилась его статья «Пригоден ли г. Омск для университета?» [1, с.50]. Для этой статьи факты об Омске и Томске Флоринский получил от своих знакомых, про-

живавших в этих двух городах и ведших переписку с Василием Марковичем. Это были Н.М. Ядринцев в Омске, и А.И. Дмитриев-Мамонтов – в Томске [1, с.51].

Ядринцев в Омске вел активную деятельность в направлении создания университета. Но его предпочтения в вопросе расположения университета расходились с предпочтениями генерал-губернатора Казнакова: последний привлек его к составлению бумаг для создания будущего высшего учебного заведения в Омске. Душой Ядринцев был против этого и отправил несколько писем Флоринскому в Петербург с сообщениями, что Омск совершенно не пригоден для высшего учебного заведения, и что в нем университет погибнет.

Письма Дмитриева-Мамонтова из Томска были, напротив, полны оптимизма. В них говорилось о том, что горожане с энтузиазмом приветствовали бы университет и помогли бы ему денежными средствами. Да и сам Василий Маркович, знакомясь с литературой о Сибири, укрепился во мнении, что университет должен располагаться именно в Томске [1, с.52].

Газетная статья «Пригоден ли г.Омск для университета?» была поразному воспринята читателями: одни махнули рукой, а другие увидели в ней серьезные доводы не в пользу Омска. В неловком положении оказался и Толстой, убедивший на тот момент Александра II в преимуществах города Омска. Статья насторожила и великого князя Константина Николаевича, ярого сторонника университета в Сибири. Сам Константин Николаевич был не в восторге от проекта Сибирского университета с местонахождением в Омске. Тогда была образована новая комиссия по рассмотрению преимуществ и недостатков городов Омска и Томска. В эту комиссию вошел и Василий Маркович [1, с.54].

На заседаниях комиссии Флоринский являлся основным докладчиком. Он сумел убедить своих омских оппонентов, что Томск имеет неоспоримое преимущество. На последнем заседании в пользу Томска высказалось семь городов, в пользу Омска – два, в пользу Тобольска – один город. В результате долгих дебатов комиссия постановила, что подходящим для университета городом является Томск. После такого решения комиссии, Флоринский заявил, что новое учебное заведение должно находиться в ведении попечителя учебного округа. Округ должен быть создан с открытием университета [1, с.55].

16 мая 1878 года было дано Высочайшее Повеление Государя об учреждении Сибирского университета в городе Томске. Борьба между городами прекратилась. Победитель Томск ликовал [1, с.56]!

Надо отметить настойчивость и несгибаемость Флоринского. Благодаря этим качествам, Василий Маркович убедил комиссию в том, что Томск – именно тот город, в котором должен располагаться первый сибирский университет.

14 мая 1880 года Флоринский со своей семьей выехал из Казани в Сибирь. В Томск путники прибыли 30 мая. Город с грязными улицами произвел на гостей не самое лучшее впечатление. Не менее потрясло и место, отведенное первому сибирскому университету. «Первое впечатление

будущих университетских окрестностей, – писал Флоринский, – было поистине удручающим. Тюрьма, арестантская рота, жалкие покосившиеся домишки нищеты, пустыри, рытвины и овраги, одним словом – мерзость запустенья! Не знаю, как будет дальше, но первый день знакомства с Томском вконец разочаровал меня». Но отступать уже было нельзя, ведь он лично с большими усилиями настоял на выборе Томска и теперь должен был сам разбираться в этом деле.

26 августа 1881 года состоялась торжественная закладка первого камня в основание Томского университета. Текст на позолоченной доске гласил, что здание Сибирского университета заложено 26 августа в присутствии членов Строительного комитета [1, с.60].

Итак, начало строительству университета в Томске было положено, а Василию Марковичу должно было возвращаться в Казань. Он выехал с семьей из Томска 3 сентября и написал в дневнике: «Прошло три месяца, как я приехал сюда, а Томск представляется мне теперь таким родным городом...» [1, с.64]. Флоринский пробыл в Томске так мало времени, но успел привязаться к нему, на самом деле неизменившемуся городу.

Осенью 1884 года стало очевидно, что строительство университета завершится через год, и в 1886 году смогут начаться занятия. В связи с этим, возникла необходимость в образовании в Сибири своего учебного округа. Официально Западно-Сибирский округ был образован

1 сентября 1885 года, а попечителем был назначен Василий Маркович Флоринский [1, с.78].

25 мая 1888 года последовало Высочайшее повеление об открытии Томского университета, и с того времени именно так стало официально называться высшее учебное заведение. 22 июля того же года состоялось официальное открытие университета [1, с.85].

Флоринский был причастен и к созданию Томского технологического института (ныне Томский политехнический университет), где возглавлял строительный комитет [1, с.103].

За свои заслуги Флоринский был награжден десятью орденами, в том числе и «высочайшим приказом № 1 по гражданскому ведомству» орденом Белого Орла. Он также стал почетным членом Бостонского гинекологического общества и почетным членом общества русских врачей и т.д. [2, с.3].

Василий Маркович Флоринский был одаренным и уверенным в себе человеком. Он не терялся, встречая новые жизненные препятствия, не ломался под грузом потерь, не страшился предпринимать серьезные шаги. Жизненный путь Василия Марковича со всеми трудностями был вознагражден. Благодаря своим личным качествам, своей образованности и уверенности Флоринский стал тем человеком, которым его знают современники. А благодаря его труду и усилию Томск получил два сильных образовательных учреждения: Сибирский Университет и технологический институт, которые впоследствии принесли городу статус «города студентов» и в наше время не теряют своего высокого статуса, уровня образования и являются одними из лучших университетов страны.

Литература

1. Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. Томск: Изд-во Том. ун-ва, 1994. 174 с. (*Монография*)
2. Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск: Изд-во Том. ун-ва, 1996, 221с. (*Монография*)
3. Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского округа // Вестник ТГПУ. 2009. № 12. С.139-141. (*Сборник*)

МИТРОПОЛИТ ЕВЛОГИЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ) – ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Р. Ю. Терекон

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И.Сазонова, д.ф.н., проф.

Революционные события в России, гражданская война и поражение Белых Армий вызвали исход огромных масс русских людей за пределы России. Вместе с паствой за рубеж ушли многие пастыри и архи-пастыри.

Церковную эмиграцию можно объяснить не только опасениями за жизнь, но желанием сохранить свободную часть Русской Церкви. Таким образом, проблема взаимоотношения Церкви и государства была той почвой, на которой возникла Русская Зарубежная Церковь. И она же послужила причиной расколов в ней, которые до сих пор дают о себе знать.

Изучая историю основания РПЦЗ нельзя обойти вниманием фигуру митрополита Евлогия (Георгиевского), бывшего не только очевидцем, но и активным участником процессов, происходящих в жизни Церкви в XX веке. Его воспоминания, которые послужили основным источником для данного доклада, является богатым материалом по истории РПЦ XX века, и позволяют увидеть особенности взаимоотношений Церкви и государства.

Владыка Евлогий родился в бедной семье многодетного сельского священника. Пойдя по пути отца, он получил хорошее образование, имея степень кандидата богословия. После принятия монашества занимался преподавательской деятельностью, а в 1903 году стал епископом. Епархия, в которую он был определен, находилась на территории Царства Польского, в ней преобладало католическое население. При нем в Холмской епархии, помимо масштабного строительства церквей, велась активная просветительская и благотворительная работа, создавались кредитные общества, и оказывалась помощь крестьянам в приобретении земли. За это паства прозвала его «мужицкий архиерей». Владыка Евлогий принимал активное участие в работе 2 и 3 Государственных Дум, где был членом фракции умеренно-правых, русской национальной фракции, затем примкнул к монархистам-националистам.

Он выступал за предоставление епископату РПЦ больших прав в управлении церковным имуществом, минуя синодальные учреждения, подконтрольные обер-прокурору.

Благодаря его активной политической деятельности Православная Церковь в Холмщине стала играть большую роль, настолько большую, что по инициативе епископа Евлогия Холмский край был выведен из состава Царства Польского.

1917 год стал переломным в истории России. После отречения от престола императора Николая Второго власть в стране перешла в руки Временного правительства. В России началась разруха, фронт подходил к столицам, нарастали сепаратистские настроения...

По словам В. Цыпина...« разлагающие веяния проникли и в церковную среду, появились статьи с нападками на прошлое Русской Церкви, в которых полуправда была перемешана с ложью, образовались группировки, которые открыто провозгласили своей целью не только обновление церковного управления, но и реформу православного вероучения» [1, с.9]. Новым обер-прокурором Святейшего Синода был назначен князь В. Львов. Будучи либералом по убеждениям, он пытался внедрить либеральные порядки и в Церковь. Но его вмешательство в церковные дела заходило слишком глубоко. Была начата беспрецедентная компания по отправке на покой целого ряда архиереев, неудобных Временному правительству и проведению выборов правящих архиереев. Ситуация была столько невыносимой, что Синод попытался противостоять вмешательству в сугубо церковные дела, за что был распушен князем Львовым. Надо сказать, что Владыка Евлогий тоже прошел через это и несмотря на все обвинения в черносотенстве и приверженности старому режиму получил доверие Первого Свободного Епархиального Съезда Волынского духовенства и мирян. Ситуация была столько невыносимой, что Синод попытался противостоять вмешательству в сугубо церковные дела, за что был распушен князем Львовым. Таким образом, Временное правительство, давая всевозможные политические и гражданские права, усиливало своё давление на Церковь. Для противостояния этой антицерковной компании 29 апреля Святейший Синод объявил о начале подготовки к проведению Поместного Собора. Этот Собор был долгожданным событием для Церкви. Его главным актом стало, конечно же, восстановление патриаршества. Патриархом был избран митрополит Московский Тихон. Этим актом Церковь, наконец-то получила свободу, теперь она была самостоятельным институтом, однако сохранившим лояльность государственной власти. Как писал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий: «все почувствовали, что у нас есть теперь заступник, представитель, отец...» [2, с. 282].

Избрание патриарха совпало с низложением Временного правительства и приходом к власти большевиков. Советское правительство, понимая, что Церковь это мощный институт, изменяя правовое поле, устроило беспрецедентные гонения на РПЦ. Декретами об отделении Церкви от государства, школы от Церкви, об изъятии церковных цен-

ностей советское правительство пыталось сначала уменьшить влияние Церкви, а потом и вовсе её уничтожить. Однако это не удалось, ибо бесчеловечные методы новых властителей только ухудшили ситуацию и в России началась гражданская война. Россия разделилась на белую и красную. Связь между епархиями была затруднена, поэтому в белом тылу стали создаваться временные высшие церковные управления, которые и руководили деятельностью Церкви при отсутствии связи с Москвой. Митрополит Евлогий участвовал в работе Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России, то есть в тылу армии Деникина. Позицию Церкви по отношению к большевикам в этот период нельзя назвать лояльной. Агрессивная, антирелигиозная политика большевиков, репрессии против православного населения страны не могла вызвать в среде священнослужителей положительную ответную реакцию, поэтому попав в белый тыл, священники смело призывали бороться с советами, забывая, что их братья в красном тылу страдают из-за необдуманности их призывов.

Эмиграция за рубеж привела к перемещению Временного Церковного Управления за пределы канонической территории Русской Церкви. Ещё 2 октября 1920 года Владыке Евлогию ВВЦУ Юга России было «вверено управление всеми западноевропейскими русскими церквями на правах Епархиального Архиерея» [2, с. 344]. Однако это указ архиепископ Евлогий не получил. И только Весной 1921 года он получил новый указ зарубежного ВВЦУ, датированный 15 апреля, где говорилось о назначении архипастыря в Западную Европу. «Постановлением Высшего Временного Русского Управления, – говорилось в указе, – Вам вверено управление всеми западноевропейскими русскими церквями на правах епархиального архиерея». А 26 марта 1921 года Патриарх Тихон подтвердил это назначение, издав аналогичный указ от имени Московского Патриархата.

Для улучшения церковного управления за рубежом был созван Всезарубежный Церковный Собор (или Карловацкий Собор). Участие в этом Соборе принял и Владыка Евлогий. В своих воспоминаниях Архиепископ Евлогий писал, что Карловацкий Собор, несмотря на именование себя, как церковного стал выполнять ещё и политическую миссию. На решения Собора большое влияние оказывали политические страсти русской эмиграции, особенно монархически настроенная её часть. Было сделано заявление о восстановлении в России монархии во главе с династией Романовых. Видя, что Собор принимает остро политический характер Владыка Евлогий, пытался уговорить наиболее влиятельных его участников: «Поберегите Церковь, Патриарха ... Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело...» [2, с. 364]. И архиепископ Евлогий оказался прав, ибо решения Собора, опубликованные в эмигрантской печати, попали и в Москву, «а в результате – отягчение участи Патриарха и мстительно-жестокий суд над Петроградским митрополитом Вениамином...» [2, с. 365]. К сожалению, позиция Владыки Евлогия, выступавшего против политики на Соборе,

оказался в меньшинстве, решение было принято. Съезд закончился. Лояльная позиция Евлогия была поддержана Патриархом Тихоном, и постановлением Священного Синода от 30 января 1922 года он был возведён в сан митрополита.

А 5 мая 1922 года последовал указ Патриарха Тихона на имя митрополита Евлогия, в котором, в частности, говорилось о том, что решения Всеаграрничного Собора не признаются официальной позицией РПЦ, так как носят сугубо политический характер и в связи с допущенными ошибками ВВЦУ упраздняется, а управление русскими заграницными приходами поручается митрополиту Евлогию. Таким образом, митрополиту Евлогию, который выступал за невмешательство в политику Зарубежной Церкви, было поручено церковное руководство. Вначале митрополит Антоний, первоиерарх РПЦЗ, даже хотел выполнить указ Патриарха, но потом появились толки о том, что «указ вынужденный – не свободное волеизъявление Патриарха; что его можно не исполнять» [2, с. 370]. Настроения на собрании архиереев были напряженными, было не понятно, как теперь действовать. Митрополит Евлогий пишет: «Тут мне следовало и проявить власть, заявить, что отныне указы Карловацкого Синода для меня силы не имеют, что я исполню волю Патриарха... Но я, ради братского отношения к братьям-архиереям, закинутым в эмиграцию ...пренебрег Правдой – волей Патриарха. В этом была моя великая ошибка, мой большой грех перед Богом, перед Матерью Русской Церковью и перед Святейшим Патриархом Тихоном, и в этом заключается главная причина не только моих личных бед, но и источник всех дальнейших нестроений в жизни зарубежной Церкви» [2, с. 371]. И он был прав, ибо именно на почве разных взглядов на проблему взаимоотношения Церкви и советской власти в Зарубежной Церкви произошёл раскол. Митрополит Евлогий держался линии Патриарха Тихона, поэтому, когда Синод РПЦЗ стал все больше отходить от этого курса, он все больше отделялся от него. Так появились ветви Зарубежной Церкви – Западноевропейский Экзархат русских приходов и РПЦЗ. Митрополит Евлогий пытался поспособствовать изменению курса Зарубежной Церкви, но было уже поздно. Возможность восстановить единство Русской Церкви была упущена.

Митрополит Евлогий мог предотвратить раскол Русской Церкви, обладая правами руководителя русскими приходами за границей, но из-за нежелания вызвать споры между иерархами, а в частности и-за боязни взять на себя слишком большую ответственность он не решился противостоять взятому Зарубежной Церковью курсу. Надо также отметить, что данный раскол был неизбежен. Он не был случайностью, а был закономерностью в жизни Русской Церкви XX века. Русские эмигранты, пережив две революции, репрессии большевиков, потеряв Родину, хотели, чтобы Церковь на весь мир сказала своё слово правды. И она сказала его, сказала то, чего хотели большинство русских эмигрантов. Этим призывом к мировому сообществу, она надеялась освободить России и Русскую Православную Церковь в частности. Однако

их надежды не сбылись, а положение Православия в России ухудшилось. Но даже несмотря на это, люди пытавшиеся усмирить политические страсти в русской эмиграции и таким образом обезопасить патриарха Тихона, вызывали недоверие у эмигрантов и становились предателями. Эта участь постигла и митрополита Евлогия.

Как мы видим, проблема взаимоотношения Церкви и государственной власти, имея очень длинную историю, становится причиной расколов и нестроений в церковной жизни. Не обошла эта проблема и РПЦ в XX веке. Предстоял долгий путь до того момента, как, в 2007 году был подписан акт о каноническом общении, который воссоединил две части Русской Церкви. А что касается митрополита Евлогия и его Экзархата, то он воссоединился с РПЦ ещё во время Великой Отечественной войны, за несколько лет до его смерти.

Литература

1. Цыпин В.А., протоиерей. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 832 с. (*Монография*)
2. Евлогий. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий: ВПМД, 1994. 620 с. (*Монография*)

КОМПАКТНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЛЮТЕРАН НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Д. Ю. Хоменко

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

На этнический состав населения Енисейской губернии большое влияние оказывал фактор уголовной и политической ссылки. Начиная с XVII в. сюда ссылали пленных шведов, поляков, украинцев, обвиненных в сепаратистских действиях. Однако в большинстве случаев они расселялись среди русского населения и не представляли компактных этнических поселений. В середине XIX века в Минусинском округе сложились три поселения из ссыльных лютеранского вероисповедания: эстонцев, латышей, немцев и финнов по национальности.

Первым было основано поселение Верхний Суэтук в 1851 г. эстонцами и финнами, которые ранее проживали в Западной Сибири. В основном они были высланы за мелкие уголовные преступления. Один из поселенцев, Юрий Кульдем (эстонец из-под г. Дерпта) в 1846 г. переехал на жительство в Минусинский округ. Однако только в 1850 г. Кульдему удалось подыскать подходящее место для поселения – близ речки Суэтук. В 1851 г. под поселение было официально отведено 2638 десятин удобной земли, из расчёта по 15 десятин на ревизскую душу [1, с.61]. С 1857 г. всех ссыльных лютеранского вероисповедания стали водворять в Верхний Суэтук. В 1859 г. латыши основали отдельную колонию Нижняя Буланка. Её жители в течение 5 лет (до 1864 г.) получали

дотации от лютеранской консистории. В 1861 г. 5 эстонских семейств из Верхнего Суэтука основали новое поселение, Верхнюю Буланку. Отмечается, что сделано это было «во избежание национальной розни с тамошними финнами» [2, с.28].

Таким образом, к началу 1860-х годов на территории юга Приенисейского края сформировался своеобразный анклав представителей прибалтийских народов. В основном население формировалось из ссыльных и членов их семей, но время от времени прибывали и вольные переселенцы. Так, в начале 1870-х гг. в Нижнюю Буланку прибыли 26 семейств вольных переселенцев из Лифляндской губернии [Там же]. На начало XX в. в этой же деревне насчитывалось 20 семей вольно-переселенцев из Остзейского края (вероятно, немцев) [3, с.161]. Определенся и национальный состав поселений: Верхний Суэтук – финны, Нижняя Буланка – латыши и немцы, Верхняя Буланка – эстонцы.

Сосредоточение ссыльнопоселенцев лютеранского вероисповедания в одном месте отвечало интересам властей – так было проще осуществлять за ними надзор. Кроме того, эта мера объяснялась заботой о религиозных потребностях ссыльных: в 1863 г. было принято решение назначить пастора в Верхний Суэтук. Однако, как показала практика, учёта конфессиональной специфики было явно недостаточно: сосуществование различных этносов на территории одной деревни оказалось проблематичным, почему и произошло выделение латышского и эстонского поселений.

Далеко не все прибывавшие в колонии поселенцы водворялись в них. С 1861 по 1864 гг. в Верхний Суэтук прибыло 212 финнов, а водворилось только 16, в Нижнюю Буланку – 185 латышей, водворилось – 31, в Верхнюю Буланку – 171 эстонец, водворилось – 54. Следует полагать, что во всех случаях водворялись только женатые поселенцы, т.к. количество водворившихся совпадало с числом семейных мужчин [1, с.67]. На конец XIX века ситуация была аналогичной: в Верхнем Суэтуке на 105 наличных хозяйств приходилось 101 отсутствующее, в Нижней Буланке – на 145 наличных – 188 отсутствующих, в Верхней Буланке – на 46 – 217 отсутствующих [3, с.162].

В 1870 г. Главным управлением Восточной Сибири было принято решение всех «преступников лютеранского исповедания, освобождённых от каторжных работ ... причислять на поселение ... в колонии Верхнесуэтуцкую, Верхнебуланскую и Нижнебуланскую» [4, с.55].

В 1888 г. в Верхнем Суэтуке была построена церковь. Деньги на постройку церкви были собраны в Финляндии добровольными пожертвованиями. Жалование пастору выплачивал финляндский Сенат [5, с.160].

Основным занятием постоянно проживавших в колониях было земледелие. Активно развивалось огородничество. Колонистам удалось добиться больших успехов в земледелии: в 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго из 11 образцов русского хлеба лучшим был признан хлеб пастора Максима Меллера из Верхнего Суэтука [Там же]. Не водворившиеся шли на заработки в соседние деревни или в г.Минусинск, занимались сапожным или столярным мастерством. Многие отправля-

лись работать на золотые прииски. Отмечалось, что на золотых приисках находили себе место самые «неисправимые» из преступников [1, с. 68].

Некоторые из поселенцев поселялись в хакасских улусах. Например, Ермолай Берг, приписанный к Нижней Буланке, проживал в Усть-Чульском улусе и занимался там незаконной продажей алкоголя. В 1882 г. он был оштрафован за эту деятельность, а жители улуса ходатайствовали о его выселении [6, Л.3-4].

Описывая быт и нравы обитателей трёх колоний, современники рисуют контрастную картину. Всеми признавался высокий образовательный уровень поселенцев, превосходивший соседних с ними русских. И это не удивительно: в каждой деревне работало по школе (в Верхнем Суэтуке – две школы), созданных в 1860-х годах. Интересно, что русскому языку обучали только в Верхне-Буланской школе, в других преподавание велось только на родном языке: в Нижне-Буланской – на латышском и немецком, в Верхне-Буланской – на эстонском и в Верхне-Суэтуцких – на финском и эстонском. В Нижней Буланке в конце XIX в. имелась библиотека, в которой хранилось ок. 300 наименований, жители деревни выписывались 12 латышских газет [3, с.161].

Однако представления современников о поголовной грамотности жителей лютеранских колоний, вероятно, нуждаются в уточнении. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., из числа проживавших в Минусинском округе немцев грамотными были: 23% на родном языке и 33% – на русском; из латышей: 26% на родном и 13% – на русском языках; среди эстонцев: 9% на русском и 55% на родном (абсолютное большинство представителей этих народностей проживали в рассматриваемых колониях). При этом уровень грамотности среди русского населения округа составлял 12%. Среди немцев 5% имели образование выше начального (у других, в том числе русских, этот уровень был ниже 1%) [Подсчитано по: 7, с.86-89]. Таким образом, уровень грамотности среди жителей лютеранских колоний был выше, чем у русских, однако данные о поголовной грамотности не подтверждаются.

Вместе с тем, большинство бытописателей отмечали крайне низкий нравственный уровень поселенцев, нищенский внешний вид колоний. Многие считали эти селения «приютом преступного элемента» [8, С.38]. Жителей Нижней Буланки обвиняли в конокрадстве. Надобно полагать, что причина такой «славы» кроется не в национальной принадлежности жителей, а в том, что большинство из них были ссыльными, преступниками, и далеко не все из них пожелали встать на путь исправления, попав в Сибирь.

Взаимоотношения с русскими соседями затруднялись для поселенцев языковым барьером, конфессиональными отличиями, относительной замкнутостью обществ. Однако это не мешало хозяйственным контактам. Например, под влиянием эстонцев русские крестьяне научились изготавливать сыры и колбасу. Эстонцы и латыши, в свою очередь, к концу XIX века предпочитали использовать в качестве повседневной одежды русскую, а традиционную надевали во время праздников [9, с.177].

В 1873 г. часть поселенцев из Верхней Буланки пожелали переселиться на местность близ речки Агит и весной следующего года засеяли там небольшие пашни. Однако выяснилось, что эти территории в течение ряда лет использовались крестьянами из близлежащей деревни Желбахтинской. В результате разбирательств были приняты решение о выдворении поселенцев с данной территории [10, Л.11-12]. Этот поземельный конфликт возник в результате той неразберихи в правах на землю, которая существовала в Сибири до проведения землеустройства в конце XIX – нач.XX в. При вынесении решения председатель 3 участка Минусинского округа руководствовался не этнической принадлежностью участников конфликта, а давностью пользования. Подобные конфликты регулярно возникали как между русскими деревнями, так и между русскими и хакасскими поселениями, однако они носили не этнический, а хозяйственный характер [об этом подробнее см. 11].

Гораздо чаще контактировали с русскими те из поселенцев, которые уходили на заработки в русские деревни или на золотые прииски. Однако эти отношения вряд ли носили характер культурного обмена, скорее они были бытовыми, обыденными. Возникавшие конфликты не носили этнический оттенок. Например, 15 октября 1896 г. поселенцем из Нижней Буланки Яном Скуталем в питейном заведении с. Сергиево-Мигнинского Идринской волости был убит крестьянин Степан Дураков. Сам убийца сознался в содеянном. Причиной убийства стала пьяная ссора за карточной игрой [12, Л.52-54]. Этот случай с одной стороны подтверждает мнение современников о жителях лютеранских колоний как о нравственно опустившихся, преступных элементах, а с другой стороны, в действиях Яна Скуталя не усматривается какого-либо этнического подтекста – причины случившегося были исключительно бытовыми.

Таким образом, во второй половине XIX века на территории Минусинского округа существовали компактные поселения немцев, латышей, финнов, эстонцев. Судя по всему, для их жителей этническая идентичность была важнее, чем конфессиональная. Их контакты с русским населением были немногочисленны и не глубоки в силу указанных причин, часто носили бытовой, отчасти враждебный характер, однако этнической вражды между ними и русскими не наблюдается. Ограниченность культурных контактов объяснялась ещё и тем, что среди колонистов преобладал криминальный контингент, не склонный к позитивному общению в принципе.

Источники и литература

1. Гаупт В. Состояние колоний ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа, 1850-1863 г. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865-1866 гг. СПб.: Типография К. Вульфа, 1865. С. 58-78. (*Сборник*)
2. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т.4. Вып. 2. / Сост. В.Ю. Григорьев и др. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1893. 129 с. (*Сборник*)

3. Яковлев Е.К. Описание этнографических коллекций Минусинского музея // Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск: типография В.И. Корнакова, 1900. 212 с. (Сборник)
4. Межэтнические связи Приенисейского региона: Сб. документов. Ч.1.: 1609 – 1916 гг. Красноярск, 2007. 215 с. (Сборник)
5. Ойнец-Николаева В.А. Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития. // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: «Кларетианум», 2004. С.159-165. (Сборник)
6. ГАКК. (Государственный архив Красноярского края). Ф.595. (Енисейское губернское управление). Оп.19. Д.1576.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. LXXIII. Енисейская губерния. СПб: тип. кн. В.П. Мещерского, 1904. 184 с. (Сборник)
8. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. (Отд. оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 год). Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1904. 61 с. (Сборник)
9. Иванова И.П. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края. // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: «Кларетианум», 2004. С.173-179. (Сборник)
10. ГАКК. Ф.595. Оп.19. Д.212;
11. Хоменко Д.Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КГПУ. 2012. №4. С. 396-402. (Сборник)
12. ГАКК. Ф.141 (Енисейский губернский суд). Оп.1. Д.1244.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. ТОМСКА В 1920-Е ГГ.

Е.И. Шипицын

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Нестеренко П.Л., к.и.н. доц.

Строительство Советского государства было неразрывно связано с развитием Вооружённых Сил. В первое десятилетие своего существования руководство войсками постоянно претерпевало реорганизации и совершенствования структуры управления. Первые отряды Красной армии формировались из личного состава Красной гвардии, частей старой русской армии, поддержавших революцию, а также из добровольцев из рабочей и крестьянской среды. Основная масса была малообразованной, чувствовалась острая нехватка в обученных командирах, знающих хотя бы основы ведения войны [1,с.79].

Начавшаяся Гражданская война, а вместе с ней и военная интервенция, создали серьёзную угрозу существования Советскому государству. В этих тяжелейших условиях требовалось создать боеспособную армию в кратчайшие сроки. Если вопрос о количестве решался путём мобилизации, то качественная составляющая требовала создания курсов, способных в минимальные сроки подготовить красных командиров, а также усилить боеспособность рядового солдата.

Положение военно-учебных заведений на ранних этапах становления Вооружённых Сил (далее – ВС) мало изучена, в особенности в Сибири и на Дальнем Востоке. Изучая эту сферу строительства Красной армии в Сибири, в частности, в Томске, необходимо иметь представление о характере развития военно-учебных заведений, общих тенденций развития ВС Советской России. Первый этап строительства Красной армии берёт начало с Октябрьской революции и продолжается до первой пятилетки, когда страна перешла на совершенно иной уровень не только военного строительства. В случае с Томском, начало периода приходится на конец 1919 г., когда Красная армия заняла город.

Данная статья, прежде всего носит характер историко-краеведческого исследования. Достаточно серьёзное внимание уделяет истории развития Красной армии в Сибири Ф.Н. Подустов [1-6], в частности, развитию военно-учебных заведений. Работы Голикова В.И. направлены, в основном, на раскрытие межвоенного времени в Сибирском военном округе, с окончания Гражданской войны, до войны Великой Отечественной включительно [7].

Военную реформу 1924 г., которая напрямую повлияла на развитие военно-учебных заведений в последующие годы, подробно описал Берхин И.Б. в своей монографии. На рассмотрение реформы в сфере военного обучения у него выделена целая глава [8, с.332-378]. В качестве источника дополнительной и вспомогательной информации мною был привлечен электронный ресурс Министерства Обороны России [9], а также энциклопедическое справочное издание «Гражданская война и интервенция в СССР» 1983 г. Энциклопедия содержит подробную информацию о ходе Гражданской войны, об интервентах и их передвижениях, краткая справка о некоторых статьях Ленина, а также о государственных органах, учреждениях и заводах, их краткой характеристике и истории, также содержит информациях о частных событиях войны, краткие биографии известных участников, подробные карты [10, с.182,475,483] и различные иллюстрации.

С началом строительства ВС была создана сеть военно-учебных заведений по всей стране, в которых развернулась подготовка военных кадров из крестьян и рабочих для Красной армии. Были созданы курсы школы для младшего комсостава [10, с.104], командные краткосрочные курсы командиров взводов, различные курсы обучения комсостава, школы для подготовки специалистов среднего звена, военные академии старшего комсостава всех специальностей. Ключевой этап в становлении военно-учебных заведений приходится на период Гражданской войны (1917–1921 гг.), когда активное развитие структуры управления ВС и искусства ведения войны проходило испытание огнём в реальных боевых условиях. 1917 – начало 1920-х гг. характеризуются стремительным ростом численности Красной армии, а вместе с тем, и численности военно-учебных заведений.

В мае 1918 г. в составе Всероглаштаба создаётся Управление военно-учебными заведениями, а 19 января 1919 г. преобразовано в Главное Управление Военно-учебных заведений (ГУВУЗ). Командованием

и политуправлением 5-й Армии при поддержке Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома создаются на местах органы военного и политического управления: Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский окружные комиссариаты с управлениями военно-учебными заведениями при них.

В губерниях, в частности в Томской, в 1920 г. создаются губернский военный комиссариат, действующий на правах отдела Губисполкома и занимавшийся формированием и управлением частей Красной армии. В его ведении находились все войска местного назначения. 3 декабря 1919 г. инспекция военно-учебного дела, постановлением Реввоенсовета 5-й Армии, была преобразована в Сибирское областное управление военно-учебными заведениями (Сибвуз) [2,с.43].

Многие академии создавались на базе военно-учебных заведений существовавших прежде. В пример можно привести Военно-инженерную академию, образованную в ноябре 1917 г. на основе Николаевской инженерной академии, работала до 1914 г., Военно-медицинская академия, существовавшая в Петрограде ещё с 1917 г., во время октябрьской революции не прекращала своей работы, Военно-морская академия РККФ на основе Морской академии (1877 г.), Артиллерийская академия РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) – от Михайловской Артиллерийской академии [1,с.44,102–105]. 23 февраля 1920 г. в Томске на базе Колчаковской инженерной офицерской школы, ее кадрового состава, начали формироваться «Томские инженерные курсы комсостава» второй ступени [4,с.34,36].

В марте – мае 1918 г. была реорганизована Николаевская военная академия и была эвакуирована в Екатеринбург, позже в Казань. Действовала эта академия и в Томске, но под другим названием. Однако ни времени, когда её дислокация находилось в Томске, ни названия заведения источник не указывает [4].

Особенно важными для советской армии оказались краткосрочные курсы. На Востоке ситуация была несколько иной: фронт постоянно перемещался в сторону Тихого океана, потому приходилось формировать новые курсы, переносить прежние ближе к фронту, некоторые из них, позднее реорганизованные в отдельные школы [6,с.7].

26 ноября 1919 г. на заседании Реввоенсовета 5-й Армии было решено – развернуть курсы в сибирском масштабе [6,с.97]. 20 декабря 1919 г. Томск был занят большевиками [10,с.104], оставленный, отступившими на восток, войсками белогвардейцев. В городе сразу же начали создаваться военные курсы. 1920 год был очень тяжёлым – после ухода белой армии, в разрушенном Томске буйствовала эпидемия сыпного тифа, чувствовался сильный голод. В городе были значительные хозяйственные трудности, нерегулярное снабжение, крайняя ограниченность в материальных ресурсах – затрудняли организацию курсов в Томске [4,с.38].

Однако даже в это трудное время курсы работали исправно: в начале июня 1920 г. в губернии поднялось восстание, и в силу того, что в этих районах Сибирские военно-инженерные курсы были единственной воинской частью, слушатели курсов приняли участие в ликвидации волнения [4,с.36].

К 1 августа 1920 г. в Сибири было создано 21 учебное заведение в 8 городах – Омске, Томске, Красноярске, Барнауле, Бийске, Иркутске, Усть-Каменогорске и Семипалатинске с общей численностью 9840 курсантов [3,с.98]. Из них в Томске, на 1 июля того года, действовало пять военно-учебных заведений: 2-е Сибирские артиллерийские курсы (385 курсантов), 2-е Сибирские пехотные командные курсы (857 курсантов), 2-е Сибирские общеобразовательные курсы командного состава (240 курсантов), Томские инженерно-командные курсы (58 курсантов), Полевая телеграфная учебная команда (182 курсанта) [3,с.112].

Приказом Реввоенсовета Республики от 31 декабря 1920 г. 1-е Сибирские арткурсы были переименованы в 6-ю Томскую артиллерийскую школу и переведены на трёхгодичный срок обучения [6,с.10].

Военно-учебные заведения участвовали в военно-политической жизни страны. В частности, в связи со вспыхнувшим в декабре 1921 г. восстанием в Щегловском уезде Томской губернии, «Сибирские инженерные курсы по подготовке командного состава РККА» были переведены на военное положение. Среди комсостава были четко определены оперативные обязанности по обеспечению обороны Томска в течение декабря – марта 1921 – 1922 гг. [4,с.41]

К 1921 г. сеть военно-учебных заведений активно разрасталась по всей стране. За период с 1918 по 1921 гг. их количество выросло примерно в 14,5 раз, прямо пропорционален рост и выпускников [5,с.34]. Параллельно с этим увеличивались требования к курсантам, что сказывалось на количестве отчисленных из вузов. Так, в течение 1921 года из-за отчисления свою учебу вынуждены были прервать около 80.000 человек, что составляло около 40% от числа курсантов [5,с.36].

К 1 марта 1921 г. в Томске действовало 3 вуза: Томские инженерные курсы, 2-е пехотные курсы г. Томска и Томские Артиллерийские курсы [3,с.113,114]. Однако их статус не был постоянным. К 1 сентября 1921 г. Томские Артиллерийские курсы уже были «школой». К тому же времени относится существование «25-й Томской пехотной школы» и Томских инженерных курсов.

Во второй половине 1922 – 1923 гг. военные школы Красной армии переживают очередную реорганизацию. Тогда же наметилась тенденция к сокращению количества военно-учебных заведений в условиях перехода к мирному времени. К 1 января 1923 г. ГУВУЗом была поставлена задача сократить сеть военно-учебных заведений до 75.000 человек личного состава. К указанному времени, на территории страны действовало 11 высших школ, 59 – обычных военных школ, 25 – командных школ, в общей сложности – 95 заведений. К октябрю это число сократилось до 78, почти в два раза уменьшилось число командных курсов [5,с.38].

К 1924 г. в СССР, был актуализирован вопрос о реформировании РККА, эта тема затрагивалась и на XIII съезде РКП(б) [8,с.442].

В 1924 г. военные курсы Сибири были заменены на школы. Все это осуществлялось в контексте общегосударственной военной реформы. Главной причиной реформы стал переход страны на «мирные рельсы»

и армия с более чем 5 миллионным составом начала терять свою рентабельность. Так, постановлением Президиума ЦИК СССР от 30.07.1924 г. к сентябрю того же года значительно должны были сократиться военно-учебные заведения, в том числе и 5-я Томская военно-инженерная школа [8,с.441].

Если на 1 августа 1921 г. в Сибири расположено 17 военно-учебных заведений (7495 чел.), с 1 октября 1922 г. – 7 заведений (2802 чел.), то в статистике на 1.01.1923 г. – их 6, а в период 1924–1925 гг. – 4 [3,с.116]. Среди прочих называется Военно-политическая школа Сибирского военного округа, которая в октябре 1926 г. переезжает из Омска в Томск [6,с.12]. 25-я Томская пехотная школа в июне 1925 г. была перебазируется в Омск и названа «Омская пехотная школа». Фактически государство зафиксировало переход с экстенсивного пути развития военно-учебных заведений на интенсивный [3,с.103].

Военно-учебные заведения Томска, как и в Сибири в целом, на период Гражданской войны обеспечивали фронт красными командирами, повышали боеспособность и грамотность рядовых солдат, выполняли не только оборонную, но и охранную функцию, участвуя в подавлении крестьянских восстаний.

С 1922 г. сеть военно-учебных заведений начала сокращаться, а с началом военной реформы 1924 г., произошла реорганизация структуры всего военного аппарата страны. За период 1922–1929 гг. система управления военно-учебными заведениями была реформирована, был учтён опыт Гражданской войны, значительно сокращена сеть заведений, что не повредило качеству обучения.

Военная реформа 1924 г., продлившаяся до конца 1920-х гг., укрепила обороноспособность СССР и стала отправной точкой в дальнейшем строительстве советской армии.

Томск внес свою лепту в процесс кадровой подготовки командиров и бойцов Красной армии. Так, многие выпускники Томской артиллерийской школы 1927–1929 гг. в будущем стали видными военачальниками. Среди них – генералы В.Г. Зайцев, К.А. Малыгин, А.И. Нестеренко, маршал артиллерии П.Н. Кулешов и другие [6,с.12].

Литература

1. Подустов Ф.Н. О концепции развития культурных процессов в Красной армии и её роли в общественно-политической и культурной жизни страны (1917 – 1941 гг.) // Вопросы отечественной и всеобщей истории (под ред. А.М. Сагалаева и Ф.Н. Подустова). Выпуск 1. Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. С. 79-83. (Сборник)
2. Подустов Ф.Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей // Вестник ТГПУ (История). Вып.1 (52). Томск: изд-во ТГПУ, 2006. С. 41-46. (Сборник)
3. Подустов Ф.Н. Развитие структуры управления военно-учебными заведениями Красной армии в Сибири (1919 – 1925 гг.) // Вопросы Отечественной и всеобщей истории: сборник статей. Вып. 2. Под ред. проф. Л.И. Боженко. Томск: изд-во ТГПУ, 2003. С. 93-115. (Сборник)

4. Подустов Ф.Н. Военно-учебные заведения г. Томска // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 61-й годовщине СССР в Великой Отечественной войне (11–12 мая 2006). Томск, 2007. С. 33-61. (Сборник)
5. Подустов Ф.Н. Комплектование курсантами военно-учебных заведений Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1921–1929 гг.) // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 62-й годовщине СССР в Великой Отечественной войне (14–15 мая 2007). Томск, 2008. С. 30-54. (Сборник)
6. Томское высшее военное командное Ордена Красной звезды училище связи. Томск: Красное знамя, 1980. 120 с.
7. Голиков В.И. История подготовки командных кадров на территории Сибирского военного округа в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1920 – 1945 гг.). Томск, 2009. 486 с. (Монография)
8. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924 – 1925 гг.). М., 1958. 460 с. (Монография)
9. Ведущая военная школа России. [Электронный адрес] : Министерство обороны РФ / НИИ ВАГШ. http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history_department/vvsr.htm (Дата обращения: 2 апреля 2013 г.).
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Воениздат, 1983. 704 с.

ПРОБЛЕМА ЗЕМЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ю. В. Шушпанников

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, к.и.н., доц.

Советский, а также постсоветский периоды изучения административно-земельного устройства Туркестанского края в начале XX века отмечены не очень большим количеством научных работ. Как правило, в орбиту внимания исследователей включались сюжеты, связанные с присоединением Туркестанского края к Российской империи в середине XIX века. Поэтому нет исчерпывающих ответов на вопросы, чем именно центральная российская власть считала Туркестан и каким видело его будущее, чем он являлся для Российской империи – её составной частью или исключительно колонией, предназначенной для эксплуатации.

После окончательного завоевания Средней Азии и последующего её присоединения перед царским правительством возник ряд важных проблем.

Одной из самых важных стала проблема заселения края переселенцами. Это было обусловлено не только стремлением Российской империи укрепить здесь своё присутствие, но и создать собственную этническую лояльную опору.

Вместе с тем во вновь присоединенных землях складывалась непростая ситуация – ограниченное количество казённой земли и возрастающее количество переселенцев заставляло царское правительство обратить внимание на земли туземного населения. Однако для их изъятия в крае не было закона, регулирующего земельные отношения.

Первоначально планомерная колонизация края не была включена правительством в число задач политики в Средней Азии. Все селения, первоначально образованные в Туркестанском крае, своим появлением были обязаны отдельным администраторам, осознававшими необходимость заселения края русскими. Но при этом меры административного и хозяйственного устройства принимались ситуативно и только в целях удовлетворения текущих потребностей.

В некоторых уездах края была непростая обстановка, поскольку большинство земель сельскохозяйственного назначения Туркестана состояли в пользовании туземного населения и первоначально не могли быть ни отчуждаемы, ни сдаваемы в аренду [1, с. 294].

Ненормальность такого положения осознавал уже первый генерал-губернатор края К.П. Кауфман. Еще в 1870-х – 1880-х гг. в одной из своих аналитических записок он отмечал, что «отсутствие земельного законодательства прямо задерживает правильное развитие русской оседлости в крае, затрудняя свободный переход туземных поземельных имуществ в руки русских приобретателей». [2, с. 337]

Таким образом, от скорейшей разработки правил, определяющих юридическую обоснованность владения туземцев землёю, зависело успешность дальнейшей переселенческой политики.

Попытки административных и хозяйственных реформ в крае уже предпринимались, но временные правила 1867 и 1875 года не затрагивали поземельных взаимоотношений.

Ситуация изменилась после выхода Положения об управлении Туркестанским краем 1886 года. После создания этого документа немедленного кардинального улучшения не произошло, так как земли, на которых существовали и образовались в крае новые посёлки, уступались кочевниками. Основанием таких «сделок» выступали особые соглашения с местной администрацией, сопровождавшиеся выдачей кочевникам вознаграждения.

Однако в тексте Положения подобные процедуры отчуждения туземных земель трактовались как не совсем законные.

В частности, на основании 270 статьи Положения все земли в пределах кочевых областей находились в пользовании кочевого населения согласно обычаям, при этом по 277 статье кочевым обществам принадлежало право отводить участки для земледелия исключительно кочевникам, но не русским переселенцем [3].

Таким образом, кочевое туземное население Туркестана становилась заложником юридических коллизий и разнообразных трактовок существующих земельно-правовых норм. Ситуация осложнялась тем, по законам Российской империи данные земли изначально принадлежали государству. В столь же сложном положении находилась и местная

администрация, так как в её распоряжение могли поступать лишь земли, перешедшие законным порядком во владение казны.

Исходя из этого, сам порядок изъятия земли у кочевого населения Туркестана к началу XX века вряд ли можно считать законным.

Тем не менее, местная администрация вынуждена была признавать силу за такими соглашениями. Также давалось негласное согласие самим переселенцам теми или иными путями достигать согласия с туземцами на уступку им права бессрочного пользования определенным участком земли.

Таким образом, права кочевого населения на землю нарушались. По этой причине местная администрация, понимая всю важность русской колонизации края, была вынуждена пойти на уступки переселенцам.

После начала столыпинской аграрной реформы в край хлынуло большое количество переселенцев, которые требовали немедленного устройства. Положение осложнялось ещё тем, что земельные запасы Туркестанского края, находившиеся в непосредственном распоряжении правительства и пригодные для переселения, были крайне ограниченными.

Например, землеустройство туркестанских киргизов происходило крайне медленно и неэффективно. Виной тому были статьи 270 и 279 Положения, где крайне размыто трактовалась сама процедура оставления земли за кочевниками. В виду чего для скорейшего освобождения нужного для целей колонизации фонда возникло предложение дополнить 270 статью Туркестанского положения примечанием, которое уже имелось при 120 статье Степного положения. Сущность этого дополнения заключалась в том что, администрация вырабатывала систему норм, по которой определялось то количество земли, которое необходимо оставить в пользование местного населения, а излишки изъять в колонизационный фонд [4,с.183].

В 1904 году такое предложение было внесено в Государственный совет Министерством Земледелия и Государственных имуществ. Однако во время обсуждения законопроекта были высказаны сомнения относительно его правильности.

В частности, указывалось на необходимость иметь в виду, что издание закона об изъятии из пользования кочевников излишних земель, даже при условии принятия всех мер к ограждению их законных интересов, знаменует собой крупный переворот в экономическом быту кочевого населения.

Такой переворот мог «легко возбудить волнение в среде малокультурных кочевников», тем более что после присоединения Туркестанского края русское правительство обещало местному населению сохранения всех его обычных прав, в том числе и права на землю.

К тому же, в виду шедшей в то время Русско-японской войны, всякое народное неудовольствие в Туркестане признавалось нежелательным.

На основании вышеизложенного Государственный совет вернул Министерству Земледелия внесенный законопроект.

Таким образом, система изъятия земель у туземцев оставалась на том же уровне. Даже после увеличения переселенческого потока пра-

вительство не шло на решительные меры во избежание конфликтов с местным населением. Также для переселенцев не было предоставлено возможности законным путём приобретать или арендовать землю, что создавало ситуацию неизбежного конфликта.

Нерешенная ситуация обострилась к 1906 году. В крае проживало до 2000 семейств переселенцев, не имеющих наделов. Их положение продолжало ухудшаться. Как сообщал Генерал-губернатор Туркестана Д.И. Субботич Военному министру, «они настойчиво требовали наделов из киргизских земель, к чему подстрекались агитаторами, и можно ожидать, что весной они перейдут к самовольным захватам. Такие захваты уже имели место ранее, но киргизы с этим мирились, теперь же встречались попытки агитации среди киргизов к неуступчивости в земельном вопросе».[4,с.210]

Для разрешения обострившейся ситуации Генерал-губернатором было собрано особое совещание. Совещанию был поставлен вопрос, каким образом устроить тех прибывших в край переселенцев, которые не были причислены ещё к уже существующим селениям, и поэтому не имели земельных наделов.

Совещание пришло к заключению, что единственный способ помочь безземельным переселенцам – предоставить им права арендовать землю у кочевников.

Таким образом, обострившиеся земельная ситуация требовала немедленного решения. В отсутствие чёткого земельного законодательства решающего вопросы переселенцев, местная администрация была вынуждена пойти в обход закона и разрешить переселенцам брать землю в аренду.

Эта мера была, безусловно, положительной для колониационного процесса, предоставляющая возможность переселенцам на законных основаниях приобретать землю у туземного населения.

Однако на практике это не дало положительных результатов, так как малочисленная местная администрация была не в состоянии отслеживать все совершенные сделки. Поэтому самовольные захваты земли безземельными переселенцами продолжались, обостряя уже существовавшие конфликты с туземным населением.

В итоге из-за ухудшения общей обстановки в Туркестане правительство вынуждено было закрыть область для переселения в 1908 году.

Ситуация изменилась в 1910 году, когда было созвано Особое совещание, целью которого был пересмотр основного закона Туркестана. В него были внесены существенные изменения, касающиеся и земельных взаимоотношений. Правительство пошло на решительные меры и в статью 270 была внесено дополнение. Оно позволяло изымать земли, оказавшиеся излишними для кочевников в пользование Главного Управления Землеустройства и Земледелия. В статью 277 тоже были внесены изменения, по которым кочевым обществам разрешалось отводить участки не только коренному населению, но и русским переселенцам.

Такая корректировка в нормативно-правовой базе землепользования в пользу переселенцев была вызвана пониманием правительством

несправедливых условий политики земельных перераспределений. Нельзя сбрасывать со счета и постоянно растущую перспективу туземных волнений. Наконец, сами существовавшие правила уже не отвечали потребностям колонизации, а иногда и прямо задерживали её.

По результатам внесенных изменений правительство Российской империи могло изымать излишние земли у коренного населения и заселять их переселенцами.

Подводя общий итог поземельных отношений царского правительства и коренного населения в Туркестанском крае можно сделать вывод, что на первом этапе у верховной власти стояла задача укрепить в крае своё присутствие. При этом крайне важным и трудновыполнимым было не вызвать недовольство коренного населения. Это стало главным аргументом изменения статуса земель Туркестана из абортинных в собственно государственные. Одновременно с этим все большее значение приобретала другая, ключевая по своей сути проблема – заселение края переселенцами.

Литература

1. Кипякина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Наука, 1984. 294 с. (*Монография*)
2. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 337 с. (*Монография*)
3. Положение об управлении Туркестанским краем [Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>]. (Дата обращения: 25.03.2013).
4. Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1910. 372 с. (*Монография*)

Всеобщая история

ЯПОНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРОТОИЕРЕЯ В. Е. МАХОВА

А. С. Борцова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А. Н. Полухин, к.и.н., доц.

Япония – страна, вызывающая традиционный интерес российских исследователей. Он связан с тем, что Япония и Россия – соседние страны. В последние годы у наших стран все более тесные отношения. Поэтому изучение истории наших взаимоотношений является актуальной задачей, особенно если обратиться к малоизвестным страницам прошлого. Такой страницей как раз является история путешествия в Японию Василия Махова в середине XIX в.

Василий Емельянович Махов (1796–1864) свои воспоминания о путешествии оставил в книге «Фрегат «Диана»: путевые записки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова». Путевые записки В.Е. Махов к печати готовил на склоне лет. Эти путевые записки мало изучены и представляют большой интерес.

Родился Василий Емельянович в бедной семье в Курской губернии. В 1815 г. он закончил духовную семинарию, став диаконом, а в 1823 г. стал священником села. «В 1853 году о. Василия Махова назначили священником в походную церковь на фрегате «Диана», который снаряжался в дальнее плавание. С командой адмирала Путятина он совершил кругосветное путешествие, ... пережил страшное землетрясение и цунами у берегов Японии, во время которого были разрушены японские города и погиб фрегат «Диана»» [1, с. 117].

Русской миссии, возглавляемой Е.В. Путятиным, поручили установить торговые отношения с Японией, не нарушая ее законы. Россия просила открыть для своих судов несколько портов для торговли, пополнения припасов и текущего ремонта [2, с. 266].

Экипажу фрегата «Диана» после бедствий, произошедших у берегов Японии, помогли спастись японцы. В.Е. Махов прожил в Эдо с экипажем полгода и в 1855 г., наняв судно, покинул берега Японии, но не слишком удачно. На пути к берегам России корабль натолкнулся на английский рейд, так как шла Крымская война, и англичане захватили

их в плен. В декабре 1855 г. В.Е. Махов вернулся в Санкт-Петербург. В 1859 г. его назначили настоятелем церкви первого русского консульства в Японии, но он занимал должность эту недолго, с июня 1859 г. по декабрь 1860 г., когда он вернулся в Россию по состоянию здоровья.

Василий Махов оставил интересные путевые записки. В них он описывает, как отнеслись японцы к прибытию русских. Отдельную главу в книге посвящает рассказам о Японии, ее климату, постройкам, внешности, характеру и жизни японцев, вероисповеданиям и обрядам, а также сообщает о промыслах и торговле. «Сведения об этом, – подчеркивал он, – собраны иною в полугодичное пребывание в городе Иеддо и потому за краткость их, да не взыщет с меня благосклонный читатель» [3, с. 50].

Интересно то, как Василий Емельянович дает внешнее описание японцев. «Японцы все вообще ростом довольно малы. Нас – русских, считали они против себя за великанов; телосложения они полного, лицом бледны и не красивы; ходят с несколько наклоненною головою; взгляд приветливый, выражение лица кроткое, постоянно с улыбкою и добродушное» [3, с. 54]. Говоря о внешности японцев, стоит отметить, что называть их некрасивыми не стоит, так как понятие красоты относительно и у каждого народа оно свое.

Василий Махов выделил некоторые черты характера японцев и дал им обоснование. Они сострадательны и человеколюбивы. Это показывает то, что они помогли русским при гибели фрегата «Диана». Японцы гостеприимны и добры, так как приняли русских, хотя по законам японцам запрещалось принимать всех иностранцев, кроме голландцев. Такие черты характера, как дружелюбие и чувствительность у японцев проявились в том, что русских ни разу не оскорбили и к ним были почтительны [3, с. 54].

Хотя Василий Емельянович дает положительную характеристику японскому характеру, но уточняет, что «о каждом японце сказать этого нельзя, иной надменен и горд, в другом видно притворство и лицемерие, тот – боязлив и недоверчив, а в ком либо есть другие и более того предосудительные пороки; но говорить об этом – дело не мое; я видел к себе одно хорошее и довольно этого» [3, с. 54]. Такую неоднозначную дает оценку характера японцев В. Е. Махов.

Василий Махов делает вывод о том, что Япония – страна, в которой большая численность населения. Вывод он этот дает на основе того, что в городах и приморских селениях проживало большое число жителей. В Японии каждый клочок земли, удобный для строительства, застроен, и в каждом небольшом доме проживают несколько семей.

Свои рассказы о Японии В.Е. Махов начинает с описания климата. Сравнивая японский климат с российским, он пишет о том, что наша осень сопоставима с японской зимой. В Японии бывают ненастные дни, но чаще погода теплая, и дни ясные. Заканчивает свой рассказ о климате Японии Василий Махов словами, что он прекрасный и теплый.

Посмотрим, как выглядели японские дома середины XIX века по путевым запискам В.Е. Махова. Жилые дома непрочные деревянные и

чаще всего одноэтажные, очень редко встречаются двухэтажные. Связано это с тем, что в Японии очень часто бывают землетрясения, из-за чего и не строят здания из камня, а все, что себе могли позволить японцы сделать из камня, – это фундамент. Потеря такого дома не убыточна, и дом можно восстановить в несколько дней.

Дома японцы строят все по одному типу, поэтому основное отличие дома богатого человека от небогатого является то, что ставится он вдали от улицы и перед домом расположен просторный двор. Дом богатого человека окружен высоким забором или же земляной насыпью. Дома же небогатых людей находятся близко друг к другу в уровень по улице.

Внутри дом разделяется передвижными перегородками, бумажными или тростниковыми, которые В.Е. Махов называл ширмами. «... Число комнат во всякое время можно прибавить и убавить по произволу; стены оклеиваются росписью, даже золоченою бумагою; в окнах рам и стекол нет, пустое отверстие заставляется на ночь ширмами» [3, с.52-53]. Украшениями внутри дома служат картины, изделия ручной работы и разного рода оружие. Из-за достаточно теплого климата в японских домах нет печей и каминов, но огонь поддерживают в небольших жаровнях, а в домах простых людей – на очагах.

Улицы в городах и селениях прямые и неширокие и содержатся в чистоте. У некоторых улиц в начале и конце были ворота, при них находился военный караул, который следил за порядком. В ночное время улицы были слабо освещены фонарями. Если кто-то ходил в ночное время по улицам, то должен был нести в руке фонарь. Не соблюдая это, человек мог быть арестован часовыми [3, с. 53].

Следует также упомянуть о том, как отнесся к вероисповеданиям японцев протоиерей В.Е. Махов: «Обряды вероисповедания у японцев многообразны: иные веру свою заключают в поклонении духам невидимым, – из которых дух света есть главное божество, другие обожают: огонь, солнце, луну и звезды; некоторые веруют в переселение душ в скотов, птиц и потому никаких животных не умерщвляют и мясное в пищу не употребляют; многие же веру свою поставляют в исполнении чрез бонзов одних только наружных обязанностей» [3, с. 58]. Он рассказывает о таких вероисповеданиях, как синтоизм, почитание небесных светил, буддизм и учение Конфуция. В конце добавляет, что японцы «находятся в величайшем заблуждении о истинном богочтении».

Несмотря на отрицательное отношение к японским вероисповеданиям, В.Е. Махов побывал лично на некоторых обрядах. Так, узнаем, что рождение ребенка сопровождается приглашением в дом бонзы для проведения обряда. В течение четверти часа бонза по книге «распева-ет», затем младенца одевают в шелковый халат, опоясывают и вкладывают за пояс необходимые вещи, такие как трубку, кошелек с табаком и огнивом.

Обряд бракосочетания проводится в присутствии бонзы: «он с полчаса читает по книге нараспев, потом жених берет руку невесты, сжимает ее крепко так, что последняя вскрикнет, далее ей чернят зубы

каким-то крепким составом и тем обряд оканчивается» [3, с. 60]. Крепкий состав, о котором написал Василий Махов, также упоминается в записках Василия Михайловича Головина (1776–1831), который побывал в Японии на 30 лет раньше. Крепкий состав этот сделан «из железных опилок и сока некоего растения, так что после на всю жизнь свою остается она с черными зубами, которые служат вывескою замужней женщины или вдовы» [4, с. 352].

Еще один обряд – это погребение умерших. В дом приглашается бонза, который читает молитвы над умершим, после этого умершего в «сидячем положении» опускают в ящик, закрывают его и сжигают. Пепел же зарывают в землю и устанавливается памятник. Богатые люди умерших хоронят без сожжения, просто предавая тело земле, но при таком обряде осуществляют еще дополнительную церемонию [3, с. 61]. У японцев не принято при погребении умерших предаваться сожалениям и скорби.

Очевидно, что записка Василия Махова – это ценный источник по истории, культуре, бытовой стороне Японии середины XIX в. Ведь это последний период существования там традиционного общества в его классической форме. Существенно это и тем, что ранее Япония как страна была практически закрыта, а затем она начнет стремительно меняться. Поэтому воспоминания Махова – это то, что нам позволяет приоткрыть удивительный мир японской традиционной цивилизации.

Литература

1. Кирпиченко Т. Путевые записки священника // Словесница искусств. 2010. № 2 (26). С. 116–118 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovoart.ru/node/222> (Дата обращения: 09.02.2013).
2. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+, 2010. 352 с. (Монография)
3. Махов В.Е. Фрегат «Диана»: путевые записки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова / В. Е. Махов. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1867. 64 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bookos.org/book/732513> (Дата обращения: 13.03.2013).
4. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев / Под ред. А. Танчарова. М.: Захаров, 2004. 464 с. (Сборник)

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ 1929–1933 ГОДОВ В США

А. В. Грошева

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Г. Борин, к.и.н., доц.

Кино как продукт культуры XX века играет определяющую роль в культурной жизни общества, в том числе американского. Сравнительно молодой, но самый массовый вид искусства представляет собой со-

циокультурный феномен, способный оказывать мощное воздействие; как на отдельного человека, так и общества в целом.

Являясь инструментом воздействия на публику, кино может выступать в качестве исторического источника по проблемам социокультурного развития общества. Информация, запечатленная в фильме, прямо или косвенно отражает те явления, происходящие в том обществе, в котором кино существовало. Это позволяет использовать кинематограф для исследования широкого спектра проблем.

Еще М. Ферро – историк школы «Анналов» отмечал, что при характеристике картины мира необходимо обращаться к произведениям художественной культуры, поскольку они дают возможность существенно расширить и углубить представления о социальной действительности, формируя проблемный образ, связанный с настроениями в обществе, затрагивая значительные проблемы конкретного исторического этапа [7, с. 48]. Сведения, запечатленные в них, могут рассматриваться как исторический источник, отражающий социокультурное развитие общества на определенном этапе. Из этого следует, что видеоматериалы являются немаловажным элементом для восстановления картины прошлого.

В качестве исторического источника выступают как документальное и игровое кино, так и мультипликационное. В связи с этим, в нашем исследовании были сделаны попытки анализа американской действительности времен Великой Депрессии посредством мультипликационных кинодокументов.

XX век нашел свое воплощение в массовой культуре, где значимая роль отводилась киноискусству. На кинематограф были возложены большие ожидания, как со стороны власти, так и со стороны зрителя. Это было связано с кризисным периодом, получившим название Великая Депрессия.

Биржевой крах, произошедший в США в 1929 году, привел к тяжелому экономическому кризису, который затронул все стороны общественной жизни. Как отмечал историк кино Ежи Теплиц: «Кризис – это не только отсутствие денег, безработица и голод. Это также моральная депрессия, потеря доверия, расшатывание существующего социального уклада и общественного порядка» [6, с. 198].

Следствием краха стало разорение огромного количества банков и в связи с этим потеря вкладов. Происходил стремительный рост голодающих и безработных. Реакцией на это являлись частые выступления протеста. Также данный период характеризуется банкротством предприятий, результатом которого стало закрытия производства важнейших отраслей промышленности.

Кинематография была единственной промышленной отраслью, которую кризис изначально не затронул. Так Ежи Теплиц писал: «Кинематограф – единственная отрасль промышленности в США, которая не знала кризиса. Даже в самые тяжелые годы безработицы люди предпочитали билет в кино куску хлеба...» [6, с. 199]. И действительно, в данный период времени интерес к кино резко возрастает. Это было

связано с тем, что кино помогало вселять в людей веру в жизнь и помогать справляться с трудностями. В связи с этим происходит развитие мультипликационного кино, имеющее развлекательную направленность, способную увести людей от неприглядной действительности.

Особенности анимационного фильма позволяли производить развлекательные рисованные фильмы, но в тоже время затрагивать социальные проблемы, формируя образ проблемы. Так стали появляться мультфильмы, демонстрирующие пагубные явления, происходившие в американском обществе времен Великой Депрессии.

Одной из главных тем выступала проституция, которая получила большое распространение в этот кризисный период и была связана с увеличением безработных женщин, искавших любые способы заработка [9]. В связи с этим произошли изменения приоритетов в мультипликации. Так становится популярным анимационный персонаж – шестнадцатилетняя Бетти Буп режиссера Макса Флейшера. Мультфильмы с ее участием были обращены к власти и обществу. Режиссер хотел показать, что назрела огромная проблема и ее необходимо искоренить. Однако зрители начали симпатизировать ее образу, и серия роликов с участием Бетти получила большую популярность среди публики.

Мультгероиня стала первым секс-символом в мультипликации. Как отмечает кинокритик Дарья Завьялова: «У Бетти Буп огромная голова, напоминающая арахис, напомаженные кудряшки, круглые глаза и губки бантиком, под которым нет подбородка. Зато у нее есть соблазнительное тело, которое почти не скрывает маленькое черное платье, и невинный «кукольный» голос. Бетти то и дело раздевается или щедро раздает поцелуи» [8].

Однако в результате применения санкций образ Бетти подвергся изменению. «В результате, из вольной девицы она превратилась в одинокую домохозяйку, носившую длинные платья и юбки, исчезло ее откровенное декольте» [8]. В связи с этим у зрителей интерес к персонажу был потерян и проект был закрыт.

Не менее популярным мультфильмом, демонстрирующим негативные процессы кризиса, стал «Танец скелетов» режиссера Уолта Диснея, вышедший на экраны в 1929 году, где в шуточной форме косвенно была затронута проблема смертности американцев от голода в указанный период [4]. В фильме была показана ночная жизнь кладбища, на котором с наступлением темноты из могил выходили скелеты и начинали танцевать. Критик Е. Борисова отмечает: «Черно-белая анимация сразу создает зловещую атмосферу, которая лишь спустя минуту скрашивается черным юмором, с которым главные герои подходят к своему веселью. Смерть забрала у них все, но чувство юмора и танцевальные навыки помогают им не заскучать даже на мрачном кладбище» [1].

Таким образом, осуществляя данную задумку, У. Дисней хотел показать, что, несмотря на тяжелые времена кризиса, которые привели многих людей к смерти, нужно верить в светлое будущее. Надежда на лучшую жизнь была продолжена режиссером. Для этого он заимствовал сюжет сказки братьев Grimm «Гадкий утенок». Мультфильм вышел на экраны в 1931 году [2]. В фильме У. Дисней сравнивает «гадкого»

утенка, не принятого другими птицами с американскими людьми, потерявшими работу и оказавшимися ненужными для общества. Конец мультфильма заканчивается положительно. Утенок превращается в прекрасного лебедя и находит себе друзей. Этим сюжетом режиссер хотел показать возможность преодоления тяжелых жизненных ситуаций и в реальной жизни. Для этого было необходимо провести реформирование в стране.

Символом таких преобразований стал Франклин Делано Рузвельт, вступивший на пост президента 4 марта 1933 года. Симпатизируя прогрессивной политике «Нового курса» Франклина Рузвельта, Уолт Дисней выпустил ряд мультипликационных фильмов. Наиболее известные – мультфильмы с участием мышонка Мортимера, в последствие переименованного на Микки Мауса [3]. Серия фильмов с его участием имели идейное содержание. У. Дисней отображал жестокую борьбу героев, тем самым проводя параллели борьбы с экономическим кризисом. Л. Джекобс пишет: «Когда мир полон безжалостных конфликтов, весьма симптоматично, что фильмы Диснея полны безжалостных конфликтов. Микки – это воплощение физической силы» [1, с. 100]. Изображая физическую борьбу на экране, режиссер хотел показать силу президента Франклина Рузвельта, способного вывести страну из кризиса.

Развивая тему выхода из кризиса с помощью действенной политики Ф. Рузвельта, У. Дисней выпускает мультипликационный фильм «Три поросенка», появившийся в 1933 году, который символично рассказывал басню о Великой Депрессии [5]. Сюжет заключается в том, что три поросенка строят себя дома. Один из сена, другой из прутьев, а третий из кирпича. Два поросенка, которые построили хрупкие домики, отображают политику бывшего президента Гувера, который так и не смог вывести страну из кризиса. Поросенок, построивший надежный дом из кирпича символизирует прогрессивную политику Франклина Рузвельта. Два поросенка, смастерившие себе ненадежные дома проявляли иронию над своим старшим братом, построившим дом из кирпича. Но при появлении волка, который сдул их ветхие домики, поросята поспешили в надежный каменный дом своего брата. Эта ситуация символизирует состояние общества того периода, которое изначально настороженно относилось к преобразованиям Рузвельта.

Уолт Дисней хотел продемонстрировать действенную политику президента в виде крепкого, надежного домика, который спасет от проблем. Тем самым, он показывал на примере поросят, что если построить надежный каменный дом, то серый волк обязательно будет побежден. Безусловно, серый волк это образ «Великой Депрессии», которая будет побеждена, если построить крепкий дом, то есть, выстроить правильную политику. Песня «Нам не страшен серый волк» приобрела большую популярность и стала своеобразным гимном.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что мультипликационное кино может выступать одним из факторов общественных процессов, а также являться отображением ценностных ориентиров.

Источники и литература

1. Борисова Е. Дисней Уолт – мультипликатор, режиссер. М.: Прогресс, 1973. 120 с. (Монография)
2. Дисней У. Мультфильмы: Гадкий утенок 1931 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kinofilms.tv/film/the-ugly-duckling/39876/> (Дата обращения: 26.03.2013).
3. Дисней У. Мультфильмы: Микки Маус 1932 [Электронный ресурс]. – URL: <http://video.yandex.ru/#search> (Дата обращения: 26.03.2013).
4. Дисней У. Мультфильмы: Танец скелетов 1929 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kinopoisk.ru/film/19907/> (Дата обращения: 26.03.2013).
5. Дисней У. Мультфильмы: Три поросенка 1933 [Электронный ресурс]. – URL: <http://video.yandex.ru/#search> (Дата обращения: 26.03.2013).
6. Теплиц Е. История киноискусства звукового периода (1928-1933). М.: Прогресс, 1971. 301 с. (Монография)
7. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С.47-57.
8. Флейшер М. Мультфильмы для взрослых: Бетти Буп 1930 [Электронный ресурс]. – URL: <http://video.yandex.ru/users/taribulba/view/2787/> (Дата обращения: 27.03.2013).
9. Chicago Gangsters: Материалы: Секс и общество. [Электронный ресурс]. – URL: <http://chicago.allrpg.info/files/8437/> (Дата обращения: 27.03.2013).

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ДВИЖЕНИИ КАТАРОВ

Е. Г. Кайнова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.И. Зайцева, к.и.н., доц.

Катаризм (альбигойство) считается одним из наиболее крупных городских еретических течений Зрелого Средневековья. Альбигойцы были распространены во Франции, Италии, Германии в XII–XIII вв. В данной статье рассматривается Юг Франции – регион, в котором их движение достигло своего апогея и было разгромлено в результате крестового похода 1209–1229 гг. [1, с. 97]. Цель статьи – дать краткую характеристику положения женщин в движении катаров, так как оно имело ряд важных особенностей по сравнению с существовавшим в среде католиков. Для написания работы была использована монография отечественного исследователя XIX в. Н.А. Осокина, работавшего в рамках позитивистской методологии, и работы ряда российских и зарубежных историков XX–XXI вв., в частности, представителей антропологического подхода (Ж. Ле Гоффа, А.Я. Гуревича). В числе исторических источников – письмо ортодоксального католика Эвервина, аббата Штайнфельда, святому Бернару Клервоскому, характеризующее вероучение и устройство общин еретиков (1143 г.); и созданный представителями альбигойского движения Юга Франции «Катарский требник», в котором содержится ритуал принятия в число посвященных (XIII в.).

В рамках господствовавшего в средневековой Западной Европе католицизма женщины изображались как орудия дьявола, используе-

мые для соращения и погубления человека. Женщине следовало повиноваться мужчине, что следовало из ее вины – первородного греха, в который она вовлекла мужа. Невысокое положение женщины в обществе оправдывалось и несовершенством ее тела. Считалось, что физическая слабость сказывалась на воле и мыслительных способностях, не позволяя женщинам «возвыситься до понимания божественного», поэтому они нуждались в руководстве мужчин. Теологи были настроены антифеминистски. Женщина расценивалась как сосуд зла и орудие в руках дьявола, используемое для соращения мужчины [2, с. 241–243; 3, с. 49–51].

Отношение к женщине в бюргерской среде отличалось от распространенного в среде теологов. В городах женщины были вовлечены в достаточно широкий спектр ремесел и играли важную роль в экономической жизни. Поэтому отношение бюргеров к женщинам и к семейной жизни было более позитивным, и проповедники, ориентированные на город, учитывали эти настроения [4, с. 252; 5, с. 296–297]. Однако, как указано в работе Ж. Ле Гоффа и Н. Трюона, и в бюргерской среде мужчины, отводя женщинам роль добрых жен и матерей, были убеждены в своем превосходстве над ними [3, с. 51].

Катары по своему социальному составу были в основном представителями бюргерства, но их отношение к женщинам сильно отличалось и от распространенного в среде теологов, и от бытовавшего в католической городской среде. Вероучение катаров не приписывало женщинам изначальной греховности и несовершенства. Женщины на Юге Франции занимали активную позицию в деле развития и распространения катаризма [6].

Большую роль женщины играли в жизни еретических общин. Общины состояли из «совершенных» и «верующих». «Совершенным» назывался человек, получивший крещение («consolamentum») [7]. «Совершенные» были главами альбигойских общин и воплощали собой моральный идеал: отличались высоконравственным поведением, занимались проповедованием и были духовными наставниками приверженцев ереси, остававшихся в миру. Эти приверженцы – «верующие» материально поддерживали «совершенных» и могли завещать своё имущество общине [8, с. 359–361; 9].

Следует особо отметить, что женщины в общинах катаров не только не занимали приниженого положения по отношению к мужчинам, но и могли войти в число «совершенных» и исполнять важные религиозные функции: проповедовать, учить новообращенных и проводить обряд крещения над умирающими, что было необходимо для спасения души [10, с. 78–79]. На это указывает, в частности, письмо Эвервина, аббата Штайнфельда, святому Бернару Клервоскому (1143 г): «Среди этих апостолов Сатаны есть и женщины, целомудренные (как они претендуют), вдовы, девицы или их жёны, причём одни среди избранных, другие среди верующих, и всё это по примеру апостолов, которые разрешали приводить женщин» [11]. Значительность положения, которое женщины занимали в общинах еретиков и их религиозной

жизни, является важной особенностью течения катаров по отношению к католицизму (в католический клир входили только мужчины, принявшие обет безбрачия).

Женщины, получившие посвящение, жили, как и мужчины, в общинных домах. Некоторые дома представляли собой подобие современных хосписов для безнадежно больных, другие были местом проповеди и обучения неофитов. Для женщин не практиковалось затворничества. Они, как и мужчины, зарабатывали на жизнь своими руками, желая быть подобными апостолам. Большинство «совершенных» женщин придерживались обета безбрачия, но среди них были и вдовы, и женщины, вырастившие детей и затем принявшие посвящение. Распространены были и случаи, когда женщины из одной семьи формировали религиозную общину. Девочки, воспитанные в катарских домах, не все принимали обеты. Многие из них, достигнув совершеннолетия, возвращались в мир [10, с. 77-80].

В среде катаров были приняты строгие моральные нормы, регулировавшие отношения между мужчинами и женщинами. Инквизиторы обвиняли еретиков в том, что те жили с наложницами и имели незаконных детей, однако данное обвинение не соответствовало действительности. Мужчины – «совершенные» вели строго добродетельный образ жизни. Брак для них был столь же греховным, каким он был для католического монаха [9]. Им запрещено было даже прикасаться к женщине рукой. Это правило соблюдалось и при совершении обряда «consolamentum»: священники обнимали новообращенного мужчину и давали ему два поцелуя мира, но если обряд совершался над женщиной, то ограничивались прикосновением к плечу Библией. Различался и обряд благословения «совершенными» верующих, но благословение женщины ценили столь же высоко, сколь и мужчины [8, с. 359-360; 367].

По отношению к «верующим» обвинение инквизиторов в безнравственном поведении также не было справедливо: для католической Церкви женщина, не прошедшая обряд венчания, в любом случае считалась наложницей, а катары презирали католические обряды. Брак для «верующих» рассматривался ими как горькая необходимость: сам по себе он считался вредным, но запретить размножение человеческих тел было невозможно, так как считалось, что в этом случае после смерти очередного тела душе некуда было бы переселиться для покаяния [8, с. 357]. В целом жизнь основной массы «верующих» катаров практически не отличалась от жизни католиков. З. Ольденбург, ссылаясь на списки знатных семей, доказывала, что семейные связи были прочными и почитаемыми, а старинные традиции, связанные с катарской Церковью, передавались из поколения в поколение. [9].

Важным является вопрос о причинах большой роли женщин в движении катаров. В исследовательской литературе высказываются различные взгляды на эту проблему. А.Б. Таунсенд считает, что женщины изначально занимали значительное положение на Юге Франции. Например, законы о правах наследования в Лангедоке были таковы,

что женщины часто становились владелицами земель, особенно если они не состояли в браке. Следует также учитывать тот факт, что Юг Франции был областью, процветавшей благодаря торговле, в которой активно участвовали женщины. Таким образом, изначальное значительное социальное положение женщин отразилось в религиозных нормах катаризма.

Французская исследовательница А. Бренон высказывает иные взгляды на проблему женщин в движении катаров. Она считает, что катары придерживались принципов ранней христианской религии, в распространении которой женщины играли весьма существенную роль. Бренон также утверждает, что значительную роль в изменении отношения к женщинам сыграли трубадуры. В их произведениях говорилось о духовной любви к женщине, что имело определенный резонанс с благочестивыми устремлениями катарских совершенных [6].

Таким образом, женщины занимали значительное положение в общинах катаров и играли важную роль в религиозной жизни. В отличие от представителей католического клира и ортодоксальной буржуазной среды, еретики не считали их греховными либо несовершенными и допускали принятие ими посвящения и исполнение целого ряда важных религиозных функций. И «совершенные», и «верующие» придерживались строгих моральных норм, регулировавших отношения между мужчинами и женщинами, но не принижавших последних. Большая роль женщин в движении катаров объясняется их активным участием в экономической жизни Юга Франции, наличием у них большего количества прав, чем в иных областях, а также особенностями верования катаров, придерживавшихся принципов раннего христианства.

Литература

1. Таевский Д.А. Христианские ереси и секты. М.: INTRADA, 2003. 319 с. (Монография)
2. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпра, XIII в.). М.: Искусство, 1989. 366 с. (Монография)
3. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 189 с. (Монография)
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с. (Монография)
5. Опитц К. Как жили в Позднее Средневековье // История женщин на Западе: в 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. Т. 2: Молчание Средних веков / Под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб.: Алетейя, 2009. С. 265-312. (Сборник)
6. Townsend A.B. The Cathars of Languedoc as Heretics: From the Perspectives of Five contemporary scholars [Электронный ресурс]. – URL: <http://books.google.ru/books?id=x8NxtDuZOhIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения 10.03.2013).
7. Cathar Rites: Traditio: Immersion in the Perfect Community, from the Lyons Ritual [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fordham.edu/Halsall/source/cathar-traditio.asp> (Дата обращения 10.03.2013).
8. Осокин Н.А. Еретические верования // История ересей: Сб. / сост. А. Локтионов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 267 – 416. (Сборник)

9. Ольденбург З. Костер Монсегюра. История альбигойских крестовых походов [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.ru/read/oldenburg_zoya/koster_monsegюра_istoriya_albigoyских_krestovih_pohodov.html#808960 (Дата обращения 10.03.2013).
10. Дульнева Н.А. Две Церкви, или катаризм в Окситании // Гийем Тудельский. Песнь об Альбигойском крестовом походе. М.: КВАДРИГА, 2010. С. 61-86.
11. Письмо Эвервина, аббата Штайнфельда, святому Бернару. 1143 год // Дульнева Н.А. Катары Рейнских земель [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/katary-reinskikh-zemel> (Дата обращения 10.03.2013).

БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ТРАКТОВКЕ СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМА

В.О. Кривошеина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Соболевский, ст. преп.

Опубликованная в ноябре 1859 года работа Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» вызвала огромное оживление в научном мире. Эволюционная теория распространялась повсеместно, её принципы начали использовать как естественные, так и гуманитарные науки. Среди последних наиболее активно дарвиновские тезисы заимствовала социология. Основной причиной этому послужило то, что в общественных науках того периода господствовал позитивизм. Теория Дарвина стала тем огромным импульсом, которого не хватало Г. Спенсеру для развёртывания биологической метафоры в социологии.

Однако не только теоретическая модель общества нуждалась в новых научных идеях для собственного развития, запрос также возник и у объективно существующих социумов – европейского и американского. Европа нуждалась в универсальном ответе на вопрос о причинах усложнения имущественной дифференциации: «После завершения наполеоновских войн в Европе ускоренно развивался капитализм, характеризовавшийся ростом богатства одних и обнищанием других» [2, с. 58]. Америка переживала похожую ситуацию: «После Гражданской войны в Соединенных Штатах на уме и на языке предпринимателей и финансистов было одно: даешь абсолютную, ничем не ограниченную свободу рынка!» [5, с. 110]. И в Европе, и в США возникла потребность в научном обосновании двух полярных состояний материальной обеспеченности общества – бедности и богатства. Однако, необходимо обозначить главное различие в природе данного идеологического запроса: в Европы он возник вследствие нарастающих темпов экономического развития, для Америки должен был стать одной из подвижек этого развития.

Благодаря вышедшей в свет работе Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора», возникла возможность трансфор-

мации двух американских государственных идеологий в качественно новую теорию, дающую исчерпывающий ответ о природе имущественной дифференциации и положении бедности и богатства в новых социально-экономических условиях. Таковым стал социал-дарвинизм. Социал-дарвинизм – парадигма в социологической мысли, согласно которой, человеческое общество функционирует в рамках закономерностей естественного отбора.

Во второй половине XIX века это направление наиболее достоверно представляло причины социального и имущественного неравенства, т.к. имело в своём основании научные принципы, заимствованные из биологии. Для промышленников и финансистов США после Гражданской войны (1862-1865) главным кредо стало скорейшее обогащение, сколачивание многомиллионных состояний. Подобная позиция американских верхов без наличия идеологической опоры встретила бы огромное сопротивление со стороны народных масс и рост социального напряжения. Отсюда возникло стремление «любыми средствами утверждать культ индивидуального успеха» [5, с. 110].

Либеральная и консервативная идеологии должны были дать ответ на новые требования, выдвинутые американской экономической элитой. Старая либеральная идеология в сложившихся условиях переживала кризис, т.к. «проповедь классических ценностей индивидуализма в новых социально-экономических условиях вступила в противоречие с двумя другими главными ценностями американского либерализма – эгалитаризмом и демократизмом» [5, с. 110]. Задачей либералов стало сопряжение данных принципов воедино.

Новое поколение американских консерваторов разрабатывало наиболее оптимальное обоснование необходимости существования неограниченного индивидуализма для экономической элиты Америки и в результате «Из двух течений американского консерватизма второй трети XIX в. к концу века на главную позицию вышел буржуазный консерватизм, который являлся “наследником по прямой” Александра Гамильтона и Генри Клея» [5, с. 110]. Буржуазными консерваторами провозглашались «абсолютная экономическая свобода и полное государственное невмешательство в свободную “игру” социально-экономических сил» [5, с. 110]. Их основные требования нашли поддержку у теоретиков социал-дарвинизма.

Биологический редуccionизм, свойственный социал-дарвинизму, провозглашал естественный, т.е. природный характер социальных отношений. Дарвиновская «борьба за существование» отождествлялась с человеческой конкуренцией, конфликтам, столкновениям, соперничеству. Дарвиновское «выживание сильнейших» в отношении индивидов проявлялось в двух формах, зачастую взаимоисключающих друг друга: во-первых, истребление и порабощение, во-вторых, накопление материальных благ. Любой социальный антагонизм (между индивидами, группами, классами), по мнению социал-дарвинистов, позволяет справедливо распределить и власть, и денежные ресурсы.

Теоретики социал-дарвинизма, в частности У.Г. Самнер, полагали, что «величайшим шагом вперед в этой борьбе является выработка капитала, который увеличивается плодотворным трудом и предоставляет необходимые для цивилизации средства» [1, с. 58]. Из этой формулировки следует, что богатство трактовалось социал-дарвинистами как общественная ценность, ведь вне зависимости от того, в чьих руках концентрировались многомиллионные состояния, и кому принадлежали монополии, неравномерное распределение богатства как таковое позволяло американскому суперорганизму (обществу) прогрессировать.

Сама природа капитала социал-дарвинистами представлялась разной: капиталы унаследованные и капиталы заработанные. Сравнивая ценность этих форм капитала, они полагали, что «Социальный прогресс зависит прежде всего от наследственных богатств» [1, с. 58], и объясняется эта зависимость тем, что «наследственные богатства гарантируют, что предприимчивый и трудолюбивый человек сможет сохранить в своих детях добродетель, которая позволила ему обогатить общество» [1, с. 58]. Передача богатств от поколения к поколению не только сохраняет имеющийся в семье капитал с перспективой его умножения, но и обозначает преемственность социальных и психологических установок внутри представителей сильнейшего вида. Именно семейные капиталы после 1865 года сосредоточили в себе наибольшее количество богатств Америки.

После окончания Гражданской войны, по мере превращения США в индустриально-аграрную державу, усилилась имущественная дифференциация, и уже в 1900 году «лишь 2% семей принадлежало более 1/3 всех богатств, а 10% семей владели почти 3/4 всего национального достояния страны» [3, с. 14]. Причинами бурного экономического роста США послужили несколько факторов, среди которых выделяются богатство природных ресурсов, увеличение численности городского населения за счёт естественного прироста, внутренней миграции и переселенцев из других стран, «высокий уровень накопления местного капитала и большой приток капитала из-за границы» [3, с. 2], а также государственная политика протекционизма. Но социал-дарвинисты, как сторонники фритрейда, полагали, что протекционизм подрывает экономический потенциал США, приводя государство в противоестественное, искусственное состояние, при котором оно не может представлять собой единый сообщенный организм.

Закрепляя за государством единственную функцию поддержания безопасности и порядка, социал-дарвинисты упрекали американских протекционистов в посягательстве на право конкурентной борьбы. Один из лидеров американского социал-дарвинизма У.Г. Самнер в своей работе 1893 года «Протекционизм, или теория происхождения богатства от непроизводительного труда», написанной в свете принятого в 1890 году тарифа Мак-Кинли, утверждал «что при охранительных пошлинах затрата во много раз превосходит пользу, не говоря уже о задержке национального роста, происходящей от искусственных преград и стеснений» [4].

Как сторонник фритрейда, Самнер полагал, что «благосостояние при свободной торговле и нищета при охранительных пошлинах одинаково подрывают систему протекционизма» [4], перелагая на государство вину в обнищании народа не в ходе естественного отбора в рамках капиталистических отношений, а в связи с подавлением индивидуалистического начала политикой протекционизма. Закрепляя за фритрейдом предоставление права конкурентной борьбы, невозможной в протекционистском государстве, Самнер утверждал, что «бедность при свободной торговле и богатство при охранительных пошлинах не подрывают фритредерства» [4]. В данных условиях, доктрина государственного невмешательства, с позиции социал-дарвинизма, должна была означать не только не препятствие развитию капиталистических отношений, но и отказ в помощи бедным слоям населения.

Несмотря на категоричность данной позиции, социал-дарвинисты не были заинтересованы в пауперизации, а лишь полагали, что некоторый количественный минимум бедняков в обществе будет наличествовать в связи с законом борьбы за существование. Обоснование идеи закономерности существования бедности заключалось в том, что саморазвивающееся общество порождает имущественное неравенство, поэтому поддержка нищеты, т.е. наименее приспособленных индивидов, представляла бы опасность для естественного отбора происходящего в рамках американского социума. Социал-дарвинисты утверждали, что «в мировой истории не было ни одного периода, когда бы отсутствовали классы и классовая борьба» [5, с. 112], а идея социального равенства и всеобщей взаимопомощи является не более чем утопией. Социал-дарвинисты в некоторой степени продолжали идеи Мальтуса, допуская «естественное возрастание нищеты в обществе», однако «Мальтус предрекал будущий крах человечества» [5, с. 113], в отличие от социал-дарвинистов, которые закрепляли за бедностью второстепенную роль в условиях прогресса человеческой цивилизации.

Подобные воззрения социал-дарвинистов на проблему бедности в конце XIX – начале XX века привели к тому, что народные массы, сталкиваясь с крупными изъятиями главенствующей буржуазно-индивидуалистической идеологии, постепенно начали утрачивать к ней доверие и стали переходить в ряды сторонников других идейных течений.

Таким образом, социал-дарвинизм после завершения Гражданской войны в США, объяснял причины имущественной дифференциации, концентрируя свое внимание преимущественно на явлениях бедности и богатства в условиях развивающихся капиталистических отношений внутри страны.

Литература

1. Hofstadter R. Social Darwinism in American thought // Richard Hofstadter; with a new introduction by Eric Foner. – Boston.: Beacon Press., 1992. 243 p. (*Монография*)
2. Бадертдинова З.Ф. Проблема бедности и богатства в учениях социал-дарвинизма и марксизма // Вестник Башкирского ун-та. 2008. Т. 13. №1. С. 57 – 60.
3. История США 1877 – 1918 / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М.: Наука, 1985. Т. 2. 600 с.

4. Самнер У.Г. Протекционизм, или теория происхождения богатства от непроизводительного труда [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.sapov.ru/2001/n01-02.htm#d1> (Дата обращения: 03.04.2013).
5. Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с. (Монография)

ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭТИКИ НЕНАСИЛИЯ МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА

В. О. Кривошеина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Соболевский, ст. преп.

Экономический рост, наблюдавшийся в США в 50-е гг. XX века, вызванный интенсификацией сельского хозяйства, автоматизацией производства, набирающей темпы научно-технической революцией и рядом других второстепенных факторов, стал подтверждением эффективности капиталистической демократии. Однако факт увеличения благосостояния страны сосуществовал с фактом, противоречащим такому принципу демократии, как эгалитаризм в обладании гражданскими правами.

Проблема расовых отношений и существования сегрегации на территории страны означала не только различие в правовой компетенции белых и цветных этнических групп, но прежде всего, обличала нравственный кризис, царивший в американском обществе того периода. Несмотря на почти вековой опыт введения 13 поправки к конституции США, законодательно отменявшей рабство на территории страны, а также существование конвенции о правах человека, население северных и, преимущественно, южных штатов, сохраняло в себе пережитки, оставшиеся от старой рабовладельческой системы, каковыми являлись расовые предрассудки.

Примечательно то, что значительную роль в стимулировании расовых и национальных конфликтов; сыграли реакционные круги, для которых антагонизм этнических групп внутри общества был тем средством концентрации социального напряжения, который позволял обеспечивать неприкосновенность собственных капиталистических интересов. На стороне реакции выступали апелляционные и окружные суды, выносившие неправомерные решения относительно дел связанных с открытой расовой дискриминацией цветных американцев, а также существовавшие в некоторых штатах Законы Джима Кроу.

Обладание равными гражданскими правами, как критерий демократического государства, в первую очередь является проявлением возможности свободы волеизъявления в рамках социально-политических процессов как определенного уровня самосознания, и уже потом обозначает позицию гражданина в рамках правового поля своего государства. Поэтому главной целью сегрегации было морально-психоло-

гическое подавление цветного населения, а уже второстепенной целью являлось утверждение его недееспособности.

Подобные настроения, царившие в американском обществе, не могли не встретить сопротивления со стороны цветного населения. Однако для аккумуляции освободительных сил не хватало лидера, способного с воодушевлением и искренней верой возглавить движение за гражданские права. Им стал Мартин Лютер Кинг младший. Он начал свою карьеру в качестве пастора церкви на Декстер-авеню и вскоре накануне бойкота общественного транспорта в Монтгомери, намеченного на 5 декабря 1955 года Кинга избрали лидером на совещании священников [1, с. 361]. Его речь «на массовом собрании прихожан баптистской церкви на Холт-стрит» [1, с. 361] ознаменовала начало освободительного движения, главными участниками которого стали члены негритянской общины.

Главной заслугой Кинга как харизматического лидера стало то, что деятельность будущего освободительного движения изначально и в дальнейшем основывалась на специфическом учении, отрицающим агрессию как средство достижения цели – этике ненасилия. Путь к нравственной доктрине ненасилия, или, как называл его сам Кинг, «Паломничество к ненасилию» [3, с. 168] был долог и полон исканий. Начался он в период ранней юности, когда будущий лидер «бывал там, где негров жестоко линчевали, и видел Ку-клукс-клан во время его ночных сборищ» [3, с.171]. Уже тогда, наблюдая со стороны подобную жестокость, применяемую по отношению к цветным, Кинг был потрясен несправедливостью расовых притеснений в обществе. Тогда, в силу юношеского возраста, он был подвластен чрезмерной эмоциональности, способной затмить рациональное и подвести Кинга к тому, что нельзя назвать иначе как ненависть по отношению к белым. Но этого не произошло в силу того, что опять же, в юношеском возрасте будущий лидер, проработав с братом на смешанном заводе, осознал, «что белые, как и негры, подвергаются эксплуатации» [3, с. 168]. Теперь Кинг воспринимал несправедливость как явление всеобъемлющее, имеющее разные формы и проявления.

В 1944 году Кинг поступил в колледж Мурхауз в Атланте, где ознакомился с работой Торо «Очерки по социальному неповиновению». Уже тогда испытывая глубокую неприязнь к сегрегации и бездействию властей, в попытках установить социальную справедливость, в работе Торо Кинг впервые наткнулся на идею сопротивления системе ненасильственными методами.

Следующей вехой на пути к ненасилию стало поступление в Крозеровскую теологическую семинарию. Уже на первом курсе Кинг пересмыслил содержание Библии и прочтение текстов Священного Писания, а также получил некоторые ответы на вопросы о взаимоотношениях внутри общества, благодаря лекциям профессора Мортон Скотта Энслина. Кингу показалось интересным то, что в лекциях профессора «апостол Павел был создателем глубочайшего этического учения, Иисус представлял перед слушателями как живой образ пророка нового

типа, а жизнь ранних христиан преподносилась в контексте их времени и бытовых реалий» [2].

Но духовное образование Кинга не основывалось только на сакральных христианских текстах. Во время обучения в семинарии Кинг ознакомился с работой Уолтера Раушенбаха под названием «Христианство и социальный кризис». Как считал Кинг, автор пал жертвой присущего XIX столетию «культы неизбежности прогресса» [3, с.169], по причине которого книга «буквально излучала безграничный оптимизм относительно построения в скором будущем Царства Божия на земле» [2]. Но, несмотря на некоторые противоречия, в целом, Кинг был впечатлен теологической работой Раушенбаха, и особенно его пониманием церкви как обращенной к обществу силы. Однако в отличие от Раушенбаха, он не был исполнен столь же большого оптимизма относительно скорого преодоления социальных и нравственных проблем человечества.

Позже Кинг занялся прочтением трудов философов античности и Просвещения, которые расширили этические и моральные воззрения. Любознательный Кинг в возрасте двадцати лет исследовал не значившиеся в учебной программе семинарии «Капитал» и «Коммунистический манифест» К. Маркса. По мере знакомства с марксизмом, Кинг выработал позицию непринятия исключительно материалистического понимания истории, отрицания Бога, ему был чужд «этический релятивизм» [3, с. 169], политический тоталитаризм, а также отрицание свободы индивидуализма. Но Кинг считал действительно верной идею Маркса о том, что существует «пропасть между чрезмерным богатством и крайней нищетой» [3, с.171].

Следующей etapом на пути к ненасилию были лекции доктора А. Дж. Масте в духовной семинарии Крозера, где Кинг ознакомился с идеалами пацифизма. Изначально идея отказа от войны Кингу казалась неубедительной. Возможно, как предполагал сам Кинг, «вера в любовь временно пошатнулась под влиянием философии Ницше» [3, с. 172] с его непринятием морали и стремлением человека к власти как высшей цели.

Однако в начале 1950 года нравственные искания М.Л. Кинга снова обратились к этике ненасилия. Тогда из поездки в Индию вернулся президент Хоувордского университета доктор М. Джонсон, вскоре выступивший в Филадельфии с лекцией о идеях Махатмы Ганди. Кинг присутствовал на ней и был поражен красноречивым выступлением профессора о жизни и учении лидера национально-освободительного движения Индии. Благодаря речи М. Джонсона, скептицизм Кинга -

постепенно начал рассеиваться, и после многолетних исканий; он обнаружил морально непротиворечивую и эффективную на практике в борьбе с существующими социальными проблемами этику ненасилия. Величие Ганди как человека профессор М. Джонсон в качестве доказательства величия привел пять фактов: «Во-первых, он освободил Индию. Во-вторых, он добился этого без единого выстрела. В-третьих, он по-братски вернул в семью индийских народов касту неприкасаемых, прежде отторгавшихся и отвергаемых обществом. В-четвертых,

его личная жизнь была столь чиста и свята, что уже только по этой причине его можно было бы считать великим человеком. Но его высшее достижение – и это в-пятых – заключается в том, что он показал, каким образом спасительную силу любви можно использовать при решении социальных вопросов, добиваясь с ее помощью реальных преобразований» [2]. Сразу же после лекции профессора М. Джонсона, Кинг приобрел несколько книг о жизни Ганди и его собственные труды. Отныне любовь и ненасилие в борьбе за социальные преобразования виделись Кингу как великая и действенная сила, сила полностью конструктивная. Ни труды марксизма, ни идеи деятелей Просвещения не принесли Кингу такое интеллектуальное и моральное удовлетворение [3, с. 173], которое он получил от концепции ненасилия Ганди.

Однако оставались некоторые вопросы, благодаря которым идейные поиски Кинга продолжились, и он обратился к трудам протестантского теолога Рейнхольда Нибура. Будучи изначально пацифистом, Нибур в 1930-е годы стал выступать с критикой данной идеологии. Знакомство Кинга с работой «Моральный человек и аморальное общество» произошло в его последний учебный год в семинарии. Кинг был не согласен с позицией Нибура, трактовавшего «пацифизм как разновидность пассивного несопротивления злу, выражающую наивную веру в любовь» [3, с. 174]. Прибывающий под впечатлением от концепции ненасильственной борьбы Ганди, Кинг осознавал то, что ненасилие является активной формой борьбы, где – вместо оружия и агрессии, – превосходящая их сила любви-агапэ и стойкости духа. Справедливой Кинг нашел в теологии Нибура критику ложного оптимизма, который зачастую встречался у пацифистов того времени, а также идею существования коллективного зла.

Тем не менее, уже на следующей ступени своего нравственного пути к ненасилию – работе над докторской диссертацией в Бостонском университете, – Кинг предположил, что Нибур заблуждался относительно природы человека как природы негативной. Дело в том, что в Бостонском университете Кинг «познал философию персонализма – учение, в котором ключ к пониманию вечной реальности находится в личности человека» [3, с. 176]. Это дало Кингу «метафизическое философское обоснование идеи о персональном Боге» [3, с. 176] и о ценности каждой личности как особой форме отражения божественности.

Последней вехой на пути нравственного поиска Кинга стало изучение им философии Гегеля. Несмотря на то, что Кинг не разделял позиций абсолютного идеализма, благодаря гегелевской диалектике он начал понимать борьбу как форму развития.

На основании теологических трудов, социальной философии и идеологии примирения, к 1954 году М.Л. Кинг сумел прийти к особому нравственному учению, главными идеями которого стала христианская мораль и концепция ненасилия Ганди. Ставший лидером борьбы за социальную справедливость, за демократию и основные свободы всей американской нации, уже в своей первой речи, Кинг сумел свести воедино христианскую формулу любви и идею борьбы за гражданские

права в созидательную этику ненасилия. Первая проповедь Кинга была встречена с воодушевлением, и пробудила самосознание членов негритянской общины. Несмотря на то, что в освободительном движении афроамериканцы составляли большинство, оно было направлено на обретение всей полноты гражданских прав и коренными американцами, и латиноамериканцами и более мелкими этническими группами. Этика ненасилия Мартина Лютера Кинга, как символ движения за социальное равенство, в дальнейшем позволила добиться изменения законодательства в отношении цветных (Билль о гражданских правах 1964 года) и продолжить борьбу уже за объединение всей американской нации.

Литература

1. Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы / Пер. с англ. А. Ю. Зайцева и др. / Ред. М. Д. Чеговидзе. М.: Весь Мир, 2000. 473 с. (Монография)
2. Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг. Жизнь страдание и величие [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/137767/3/Miller__Martin_Lyuter_King._Zhizn'_%2C_stradaniya_i_velichie.html (Дата обращения: 10.04.2013).
3. Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 168-181. (Сборник)

ФЕНОМЕН «КРАЙНЕ ПРАВЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ)

А.Ф. Крылова

Кузбасская государственная педагогическая Академия

Научный руководитель: Г.Е. Боброва, к.соц.н., доц.

Крайний национализм и правый радикализм – одна из существенных тенденций общественного развития современной Европы. Существует много вопросов и споров относительно этого феномена. Например, почему возникли партии крайне правого толка? Почему в последние годы эти партии имеют успех на выборах? И самый главный – вопрос об определении, терминологии.

В западных общественных науках используются различные понятия для характеристики данного феномена: фашизм, неофашизм, крайне правые, радикальные правые, новые радикальные правые, правый экстремизм, популизм и др. Такое изобилие терминов вызывает тревогу исследователей, поскольку, используя их, они не уверены, что имеют в виду одно и то же. Спектр крайне правых политических партий чрезвычайно широк: Национальный фронт (FN) во Франции, Национальный Альянс (AN) в Италии, Фламандский Интерес (VB) в Бельгии, Австрийская партия свободы (FPÖ) в Австрии, Норвежская прогрессивная партия (FRPn), Датская прогрессивная партия (DPP), Шведская народная партия (SVP) и др. Возникает вопрос: «Какое по-

нятие следует употреблять в отношении этих партий?». Ответим последовательно на поставленные вопросы.

Что касается появления феномена «крайне правых», то с точки зрения западных исследователей, это было связано с радикальными изменениями в мировой системе. Так, Пол Хайсворт отмечает, что в последней четверти XX века изменилась ситуация в мире: закончилась «холодная» война, произошел отход от коммунистических идей, ускорился процесс глобализации, европейской интеграции, усилились миграционные потоки [2, с.2]. Эти события дали возможность развиваться идеям «крайне правых».

Основным положением современной правой идеологии является мысль, что представители различных культур не могут жить рядом друг с другом без конфликтов. В результате делается вывод: люди разного культурного происхождения не должны смешиваться. При этом иммигранты из неевропейских стран воспринимаются в качестве прямой угрозы. В риторике правых экстремистов иммигранты предстают экономическими паразитами. Чаще других встречаются такие аргументы, как: «Они отнимают нашу работу» или «Они используют нашу систему благосостояния». Иммигрантов считают угрозой коренному населению страны, их называют ворами, насильниками и криминальными элементами. Наконец, иммигранты из неевропейских стран считаются угрозой европейской культуре и ее национальной самобытности.

«Крайне правые» обычно ассоциируются с лицом или группами лиц, которые имеют крайне националистические, ксенофобские, расистские, религиозные, фундаменталистские или реакционные взгляды. Идеи «крайне правых» развились на основе идей фашизма и нацизма. Неслучайно праворадикальные партии в послевоенное время называли «неофашистскими» и «неонацистскими», правда, по разным оценкам этот период был ограничен: 1960-ми гг. (П. Хайсворт) [2,с.8] или 1980-ми гг. (Игнази) [2,с.8]. В последние годы наиболее значительными в академической дискуссии стали термины «крайне правые» и «популизм» [4,с.5].

Суть феномена «крайне правых» состоит в том, что его развитие происходило в новых исторических условиях (послевоенное время), когда идеи фашизма и нацизма трансформировались. Как отмечает Пол Хайсворт, после антифашистской победы, в условиях экономического роста, снижения уровня безработицы и дискредитации псевдонаучного расизма, «крайне правые» занимали фактически маргинальные позиции и не пользовались широким успехом. «Однако, по мере того, как XX в. приближался к своей последней четверти, дистанция от 1937-1940-х гг. становилась все больше, и живая память об этом турбулентном периоде становилась все меньше. Новые политические движения значительно повысили уровень поддержки путем апелляции к чувствам, которые, по мнению многих обозревателей, принадлежали к «мусорному ящику истории» [2,с.2]. Фактически, «крайне правые» – это движение, отражающее существующие проблемы в европейском обществе с радикальных позиций.

В отношении определения «крайне правых» политических сил следует заметить, что проблему их категоризации затрагивает каждый из исследователей данного феномена. Эта проблема является на сегодняшний день основной. Сравнивая разные определения и толкования правых идей, можно прийти к выводу, что однозначного понимания феномена «крайне правых» нет. Соответственно нет и конкретного определения в научной литературе.

Например, британский политолог и историк Р. Гриффин утверждает, что «правый» – это продукт современности и стремление к альтернативной современности. Гриффин использует понятие «новый правый радикализм» и понимает под ним ««этнократический либерализм» – гибрид идеологического экстремизма и демократического «конституционализма», не отрицающего либерально-демократическую систему в целом, но настаивающего на этноцентризме в вопросе установления критериев принадлежности к гражданской общности того или иного государства [2,с.17].

Бельгийский политолог К. Мудде говорит о том, что праворадикальные партии придерживаются «идеологии, которая представляет собой сочетание нативизма, авторитаризма и популизма». Нативизм, в терминах Мудде, – это идеология, в соответствии с которой: а) государства должны быть населены исключительно членами коренной группы и б) не-коренные элементы (люди и идеи) представляют собой основную угрозу однородному национальному государству [4,с.8].

Роджер Итвул отмечает, что «крайне правым» сегодня свойственны четыре черты: анти-демократия; национализм; расизм; сильное государство [4,с.8]. По мнению Р. Итвула, среди ученых растет число тех, кто принимает охотнее термин «популист», чем термин «крайне правые». Однако с точки зрения ряда исследователей (Р. Итвул, П. Хайсворт и др.), понятие «популизм» и в США и в Европе скорее выглядит как стиль деятельности политических партий, чем как специфическая форма мысли. Популизм – это важная черта «крайне правых», выражающаяся в критике представительной демократии, которой они предпочитают демократию прямую с широким использованием референдумов, народных консультаций и инициатив. И хотя «крайне правые» не выступают открыто против либеральной демократии, они склонны к экстремистским дискурсам и позициям, которые отличаются от ценностей политического порядка, в котором они действуют. Их поддержка узкого, этнически обусловленного, «исключающего» (outside) представления о нации, сочетается с авторитарными политическими перспективами, что способствует восприятию таких партий как экстремистских. П. Хайсворт отмечает и тот факт, что крайне правые вбирают в себя как популистские идеи, так и фашистские [2,с.21]. Например, культ лидерства и враждебности к «политическому классу» имеют отголоски фашизма. Популизм проявляется в использовании лидерами крайне правых «языка улицы», подчеркивании своего происхождения из народа и общих с ним историко-культурных традиций.

М. Микенберг для характеристики крайне правых использует понятие «правый радикализм», под которым он подразумевает политическую идеологию, базирующуюся на ультранационалистических представлениях и направленную против либеральной демократии (с ее индивидуализмом и универсализмом) и ее основных ценностей – свободы и равенства [3,с.38].

Где же проходит граница между популизмом, радикализмом и экстремизмом? Четкого ответа на этот вопрос до сих пор не дано. В каждой европейской стране существуют свои «крайне правые» партии. Выявить их общие положения и черты крайне сложно. Как отмечает С.В. Погорельская в статье «Методологические проблемы исследования правого радикализма», все крайне правые партии – «особенные» [6, с.6-7]. Особенность заключается в том, что каждая партия «опирается на такие категории «особенного», как «национальный характер», «народ», «раса», «национальная культура»». Праворадикальные партии базируются на разных культурно-исторических фундаментах. Учитывая это, обществоведы заключают, что при исследовании феномена «крайне правых» нужно рассматривать каждую страну в отдельности.

Литература

1. Погорельская С.В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: Сб. науч. тр. / Ред.-сост. С.В. Погорельская. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 6–15. (Сборник)
2. Hainsworth Paul . The Extreme Right in Western Europe. Taylor & Francis e-Library, 2008. 160 p. (Монография)
3. Minkenberg Michael . The radical right in Europe today: Trends and patterns in East and West // Nora Langenbacher, Britta Schellenberg. Is Europe on the “Right” Path? Right-wing extremism and right-wing populism in Europe. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011. P. 37-57. (Сборник)
4. Western Democracies and the New Extreme Right Challenge / by Roger Eatwell (Editor), Cas Mudde (Editor). Taylor & Francis Group, 2004. 216 p. (Сборник)

УНИВЕРСАЛИСТСКАЯ ИДЕЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Д. С. Купцевич

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Соболевский, ст. преп.

Как известно, византийский религиозно-государственный универсализм долгое время служил примером для других стран в становлении собственных общественно-политических учреждений и консолидации общества. Осмысление имперского измерения национальной истории в наше время особенно актуальным становится для России,

которая когда-то заимствовала у Византии практически все наиболее важные компоненты центрального принципа империи: универсализм в сочетании с изоляционизмом и тесно связанную с ними сакрализацию власти. И даже когда Россия превратилась из православной в коммунистическую державу, по словам историка и политолога Наталии Нарочницкой, «она опять осталась империей» [1]. Так, в новом, коммунистическом культе в «перевернутом» виде воспроизводились основные христианские ритуалы, эсхатология «светлого будущего», мессианство Третьего Интернационала, а после Второй мировой войны Советский Союз, следуя универсалистской идее, включил в орбиту своего геополитического и идеологического влияния (в «социалистический блок») почти все страны восточно-христианского ареала. Немецкий философ Освальд Шпенглер назвал это явление «псевдоморфозой» восточнохристианской цивилизации [2, с. 112], под которой понимается вариативность соотношения внешней культурной формы и ее содержания.

В центре внимания Византии, неоднородной в этническом отношении, всегда находились сверхнациональные интересы как осознанные потребности империи, определяемые геополитическими и экономическими отношениями, культурно-историческими традициями, а также необходимостью защиты от внешней угрозы и внутренних беспорядков. Практика осуществления идеи о равенстве всех граждан, стремления к созданию империи, которая стала бы «семьей народов», имеет давние корни. Основными вехами на этом пути были эдикт Каракаллы 212 г. и Миланский эдикт (*Edictum Mediolanensium*) 313 г. Эдикт Каракаллы предоставил права римского гражданства всему свободному населению империи и явился завершением длительного исторического развития Римского государства к универсалистской космополитической империи. Миланский эдикт императоров Константина и Лициния провозгласил религиозную терпимость на территории Римской империи и явился важным шагом на пути превращения христианства в официальную религию империи.

Полученная в наследство от Рима, универсалистская идея о создании мировой империи, которая преодолет противоборство народов и водворит вселенский мир, базировалась на связи двух универсализмов: универсализма Православия, объединяющего все народы вне контекста их национальных культур, и универсализма империи, основанного на идее «метаполитического верховенства» византийского императора. Смыслом существования многонациональной державы стало Православие, которое, по словам французского историка Альфреда Рамбо, «заменило собой национальность».

Стремление Византии к суперэтническому единству предполагало в идеале существование человечества как единого рода. Восточная Римская империя самоопределялась как «*orbis terrarum*» («круг земли») – «мир», объединяющий земли, племена и народы, консолидирующий территориальное, политическое и культурное пространство. Объединение народов Византийской империи, носившее не нацио-

нальный, а универсальный характер, британский византист Дмитрий Оболенский назвал «Византийским содружеством наций» [3, с. 355], имея в виду прежде всего культурно-политическое единство Византии с рядом стран Восточной Европы. По его мнению, принципы, на которых осуществлялось это единство, были отличны от вассальных связей западноевропейского средневековья и от современных представлений о политической и экономической зависимости государств. И эта «сверхнациональная общность» основана, как уже было отмечено, на монолитности православной веры, идее «метаполитического верховенства» византийского императора, а также на восприятии восточноевропейскими народами византийской культуры и юриспруденции, что определялось насущной потребностью в *ordinatio ad unum* («единстве порядка»).

Консолидации многонационального общества Византийской империи способствовал единый организм Государства и Церкви. Проблема места имперской власти в рамках космополитической и теократической византийской доктрины не имеет однозначного решения. Сформулированная в эпоху правления Юстиниана (527-565 гг.) концепция отношений Церкви и Империи как «симфонии» властей (предисловие к VI новелле Кодекса Юстиниана), в конце IX в. в «Эпаногоге» (введении в свод законов Василия I) обосновывается метафизически: патриарх – душа, император – тело. Церковь существует не отдельно от Империи (как в католичестве), а на территории Империи. Расставание души с телом – это смерть тела. Таким образом, универсализм Империи воспринимался как воплощение мироздания. Характерно, что император в Византии – это не прирожденное качество, а высшая «правобязанность», поэтому в рамках византийского православного мировоззрения сакральность власти императора приобретает особые черты, так как в ее реализации нет «сакрального рода».

Для лучшего понимания универсалистских приоритетов Византии, тесно связанных с сакральностью власти, нужно помнить, что империя, особенно в эпоху македонских императоров, все сильнее начинает осознавать себя как «катехон» (от греч. *οκατέχων* – «удерживающий»). Свое предназначение Византия видела в том, чтобы, расширяя свои границы, включать в нее все новые территории, приобщая дикие племена к христианской цивилизации. Только в этом случае, согласно концепции, могла быть обеспечена полная безопасность империи. Отсюда смыслом христианской империи-катехона является сохранение и экспансия христианской традиции. Именно поэтому многие ученые считают «византийский вектор экспансии» [4, с. 30] не государственным, а церковным, воплощением идеи духовного воссоздания Византии. А некоторые историки вообще отрицают присутствие у Византийской империи такого имперского качества, как экспансионизм, подчеркивая, что Византия, понимавшая миссию катехона («удерживающего») как охранительную, прежде всего, стремилась сохранить имевшуюся территорию [5, с. 76].

В империи «национальное» начало, вложенное в государственность, дорастает до всемирного масштаба. Являясь «хранительницей истинной веры», Византийская империя, с одной стороны, стремилась к расширению границ, что выражало сверхнациональную сущность универсализма, а с другой стороны, – к самоограничению, что коренилось в традиции изоляционизма. В своем христианском понимании Империя как Катехон выступает как преграда, защищающая сакральное пространство от вторжения разрушительных чужеродных сил, поэтому принцип изоляционизма определял всю внешнюю политику Византии. Принципы изоляционизма во взаимоотношениях с «варварскими» государствами включали в себя, прежде всего, установление межгосударственных договорных отношений, введивших международную политику в правовое русло, препятствовавшее совершению набегов, разгрому городов, оказанию военного давления. Вокруг империи группировалось множество вассальных государств, образовавших своеобразную линию защиты вдоль границы. Народы, входящие в империю, обладали определенной самостоятельностью, могли жить по своим законам и обычаям и пользоваться самоуправлением, если это не противоречило достаточно гибкому имперскому закону.

Расширение пределов империи имело отношение скорее к справедливому мироустройству, к федеративному объединению народов, вне всякой перспективы поглощения или уравнивания кого-либо. Главной задачей православной геополитики Византии было сохранить свою структуру, защитить пределы своего политического и духовного влияния, отстоять свою самостоятельность. При этом Православие в такой ситуации имело двух основных геополитических противников: *нехристианский мир*: варвары и арабы; *христианский мир Запада*, рассматривавшийся как мир отступничества. Исходя из данной ситуации, появляется стремление Византии связать универсализм и изоляционизм в своеобразный симбиоз. С одной стороны, усиление политического изоляционизма вело к стремлению оградить свой этнос от других, к национальной обособленности. С другой стороны, усиление универсализма способствовало размыванию границы между религиозными, этническими, социальными, политическими и другими странами. Симбиоз универсализма, переходящего в экспансионизм, и изоляционизма особенно присущ внешнеполитическому курсу императоров Македонской династии. Нарушение равновесия между универсализмом и политическим изоляционизмом в последующую эпоху приведет к распаду империи, как это случилось еще раньше с Римской, а в XX в. и с Российской империями.

Римские принципы универсализма Византийской империи с её искусством управления народами, прочно связанные с государственной православной идеологией, неизбежно приводили к столкновениям, в том числе вооруженным, с окружающими государствами и мировыми «центрами силы». Исламский халифат на востоке; славянские племена и кочевые народы – на севере; в западном прибрежном районе Балкан – лангобарды, франки, а позднее – сарацины и норманны. Иде-

ология универсализма находила оправдание войнам как необходимой защите православной веры. В византийском трактате X века «О боевом сопровождении» указано, что «воины-стратиоты являются защитниками и первыми после Бога спасителями христиан» [6, с. 411]. Так, достигнув в X веке своего второго расцвета, Византийская империя при Македонских императорах сумела к началу XI в. присоединить к себе Болгарию, Сирию, расширить свои владения в Италии и в Азии. В вассальной зависимости от нее находились Сербия, обширные области южной Италии, некоторые районы Армении. Однако следует заметить, что для Византии политическая проблема спасения империи от ее восточных и северных врагов не имела ничего общего с крестовыми походами: ни у народа, ни у императора не процветал религиозный энтузиазм, не было и проповедников крестового похода.

Сегодня невозможно снять межэтнические противоречия и различия, а также решить задачу модернизации многонациональной России без самоопределения по отношению к целям и ценностям мировой и собственной истории, для которой на протяжении веков идея византийского универсализма была частью идеологии. Многие современные политики и ученые полагают, что в основу создания Российского государства в будущем должна быть положена идея византизма. Одна из важнейших задач византизма – собирание народов в единое целое, а сила России состоит в консолидации с другими народами. Византия, преемницей которой является Россия, пала после того, как началось разделение наций. Националистическая лихорадка разодрала империю, и она быстро была поглощена соседней исламской державой. Византия в лице своей правящей элиты постепенно отказывалась от собственных государственных и духовных основ и традиций. Утрата понимания ценности единства народа закономерно вела к утрате ценности и государства. В России происходят подобные процессы и нам важно видеть их последствия в истории. Империя с ее стремлением к универсализму как форма жизни многонационального государства по сей день остается жизнеспособной для современной России.

Литература

1. Нарочницкая Н. «Споры о Византии» // Российская газета. 2008. № 26 (7 февраля). С.7. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rg.ru/2008/02/07/gibel-sporu.html> (Дата обращения: 15.02.2013).
2. Шпенглер О. Закат Европы // Философия истории. Антология. М., 1995. С.112. (Сборник)
3. Оболенский Д.Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. Пер. с англ. М.: Янус-К, 1998. 558 с.
4. Лурье С. В. Империя как судьба/ Очерк 6. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Эпоха. 2000. № 10. С.30.
5. Володин Э.Ф. Имперская культура. М.: Воениздат, 2001. 116 с. (Монография)
6. О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века. СПб.: Алетейя, 2002. 411 с. (Сборник)

КРОВНАЯ МЕСТЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ ПО ТЕКСТАМ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Е. Е. Лисицына

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.И. Зайцева, к.и.н., доц.

В скандинавском обществе эпохи викингов существовала гендерная асимметрия, характерная для большинства традиционных обществ. Это проявлялось в том, что женщины менее чем мужчины были задействованы в так называемой публичной сфере. Данная сфера в Скандинавии в VIII – XI вв. в основном выражалась в участиях в военных походах, присутствии на тингах, пирах и т.д. Многие исследователи считают, что женщина в раннесредневековой Скандинавии пользовалась значительно большим почетом и уважением, чем в других обществах того же типа [1, с.184; 2, с.45]. Поэтому отношение женщины к обычаю кровной мести имело свою специфику.

Обычай кровной мести, как утверждает А.Я. Гуревич, появился в Скандинавии еще в период общинно-родового строя [3, с.81]. В раннесредневековой Скандинавии право кровной мести заменяло уголовное наказание. Цель данной статьи – рассмотреть обычай кровной мести в раннесредневековой Скандинавии в гендерном аспекте.

Основой для исследования стали такие нарративные источники, как «Старшая Эдда» и «исландские родовые саги». Эти источники, записанные в период с XII по XIII века, имеют раннесредневековое происхождение. Характерным для саг и Эдды является то, что в этих источниках упоминаются представители элиты скандинавского общества.

Сюжеты о кровной мести часто встречаются в нарративных источниках раннесредневековой Скандинавии. Среди «исландских родовых саг» такие сюжеты в частности описаны в «Саге о Гисли» [4], «Саге о Греттире» [5], «Саге о битве на Вересковой пустоши» [6]. Также, о кровной мести повествуют такие эддические песни, как «Подстрекательство Гудрун» [7, с.152 – 154], «Песнь об Атли» [8, с.202 -212], «Песнь о Сигурде» [9, с.113 – 115].

Под кровной мстью, как правило, понимается ответное убийство человека, также виновного в убийстве. Ее осуществляли родственники погибшего человека. Например, главный герой «Саги о Греттире» убил Бьерна за устное оскорбление. Братья Бьерна предприняли попытку отомстить, в свою очередь, совершив убийство Греттира [5].

Кровная мсть была не единственным вариантом наказания преступника. Ее можно было заменить денежным выкупом. О возможности выкупа также упоминается в скандинавском эпосе. В эддической песне «Речи Сигрдивы» валькирия предупреждает Сигурда о том, что кого бы он ни убил, ему непременно будут мстить, не смотря на то, что могли бы требовать с него выкуп [10, с.112].

Однако скандинавы предпочитали кровную месть выкупу. Искать смерти обидчика было делом более достойным, чем заставить его платить. Материал саг подчеркивает предпочтительность варианта кровной мести. Так, в «Саге о Греттире» Хьярранди, брат убитого Греттиром Бьерна, когда ему предлагают выкуп, отвечает: «я не буду торговать своим братом» [5].

Исполняют право кровной мести преимущественно мужчины. Как правило, эта обязанность возлагалась на родственников: братьев, сыновей, отцов, племянников и других родственников мужского пола. В своей статье С.Л. Никольский, приводит порядок осуществления кровной мести. Таким образом, племянник или дядя мог получить такое право в зависимости от того, был он сыном брата либо сестры [11, с. 204].

Неисполнение мести вообще было большим позором. Такой поступок порицался семьей и обществом. Промедление и неспешность в таком деле также подвергались осуждению. В «Саге о битве на Вересковой пустоши» мать приносит сыновьям камни вместо хлеба. При этом она говорит: «Вы не достойны лучшего, чем камень, потому что не мстите за брата и позорите свой род» [6]. В данной ситуации еще раз подчеркивается, что кровная месть была делом чести, а не выполнявший ее человек признавался недостойным.

Женщины не менее мужчин заботились о чести своей семьи, а потому были заинтересованы в том, чтобы кровная месть состоялась. Однако они, зачастую не имея возможности самим исполнять этот долг, способствовали его исполнению со стороны мужчин. Ярким примером этого является эддическая песнь «Подстрекательство Гудрун». Жена конунга Йонкара Гудрун подстрекала своих сыновей отомстить конунгу Ермунрекку за то, что тот подверг жестокой казни дочь Йонкара Сванхильд [7, с.152–154]. Подобный сюжет встречается и в «Речах Хамдира» [12, 154–158].

Однако скандинавский эпос также содержит яркие примеры того, что женщины иногда сами становились активными участниками кровной мести. В «Песни об Атли» Гудрун мстит своему мужу Атли за то, что тот убил ее братьев [8, С.202 – 212]. Также, героиня «Саги о Гисли» Тордис совершила попытку отомстить за убийство своего брата [4].

Важно обратить внимание на причины, которые заставили мстить самостоятельно этих двух эпических героинь. Примеры Тордис и Гудрун сильно отличаются друг от друга. Для Тордис личный интерес стоял на первом месте. Она отказалась от своего брата Гисли, после того, как он убил ее мужа, также повинного в преступлении. Кровная месть, в ее случае, стала результатом того, что за ее брата некому больше было отомстить, к тому же, ее собственное имя могло быть дискредитировано [4]. В то же время, Гудрун была искренне предана своим братьям и хотела защитить их от предательства своего мужа Атли. После их смерти она решила действовать немедленно, не перенеся оскорбления, нанесенного ее семье [8, С.202 -212]. Гудрун отличалась своенравием и волевыми качествами, ее поведение выделяет ее из числа других женщин-героинь саг. В конце «Песни об Атли», о ней говорится так: «Жены другие кольчуг не наденут для мести подобной!» [8, С.212]

Подводя итог, следует отметить, что в Скандинавии эпохи викингов, как и в любом другом традиционном обществе, мужчины обладали преимущественным правом совершения кровной мести. Однако не только мужчины заботились о чести семьи, но и женщины. Они могли способствовать выполнению мужчинами своего долга; и сами не были полностью лишены права исполнить право кровной мести. Причины, побуждавшие их к этому, могли быть различными. Женщины могли совершать кровную месть, если не оставалось больше мужчин, которые имели на это право. Также, к совершению поступка могли подтолкнуть преданность семье, собственная выгода, а также волевой характер женщины.

Литература

1. Ларрингтон К. Скандинавия // Женщины в легендах и мифах. Ч.2: Европа / Под ред. К. Ларрингтон / Пер. О. Перфильева. М., 1998. С. 184 – 216. (*Сборник*)
2. Будур Н. Повседневная жизнь викингов IX – XI века. М., 2007. 503 с. (*Монография*)
3. Гуревич А.Я. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга) // Средние Века. М., 1956. Вып. VIII. С. 70-96. (*Монография*)
4. Сага о Гисли [Электронный ресурс] – URL: [http:// http://norse.ulver.com/src/isl/gisli/ru.html](http://norse.ulver.com/src/isl/gisli/ru.html) (Дата обращения 26.03.2013).
5. Сага о Греттире [Электронный ресурс] – URL: [http:// http://norse.ulver.com/src/isl/grettir/ru.html](http://norse.ulver.com/src/isl/grettir/ru.html) (Дата обращения 26.03.2013).
6. Сага о битве на Вересковой пустоши [Электронный ресурс] – URL: [http:// http://www.academia.edu/1471693/](http://www.academia.edu/1471693/) (Дата обращения 26.03.2013).
7. Подстрекательство Гудрун // Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна. СПб., 2005. С.152 – 154. (*Сборник*)
8. Песнь об Атли // Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / Пер. В.Г. Тихомирова. СПб., 2005. С. 202 – 212.
9. Отрывок из песни о Сигурде // Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна. СПб., 2005. С.113 – 115. (*Сборник*)
10. Речи Сигрдивы // Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна. СПб., 2005. С.109 – 112. (*Сборник*)
11. Никольский С.Л. Наследование и кровная месть (по материалам раннесредневековой Скандинавии) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 202 – 208. (*Монография*)
12. Речи Хамдира // Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна. СПб., 2005. С.154 – 158. (*Сборник*)

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ А.Н. РАДИЩЕВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

Д. Р. Садикова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Н. Мухин, к.и.н., доц.

Центральной в изучении общественной мысли XVIII века в советской отечественной историографии является личность Александра Николаевича Радищева. Некоторые исследователи выделяют его творческую деятельность в отдельный период, оцениваемый как наивысший в развитии российского просветительства [1,с.22].

Систематическое изучение идей А.Н. Радищева, как отмечает Г.П. Макогоненко, началось после первой русской революции 1905–1907 гг., когда с имени писателя был снят запрет [2,с.25]. В период русской революции 1905 г. появилось и первое научное издание его главного произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» [3,с.40]. Однако наиболее интенсивный период изучения его творчества приходится на советскую эпоху. Личности и взглядам Радищева посвящено множество исследований, научной и художественной литературы, научных дискуссий на страницах журналов, выставок и научных сессий, материалы и сообщения о которых печатаются в периодических изданиях [4, с. 305-324]. Такое внимание советской историографии к Радищеву объясняется новым, по сравнению с принятым в дореволюционной литературе, взглядом на его социально-политические взгляды. Прежде всего, советские исследователи видят в Радищеве первого русского революционера, антимонархиста и ярого борца против крепостничества. В исследовательской литературе постсоветского периода взгляды Радищева изучаются в сравнительно меньшем объеме, однако все также привлекают внимание исследователей. Особенностью постсоветской науки является сосуществование взглядов различных исторических периодов, при котором наряду с публикациями новейших исследований осуществляется переиздание материалов предшествующих эпох, как советской, так и дореволюционной.

Среди важнейших вопросов, рассматриваемых в отечественной историографии по поводу рецепции Радищевым политических просветительских идей, в общем смысле можно выделить следующие: его отношение к теории просвещенного абсолютизма и вместе с тем к монархии и самодержавию вообще, а так же проблема источников влияния на мировоззрение Радищева и, прежде всего, на его революционную теорию.

Одним из важнейших в современной историографии вопросов, изучаемых в связи с взглядами Радищева, является вопрос об источниках влияния на них. Условно можно выделить два основных взгляда на проблему. Согласно первому из них, мировоззрение Радищева сложилось

преимущественно на русской почве под влиянием российской действительности, и французское Просвещение не оказало на него сколько-нибудь значительного влияния. По поводу восприятия Радищевым политических идей французских просветителей чаще всего приводятся общие фразы о знакомстве с ними Радищева, при этом подчеркивается критическое отношение к ним, вплоть до полного их отрицания. С особенной категоричностью данная позиция отстаивается исследователями в отношении революционной теории Радищева.

На протяжении 1940-1950-х годов первая точка зрения была преобладающей. Особенно категорично данная позиция была выражена на посвященной памяти Радищева сессии АН СССР, прошедшей в 1949 г. Вопрос об источниках формирования мировоззрения Радищева стоял в центре внимания докладчиков.

А.М. Еголин, открывший сессию, в своем вступительном словесно-характеристике Радищева утверждал, что Радищев, как один из образованнейших людей своего времени, был знаком с трудами французских просветителей, использовал их в национальных интересах, однако, при этом был самостоятельным и оригинальным мыслителем: «Его взгляды и убеждения развивались самостоятельно от западноевропейской мысли. Они были порождены российской действительностью, на их формирование оказала огромное воздействие антикрепостническая крестьянская война под руководством Пугачева» [5, с.145]. Мнение Еголина разделили докладчики М.А. Горбунов и И.Я. Щипанов [5, с. 136]. Преобладание взгляда на самостоятельность мировоззрения Радищева в 1950-е гг. подтверждает опубликованная в 1959 г. статья известного советского специалиста в области русской литературы XVIII века П.Н. Беркова «Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А.Н. Радищева». Обобщая известные ему исследования авторов-марксистов, Берков приходит к выводу, что, в отличие от дореволюционных исследователей, выводивших взгляды Радищева из влияния западной философии и литературы, советские авторы сходятся во мнении, что «...система социально-политических убеждений Радищева целиком сложилась на почве русской действительности, на основе классовой борьбы крепостного крестьянства с эксплуатировавшими его дворянами-помещиками и чиновниками». Однако среди исследователей, придерживающихся этой позиции, он выделяет тех, кто признает основную роль в формировании революционной теории пугачевского восстания и тех, кто видит и иные факторы [6, с.173].

Попытки обосновать данную позицию сводились преимущественно к утверждению отсутствия в теориях французских просветителей, прежде всего Руссо, революционного содержания. Так, Л.Б. Светлов, опровергая мнение о Радищеве как «ученике западных философов», утверждает, что «французские просветители и философы отнюдь не были революционерами. В большинстве своем они были всего лишь сторонниками так называемого «просвещенного абсолютизма» [7, с.13]. С.А. Покровский писал: «Его мировоззрение, естественно, во многом сближалось с идеологией французского и русского Просвещения, опи-

ралось зачастую на общие теоретические предпосылки, но Радищев являлся идеологом трудящихся масс, крепостного крестьянства, его мировоззрение складывалось под влиянием борьбы русского крестьянства против феодального гнета и прежде всего грандиозной крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева». [8,с.56].

Наряду с вышеизложенным взглядом об отсутствии влияния французского Просвещения на Радищева, имелся и другой. Так, в 1958 г. вышла статья Ю.М. Лотмана «Радищев и Мабли», в которой рассматривалась рецепция Радищевым идей Мабли и Руссо; С.А. Покровский исследует восприятие Радищевым концепции общественного договора Руссо, что будет показано далее.

Последующее изучение вопроса отношения Радищева к французской политической мысли характеризуется признанием большей, чем это было прежде, степени влияния конкретных политических теорий на взгляды Радищева. Прежде всего, это относится к теории общественного договора Руссо, книги Рейналя «История обеих Индий», политических воззрений Вольтера, теории просвещенного абсолютизма.

Касательно вопроса об отношении Радищева к теории просвещенного абсолютизма в историографии XX века прослеживается принципиально разная его трактовка. В советской историографии Радищев предстает несомненным революционером, однако его отношение к теории просвещенного абсолютизма оценивается не столь однозначно. В связи с этим можно выделить две основные группы мнений. В первую, наиболее многочисленную, входят те, кто считает, что Радищев категорически отвергает теорию просвещенного монарха, что прослеживается во всем творчестве мыслителя. Сюда же относятся мнения тех исследователей, кто полагает, что Радищев отказывается от присущих ему «заблуждений» на счет просвещенной монархии со временем, на определенном этапе формирования его политических взглядов. Выразителями данной группы мнений являются Г.П. Макогоненко, И.Я. Щипанов, В.И. Моряков, Л.Б. Светлов, Е.Г. Плимак, Ю.Ф. Карякин, В.Н. Орлов, Ю.М. Лотман, Кулакова и др. Так, Макогоненко утверждает: «Для Радищева – ненавистника монархической власти, – никакой царь, ни “добрый”, ни “просвещенный”, ни даже “мужицкий” – не был приемлем [9,с.51]. И.Я. Щипанов считает, что «Радищев одним из первых не только в России, но и в Европе отверг просвещенный абсолютизм как государственную форму правления и горячо высказался за народовластие» [10,с.282]. В.Н. Орлов также убежден в отсутствии у просветителя надежд на просвещенный монархизм: «Радищев не питал решительно никаких иллюзий насчет “философа на троне” и разочлачал реакционную суть “просвещенного абсолютизма”, якобы воплощенного в политике Екатерины II» [11,с.15]. Согласно мнению Ю.М. Лотмана, «Радищев, давший еще в “Житии Федора Васильевича Ушакова” детальное обоснование своего учения о народной революции, в “Письме к другу, жительствующему в Тобольске” решительно отмежевавшийся от всяких ожиданий уступок от царя – и в “Путешествии” предстает перед нами как сознательный и последовательный

революционер-демократ» [12,с.387]. Вторую группу составляют мнения исследователей, признающих наличие «противоречий» в мировоззрении Радищева, в котором сочетаются определенная вера в просвещенного монарха и убеждение в необходимости народной революции, которые часто обуславливаются исторической ограниченностью мировоззрения российского мыслителя.

Первым из советских авторов с данной позиции выступил В.П. Семенников, который писал в 1923 г.: «Подводя некоторые итоги всему нами сказанному, мы отметим, прежде всего, в личности Радищева раздвоенность, которая более всего проявляется как в отношении к путям осуществления его политического идеала, так и к революции вообще. <...> Потому в лице Радищева сочетаются черты и революционера и либерала, готового содействовать власти в осуществлении реформ; эта последняя сторона особенно важна для понимания позднейшего настроения Радищева во время деятельности его по возвращении из ссылки» [2,с.26].

Из рассмотренных в статье авторов, придерживающихся данного мнения, наиболее подробно оно изложено Э.С. Виленской. В своих работах она анализирует ряд произведений Радищева с точки зрения отражения в них позиции просветителя по отношению к теории просвещенного абсолютизма. Виленская утверждает, что Радищеву была присуща определенная степень веры в популярную просветительскую теорию: «...Радищев не отвергал реформы как средства общественного преобразования, в общих чертах разделяя и идею просвещенного абсолютизма» [13,с.173].

Попыткой постсоветской науки пересмотреть выводы предшественников является статья В.К. Кантора. Версию Кантора следует отнести к третьей точке зрения. Его позиция во многом схожа с принятой в дореволюционной историографии. Согласно ей, Радищев не звал к революционному преобразованию общественно-политических порядков современной ему России, а напротив, желал предупредить революцию, давая советы Екатерине II. Главное произведение Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» исследователь характеризует следующим образом: «Вся книга есть по сути дела докладная записка Екатерине, апелляция к ее вкусам, ругание масонов, французской революции, иногда и явное подмигивание императрице» [14,с.107], «... она [Екатерина II] должна была, по его разумению, понять и принять его позицию, продиктованную государственным смыслом, предупреждающим о возможном крестьянском восстании» [14,с.108].

Итак, основными проблемами изучения рецепции А.Н. Радищевым идей французского Просвещения являются определение степени влияния на мировоззрение Радищева просветительских идей, особенно на его революционную теорию и конкретных источников этого влияния, а так же позиции Радищева к теории просвещенного абсолютизма.

Относительно вопроса о влиянии на взгляды Радищева французской политической мысли можно условно выделить два мнения. Согласно первому, мировоззрение Радищева, его революционные выводы

сформировалась исключительно или преимущественно под влиянием российской действительности, прежде всего, восстания Пугачева. При этом влиянию французского Просвещения отводилась незначительная роль. К ее выразителям относятся П.Н. Берков, Г.П. Макогоненко, С.В. Покровский, Н.В. Орлов, И.Я. Щипанов и др. Вторая точка зрения наиболее активно проявляется с 50-х гг. С этого времени начинается изучение рецепции Радищевым просветительских теорий. Среди основных идей и теорий, оказавших влияние на Радищева и воспринятых им, называют теории общественного договора Руссо, теорию просвещенного абсолютизма, взгляды Рейналя и Вольтера.

Вопрос отношения Радищева к теории просвещенного абсолютизма до сих пор является дискутируемым. В советской историографии было представлено два основных мнения по вопросу. Большинство исследователей (Г.П. Макогоненко, П.Н. Берков, А.В. Западов, Л.К. Кулакова и др.) считали, что Радищеву была чужда теория просвещенного монарха, другие (С.А. Покровский, Д.Д. Благой, Э.С. Виленская) видели в российском мыслителе приверженность ей. В постсоветской историографии, с присущей ей большей свободой взглядов, появилась третья точка зрения, высказанная В.К. Кантором. Согласно ей, Радищев выступал в качестве советчика Екатерины II, пытаясь предостеречь ее от политики, которая может привести к крестьянскому восстанию или революции.

Литература

1. Моряков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). 224 с. (*Монография*)
2. Макогоненко Г.П. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. // XVIII век. Статьи и материалы. Сборник. Выпуск 2. / Отв. ред. Г. А. Гукровский. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1940. [Электронный ресурс]. – URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6037> (Дата обращения: 14.11.10). С. 25-53.
3. Благой Д.Д. К 200-летию со дня рождения А.Н. Радищева // Большевик. 1949. № 14. С 27-40.
4. Карпенко Т.А., Симкина С.К. Юбилейная литература 1949 года об А.Н. Радищева // Радищев. Статьи и материалы. Издательство Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, 1950. 325 с. (*Сборник*)
5. Научная сессия, посвященная А.Н. Радищеву. Радищеву // Вопросы истории. 1949. № 9. С. 135 -141.
6. Берков П.Н. Некоторые спорные вопросы изучения жизни и творчества А.Н. Радищева XVIII век. Сборник 4. / Отв. ред. П. Н. Берков. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. [Электронный ресурс]. – URL.: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6037> (Дата обращения: 14.10.10). С. 172-205.
7. Светлов Л.Б. Радищев. Критико-биографический очерк. М. Изд-во АН СССР. 1958. 302 с. (*Монография*)
8. Покровский С.А. Государственно-правовые взгляды Радищева // Советское государство и право. 1949. № 10. С. 21-42.
9. Макогоненко Г.П. Народная публицистика XVIII в. И Радищев // Радищев. Статьи и материалы. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, 1950. 325 с. С. 26-65. (*Сборник*)

10. К 200-летию со дня рождения А.Н. Радищева // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 380-385.
11. Орлов В.Н. Радищев и русская литература. Л.: Советский писатель, 1952. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. 70 с. (Монография)
12. Лотман Ю.М. Идеиное содержание «Путешествия из Петербурга в Москву» // Лотман Ю.М. Собрание сочинений / Лотман Ю.М. Том 1: Русская литература и культура Просвещения. М.:ОГИ, 2000. 536 с. С. 387- 409. (Сборник)
13. Виленская Э.С. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А.Н. Радищева // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 163-174.
14. Кантор В.К. «Откуда и куда ехал путешественник?.. («Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева» // Вопросы литературы. 2006. № 8. С. 83-138.

«ПЕСНИ ИХЭТУАНЕЙ» ВО ВРЕМЯ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ В КИТАЕ

Ю. И. Степанова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Н. Полухин, к.и.н., доц.

Восстание ихэтуаней – последнее грандиозное традиционалистское народное движение в истории Китая. В нём отразились многие черты, которые издревле были присущи китайской цивилизации, и которые существуют и сейчас. Интересно в этой связи посмотреть на устное народное творчество ихэтуаней, их поэзию. По заключению А.В. Рудакова их отличительным признаком является крайняя неясность содержания, «затрагивающая все суеверные струны китайского мирозерцания» [5, с. 21]. Поэтому стоит обратить на них более пристальное внимание.

Источниковой базой является комплекс документов, представленный в сборнике «Восстание ихэтуаней». Основой для формирования сборника послужили публикации на китайском языке: «Ихэтуани», «Архивные материалы об ихэтуанях», отдельные документы и материалы взяты из периодических журналов и прессы. Особенно ценными являются документы, составленные самими участниками восстания, – прокламации, песни, гимны об идеологии повстанцев, их целях, программе.

Все песни ихэтуаньского общества по тематике можно условно разделить на девять групп.

Первая группа представляет собой ряд песен, рассказывающих об иностранном проникновении в Китай и его последствиях для Поднебесной. Образцом служит песня ихэтуаней «Иностранцы сведут нас в могилу», повествующая о бедах, которые, по мнению участников ихэтуаньского движения, приносит деятельность европейцев на территории Китая – постройка железных дорог, вывоз серебра и золота из страны:

«Иностранцы, иностранцы
Сведут нас в могилу;

Построили железные дороги
И вывозят наши сокровища» [1, с. 177].

Настроения ихэтуаней, выступавших против иностранной агрессии, выражались в национализме и ксенофобии. «Ненависть к европейцам, – заключала Н.М. Калюжная, – нередко переходила в осознание национального превосходства и исключительности» [2, с. 111].

Борьбу с заморскими войсками, способы осуществления планов ихэтуаней выявляет вторая группа. Песня «Выступим против иностранцев» описывает действия, которые восставшие намерены предпринять в войне с иностранцами:

«Разрушим железные дороги,
Вырвем телеграфные столбы,
И тогда полюбуемся,
как трудно иностранцам!» [1, с. 187].

Уверенные в победе и своей неуязвимости, ихэтуаньские отряды, выставляли себя героями, защитниками страны, которым подвластно победить любого «заморского дьявола», посягнувшего на их родину.

Третью группу песен ихэтуаней отмечают тексты, дающие представления восставшего общества о христианстве. А.З. Мышлаевский акцентирует внимание на том, что «в сложной программе этой секты, тайная деятельность которой была направлена вообще на борьбу с врагами китайского народа, особое место было отведено уничтожению прозелитов христианства» [3, с. 20].

Ряд песен, посвященных отношению ихэтуаней к христианству, раскрывает негативное мнение участников повстанческого общества об «иностранной религии». Посредством песни «Волосатые иностранцы распространяют христианство» восставшие могли поведать китайскому народу, как иностранцы пытались обмануть китайское общество с помощью христианской религии:

«Волосатые иностранцы –
Отъявленные негодяи.
Они прикидываются, будто приехали
обращать в христианство,
А втихую обманывают людей» [1, с. 178].

В своих выступлениях ихэтуани утверждали, что христианство наносит вред Китаю. Поэтому справедливо утверждение, что «основная задача, которую ставили перед собой ихэтуани на протяжении всего восстания – борьба с христианством» [2, с. 107]. Например, песня «Нет дождей» повествует о бедах, которые приносит китайской земле европейская вера:

«Нет дождей. Земля сохнет –
Христианские церкви заслонили небо.
Вот расправимся с заморскими чертями –
Хлынет проливной дождь» [1, с. 178].

Песня «Принимают христианство лишь ради денег» является отзывом общества «Ихэтуань» о том, что иностранная религия – лишь средство обогащения, и не является истинным верованием:

«Зачем принимают христианство?
Лишь ради денег» [1, с. 180].

Таким образом, с появлением в стране иностранцев ихэтуани связывали стихийные бедствия, появления различных заболеваний, голод, разорение.

Песни четвертой группы представляют тему об отношении ихэтуаньского общества к цинскому двору и чиновничеству. Мнение ихэтуаньского общества о государственной власти ярко раскрывается в песнях об императрице, чиновниках, правительственных солдатах. Так, текст «Глупый цинский двор» является иллюстрацией взгляда ихэтуаньского общества на политику цинских властей во время иностранного вмешательства в Поднебесную:

«Глупый цинский двор
Ни на что не годен,
Лишь поддакивает иностранцам» [1, с. 180].

В некоторых песнях можно найти и глухие намеки на необходимость свержения цинской династии [4, с. 341].

Однако антиправительственные лозунги и песни проявлялись не так часто, в связи с тем, что местные власти беспощадно карали ихэтуаней за любое проявления бунтарства.

К пятой группе можно отнести песни, отражающие географический и хронологический компонент хода восстания. «Ихэтуани восстали в Шаньдуне» – песня, излагающая готовность представителей общества «Ихэтуань» выступить против европейского вмешательства:

«Ихэтуани
Восстали в Шаньдуне.
Не прошло и трех месяцев,
как они объявились повсюду,
Все дети схватились за мечи
И готовы героически защищать родину» [1, с. 184].

Шестая группа обозначает цикл ихэтуаньских песен о сверхъестественной силе общества «Ихэтуань». Мистицизм и сверхъестественная сила ихэтуаней находят отражение в песне «Не страшны ни небо, ни земля»:

«Ихэтуани
Обладают необыкновенной сверхъестественной силой.
Им не страшны ни небо, ни земля.
Император, завидев их, склоняет голову,
А у иностранцев при них деревенеют головы».

«Ихэтуаням были свойственны и утопические мечты» [2, с. 114], – делает вывод исследователь Н.М. Калюжная. Восставшие мыслили о достатке, равенстве, важном положении участников общества среди населения, что, по вере участников отряда, можно было достигнуть благодаря магической силе.

Седьмая группа является рассказом о военном искусстве и оружии восставших. Их важность для ихэтуаньского общества подчеркивает Дж. В. Эшерик, предполагая, что боевые занятия были как физи-

ческим, так и духовным упражнением, а также средством самозащиты [6, с.149]. Например, песня «Изгнать дьяволов не трудно» утверждает о силе боевого искусства ихэтуаньского общества:

«Военное искусство – дело легкое;
Овладеем приемами ихэцюаней –
Изгнать дьяволов не трудно» [1, с. 185].

В восьмой группе песни общества объявляют о структуре, принципах формирования отрядов ихэтуаней, их символике. Например, «Одеты во все красное» – песня, упоминающая о красном цвете – символе ихэтуаньского общества:

«Одеты во все красное,
В руках маленькие лампы,
Обмахиваются небольшим веером,
Прыжок – и [хундэнчжао] в воздухе» [1, с. 189].

Символика служит одним из внешних выражений идеологических настроений участников отрядов, являясь как средством обучения, передачи знаний юным повстанцам, так и предметом восхищения и любования.

Линия песен о женских и детских обществах ихэтуаньского движения, гендерные вопросы представлены в девятой группе классификации. Удивительное для иностранцев явление движения – участие в восстании, наравне с мужчинами, отрядов «Хундэнджао», состоящих из женщин различных возрастов – проявляется в песне «Разят японцев и европейцев»:

«Женщины-солдаты, женщины-генералы
Разят японцев и европейцев;
От их удара японцы разбегаются,
От их удара европейцы сдаются.
Одни с испугу отбивают поклоны,
Другие от страха кричат «мама» [1, с. 199].

В женских организациях имела известность песня «Женщины не расчесываются», смысл которой заключал в себе противостояние правилам, с помощью которого можно было привлечь к участию в движении каждую женщину:

«Женщины не расчесываются.
Они сносят головы иностранцам;
Женщины не бинтуют ног,
Они, смеясь, истребляют иностранцев» [1, с. 200].

Именно женщинам уделяется особое внимание в обществе «Ихэтуань». Повстанцы приписывали женщинам и девушкам необычайные способности, огромную магическую силу, способную победить любого врага. Очевидцы восстания отмечают также стремление детей и подростков овладеть приемами ихэтуаней, что выражено в тексте песни «С мечами в руках они проходят по всей стране»:

«Дети звонко смеются,
С мечами в руках они проходят по всей стране.

Ни страшны ни винтовки, ни пушки,
Головы иностранцев летят с плеч» [1, с. 191].

Принимая детей в отряды, их вожаки порой преследовали корыстные цели: учитывая, что подростки более отчаянны, легко верят в свою неуязвимость, ставили их в первые ряды, намеренно защищая от пуль более взрослых ихэтуаней. Создание ихэтуанями женских и детских организаций показывает, что движение носило широкий, массовый характер.

По утверждению исследователя Н.М. Калюжной, песни ихэтуаней «будоражили население, культивировали националистические настроения, толкали на борьбу против иностранцев» [2, с. 116]. А.З. Мышлаевский полагает, что быстрые и таинственные агенты-ихэтуани, представляя песни общества, примешивали к своим пропагандистским действиям средства, рассчитанные исключительно на суеверие китайского народа [3, с. 20].

Таким образом, масса восставших отражала в творчестве многие стороны своей действительности. Их песни звучали как прокламации, психологические установки, способствовавшие утверждению желаемого. Духовный мир повстанческого общества нашел письменное отражение в дошедших до современности источниках, где можно увидеть и четкую структуру отрядов, и внешний облик участников общества, и особенности боевого искусства, и их магические способы и заклинания, и отношение к иностранцам и христианству, и различные гендерные вопросы.

Источники и литература

1. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М.: Издательство «Наука», главная редакция восточной литературы, 1968. 276 с. (*Сборник документов*)
2. Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898 – 1901). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 364 с. (*Монография*)
3. Мышлаевский А.З. Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. 1. Спб., 1905. [Электронный ресурс] // archive.org. URL: <http://archive.org/stream/voennyadiestvi00myshgoog#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 15.01.2013). (*Монография*)
4. Новая история Китая / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1972. 636 с. (*Сборник*)
5. Рудаков А.В. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901. 77 с. (*Монография*)
6. Joseph W. Esherick. The origins of the boxer uprising. (Дж. В. Эшерик. Истоки боксерского восстания. Лондон, 1987. 453 с.). [Электронный ресурс] // books.google.ru : Google книги. URL: http://books.google.ru/books?id=jVESdBSMasMC&pg=PA114&dq=big+swords+bandits+converted&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 6.02.2013). (*Монография*)

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ И ОБЫЧАЕВ НАРОДОВ МЕЗОАМЕРИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Н. О. Бровкина

Кузбасская государственная педагогическая академия

С эпохи Великих географических открытий начинается путь в современность к целостному, взаимозависимому и интегрированному миру, основой которого является невиданный уровень глобального сближения и взаимопроникновения различных культур и цивилизаций.

Изучение межкультурного и межцивилизационного взаимодействия в рамках освоения европейцами новых территорий и формирования колониальных империй – одно из приоритетных направлений, как в зарубежной, так и в отечественной историографии. В этой связи изучения роли «образа чужой культуры», выявление особенностей возникновения этих «образов» и стереотипов их восприятия необходимо для осмысления особенностей формирования системы управления новыми территориями, особенностей колониального варианта межкультурного взаимодействия цивилизаций, и всего комплекса проблем, связанных с трансляцией культур в колониальное время. Одним из аспектов формирования образа доколумбовых цивилизаций, сформировавшегося у конкистадоров, является восприятие верований и обычаев народов Мезоамерики.

Испанцы прибывали на новый континент не только с целью его освоения, но и с целью продвижения христианства среди аборигенов. Но для начала им было необходимо определиться, имеется ли у индейцев своя вера и если да, то в чем ее суть.

Вот что пишет Гонсало Хименес де Кесадо о встретившихся ему индейцах: «Что касается веры, скажу, что в своём заблуждении они наиболее [люди]. Потому что, кроме того, что в каждом селении у них есть храмы, которые испанцы там называют святилищами... Помимо этого у них есть бесчисленное множество скитов в горах, на дорогах и в различных местах» [1,12-13]. Следовательно, конкистадорам было понятно, что у индейцев была своя вера, которая, по мнению

первооткрывателей, заключалась в идолопоклонстве. Диего де Ланда пишет: «Они имели столько идолов, что им даже не хватало для них богов; поэтому не было животных или рептилий, статуй которых они не делали бы, и все их делали наподобие своих богов и богинь... Они хорошо знали, что идолы были вещами мирскими, мёртвыми и без божества, но их почитали за то, что они изображали, и поэтому их делали со столькими церемониями, особенно идолов из дерева...» [2,27-28]. Именно идолов испанцы считали основой веры индейцев и думали, что их необходимо повсеместно уничтожать, чем впоследствии вызывали гнев местного населения. Поверхностное понимание веры индейцев и данные о жертвоприношениях привели к тому, что они представили перед европейским обществом кровожадными идолопоклонниками, а иногда и каннибалами, поедающими своих детей и совершающими паломничества к местам жертвоприношений [3,253].

Особой популярностью у испанцев и португальцев в описании индейцев пользовались сюжеты жертвоприношений, в которых подробно разбиралась вся церемония и варианты ее проведения. Это было связано с необходимостью опорочить религию индейцев перед европейским обществом и оправдать жестокость по отношению к ним. Но нельзя сказать, что жертвоприношений не было совсем. Вот что пишет по этому поводу Диего де Ланда: «У них был обычай прежде и еще недавно бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи... Бросали также многие другие вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными» [4,298-299]. Необходимо отметить, что принесение людей в жертву было редкостью, и происходило лишь в особо засушливые периоды. Чтобы понять, кого же приносили в жертву, нам придется снова обратиться к Диего де Ланда: «Из-за этого голода Шиу, сеньоры Мани, решили устроить торжественное жертвоприношение идолам, приведя некоторых рабов и рабынь, чтобы бросить в колодец Чичен Ицы» [2,14]. Именно рабов или иноземцев, а не собственных соплеменников, индейцы чаще всего приносили в жертву, но почему-то конкистадоры, за исключением Диего де Ланда, в своих описаниях умалчивают об этом.

О том, как происходило жертвоприношение у ацтеков, подробно повествует Берналь Диас: «Звучал мрачный барабан Училобаса и многие другие раковины и дудки ...и звук их был ужасен... многим из пленников воткнули в волосы перья... их заставили танцевать перед Училобасом, а когда танец закончился, пленников повалили на спину на узкие камни, приготовленные для жертвоприношения, и каменными ножами рассекли им грудь и, вырвав еще трепещущие сердца, вручили их стоящим идолам» [4,216]. Подобное описание жертвоприношений также встречается у Фернана Кортеса и Овьедо-и-Вальдеса. Но зачастую такие сведения были воспроизведены по рассказам испанцев или даже индейцев, которые якобы присутствовали на жертвоприношениях, что свидетельствует об их недостоверности. Конкистадоры часто писали, что присутствовали на подобных ритуалах, но данные сведения не находят подтверждений, из чего можно сделать вывод, что

представление о жертвоприношениях настолько глубоко вошло в сознание испанцев, что некоторые из них стали считать себя свидетелями этого действия. И, разумеется, необходимо учитывать, тот факт, что принесение в жертву было почетным для пленных: «...Врагов, которых на войне они могли бы убить, не убивали, но скорее захватывали их живыми и приводили пленниками с целью принести их в жертву, и по многим другим причинам и соображениям, из чего для них следовало много выгоды, чести и славы» [5,19].

Диего де Ланда приводит и другие формы жертвоприношений, отличные от принесения в жертву людей: «В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, разрезая уши кругом лоскутками и так их оставляли в знак жертвы. В других случаях они протыкали щеки или нижнюю губу, или надрезали части своего тела... В других случаях они ... делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперёк сбоку, и, сделав это, они продевали через них возможно большее количество шнура, сколько могли...» [2,28-29]. Как не жестоки были эти ритуалы, но все же, по мнению Диего де Ланда, это было более гуманно, так как человеку сохранялась жизнь, плюс повышался его статус в обществе.

Конечно, нельзя забывать о принесении в жертву животных, пищи и предметов роскоши, что происходило повсеместно и по различным случаям, о чем подробно писал Диего де Ланда.

Помимо жертвоприношений имелся и другой обычай, соблюдая который индейцы и в особенности их жрецы оказывали почтение своим богам, этот обычай конкистадоры в связи с наличием некоторых аналогий именовали «постом». Описание сути данного обычая мы видим в докладе священников-августинцев: «Пост состоит в том, чтобы не есть ахи [перца], тот что в нашей Испании называют индейский перец, вещь очень важная для индейцев, и они почти ничего не едят без него, также как и без соли. Они не должны спать со своими женами...» [6,19]. Описанный пост был предназначен только для жрецов, которых августинцы называли «колдунами». Подобные обычаи, связанные с самоограничением, по сведениям конкистадоров, были широко распространены в Южной и Центральной Америке, различались они лишь тем, на что налагалось ограничение, и тем, насколько широкие слои населения подлежали этому ограничению. Так, в указанном выше Докладе приводятся сведения о посте, распространенном в Центральной Америке и предназначенном для всех слоев населения: «... Они постятся, следуя имеющейся набожности, не спят со своими женами, не едят ни соль, ни перец» [2,43]. У ацтеков был распространен пост, напрямую не связанный с почитанием богов, описанный Хуаном Байтиста до Помаром: «Когда они шли на войну, постились отцы и матери тех, кто шел на нее, способом, отличным от всеобщего, поскольку ели только в полдень, и не стригли волосы и не умывали лица до возвращения сыновей и тех, с кем они состояли в дружбе и родстве.» [5,27]. Для того, чтобы получить хороший урожай, индейцы майя также придерживались поста, о котором оставил сведения Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате.

Важным для конкистадоров было отношение индейцев к смерти. Вот как описывает это Диего де Ланда: «Нужно было видеть их тоску и плач по своим умершим и общее горе, которого это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и горестными воплями... Они ходили в глубокой печали много дней... соблюдали воздержание и пост по умершему» [4,222]. Это полностью противоречит словам Овьедо-и-Вальдеса, писавшего о том, что индейцы могли поедать своих умерших родственников [3,216]. Такой вывод был сделан им на основе рассказов о некоем острове, на котором обитали каннибалы, но данное представление нельзя распространять на всю Центральную и Южную Америку, так как это не находит своего подтверждения в других источниках.

Интересно описание обряда погребения, составленное Диего де Ланда: «Они погребали умерших внутри своих домов или позади них, помещая им в могилу несколько своих идолов...обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения» [2,32-33]. Это было вызвано желанием сохранить для усопшего дом, в котором тот должен обитать после смерти.

Особое место конкистадоры отводили описанию брачных обычаев индейцев, так Жозе ди Аншиета пишет: «Индейцы Бразилии, как представляется, никогда не имеют намерения брать на себя обязательства, когда женятся, – ни муж перед женою, ни жена перед мужем. И посему жена никогда не сердится оттого, что муж берет другую или других [сожительниц], проводит с ними много или же мало времени, не имея с нею общения, хотя бы она и была первою» [7]. Но такое отношение к браку было распространено не на всем новом континенте, так имеются сведения о временном браке между молодым юношей и зрелой, а зачастую пожилой женщиной. Причину таких браков мы можем узнать в Сообщении Жозе ди Аншиета: «Поскольку в то время [мужья] являются еще юношами, они, не находя другой [женщины], порою берут какую-нибудь старуху, от коей не ждут детей, для того только, чтобы она готовила им еду» [7]. Но были и сведения, которые, до сих пор не имеют археологических подтверждений, о погребении как жен, так и мужей со своими супругами из знатного рода, малолетних детей оставшихся из-за этого обычая без родителей воспитывали родственники – мальчиков со стороны отца, девочек со стороны матери.

Наряду с похоронными обрядами Диего де Ланда описывает обряд «крещения», который, скорее всего, являлся обрядом «инициации»: «Крещения нет ни в какой части Индий, кроме Юкатана, где оно существует под названием, которое означает «родиться снова или второй раз» [2, 25-27]. После такого обычая девочкам и мальчикам (так как им было от 7 до 12 лет) разрешали вступать в брак, после этого они становились полноценными членами общества. Причиной, по которой Диего де Ланда назвал этот обряд крещение, стала, скорее всего, интерпретация его названия «родиться снова или второй раз», что у христиан ассоциировалось с крещением. Подобный обряд описывают и священники-августинцы в своем Докладе..

Конечно, многие конкистадоры стремились не просто описать, но и понять религиозные воззрения и обычаи индейцев, но это не удалось им в полной мере в связи со свойственным многим предубеждением к чужой религии, а также не желанием индейцев посвящать пришлых людей в свои таинства.

Восприятие религиозных верований и обычаев индейцев оказало значительное влияние на формирование образа нового континента у конкистадоров, но это представление было основано в большинстве своем не на достоверной информации, а на мифах и рассказах якобы «очевидцев событий». Так образы Диего де Ланда практически полностью расходятся с тем, что пишет Овьедо-и-Вальдес. Это связано с тем, что Диего де Ланда, в отличие от своего оппонента, пытался описать истинную веру индейцев. Овьедо-и-Вальдес же стремился оправдать деятельность конкистадоров и создавал заведомо ложный образ нового континента. И данное различие в описываемых образах характерно для многих конкистадоров.

Литература

1. Кесада, Гонсало Хименес де. Краткое изложение завоевания Нового Королевства Гранада [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://kuprienko.info/gonzalo-jimenez-de-quesada-epitome-de-laconquista-del-nuevo-reino-de-granada-1539-al-ruso/> (дата обращения 21.09.2010).
2. Ланда, Диего де. Сообщение о делах в Юкатане М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 237 с. (Монография)
3. Овьедо-и-Вальдес, Гонсало Фернандес де. Всеобщая и естественная теория Индий, островов и материка моря-океана/ Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес. М.: Наследие, 1998. 567 с. (Монография)
4. Гуляев В.И. Древние цивилизации Америки Древние цивилизации Америки М.: Вече, 2008. 448 с. (Монография).
5. Помар, Хуан Баутиста де. Сообщение из Тескоко [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XVI/1580-1600/Bautista_Pomar/pred.phtml (дата обращения 15.05.2012).
6. Доклад о религии и обрядах Перу, составленный первыми священниками Августинцами, направившимися туда для обращения местных жителей в христианство [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://kuprienko.info/relacion-de-la-religion-y-ritos-del-peru-hecha-por-los-padres-agustinos-1560/> (дата обращения 15.03.2012).
7. Аншиета, Жозе де. Сообщение о Бразилии и ее Капитаниях- 1584 год [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Portugal/XVI/1580-1600/Anchieta_Joseph/frametext1.htm (дата обращения 15.05.2012).

АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИИ ОРНИТОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ С РАСКРЫТЫМИ КРЫЛЬЯМИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА ИЗ ПРИОБЬЯ

Е. Ю. Волковицкая

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.В. Панкратова, к.и.н., доц.

Кулайская металлопластика известна в археологической науке с 1920 года, когда на горе Кулайке был найден бронзовый котёл с металлическими изделиями [1, с. 51]. Специалисты не раз занимались упорядочиванием имеющегося материала. Значительный вклад в разработку систематизации кулайского бронзового литья внёс Я.А. Яковлев [2, 3]. В 1996 году в свет вышла публикация исследователя «К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья», анализу которой посвящена данная статья. В работе автор рассматривает изображения как отдельных птиц, так и композиции с их участием. Важно отметить, что исследованию подверглись изображения птиц как раннего железного века, так и средневековья, то есть не только кулайские, но и рёлкинские. По словам автора, в основу классификации «положены сюжетные признаки: категории выделены по динамике образов, группы – по видовому составу образов, варианты – по особенностям передачи образов» [2, с. 178]. Иначе говоря, классификация основана на таких субъективных признаках как «статика»/«динамика» образов и биологическая (видовая) принадлежность орнитоморфов. Критерии определения состояний образов (статика/динамика) не очевидны и чётко не определены, поэтому вызывают разночтения при использовании другими исследователями [4, с. 44]. Анализ текста статьи показывает, что при классификации изображений по группам дифференцирующим признаком является не видовой состав образов (вид животных и птиц установить сложно, а иногда невозможно), а разнообразие персонажей, составляющих композицию.

К **первой категории** Я.А. Яковлевым отнесены 22 изображения птиц в состоянии покоя. Критерием такого состояния, по мнению автора, являются сложенные крылья. Находки датируются эпохой средневековья и делятся на две группы [2, с. 178].

В **первую группу** Я.А. Яковлевым объединены одиночные статичные орнитоморфные сюжеты. Такое определение состава группы вызывает вопрос, какие же изображения в неё все-таки включены: одиночные статичные изображения или сюжетные? Ведь «сюжет любого произведения представляет динамический аспект, раскрывающий связную последовательность развивающего действия или события» [5, с. 34]. А большинство изображений птиц представлено одиночными изображениями, по отношению к которым говорить о развёртывании событий не приходится. Статичность образов в композициях «с участием нескольких птиц одного вида» [2, с. 179], как будет показано ниже, автором не обоснована.

Внутри первой группы литья исследователь выделил три варианта [2, с. 179]. **Вариант А** представлен детализированными одиночными статичными орнитоморфными сюжетами. Критерием для его выделения явились выраженные крылья, лапы и глаза. Находки изготовлены в технике полого литья [2, с. 179]. В качестве примеров автор приводит несколько изображений птиц. Эти находки представлены профильными изображениями птиц со сложенными крыльями. Закономерным представляется вопрос: почему в заглавие статьи вынесены лишь «орнитоморфные изображения с раскрытыми крыльями» [2, с. 178]? Замечание актуально для всех изображений, отнесенных автором к первой категории.

Вариант Б включает недетализированные одиночные статичные орнитоморфные сюжеты. К ним исследователь отнёс подвески с контурными фигурами птиц, выполненными в технике плоского литья. У всех изображений профильно выражены головы, хвосты и ноги, поверхность гладкая [2, с. 179].

К **варианту В** Я.А. Яковлевым отнесены недоминирующие одиночные статичные орнитоморфные сюжеты – «две нашивки из могильника Релка, где птицевидные образы включены в общую семантику сюжета: четыре схематичные фигурки птиц по контуру круга с вписанным внутрь его крестом и два изображения пернатых с развернутыми в противоположные стороны длинноклювыми головами на щитке псевдогребня» [2, с. 179]. Следует отметить, что при выделении однопорядковых таксонов внутри классификации используются разные признаки, что является нарушением одного из принципов классификации. Варианты А и Б выделены по степени детализации изображений, а вариант В – по степени доминантности орнитоморфного образа. Критерии выделения последнего признака также неочевидны, поскольку не ясно, по отношению к чему птицы не являются доминирующими, ведь других образов на приведенных в качестве примера изделиях нет.

Ко **второй группе** изображений первой категории автором отнесены сюжеты со статичным орнитоморфным персонажем, а именно «пронизки с популярными в урало-сибирской металлопластике так называемыми «сценами борьбы», где в замкнутой по вертикали композиции хищная птица занимает, судя по отверстиям для подвешивания, верхнее положение» [2, с. 179]. Выделение данной группы вызывает ряд вопросов. Во-первых, не понятно, почему участвующие в изображении сцен борьбы птицы рассматриваются как статичные фигуры, ведь сюжет априори подразумевает динамику образов. Во-вторых, по названию группы («сюжеты со статичным орнитоморфным персонажем») не ясно, в чем ее отличие от первой группы первой же категории («одиночные статичные орнитоморфные сюжеты»).

Вторая категория изображений представлена динамичными орнитоморфными сюжетами. Образы птиц переданы в состоянии полета с раскрытыми крыльями [2, с. 180].

В **первую группу** Я.А. Яковлевым объединены одиночные динамичные орнитоморфные сюжеты. И вновь автор при дифференциации изображений обращается к субъективному признаку. Внутри данной группы одиночных динамичных изображений выделено два варианта [2, с. 180].

К **варианту А** отнесены одиночные динамичные орнитоморфные сюжеты «вид снизу», а именно изображения с распростертыми крыльями со стороны живота [2, с. 180]. Появившиеся на ранних этапах развития кулайской металлопластики изображения выполнены в технике плоского литья, характеризуются видовой неопределённостью, выполнены с обязательным изображением лап, хвоста, «линии жизни», имеют разнообразные варианты в передаче положения головы. Позднекулайские орнитоморфы варианта А демонстрируют канонические признаки передачи образа, сохранившиеся и в раннем средневековье. К каноническим чертам исследователь отнёс: горельефный способ передачи фасовой головы, рельефное выражение вытянутого вниз плоского тела и крыльев птиц, выраженность у большинства изображений видовых признаков птиц, орнаментальные элементы в передаче крыльев и хвоста птицы [2, с. 180].

Вариант Б представлен одиночными динамичными орнитоморфными сюжетами «вид сбоку». Автор относит к данному варианту изображения, характеризующиеся горизонтальным положением при движении влево, с выделенными клювами, хвостами и маховыми перьями раскрытых крыльев [2, с. 181].

Во **вторую группу** второй категории исследователем включены сюжеты с динамичным(и) орнитоморфным(и) персонажем(ами) – сложные сюжеты, где «ведущим является мотив птицы» [2, с. 181]. Внутри данной группы выделено три варианта.

К **варианту А** второй группы Я.А. Яковлевым отнесены сюжеты с динамичным одноголовым орнитоморфным персонажем. Автор поясняет, что сюда входят изображения, передающие птиц с распростертыми крыльями со стороны живота. Отличием данного варианта от варианта А первой группы второй категории является наличие дополнительных зоо- и антропоморфных образов [2, с. 181].

В **вариант Б** исследователем включены сюжеты с динамичными многоголовыми орнитоморфными персонажами «вид снизу». Находки, отнесенные автором к этому варианту, сюжетно и стилистически очень близки выше описанным поделкам варианта А. Отличительным же признаком явилась многоголовость образа [2, с. 182].

Вариант В представлен сюжетами с недоминирующим(и) динамичным(и) орнитоморфным(и) персонажем(ами). Я.А. Яковлев поясняет, что к данному варианту относятся «поделки, где образ птиц с раскрытыми крыльями включены в сложные многофигурные композиции и не несут основной сюжетной нагрузки» [2, с. 183]. Выделение данного варианта внутри группы вызывает удивление, поскольку ранее было заявлено, что группу составляют сложные сюжеты, где «ведущим является мотив птицы» [2, с. 181]. Как и при выделении вариан-

тов внутри первой категории изображений, дифференциация вариантов изображений данной группы проведена не по одному основанию. Так варианты А и Б выделены по количеству голов «орнитоморфного персонажа», критерием выделения варианта В является оценочное суждение относительно значимости образов птиц в составе композиции.

В целом, разработанная исследователем классификация орнитоморфных образов, несомненно, явилась значительным шагом вперед в направлении изучения металлопластики Приобья эпохи железа. И, несмотря на выявленные недостатки (использование разных признаков при выделении однопорядковых таксонов классификации; необоснованное предварительным анализом использование оценочных критериев; подмена понятия «сюжет» неравнозначными терминами «изображение», «композиция», «образ»), в определенной мере может быть использована в практической работе. Детальный анализ изделий с орнитоморфными персонажами, часто являющимися синкретическими, вызывающими сложности при формализации образов, подтолкнул исследователя к решению более сложной проблемы – разработке типологической классификации кулайской металлопластики, которая была осуществлена им спустя годы [3].

Литература

1. Мягков И.М. Древности Нарымского края // Труды Томского краевого музея. Т. 2. Томск, 1929. С. 51-86. (*Сборник*)
2. Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 178-197. (*Сборник*)
3. Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 273 с. (*Монография*)
4. Чемякин Ю.П., Кузьминых СВ. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Выпуск 8, т. II. Тверь: Изд-во «Триада», 2011. С. 43-74. (*Сборник*)
5. Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий – СПб: ИИМК, 1996. 78 с. (*Монография*)

ЭВОЛЮЦИЯ ТАТАРСКОГО ПРАЗДНИКА САБАНТУЙ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

М.Н. Митяева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.А. Гончарова, к.и.н., доц.

В современном российском обществе большое внимание уделяется сохранению и возрождению национальных традиций разных народов, в том числе и татар. В праздничной культуре татар особое место занимает народный праздник Сабантуй, важные изменения в котором произошли в XX – начале XXI вв.

Изучением Сабантуя занимались Д.М. Исхаков [1], Д.Р. Шарафутдинов [2]. Д.Р. Шарафутдинов прослеживает историческую трансформацию праздника на территории Татарстана. По мнению Д.М. Исхакова, календарный праздник Сабантуй – это образ жизни народа. Он считает, что современный праздник Сабантуй стал одним из средств укрепления семьи и консолидации нации [1, с. 5]. Изучением Сабантуя у томских татар занимался Н.А. Томилов. Однако его исследования охватывает период до последней четверти XX в. [3]. Специальных работ, посвященных эволюции татарского праздника Сабантуя в XX – начале XXI в. на территории Томской области, нет.

Источниковой базой данного исследования стали материалы периодической печати. Многочисленные сведения об общественной жизни томичей содержится в одной из самых распространенных и влиятельных газет в дореволюционной Сибири «Сибирская жизнь» [4]. Среди современных изданий следует отметить газету «Томская неделя» [5], а также журналы «Территория согласия» [6], «Народное творчество» [7], «Праздник» [8].

Для рассмотрения эволюции праздника Сабантуй необходимо обратить внимание на следующие вопросы: сроки проведения, основные этапы, содержания праздничных мероприятий и состав участников.

В начале XX в. сроки празднования Сабантуя томскими татарами различались: татары-земледельцы отмечали обычно до посева семян (иногда после посевных работ), татары-неземледельцы – до сенокосного периода [3, с. 138]. В.Г. Иванов объясняет отсутствие единой календарной даты в проведении Сабантуя разными сроками готовности почвы к посеву яровых культур [9, с. 93].

Подготовительным этапом в проведении праздника Сабантуй выступал сбор подарков для победителей, в котором активное участие принимали дети. Самым ценным подарком считалось полотенце, которое вешали на шест в центре площади во время празднования, а по окончанию Сабантуя дарили новоявленному батыру. Также в число подарков входили скатерти, салфетки, тубетейки, кошельки, кисеты, рукавицы, камзолы [10, с. 67].

Подготовительный этап также включал конные скачки, которые назывались «разогрев конских ног». Благодаря этому юноши тренировали коней и готовили их к предстоящим состязаниям.

Непосредственно праздник Сабантуй проходил в специально отведенном месте и включал ряд состязаний. Первым состязанием на Сабантуе были скачки на лошадях, участие в которых считалось престижным. Обычная дистанция скачек была 6–7 километров. Вторым по порядку состязанием на Сабантуе была национальная борьба – *керэш*. Ее суть заключается в том, что каждый борец охватывает своим полотенцем противника за талию и таким образом ведет борьбу. Поединок продолжается до тех пор, пока один из борцов не признавался побежденным.

Неотъемлемым элементом праздника были вечерние молодежные игрища, включавшие песни и танцы. В них принимали участие юноши и девушки, которым в дни праздника разрешалось совместно проводить время. Старшее поколение продолжало праздник в домашних условиях, где устраивалось угощение.

В советский период, несмотря на исчезновение многих национальных праздников, Сабантуй сохранился. В это время более точными стали сроки проведения праздника: после завершения весенних полевых работ, перед началом косовицы, когда для жителей села наступает небольшая передышка в напряженном летнем сезоне. Активное участие в подготовке праздника стала принимать молодежь, в первую очередь комсомольцы [3, с. 141]. Из несколько девушек и юношей формировалась специальная комиссия по проведению праздника. Молодежь оборудовала площадку для Сабантуя, а накануне праздника проводила традиционное шествие по деревне для сбора призов для победителей. Сбор призов проходил среди жителей татарских деревень и сопровождался увеселительными мероприятиями. Местные жители, как правило, давали платки, полотенца, носочно-чулочные изделия, шарфы, одеколон, конфеты, яйца [10, с. 73]. Часть средств на проведение праздника выделялась совхозом.

Важно отметить, что в советский период Сабантуй начинался с чествования передовиков сельхозпроизводства, награждения их ценными подарками и призами. Наряду с традиционными видами состязаний (*керэш*, конные скачки) появились новые спортивные состязания и аттракционы, такие как прыжки в мешках, бег с ведрами на коромысле, перетягивание каната, сражение набитыми соломой мешками между двумя бойцами, сидящими на бревне. В этот период состязания приобрели более зрелищный характер. В них могли принять участие все желающие, в том числе и представители других национальностей. Важно отметить активное участие в праздничных мероприятиях татарских женщин, ранее присутствовавших лишь в качестве зрителей.

Часто на празднике выступали коллективы художественной самодеятельности, иногда ставились целые спектакли [3, с. 138]. Как отмечает Н.А. Томилов, Сабантуй носил очень яркий праздничный характер,

постоянно играла музыка, участники праздника пели песни, танцевали. Например, в д. Исламбуль Кривошеинского района Томской области празднование включало элементы маскарадного празднества. Девушки надевали карнавальные костюмы и пели частушки [3, с. 143]. В 1930-х гг. на Сабантуе, проходившем в расположенных близ Томска деревнях, устраивали катание ударников на самолете. В этот день на площади обычно работали буфеты, ларьки с промышленными товарами. Праздник обычно длился 5–8 часов, и лишь к вечеру жители расходились по домам. Молодежь же продолжала веселиться: устраивали танцы, игры, иногда катание на лодках с песнями, после чего жгли костер.

Процессы этнического возрождения придали новый импульс развитию Сабантуя. В настоящее время Сабантуй проходит не только в России, но и по всему миру. Этот праздник является международным национальным татарским праздником, который стал государственным в Татарстане, федеральным праздником в России и официальным городским во многих городах мира. Кроме того, по инициативе местных татарских общин Сабантуя стали ежегодно проводиться в частном порядке в таких городах, как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Берлин, Монреаль, Торонто, Прага, Стамбул и многих других. Во время своего визита в Казань Генеральный директор ЮНЕСКО поддержал инициативу о выдвигании татарского национального праздника «Сабантуй», являющего собой живую традицию и пользующегося искренней любовью народа, в число претендентов на включение в список шедевров устного и нематериального наследия ЮНЕСКО.

В июле 2004 г. томский Сабантуй, получил поддержку Министерства культуры РФ, существенно расширил свои границы и приобрел статус межрегионального праздника.

Сегодня томские татары отмечают праздник после окончания посевных работ, как правило, в третьей декаде июня. Современный Сабантуй – это пышное торжественное мероприятие, которое проводится при поддержке местных властей. Непременным атрибутом праздника является приглашение почетных гостей. Например, в 2003 г. на празднике в д. Черная речка главными гостями были представители областной администрации во главе с губернатором В.М. Крессом [11, с. 17]. Также на празднике присутствовал член союза писателей Татарстана Талгат Назмиев – автор шести книг лауреат премии имени Хусейна Ямашева, редактор газеты «Сабинские зори» [12, с. 1]. Это связано с тем, что в последнее десятилетие проводится большая работа по расширению связей татар из Татарстана с соплеменниками из различных регионов России, в том числе и томскими татарами. В праздничных мероприятиях, как и раньше, принимают участие песенные и танцевальные коллективы из Томска и окрестных сел.

Праздник сохранил в себе все ценное, что передавалось от поколения к поколению. В современном празднике сохранилась традиция подведения итогов весенне-полевой работы, возникшая в советское время, а также проведения многочисленных состязаний: национальной борьбы, схваток силачей, соревнующихся в подъеме

тяжестей (например, гирь). Кроме того, в программе праздника есть различного рода юмористические конкурсы: бой на бревне мешками, набитыми травой или сеном, разбивание с завязанными глазами палкой горшков, расставленных на земле; доставание ртом монет со дна сосуда с кислым молоком; бег с ложкой во рту, в которой находится сырое яйцо; бег с полными ведрами на коромыслах; бег в мешках и т.д.

Важно отметить, что впервые в 2010 г. в деревне Казанка Томской области провели так называемый малый (детский) Сабантуй. На празднике выступали творческие коллективы, проводились активные зрелищные игры: скачки на игрушечных лошадях, перетягивание каната, лазание по столбу и др. Кульминацией праздника стало состязание батыров [13, с. 12]. Таким образом, главной целью данного мероприятия стало знакомство детей с праздником, а также приобщение молодежи к татарской праздничной культуре.

Таким образом, в течение XX – начала XXI в. дата проведения праздника Сабантуй для всех групп томских татар стала единой и более точной. Комплекс праздничных мероприятий в начале XX в. включал спортивные состязания и увеселения. В советский период они были дополнены чествованием передовиков производства, что сохранилось до сегодняшнего дня. В настоящее время важным фактором сохранения и развития праздника является его поддержка местными властями и национально – культурными объединениями. Сабантуй является не только развлекательным мероприятием, но и несет огромный духовный потенциал.

Источники и литература

1. Исхаков Д.М. Татары: перепись, политика. Казань, 2010. 86 с. (*Монография*)
2. Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI вв. Казань, 2004. 96 с. (*Монография*)
3. Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар. Томск, 1980. 138 с. (*Монография*)
4. Праздник плуга // Сибирская жизнь. 1913. №149. С. 3.
5. Сабантуй дружбы // Томская неделя. 2005. №27. С. 8 – 10.
6. Сабантуй в Томске отметили «всем миром» // Территория согласия. 2007. №1 (13). С. 12 – 13.
7. Сабантуй // Народное творчество. 2009. № 5. С. 16.
8. О традиция празднования Сабантуя // Праздник. 2011. №8. С. 22 – 23.
9. Иванов В.Г. Томские татары. (Материалы по обследованию томских карагасов летом 1927 г.) Текст. Томск, 1927. С. 93-104.
10. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. 198 с. (*Сборник*)
11. Сабантуй // Территория согласия. 2003. №1. С. 17.
12. Халат с татарского плеча // Томский вестник. 2003. 7 июля. С. 1 – 2.
13. Малый Сабантуй // Губернские новости. 2010. 22 июля. С. 12.

ИСТОРИЯ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МЕСТНЫМИ КРАЕВЕДЧЕСКИМИ МУЗЕЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1950–Х – 1980–Х ГГ.

Е. А. Нестеров

Томский государственный университет

Научный руководитель: Э.И. Черняк, д.и.н., проф.

В 1934 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «Об охране археологических памятников», определившее необходимый состав научно-исследовательских работ: 1) раскопки, 2) фотографирование, 3) передача находок в музей [1, с.70]. Впоследствии в обращениях и письмах Народного комиссариата просвещения РСФСР к директорам музеев в 1930–1940-х гг. регулярно звучала рекомендация расширения просветительской работы музеев посредством выставок, экскурсий, лекций, кружков [2, с.1–2; 3, с. 1–2; 4, с.19–20], для которой основой могли стать исключительно памятники истории и культуры. Постановлением Совета министров СССР «О мерах по улучшению охраны памятников культуры» государственные музеи были разделены по территориальному принципу на три группы: общесоюзные, республиканские, местные [5, с.136–144]. В 1950-х гг. в Советском союзе стали активно создаваться школьные, городские, сельские, районные краеведческие музеи, что было обусловлено новым подъемом краеведческого движения в стране после военных потрясений [6, с.761–762; 7, с. 312].

В 1954 г. научным сотрудником Бийского краеведческого музея, открытого в 1920 г., стал выпускник Пермского государственного университета археолог Б. Х. Кадиков [8, с.8–9; 9, с.209]. В 1955 г. под руководством Б. Х. Кадикова была совершена археологическая разведка Бийского краеведческого музея на озеро Иткуль [10, с.47]. В 1956 г. он провел раскопки стоянок периода неолита у оз. Иткуль и периода верхнего палеолита в окрестностях с. Майма в долине р. Катунь [11, с.297; 12, с.18–19; 13, с.11–12]. В междуречье Бии и Катунь Б. Х. Кадиковым был открыт и исследован древнейший на территории Алтайского края могильник периода неолита Усть-Иша-1 [14, с.239]. В 1960 г. экспедицией музея, возглавляемой Б. Х. Кадиковым, был открыт курганный могильник тюркской культуры у с. Сибирячиха Солонешенского района. В скале на берегу р. Ануй была обнаружена стоянка эпохи каменного века. Ее верхний культурный слой относился к периоду неолита, а нижний слой к периоду верхнего палеолита. В 1961 г. экспедицией музея под руководством Б. Х. Кадикова раскапывалось поселение эпохи раннего железного века в устье р. Иша Солонешенского района. На поселении были собраны фрагменты керамической посуды и кости животных. На территории поселения было обнаружено погребение скифского времени. Среди сопроводительного инвентаря находились каменная курильница, пряслице, булавка, бронзовый нож [15, с.186–188; 16, с.9–10]. В 1975 г. Бийским краеведческим музеем им. В. В. Биан-

ки под руководством Б. Х. Кадикова была проведена экспедиция в Горный Алтай. В составе экспедиции работал археолог музея Б. И. Лапшин, выпускник Новосибирского государственного университета. В долине р. Узнезя была открыта стоянка периода палеолита. В музей поступили кремневые нуклеусы, скребки, остроконечники [17,с.29].

В 1975-1977 гг. археологической разведкой Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки под руководством Б. И. Лапшина были открыты стоянки эпохи каменного века в междуречье Бии и Катунь, в разрушающемся берегу р. Оби около г. Бийска обнаружил обломки придонной части сосуда большемысской культуры периода энеолита [14,с.239; 18,с.117]. В 1976 г. экспедицией Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки под руководством Б. И. Лапшина была проведена археологическая разведка в Горно-Алтайскую автономную область. В долине р. Катунь были обнаружены восемь памятников эпохи каменного века. В музей поступили кремневые скребки, отщепы, нуклеус, обломок рога большерогого оленя. В урочище Карабонет у с. Куюс было открыто первое на Алтае поселение афанасьевской культуры периода энеолита. В долине р. Катунь, в устье ее правого притока Бийке, были обнаружены курганы раннего железного века [19,л.10–11; 20,с.215; 21,с.14]. В 1987 г. археологическую разведку в устье р. Чарыш провел научный сотрудник музея С. Ю. Исупов. Им были проведены сборы подъемного материала на городище Елбанка [22,с.78]. В 1989 г. экспедиция Бийского краеведческого музея под руководством Б. Х. Кадикова занималась выявлением памятников археологии в Советском районе [23,л.34; 24,с.244].

В 1950-1980-х гг. на основе постановлений райкомов и райисполкомов краеведческие музеи были открыты в селах Тальменка, Родино, Благовещенка, Мамонтово, Новогорьевское, Новоалтайск, Усть-Пристань, Угловское, Усть-Калманка, Михайловское, Советское, Чарышское, Баево, Троицкое, Новичиха, Завьялово, городах Рубцовск, Павловск, Горняк [25,л.4, 34, 45, 53, 66, 77, 85, 91, 94, 96].

Основание Краеведческого музея с. Победа Целинного района связано с именем П. Ф. Рыженко. Петр Федорович Рыженко родился 35 июня 1928 г. в с. Марковка Кагановического района Семипалатинской области. Мать работала няней в купеческой семье, а отец был крестьянином, участвовал в Гражданской войне, воевал под командованием М. В. Фрунзе. В 1929 г. семья Рыженко переехала из Казахстана на Алтай. Затем семья неоднократно переезжала и остановилась в коммуне «Новый свет», где она прожила с 1932 по 1948 гг. В коммуне Петр Федорович получил трудовое воспитание, стал коммунаром, окончил начальную и среднюю школу. После школы стал работать в колхозе, затем секретарем сельского совета депутатов. В 1950 г. окончил историко-филологический факультет Бийского педагогического института. Стал работать учителем русского языка и литературы в школе с. Мартыновка. В 1953 г. был назначен завучем этой школы. С 1959 по 1965 гг. был директором школы в с. Победа, преподавал здесь историю до 1983 г.

Летом 1959 г. П. Ф. Рыженко принял участие в экспедиции археологов из г. Кемерово, которая обследовала у с. Манжиха могильник, случайно обнаруженный при строительстве кирпичного завода. Собранные в одном разрушенном захоронении предметы были переданы в школу с. Победа. Школьники под руководством Петра Федоровича записывали от сельских старожил сказания о далеком прошлом. Например, сказание «О чуде белой и черной» повествовало о первых рудознатцах Алтая. В 1965 г. в кабинете истории на основе накопленных материалов был организован краеведческий музей. В 1985 г. на базе школьного музея был открыт Краеведческий музей села Победа, для которого совхоз выделил отдельное помещение [26, л. 2, 2 об., 4–5; 27, л. 1–2].

В 1967 г. историко-краеведческий музей был открыт в Тюменцевской средней школе. Основу его собрания составили археологические материалы, собранные учителем физкультуры Ю. С. Орловым. Ю. С. Орлов, имея разрешение Института археологии АН СССР, проводил археологические разведки на территории Тюменцевского района. В 1963 г. Ю. С. Орлов открыл поселение Бараба. На поверхности памятника им были собраны предметы периода неолита и эпохи бронзового века. Подъемные материалы были доставлены в школу [28, с. 1].

Археологические собрания краеведческих музеев накапливались посредством сбора подъемных материалов с памятников археологии и случайных находок. Рубцовского краеведческого музея начало формироваться благодаря сборам подъемных археологических материалов. В 1978 г. на окраине с. Новониколаевка Рубцовского района было случайно обнаружено погребение VII–VI вв. до н. э. Собранные пастовые бусы, каменная курительница, бронзовое зеркало были переданы в Краеведческий музей г. Рубцовска [29, с. 152–165]. Во время строительства хозяйственного сооружения в с. Новогорьевка были найдены древние каменные орудия труда. Находки поступили в фонды местного краеведческого музея [30, с. 130]. В Краеведческий музей г. Горняк поступили случайно найденные на территории Локтевского района керамический сосуд андроновской культуры, бронзовый наконечник стрелы VIII–VI вв. до н. э. [31, с. 113].

Таким образом, способами формирования археологических собраний алтайских краеведческих музеев стали экспедиции, проводившихся с целью раскопок и разведок памятников, и случайные сборы. Наличие в штате Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки профессиональных археологов позволило наладить систематическое пополнение археологического собрания. Археологическими исследованиями была охвачена территория как лесостепного, так и Горного Алтая. Организаторами и собирателями коллекций общественных краеведческих музеев на Алтае выступили, прежде всего, учителя и школьники, занимавшиеся краеведческими исследованиями.

Источники и литература

1. Об охране археологических памятников: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1934 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1934. № 9. Ст. 52. С. 70.

2. Обращение к директорам музеев системы Народного комиссариата просвещения РСФСР. М., 1939. 2 с.
3. Обращение к директорам музеев системы Народного комиссариата просвещения РСФСР. М., 1940. 2 с.
4. Организация краеведческого актива музея и его работы. М., 1940. 21 с.
5. О мерах по улучшению охраны памятников культуры: постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. // Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. М., 1948. № 6. Ст. 81. С. 136–144.
6. Разгон А.М. Музеи // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 761–762.
7. Разгон А. М. Краеведческие музеи // Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 312.
8. Ирисов Э., Цехановская Н. Из истории Бийского краеведческого музея // Краеведческий вестник. Историко-публицистический альманах Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки. Бийск, 1997. № 5. С. 8–9.
9. Литягина А.В. Борис Хатмиевич Кадиков – исследователь культуры и быта дореволюционного Бийска // Четвертые научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сб. науч. ст. Барнаул, 2007. С. 209. (*Сборник*)
10. Кадиков Б.Х. Хочу рассказать. Бийск, 2012. 172 с. (*Монография*)
11. Археологические работы музеев СССР за 1955–1956 гг. // Советский музей. 1957. № 4. С. 297.
12. Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири: Сб. науч. ст. Томск, 1959. С. 18–19. (*Сборник*)
13. Шуньков М.В. История изучения палеолита Алтая // Археологические исследования на Алтае: Сб. науч. ст. Барнаул, 1987. С. 11–12. (*Сборник*)
14. Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы Региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2007. Вып. 16. С. 239–240. (*Сборник*)
15. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Памятники археологии Солонешенского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 186–188. (*Сборник*)
16. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.
17. Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 95 с.
18. Кунгуров А.Л. Археологические находки из района слияния рек Бии и Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 1999. Вып. 10. С. 117–118. (*Сборник*)
19. Годовой отчет Бийского краеведческого музея (БКМ) за 1976 г. // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 288. Оп. 2. Д. 118. Л. 10–11.
20. Лапшин Б.И. Разведки в долинах рек Катунь и Бии // Археологические открытия 1976 г. М., 1977. С. 215.
21. Тишкин А.А., Горбунов А.А. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с. (*Монография*)
22. Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры: Сб. науч. ст. Барнаул, 1999. С. 77–78. (*Сборник*)
23. Годовой отчет БКМ за 1989 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 203. Л. 34.
24. Мельникова Т. Люди и вещи // Алтайский благодатный край. Можайск, 2007. С. 244.
25. Паспорта общественных музеев за 1978 г. // ГААК. Ф. 288. Оп. 2. Д. 132. Л. 4, 34, 45, 53, 66, 77, 85, 91, 94, 96.
26. История создания краеведческого музея в средней школе с. Победа Целинного района Алтайского края (рукопись) // ГААК. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 2 об., 4–5.

27. Воспоминания Петра Федоровича Рыженко // ГААК. Ф. 1733. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
28. Динер Л.А. В глуби тысячелетий // Вперед: газета Тюменцевского района. 2012. 10 апреля.
29. Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии Рубцовского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. с. 152-154, 163, 165. (Сборник)
30. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Памятники археологии Новогорьевского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 130. (Сборник)
31. Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Памятники археологии Локтевского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 113. (Сборник)

МЕЧ В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ МИРА

О.В. Скурихин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.В. Рудковский, к.и.н., доц.

Мечом является клинковое рубяще-режущее и колюще-режущее оружие с широким клинком длиной [7] не менее 40 см. На протяжении веков самая распространенная форма – крест. Это отличало меч от других видов клинкового оружия – сабель, кинжалов, палашей и т. д. Различались они только длиной клинка и форма эфеса. Отдельно мы коснёмся японской катаны, хотя она является саблей [7], однако довольно сильно повлияла на мировую культуру.

Отношение к мечу в разное время и в разных странах было разным. С древних времён меч был окружён легендами. Так, в древнегреческих мифах Гермес передаёт меч Персею, чтобы тот не погиб при борьбе с Медузой Горгоной. [11, с. 90] Гермес дарит меч Гераклу, когда тот стал совершеннолетним. [11, с. 124] Тот же мотив встречается и в средневековых эпосах: «Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный, Как ты на солнце блещешь и сверкаешь. Ты в Морланском доле дан был Карлу – Тебя вручил ему господний ангел <...>» [15, с. 106] или как в «Беовульфе»: «Тогда он увидел среди сокровищ орудие славное, меч победный, что был испытан во многих битвах, клинок наследие древних гигантов <...>» [3, с. 124]. Такой же сюжет есть в русских сказках. В сказке «Солдатские сыны» меч даёт старуха – два брата ищут коней, старух помогает найти им коней в склепе под горой, а в придачу «дала им мечи по 25 пудов». [17, с. 84 – 85] Согласно японской легенде, катану (а также резные бусы и зеркало) богиня Аматаэрасу передала своему потомку Ниниги – основателю императорской династии Японии. [2, с. 238] Эта катана была добыта мужем Аматаэрасу – Сусаноо. [2, с. 240] В других легендах встречаются более реальные ситуации. Король Артур первый свой меч достал из камня, подтвердив этим тот факт что он является законным наследником короля (экскалибур он получил после потере первого меча от таинственной руки из озера). [12, с. 16] Мечам

приписывали магические свойства. У Пелея, отца Ахиллеса, был меч, также подаренный богами. Обладая этим мечом, согласно легендам, Пелей был непобедим. [11, с. 245] Так, меч Карла Великого – Жуайёз – мог менять цвет тридцать раз на дню [14, с. 114], меч Роланда – Дюрандаль – был так крепок, что его нельзя было ни сломать, ни даже затупить [14, с. 106]. Магические свойства имел и меч, который Беовульф нашёл в пещере Гренделя [2, с. 124 – 125]. В ирландской саге «Болезнь Кухулина» описывается следующее магическое свойства: «У каждого воина сбоку висел меч, и, если воин лгал, острие его меча обращалось против него» [5, с. 633]. В «Саге о Гисли» меч с названием Серый Клинок приносил победу любому, кто им обладал. [18, с. 442] Викинги же верили, что магические свойства передаются мечу не только от бога, но магических заклинаний во времяковки. [9, с. 11] В Китае правитель V в. до н. э. Гоу Цзянь преподнёс, по легенде, в храм восемь мечей. Первый меч темнел при солнечном свете, второй «мог так разделить воду, что она больше никогда не смыкалась», третий меч, «если им показывали на луну, принуждал зайца и полосатую жабу сворачиваться, чтобы стать невидимыми», от четвёртого меча погибали все птицы, которые над ним пролетали, пятый пугал всех рыб, если его бросали в воду, шестой меч мог убить любого призрака (при условии, что это происходило ночью), седьмой мог испугать всех остальных монстров, а восьмой мог перерубить любой твёрдый материал. [6, с. 32] В русских сказках упоминается также, что мечом можно было защищаться от мертвецов. Так, в «Рассказах о мертвецах» при помощи меча (сабли) справились с умершим колдуном. После этого нужно его (мертвеца) нужно было сжечь на костре из осины. [1, с. 586]

Так в Древней Греции не очень любили фехтование и занимались им очень мало [4, с. 342]. В бою гоплиты использовали сначала копьё, а потом меч. Существовали танцы с мечами [4, с. 340], которые частично могли заменить занятия фехтованием. Однако, в легендах описываются случаи передачи меча по наследству. Так, отец древнегреческого героя Тесея Эгей положил меч и сандалии под камень с условием, что они достанутся только Тесею. [11, с. 176] В Древнем Риме так же, как и в Греции, в бою сначала использовали копьё, а потом меч. Однако, деревянный меч – рудис – давали гладиаторам в знак того, что им даровали свободу. [8, с. 93]

В средневековом фольклоре отмечаются более разные ситуации получения меча. В «Первой песне о Хельги Убийце Хундинга» («Старшая Эдда») упоминается, что меч дарился мальчику при рождении. [18, с. 80] Однако, это касалось только аристократов. В «Песне о Хельги сыне Хьёрварда» уточняется, что меч дарили в то же время, когда мальчику давали имя. [18, с. 88] Получить меч можно было при посвящении в рыцари. Вот как это описывается в «Песни о нибелунгах»: «Узрев, что сыну время сан рыцарский носить Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить <...> И препоясал Зигмунд в день торжества того Мечём и королевича, и сверстников его» [14, с. 18]. Так, в «Обряднике Гийома Дюрана» (15 в.) описывается следующий порядок посвящения в рыцари

– новик сначала молился целую ночь в церкви; утром проводится меса; после этого представитель духовенства даёт будущему рыцарю затрещину или оплеуху; будущий рыцарь произносит клятву; затем идёт к алтарю, где его с молитвами препоясывают мечом. [10, с. 134 – 135] После этого какой-нибудь старый рыцарь вручает новопосвященному шпоры. Представители духовенства благословляют меч рыцаря (что равноценно благословлению самого рыцаря). [10, с. 133 – 136] Перед всем этим его водили в баню, что означало, что он смывал скверну прошлой жизни и вступал в новую. [16, с. 32 – 33] Можно было получить меч за службу сюзерену, или в подарок, что, по словам Гуревича, накладывало на получателя некоторые обязательства. [14, с. 357]: «Наследник Хальфдана Пожаловал Беовульфу Знак победный – Ратное знамя, Стяг златовышитый, И шлем кольчугой; Многие видели И меч знаменитый, Ему подаренный». [3, с. 86 – 87]. В русском фольклоре отмечается, что меч можно было обменять или купить. Так, в сказке «Иван несчастный» описывается: «У царя купцов много, подвыпили купцы и кто чем хвастает <...> Иван угощался вместе с хозяевами, и похвалялся тем, что жил он в море – океане, а оттуда взял такую вещь, что и цены нет. <...> Иван достал самоцветный камень и положил на стол, так всю комнату и осияло. <...> царь подарил Ивану саблю и сказал, что не может оценить такой вещи» [16, с. 478].

В Средние века в Европе меч стал показывать статус. Носить длинный меч было привилегией рыцаря. Оруженосец имел право носить только короткий (т. н. римский) меч. Придя к кому-нибудь в гости, или приехав с особой миссией к правителю другой области или страны, меч отвязывался от пояса в знак мирных намерений. [13, с. 359] У викингов так же в знак мирных намерений меч перевязывался ремешком. Он обвивал ножны и проходил через эфес. [9, с. 11 – 12] Лишиться своего оружия было позором. Так, Роланд говорит про свой меч: «Расстаться с тобой больно мне и жалко. Умру, но не отдам тебя арабам. Спаси нас, Боже, от такого срама» [15, с. 107]. Передавать свой меч рыцарь мог либо оруженосцу («...свой меч отменный на время боя отдал подручному на сохранение» [3, с. 63]), либо человеку, который явно признан другом: «Вот меч – нигде такого не сыскать, За рукоять я сто червонцев дал. Его примите, граф, приязни в знак» [15, с. 31]. В иных случаях даже просто притронуться к чужому мечу было не позволено: «На землю шубу сбросил граф с себя, На ней парчою крыты соболя, И Бланкандрен спешил её поднять. Лишь меч посол не разрешает взять, рукою правой сжал он рукоять» [15, с. 24]. Меч захоронивали вместе с воином (по крайней мере в раннее Средневековье). В «Беовульфе» описывается один из обрядов погребения с мечом: «Тело несли его слуги любимые на берег моря <...> челн крутогрудый вождя дожидался <...> я в жизни не видывал ладьи, оснащенной лучше, чем эта, орудьями боя, одеждами битвы – мечами, кольчугами <...>» [3, с. 18 – 19]. Самые знаменитые мечи имели собственные имена – Нэглинг, меч Беовульфа [3, с. 197]; Дюрандаль, меч Роланда [14, с. 51]; Жуайёз, меч Карла Великого (742 – 814 гг.) [15, с. 114] и т. д.

В средневековых европейских эпосах описываются случаи, когда в меч инкрустировали мощи святых или святыни: «Кто не слышал про острière копья, Пронзившее распятого Христа, Теперь тем острièreм владеет Карл. Его он вправил в рукоять меча» [15, с 114], или «Морглес он взял, поклялся на мощах Их в рукоять меча он вделал встарь» [15, с. 30] Обычай помещать мощи святых рукоять меча, как это показано выше, появился во время крестовых походов. [19]

В средневековой Японии очень много похожих на европейские обряды. В возрасте пяти лет мальчика облачали в воинское вооружение, ставили на доску для игры в го и посвящали в права военной профессии, заткнув ему за кушак (пояс) настоящий меч вместо игрушечного кинжала. С этих пор его недолжны были видеть за пределами родного дома без этого вооружения. В повседневном обиходе использовался муляж настоящего меча. [13, с. 91] Это означало, что он стал воином. Оскорбление оружия приравнивалось к оскорблению его хозяина. Даже переступить через меч являлось оскорблением. [13, с. 92] Так же нарушением этикета было задевание чужих ножен своими. Так же и тронуть ножны меча таким образом, как будто ты хочешь достать меч, приравнивалось к вызову на бой. Положить оружие на пол и пихнуть их ногой в чью-нибудь сторону считалось смертельным оскорблением. Невежливо было вынимать меч в присутствии посторонних, не спросив их разрешения. Если самурай пришёл к кому-либо в гости, меч он оставлял привратнику. [13, с. 163] В доме катану и вакидзаси ставили на самое видное место. Им даются имена. Перед началом работы оружейник совершал религиозные обряды. Дажековка катаны приравнивалась к ритуалу. [13, с. 92] Способы ношения оружия говорили о статусе воина. Самураи с высоким статусом носили клинки за поясом рукоятками вверх. Простолюдины носили один клинок, расположенный горизонтально за поясом (оби). Рядовые самураи носили мечи так, что их положение занимало нечто среднее между первым и вторым способами. [12, с. 163]

Как видно, отношение к мечу в разное время было разным. Так, в Античности обладание мечом означало, что человек просто является свободным. В Средние века обладание мечом означало, что человек являлся не просто свободным, а представителем аристократии. В Европе длина меча показывала положение человека в иерархии. В Японии статус человека показывала не только длина меча, но и его положение на поясе, даже количество мечей показывало какого происхождения был их обладатель. Разница в символизме меча. В Европе он означал распятие Христа и о христианских добродетелях. В Японии – продолжение самого человека. В Европе простолюдины не носили мечей, как в Японии. К оскорблению меча в разное время тоже относились по-разному. Менее щепетильно к этому относились в эпоху Античности. Тогда к мечу относились просто как к обычному оружию. В средневековой Японии за это могли и убить, т. к. меч воспринимался как часть самурая, его продолжение. В Европе меч означал распятие Иисуса Христа, поэтому оскорбление меча также было святотатством.

Источники и литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М.: Эксмо, 2010. 800 с. (Монография)
2. Баландин Р.К. Сто великих богов. М.: Вече, 2007. 432 с. (Монография)
3. Беовульф / Пер. с др.-англ. В.Т. Тихомирова СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 288 с.
4. Бёртон Р.Ф. Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетия. М.: Центрполиграф, 2005. 399 с. (Монография)
5. Библиотека всемирной литературы. В 200 т. Т. 8. Исландские саги. Ирландский эпос. / Редактор С. Шлапоберская М.: Художественная литература, 1973. 863 с.
6. Вернер Э. Оружие Китая. Развитие традиционного оружия. М.: Центрполиграф, 2009. 157 с. (Монография)
7. ГОСТ Р 51215-98. Холодное оружие термины и определения / <http://forum.guns.ru/forum/79/192867.html> [Дата обращения: 22. 02. 2013 г.]
8. Горончаровский В. Гладиаторы в бою. На арене и полях сражений. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 320 с. (Монография)
9. Коггинс Дж. Эволюция вооружения Европы. От викингов до Наполеоновских войн. М.: Центрполиграф, 2009. 254 с. (Монография)
10. Коэн Г. История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки. М.: Центрполиграф, 2010. 159 с. (Монография)
11. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Ростов – на – Дону: Феникс, 2007. 480 с. (Монография)
12. Мерси Д. Самые знаменитые и легендарные воины. Историческая правда, легенды и мифы. М.: АСТ: Астрель, 2010. 320 с. (Монография)
13. Нитобэ И., Норманн Ф. Японский воин. М.: Центрполиграф, 2009. 189 с. (Монография)
14. Песнь о нибелунгах / Пер. со средневерхненемецкого Ю. Корнеева СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2012. 384 с.
15. Песнь о Роланде / Перевод со старофранцузского Ю. Корнеева Ставрополь: Каисса, 1994. 206 с.
16. Руа Ж.Ж., Мишо Ж.Ф. История рыцарства. М.: Эксмо, 2007. 447 с. (Монография)
17. Русские народные сказки. В 3 т. Т. 1. / Составитель О.Б. Алексеева М.: «Современник», 1988. 509 с.
18. Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги / Пер. с древнескандинавского М.И. Стеблин–Каменского, О.А. Смирницкой М.: АСТ: Астрель, 2010. 858 с.
19. Черноусов П.И., Мапельман В.М., Митрохина Л.А., История науки и образования: Металлургия Средневековья: Курс лекций. / <http://www.knigafund.ru/authors/17629> [Дата обращения: 1. 11. 2012 г.]

Теория и методика преподавания истории и обществознания

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ

Е. А. Агафонова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю.Морозова, к.п.н., доц.

Для выработки объективной картины исторического процесса, наука должна опираться на определенную методологию, некие общие принципы, которые позволяли бы упорядочить весь накопленный исследователями материал, создавать эффективные объясняющие модели.

При этом историки и философы отмечают, что существуют два основных подхода к истории человечества [5]. Один из них заключается во взгляде на всемирную историю как на один единый процесс поступательного, восходящего развития человечества. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития человечества в целом, а подход называют унитарно-стадиальным. Возник такой подход давно, нашел свое воплощение, например, в делении истории человечества на такие стадии, как дикость, варварство и цивилизация (А. Фергюсон и др.), а также в подразделении этой истории на охотничье-собирательский, пастушеский (скотоводческий), земледельческий и торгово-промышленный периоды (А. Тюрго, А. Смит и др.). Тот же подход нашел свое выражение и в выделении в начале трех, а затем четырех всемирно-исторических эпох в развитии цивилизованного человечества: древневосточной, античной, средневековой и новой (Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келер и др.).

В настоящее время существуют две основные унитарно-стадиальные концепции истории. Одна из них – марксистская, в которой в качестве стадий развития человечества представлено пять (согласно другим представлениям – шесть) общественно-экономических формаций (первобытная, азиатская, античная, феодальная, капиталистическая и коммунистическая). Именно эту концепцию имеют в виду, когда говорят о формационном подходе к истории.

В середине XIX в. немецкий мыслитель К. Маркс сформулировал концепцию материалистического объяснения истории. Понятие общественно-экономической формации в учении Маркса занимает ключевое место при объяснении движущих сил исторического процесса и периодизации истории [6, с. 442].

Другую концепцию принято именовать концепцией постиндустриального общества (Д. Белл, О. Тоффлер, А. Турен, Г. Кан, З. Бжезинский и др.); ее сторонники выделяют в истории человечества три стадии: традиционного (аграрного) общества, индустриального (промышленного) общества и постиндустриального (сверхиндустриального, сервисного, информационного, технотронного и т.п.) общества.

В нашей исторической науке долгое время преобладало унитарно-стадиальное понимание истории в его марксистском, формационном варианте. В настоящее время многие наши историки его отвергают. Они противопоставляют ему иное, заимствованное с Запада, понимание истории, которое обычно именуют цивилизационным.

Цивилизационный подход в объяснении исторического процесса начал складываться еще в XVIII в. Однако свое наиболее полное развитие он получил лишь в конце XIX – XX вв. В зарубежной историографии наиболее яркими приверженцами этой методологии являются М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер. В российской исторической науке его сторонниками были Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин.

Основной структурной единицей исторического процесса, с точки зрения этого подхода, является цивилизация. Для цивилизационного подхода к историческому процессу более существенное значение имеет понимание цивилизации как целостной общественной системы, включающей в себя различные элементы (религию, культуру, экономическую, политическую и социальную организацию и т. д.), которые согласованы друг с другом и тесно взаимосвязаны. Каждый элемент этой системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации. Это своеобразие весьма устойчиво. И хотя под влиянием определенных внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят определенные изменения, их некая основа, их внутреннее ядро остается неизменным. Такой подход к цивилизации зафиксирован в теории культурно-исторических типов цивилизации Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера и др.

Цивилизационный и формационный подходы являются основными подходами в обучении истории. Цивилизационный подход в обучении и собственно метод обучения были сформулированы и апробированы в 90-х гг. XX столетия [1]. Возникли они на почве реформирования системы и содержания исторического образования в России.

В самом начале разработки подхода и метода было выявлено отсутствие в словарях и энциклопедиях термина «цивилизационность». Понятие «цивилизация» оказалось наиболее близким (по звучанию) и однородным (по корню и смыслу). Понятие «цивилизация» имеет три определения:

1. уровень общественного развития, материальной и духовной культуры, достигнутой той или иной общественно-экономической формацией;
2. современная мировая культура;
3. устарелое название третьего периода в развитии общества, наступившее после двух предшествовавших – дикости и варварства (введенное Л. Морганом и Ф. Энгельсом) [7, с.645].

В аспекте терминов «общественное развитие», «материальная и духовная культура», «мировая культура» и т.п. был выработан цивилизационный подход к изучению истории, а затем определен цивилизационный метод обучения: изучение истории на фоне и во взаимосвязи с историческими событиями, процессами, явлениями в странах мира или группах стран, составляющих конкретные цивилизации. Главенствующее в методе – отражение жизни, быта, культуры, духовности человека во взаимосвязи с государственным, экономическим, политическим и иным устройством общества.

Исторически обусловленная перестройка целей меняет и содержание обучения, а развитие истории, педагогики и психологии, методики влияет на содержание преподавания, на его объем и глубину. Так, в преподавании истории в современных условиях преобладает цивилизационный подход вместо формационного, много внимания уделяется историческим личностям. Педагог учит детей уметь разграничивать процесс познания прошлого и процесс нравственной оценки поступков людей и т.д.

Носителем содержания исторического образования для обучающихся наряду с учителям остается также учебник, который несет в себе двойную информацию. Во-первых, содержательную (историографическую), так как он является массовым и информативным источником по изучению процесса формирования, развития и взаимовлияния различных исторических концепций. Во-вторых, школьный учебник содержит большой объем идейно-политической информации.

В большом количестве школьной учебной литературы можно достаточно условно выделить несколько направлений:

- «классические» учебники, придерживающиеся формационного подхода и, в рамках определенной концепции, дающие многофакторный анализ каждого исторического периода (социально-экономический строй, политический строй, внешние связи, культура);
- концептуальные учебники, но имеющие цивилизационный подход (В.Г. Хорос «Русская история в сравнительном освещении»);
- пособия, где концепция убрана на второй план, а акцент сделан на передаче фактического материала и его объяснении (учебники А.П. Богданова, Л.А. Кацвы, А.Л. Юрганова, Л.М. Ляшенко и т.д.).

Современная концепция исторического образования требует больше внимания уделять повседневной жизни россиян в разные исторические эпохи (в рамках как цивилизационного, так и в рамках формационного подходов). А современные технологии и инновационные методы содержат неисчерпаемые возможности совершенствования

методов обучения истории. В связи с чем, особенно значимым становится роль учебных пособий в процессе преподавания истории. А в рамках заданной тематики следует рассмотреть пособия И.Н. Ионова, В.П. Островского и А.И. Уткина, А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной, Учебное пособие И.Н. Ионова («Российская цивилизация». 10-11 кл.) по отечественной истории досоветского периода предназначено для учащихся гуманитарных школ и классов. Учебник построен на основе лекционно-семинарской системы занятий с включением текстов для самостоятельной работы учащихся. Воспитательная цель курса – соединение в сознании проблем национальной самобытности России, ценностей отечественной культуры и либеральных ценностей мировой цивилизации. Парадокс и фундаментальное противоречие учебника И.Н. Ионова в том, что, постоянно апеллируя к системе ценностей, он отвергает ценности как таковые, в том числе и ту, которая должна была быть для него основной – ценность истории. Задача автора – не раскрытие закономерностей объективного процесса, а показ соотношения «ценностей модернизации» и ценностей русской культуры [2].

Учебник В.П. Островского и А.И. Уткина («История России. XX век») достаточно продуман с методической стороны. Кроме контрольных вопросов, содержит выдержки из реальных документов с указанием времени их появления. В целом позитивно излагает некоторые материалы о дореволюционной России. Можно согласиться и со многими выводами авторов относительно революции 1917 года, советского периода, истории современной Российской Федерации [3].

В учебнике для 9 класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной («История России. XX век») приоритет отдан выверенным, объективным фактам. В соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к историческому образованию, в учебнике рассмотрены основные проблемы политического, социально-экономического и культурного развития России в XIX веке. Раскрываются все стороны жизни России и ее мировой статус, включая вопросы общественной и частной жизни населения. Даны портреты сословий российского общества, введен целый ряд новых понятий, эффективен методический аппарат учебника [4].

Следует отметить, что в нынешних условиях полноценный школьный учебник истории не смог пока еще сформироваться (быть написан современными авторами). Для его появления необходима заинтересованность в этом, как со стороны общественности, так и со стороны государства. Речь, конечно, должна идти не об идеологической составляющей, а о материальной помощи, обеспечении подлинной конкурентности в подготовке учебника. Авторам, работающим над ним, должны быть созданы все условия для полноценной работы в архивах и книгохранилищах.

Литература

1. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений: В 2 ч. М.: «ВЛАДОС», 2002. Ч. 1. 304 с. (Монография)

2. Ионов И.Н. Российская цивилизация. 10-11 кл. М.: Просвещение, 2002. 358 с. (*Монография*)
3. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век. Для 11 класса. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М.: Дрофа, 1995. 426 с. (*Монография*)
4. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М.: Просвещение, 1995. 366 с. (*Монография*)
5. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск I. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. Учебное пособие. М.: МФТИ, 1997. 202 с. (*Монография*)
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publ.lib.ru> (дата обращения 15.04.2013).
7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / РАН, Ин-т лингвистич.исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999. 792 с.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ

А. Г. Белянко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.н., доц.

Актуальность внедрения информационных технологий в педагогический процесс сегодня не подвергается сомнению. Широкое использование компьютерных технологий в преподавании различных школьных предметов, в том числе истории и обществознания стало необходимостью. Наше время требует от педагога высокого профессионализма, оперативности в использовании новых знаний, новых технологий. Повышение информационной культуры с максимальным использованием информационных технологий на уроках истории означает сегодня постоянный поиск новых форм обучения, педагогических новаций [1].

В современном мире компьютерные, мультимедийные технологии занимают всё более значительное место. Процесс школьного обучения в этом смысле не должен отставать от жизни, поэтому вопрос внедрения их в структуру современного урока весьма актуален.

В последнее время в повседневную жизнь все глубже проникают компьютерные технологии. Сегодня невозможно представить себе грамотного специалиста, не владеющего персональным компьютером. Многие учебные заведения проводят в настоящее время эксперименты по выявлению роли компьютерных программ в повышении качества знаний у студентов и отмечают многие положительные моменты [2, с.52].

Компьютер сегодня – это мощнейший инструмент получения и обработки информации, возможности компьютерных и сетевых технологий, их быстрое действие потрясают воображение. Использование компьютерных технологий в учебном процессе позволяет обеспечить переход от механического усвоения знаний к овладению навыками самостоятельно приобретать новые знания и умения, приобщает обучаемых к современным методам работы с информацией. Компьютерные

технологии качественно изменяют содержание, методы и организационные формы обучения и при определенных условиях могут способствовать раскрытию, сохранению и развитию индивидуальных способностей обучаемых, их личностных качеств, формированию познавательных способностей [2, с.53].

Главной задачей образования в XXI веке становится не столько овладение учащимися суммой знаний, сколько развитие их творческого, самостоятельного мышления, а также формирование умений и навыков, необходимых для самостоятельного поиска, анализа и оценки информации. Для решения такой задачи необходим доступ к значительно более широким и разнообразным источникам информации, чем традиционный учебник. В связи с чем, актуальным стало внедрение информационных технологий в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании [3, с.128-129].

На уроках истории при использовании компьютерных технологий активизируется внимание учащихся, расширяется поле применения их творческого потенциала, в сознании обучающихся легче и четче формируется исторический образ, они более осознанно подходят к изучению истории человеческого общества. Это, в свою очередь, способствует повышению интереса к учёбе, лучшему запоминанию изучаемого материала, даёт возможность для углубленного изучения того или иного исторического аспекта, расширяет творческие возможности учащихся и учителя.

В современных условиях одной из главнейших задач образования является не только получение учащимися определённой суммы знаний, но и формирование у них умений и навыков самостоятельного приобретения знаний, их накопления и систематизации.

У учащихся, активно работающих с компьютером, на уроках истории, формируется более высокий уровень навыков самостоятельной работы, умений ориентироваться в бурном потоке информации, выделять главное, обобщать, делать выводы. В этой связи возрастает роль учителя в плане раскрытия возможностей компьютера при изучении истории.

Уроки с использованием презентаций, флипчартов для интерактивной доски, интерактивных тестов и кроссвордов создают условия для повышения мотивации обучения, развивают познавательный интерес к истории и обществознанию, активизируют учебную деятельность, способствуют эмоциональному и духовному развитию ученика.

В Федеральном государственном образовательном стандарте содержательный раздел включает программу развития универсальных учебных действий обучающихся в области использования информационных технологий. В этой части программа должна быть направлена на «формирование и развитие компетенции обучающихся в области использования информационных технологий на уровне общего пользования, включая владение информационными технологиями, поиском, построением и передачей информации, презентацией выполненных работ, умением безопасного использования средств информационных технологий и сети Интернет» [4].

Таким образом, из выше сказанного следует, что для реализации ФГОС современный учитель обязан быть информационно грамотным. А использование информационных (компьютерных) технологий на уроке способствует активизации внимания, восприятия, мышления, воображения, памяти, творческих способностей и познавательных интересов.

Таким образом, компьютерные технологии позволяют оптимизировать процесс обучения истории, т.е. сделать его эмоционально насыщенным, более интересным, динамичным, наглядным. В условиях массового обучения компьютерные технологии способны индивидуализировать и дифференцировать учебный процесс: развить творческий потенциал ребёнка и активизировать обучение, организовать гибкое управление учебной деятельностью. Кроме того использование компьютерных технологий даёт возможность на качественно новом уровне изучать историю и обществознание. Они представляют информацию в удобной для обучающегося в форме – в виде графиков, таблиц, диаграмм, демонстрационных слайдов и т.д., а по оценкам учёных 80% информации воспринимается человеком через зрение.

Применение компьютера в обучении истории становится особенно необходимым в старших классах т.к.: 1) повышает качество обучения (за счет новизны деятельности, интереса работы с компьютером); 2) открывает большие возможности для индивидуализации и дифференциации процесса обучения истории; 3) позволяет сделать занятия более наглядными и интересными, (формировать у учащихся системное мышление); 4) дает возможность создать высокий уровень мотивации учебной деятельности, (рационально организовать познавательную деятельность школьников); 5) подготавливает учеников школы к жизни в условиях информационного общества.

Сегодня образование рассматривается как пространство, в котором создаются условия для самореализации, самоактуализации, для познания человеком самого себя, для выработки обучающимся индивидуального стиля жизни и деятельности в информационном обществе. Информационные (компьютерные) технологии становятся неотъемлемой частью жизни отдельного человека и общества в целом.

Однако компьютер на уроках истории не может заменить «живой» урок, в котором есть психологические связи учитель-ученик и ученик-ученик, т.е. живое общение, он только призван обогатить и разнообразить познавательный процесс, сделать его более творческим. Таким образом, преподаватель просто получил еще один источник информации и еще одну возможность чередовать различные формы уроков и приемы обучения. Что позволяет сделать урок менее скучным, однообразным.

Таким образом, компьютер и компьютерные технологии – это очень удобный инструмент, который при разумном использовании способен привнести в школьный урок элемент новизны, повысить интерес учащихся к приобретению знаний. Современные школьники быстрее и с большим интересом усваивают информацию с экрана

компьютера, чем со слов учителя. Наверное, поэтому, к учителям, использующим на своих уроках информационные технологии, наблюдается большой интерес школьников. Такой учитель идет в ногу не только со временем, но и с учениками.

И так, можно сказать, что компьютерные технологии в образовании – необходимы и своевременны, особенно на уроках истории.

Литература

1. Вольнова С., Медников Н. Педагогика и история. Творчество на экране. [Электронный ресурс]. <http://his.1september.ru/article.php?ID=200800507> (дата обращения: 12.03.13)
2. Кольчикова Н.Л. Возможности использования компьютерных технологий // Открытое и дистанционное образование: ТГУ. 2009. №3. С. 52-53.
3. Морозова О. Ю. Теория и методика обучения обществознанию: учебно-методический комплекс / О. Ю. Морозова. Томск: ТГПУ, 2001. С. 128-129.
4. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт [Электронный ресурс]. <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?catalogid=4100>. (дата обращения: 16.04.13).

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРЫ И БЫТА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

А. А. Кожина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О. Ю. Морозова, к.п.н., доц.

В России история как самостоятельный учебный предмет стала изучаться только в начале XVIII в. Характерной чертой исторического образования в дореволюционной России была его воспитательная направленность в духе государствоцентризма [4, с. 25]. В учебниках проводились идеи православия и самодержавия как незыблемой основы русской государственности. Большое внимание уделялось формированию национального сознания молодого поколения, в то время как вопросы культурного развития своей страны и всего мира оказывались не достаточно востребованными и не полностью освещенными в школьной литературе [1, с. 132-147].

На основе анализа учебной литературы XIX – начала XX вв. стало возможным выявление основных вопросов культуры и быта, рассматриваемых в процессе изучения истории в дореволюционное время, а также формы их представления в разных учебных пособиях.

Школьные учебники и пособия в дореволюционной России выделяются в две группы по возрастному критерию:

- 1) литература для начальной школы;
- 2) литература для старшей школы.

Учебную литературу для начальной школы представляют: учебное пособие по истории И.К. Кайданова «Краткое начертание россий-

ской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории», А.О. Турцевича «Краткий учебник русской истории», сочинения А.О. Ишимовой «История России в рассказах для детей» в 3 томах, историческая хрестоматия К.В. Елпатьевского «Рассказы и стихотворения из русской истории», Картины по русской истории, изданные под ред. С.А. Князькова, 5 выпусков.

В данных учебных изданиях вопросы культуры рассматриваются в смешении с другими историческими процессами, событиями и фактами. Культура не выделяется в отдельные блоки или параграфы, не представляет собой обособленную тему. Исключением являются сочинения А.О. Ишимовой, где одна глава в первом томе была полностью посвящена нравам и обычаям русских при Василии IV и имела одноименное название. В данной главе освещены вопросы быта высшего сословия: сервировка праздничных столов, разнообразие угощений, элементы свадебных нарядов [2, с. 196–202]. Во втором томе А.О. Ишимовой также одна глава посвящена вопросам культуры «Праздники и увеселения петербургские» [3, с. 159 – 164]. Здесь рассматривались основные составляющие военного парада.

В дореволюционных учебных изданиях для начальных классов невозможно выделить каких-либо определенных вопросов культуры, так как основной материал представлен в смешении с дополнительной информацией.

Иллюстративный материал практически отсутствует, за исключением учебного пособия А.О. Турцевича, где помещены портреты русских царей, изображения храмов и церквей, иллюстрации национальной одежды разных сословий [5, с. 159 – 164]. Картины по русской истории под ред. С.А. Князькова являются самостоятельным изобразительным материалом, а не выступают в качестве дополнения к учебному изданию.

Исторических документов или их отрывков не найдено ни в одном проанализированном издании.

Дополнительный материал имеется практически во всей учебной литературе дореволюционного времени подверженной анализу. В сочинениях А.О. Ишимовой он представлен в виде стихотворений, авторами большинства которых являются А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. Также в данных книгах помещены народные хвалебные песни. В учебном пособии А.О. Турцевича в качестве дополнительного материала даны карты «Приобретение Петра» и «Приобретения Екатерины II» [5, с. 63]. Хрестоматия К.В. Елпатьевского и картины по русской истории под ред. С.А. Князькова сами представляют дополнительный материал для изучения вопросов культуры. В учебном пособии И.К. Кайданова второстепенной информации не дано.

Учебную литературу для старшей школы представляют: учебные пособия Д.И. Иловайского «Краткие очерки русской истории», Н.Г. Устрялова «Начертание русской истории», Ф.И. Титова «Отечественная история церковная и гражданская», А.И. Боргмана «Русская история» в 2 томах, С.Ф. Платонова «Учебник русской истории»;

наглядные пособия А.В. Добрякова «Русские исторические памятники», «Собрание портретов россиян...» под ред. П.П. Бекетова.

В большинстве учебных изданий по истории для старших классов дореволюционного времени подверженных анализу, культура и быт представлены отдельными фразами и упоминаниями среди основного политического курса истории. Но в отдельных учебниках выделены блоки, параграфы и даже главы посвященные культурным событиям того или иного времени и особенностям быта разных сословий. В работе Д.И. Иловайского вопросам культуры отведены две главы и ряд параграфов. В первой главе рассматривается храмовое строительство, иконная живопись, византийское влияние на русскую архитектуру, памятники литейного искусства, фрески, жилища русского народа [6, с. 56 – 57]. Вторая глава посвящена смене ведущего архитектурного стиля с византийского на западно-европейский [6, с. 61 – 64]. В параграфе «Домашний быт» описаны особенности жилых строений, внутреннее убранство, повседневная и праздничная одежда разных сословий [6, с. 192 – 193]. В параграфе «Литература и народная поэзия» рассмотрены рукописные сборники религиозного содержания, хронографы, светская литература, сказки и повести, частично занесенные с Востока (Тысяча и одна ночь) и частично с Запада посредством Польши (Бова Королевич) [6, с. 203 – 206]. В работе А.И. Боргмана отдельные пункты рассматривают особенности русской культуры, например «Религия восточных славян», где описано обожествление сил природы, вера в загробную жизнь и погребальные обряды [7, с. 24 – 26]. В пункте «Культурное состояние Киевской Руси» рассмотрены просвещение и искусство [7, с. 100]. В остальных проанализированных учебных изданиях культура и быт не выделяются в отдельные блоки.

Основные вопросы культуры, выделяемые авторами, можно свести к пяти группам: 1) искусство, которое включает в себя такие культурные элементы как архитектура, живопись (иконопись), литейные памятники; 2) литература, в рамках которой рассматриваются преимущественно религиозные тексты, основные словестные памятники, а также светские книги, пришедшие с Востока и Запада; 3) образование, его развитие, открытие разного рода школ и академий; 4) религия, представленная как дохристианскими формами поклонения, так и основными православными идеями, изменяющимися с течением времени; 5) быт русского народа, включающий в себя описание жилищных строений, внутреннего убранства дома, особенностей праздничной и повседневной одежды.

Иллюстративный материал в учебных пособиях дореволюционного времени для старшей школы также не представлен, как и в литературе для младших классов. Иллюстрации выступают в качестве самостоятельного изобразительного материала и представлены пособиях А.В. Добрякова и П.П. Бекетова.

В учебных пособиях, подверженных анализу, исторических документов или их отрывков не обнаружено.

Дополнительный материал представлен только в учебниках Д.И. Иловайского, А.И. Боргмана и С.Ф. Платонова. Везде он выделен в сносках под основным текстом.

Итак, проанализировав вопросы культуры и быта в школьной исторической литературе дореволюционного времени, можно сделать некоторые выводы.

Выделение вопросов культуры в главы, блоки, параграфы отмечается редко в обеих группах. Культура практически не выделяется в отдельную тему, она представлена в смешении с основным политическим курсом истории.

Основные вопросы культуры, выделяемые авторами можно отметить только в учебных исторических изданиях для старших классов. Они определяются ведущими направлениями культурного развития: искусство, литература, образование, религия, домашний быт. В пособиях для младшей школы данные вопросы упоминаются вскользь, но ни один из них не рассматривается полноценно.

Иллюстративный материал в обеих группах школьной исторической литературы представлен в качестве самостоятельных изданий, которые выступают дополнением к основному курсу истории.

Исторические документы не представлены ни в одном проанализированном издании.

Дополнительная информация присутствует в учебной литературе и для младших, и для старших классов, но имеет разные варианты подачи.

Таким образом, вопросы культуры и быта в школьной дореволюционной исторической литературе были представлены в сжатом, минимальном содержании. Основное внимание авторы уделяли политическому курсу истории, не рассматривая параллельное культурное развитие. В отдельных учебниках прослеживаются попытки сгруппировать фактический материал, но это не дает полного представления о преобразованиях в сфере культуры. Вопросы культурного прогресса, в основном, изучаются по дополнительным изданиям, информация в которых представлена в виде стихов, рассказов, песен, иллюстраций. Политический курс государства не предполагал изучение вопросов культуры и быта в полном объеме, считая это не нужным для формирования исторического самосознания, в результате чего культура практически не была представлена в школьном курсе истории XIX – начала XX вв.

Литература

1. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Методика преподавания истории в школе. М., 1999. 174 с. (*Монография*)
2. История России в рассказах для детей: сочинение Александры Ишимовой : [ч. 1-3]. СПб.: Издание А.С. Суворина, Ч. 1. 1890. 299 с. (*Монография*)
3. История России в рассказах для детей: сочинение Александры Ишимовой: [ч. 1-3]. СПб.: Издание А.С. Суворина, Ч. 2. 1890. 284 с. (*Монография*)
4. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1915. 467 с. (*Монография*)

5. Краткий учебник русской истории / Сост. Ар. Турцевич, преп. Вилен. 1-й гимназии. 7-е изд., без перемен. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1913. 86 с.
6. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста / Сост.: Д. Иловайский. Изд. 30-е. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1895. 368 с.
7. Русская история : (пособие для средней школы и самообразования) : ч. 1/ А.И. Боргман. СПб.: Т-во А.С. Суворина – Новое время, 1912. 467 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

И. П. Костень

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.н., доц.

Одно из определений толерантности – терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению [1, с. 410].

Главная задача воспитания толерантности – развитие в подрастающем поколении готовности к конструктивному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения [2, с. 196–202]. Воспитать терпимость в учениках, возможно посредством уроков истории [5, с. 13].

Система исторического образования призвана способствовать развитию гуманитарной культуры школьников, их приобщению к ценностям национальной и мировой культуры, усилению мотивации к социальному познанию и творчеству, воспитанию личностно и общественно востребованных качеств, в том числе гражданственности, демократизма, толерантности [9, с. 58]. Во многом это зависит от содержания материала учебников истории. Чтобы понимать значение толерантности на уроках истории и возможности ее формирования, необходимо рассмотреть данную тему в историческом контексте. Формирование отношения к толерантности как социально значимой ценности в учебниках истории наиболее наглядно проявляется при изучении тем, связанных с кризисами в истории тех или иных государств, гражданскими войнами, геноцидом, межэтническими и межконфессиональными конфликтами. История может научить нас терпеливо относиться к нашим соседям, уважать их обычаи и культуру, напомнить об их влиянии на нашу историю. Поняв, как терпимость проявлялась и прививалась в умы учеников раньше, мы сможем увидеть необходимо ли это сегодня. Требуемые знания можно почерпнуть, рассмотрев учебники дореволюционной, советской и современной России для младшей и средней школ. На основе анализа мы сможем увидеть, какое место толерантности уделялось в школьной программе прошлого и нынешнего времени.

Проанализировав школьные учебники по истории России дореволюционного, советского и современного времени, можно сделать ряд выводов. Во всех трех группах учебные издания разделяются по воз-

растному критерию на литературу для начальной школы и литературу для старшей школы. Вопросы толерантности в разное время рассматривались по-разному. Различия, вероятно, были обусловлены политической обстановкой в стране. Уроки истории царской России воспитывали толерантность лишь к государственному укладу. В те времена потребности в терпеливом отношении к покоренным народам и не требовалось. Русские как государство-образующая нация не нуждались в «двойных стандартах» в отношении к прочим нациям. Задачей образования было воспитать очередное поколение верноподданных и не допустить ростки смуты в умах детей. При царской власти русское господство было неоспоримо и наилучшим для всех [4, с. 47]. Такую позицию представляют нам дореволюционные учебники, объединенные восхвалением власти царя, православной веры и *русского* народа [3, с. 249].

Советская эпоха открывает понятию «терпимости» больше возможностей. Теперь на страницах учебников истории пропагандируется дружба народов, взамен терпения к правительству. Ученикам прививаются уважение и благоговейный трепет к советской власти. В целом изменения можно охарактеризовать как положительные: воспитывается толерантное отношение к иным народам, объявленным братскими, вследствие чего не остается места межнациональной розни [6, с. 15 – 57]. Но отношение к классам капиталистическим становится негативным, что можно считать отрицательным веянием, но незначительным, так как в СССР не осталось места представителям этих классов [7, с. 102 – 119]. Современные учебники для средней школы условно можно поделить на две группы: пособия в которых повествование ведется лишь о политической истории без оглядки на современные этико-культурные состояния и учебники, в которых текст составляется с учетом принципов толерантности [10, с. 69 – 85]. Содержательная часть большинства пособий сводится к бескомпромиссному описанию политической и экономической сторон истории [8, с. 5 – 309].

Итак, можно сказать, что вопросы толерантности в школьном курсе истории изменялись вместе с политической властью. С течением времени они раскрывались и приобретали новую, ранее не изученную, форму. В современной России отношение к воспитанию толерантности неоднозначно и разнится от учебника к учебнику. Во многом это связано с ослаблением контроля над образованием со стороны правительства в 90-е годы. Хотя в последнее время начинают появляться проекты пособий, в которых кардинально пересмотрены устоявшиеся исторические ситуации, через призму толерантности. Трудно судить, являются ли подобные метаморфозы признаком развития или результатом госзаказа, но однозначно вопрос о толерантности в современных образовательных пособиях важен и нуждается в серьезном исследовании.

Литература

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 2007. 704 с.

2. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Методика преподавания истории в школе. М., 1999, 174 с. (*Монография*)
3. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1915. 467 с. (*Монография*)
4. Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым. 4-е изд. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1838. 100 с. (*Сборник*)
5. Заметки о преподавании истории в средней школе / Н. Кареев. СПб.: Журнал «Русская школа». 1900. 78 с. (*Сборник*)
6. История СССР. Краткий курс: Учеб. для 4-го кл./ Под ред. проф. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1955. 288 с.
7. История СССР: учебник для средней школы/ Под ред. акад. А.М. Панкратовой; Акад. пед. наук РСФСР. М.: Учпедгиз, 1961 Ч. 2: для 9-го кл. / Ред. проф. К.В. Базилевич и др. Ин-т истории Акад. наук СССР. 1961. 303 с. (*Сборник*)
8. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до концаXVII в. Ч. 1. М.: Просвещение, 1995. 420 с. (*Монография*)
9. Шихардина Т.Н. Толерантность как моральный компромисс // Толерантность в контексте многоукладности российской культуры: Тез. Междунар. науч. конф., 29-30 мая 2001 года, Екатеринбург. Екатеринбург, 2001. 306 с. (*Сборник*)
10. Историческое образование в современной России. М.: Владос, 1997. 389 с. (*Сборник*)

ИГРА НА УРОКАХ ИСТОРИИ

М. Н. Митяева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.д., доц.

Обучение в настоящее время характеризуется перенасыщенностью информацией современного школьника. Во всем мире, и в России в частности, постоянно расширяется предметно-информационная среда. Все источники, и в первую очередь СМИ, предоставляют, в основном, материал для пассивного восприятия. Одной из важнейших задач школы является подготовка учащихся к жизни в окружающем его обществе, развитие его как субъекта. Здесь большую роль играет помощь ребенку в нахождении путей самореализации своих сил и способностей [1,с.51].

В процессе свободного времени детей, особенно школьников младшего и среднего возраста, большое внимание уделяется игровой деятельности, содержанием которой является эмоционально-нравственная выраженность отношения личности к происходящим событиям. Для того чтобы уроки истории стали интересными для детей и способствовали развитию их познавательного интереса большие возможности имеет использование игр на уроках истории. Ведь игра представляется ребенку естественной формой жизнедеятельности и является способом самореализации его сил и способностей. Актуальность использования игр на уроках истории, особенно в среднем звене, в настоящее время заключается в том, что с каждым годом усложняется школьная программа, неправильная организация и

ненормированные интеллектуальные нагрузки ведут к переутомлению учащихся. Исторические игры помогают не только снять нагрузки и лучше усваивать материал, но и способствуют углублению представлений по различным вопросам, полученных в ходе учебы, обогащают новыми знаниями.

В шестом классе учащиеся знакомятся с Историей России с древнейших времен до конца XVI в. Задачей учителя является пробудить интерес, который бы способствовал развитию познавательного интереса на уроках истории.

Игровая деятельность, организованная в специальное внеурочное время, и игровые моменты на уроках истории дают ребенку ощущение свободы при выборе игры и возможность разрядки от нормативного дисциплинарного напряжения во время урока. Игры с правилами дают ребенку возможность войти психологически в мир сложной зависимости правил, обязанностей и прав [2,с.12].

Итак, деятельность, чтобы быть игрой, должна быть занимательна для играющего. Деятельность в игре – не цель, а средство. А вот занимательность – цель. В учебной же деятельности условность направлена на обучение, на возможность упражнения, тренировки различных умений и навыков.

Дидактическая игра на уроках истории помогает общению, она может способствовать передаче накопленного опыта, получению новых знаний, правильной оценке поступков, развитию навыков человека, его восприятия, памяти, мышления, воображения, эмоций, таких черт, как коллективизм, активность, дисциплинированность, наблюдательность, внимательность [3,с.38].

Игра – это вид деятельности, где ребенок может проявлять себя в разных позициях: просто участник, активный участник, ведущий, организатор, инициатор игры. Учитель должен стремиться развивать инициативу учащихся как в подготовке и организации, так и в создании новых игр. Учитель постепенно передает позиции лидера в организации игровой деятельности, становясь косвенным организатором [4,с.97]. В связи с чем происходит постепенное развитие самостоятельности учащихся на уроках истории, а учитель постоянно отходит от роли организатора к роли консультанта, участника игры или даже простого зрителя. Он как бы передает эстафетную палочку игрового творчества учащимся, реализуя развитие по настоящему партнерских взаимоотношений, приобретая замечательных помощников в организации учебно-игровой деятельности [5,с.9].

Таким образом, игры на уроках истории (также как и на других уроках в среднем звене) не только помогают учащимся изучить новый материал, но и имеет непосредственное отношение к этому этапу урока и помогает эффективно решать его дидактические задачи. А так же игровое действие приводит к тому, что ребенок играет в воображаемой ситуации, порождая и стимулируя тем самым процесс воображения. Работа с образами, пронизывающая всю игровую деятельность, стимулирует процессы мышления, в том числе и творческую интуицию.

Литература

1. Борзова Л.П. Игры на уроке истории. М., 2009. 176 с. (*Монография*)
2. Губаренов О.М. Игровые формы уроков истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 9. С. 12.
3. Букатов В.М. Педагогические таинства дидактических игр. М., 1997. 96 с. (*Монография*)
4. Игры – обучение, тренинг, досуг/ Под ред. В.В. Петрусинского. М.: Новая школа, 1994. 368 с. (*Сборник*)
5. Кучерук И.В. Учебные игры на уроках истории // Преподавание истории в школе. 2004. № 4. С. 9.

ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ТПУ)

А. В. Петухова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.д., доц.

Музей в XXI веке уже практически невозможно представить без современных информационных технологий. Вся музейная деятельность – от учета и хранения до экспонирования на выставках музейных предметов – тем или иным образом связана с компьютерными технологиями. Причем, особенно в последнее время, применение информационных технологий в музее перестает быть чем-то необычным, а напротив, компьютерные технологии становятся проводником, новым средством коммуникации между посетителем и музеем.

Деятельность музея, которая непосредственно направлена на посетителя, называется культурно-просветительской. Теперь, согласно новым представлениям, культурно-просветительская деятельность музея не должна сводиться к передаче суммы знаний о явлениях, фактах и музейных предметах. Обращение к внутреннему миру музейного посетителя, воздействуя на его чувственно-эмоциональную сферу, погружение его в историческую среду, включение его воображения и ассоциативного восприятия – такими стали приоритеты новой концепции культурно-образовательной деятельности музеев. Человек, пришедший в музей – не объект воспитательного воздействия, а равноправный участник музейного действия, поэтому общение музея с аудиторией должно выстраиваться в форме не одностороннего изложения фактов, а двустороннего процесса получения информации [1, с. 494].

Культурно-просветительская деятельность музея включает в себя ряд направлений, которые ориентированы на установление прочного контакта посетителя и музейного предмета. К таким направлениям традиционно относятся экскурсии и лекции, сложившиеся ещё в конце XIX в. С середины 1980-х гг. распространяются такие жанры экскурсий, как театрализованные экскурсии, экскурсии-беседы, экскурсии-

уроки и др. Понятие клубные формы музейной работы объединяет лектории, музыкальные и литературные гостиные и салоны, вечера, музейные праздники, кружки и музейные клубы [2]. Клубные формы музейной работы, превращают музей в центры общения. В условиях современного информационного общества люди живут в виртуальном пространстве интернета, а посредством клубных форм музейной работы восполняют дефицит общения, объединяясь по интересам в реальном пространстве музея.

Одно из основных направлений музейной деятельности выступает экспозиционная работа, отвечающая за публичное представление музейных коллекций. Существует большое количество определений термина «экспозиция», чаще всего под экспозицией понимают совокупность музейных предметов, подобранных по определенной системе для обозрения. Сейчас в музейном пространстве все чаще можно встретить информационные продукты, которые являются равноправными участниками экспозиционного «действия» наряду с привычными музейными предметами.

На сегодняшний день информационные технологии охватили все сферы экспозиционной работы: от момента проектирования экспозиции до непосредственного введения мультимедиа в «тело» экспозиции. Новейшие технические средства позволяют значительно расширить возможности экспозиционера в показе экспоната, в предоставлении дополнительной текстовой и графической информации по предмету или эпохе, показать отсутствующие экспонаты, организовать виртуальные выставки.

В последнее время в постоянный обиход вошло понятие «электронная экспозиция», представляющая собой музейную экспозицию, в которой ряд ключевых экспозиционных функций, в частности интерпретации, информационной поддержки, демонстрации, обучения и др., берёт на себя компьютер, связанный со специфическими экспозиционными периферийными устройствами» [3, с. 55-56].

Электронная экспозиция непременно должна иметь собственный сценарий. Ряд материалов специально подготавливаются для электронной экспозиции: тексты, изображения, аудио и видео клипы, специальные мультимедиа программы для посетителей (в том числе игры).

Преимуществом электронной экспозиции перед локальным информационным киоском, веб-сайтом или CD-ROM заключается в механизме синхронизации с учётно-хранительской базой, которая составляет основную её часть. Благодаря механизму синхронизации все изменения и дополнения, сделанные хранителем в рабочей базе, немедленно визуализируются в системе. Кроме того, специальное программное обеспечение позволяет создавать или дополнять отдельные разделы, а при необходимости они могут быть удалены. Возможности сенсорных информационных киосков несравнимы с тем ограниченным количеством информации, которую можно представлять на стендах.

Например, в Музее истории Томского политехнического университета был реализован проект «ТПУ – современное состояние развития

с 1990 по настоящее время». В процессе работы над реализацией проекта мы отказались от идеи использования традиционных стендов в тематических комплексах и решили воспользоваться сенсорными киосками. Для сенсорных информационных киосков была написана специальная программа, позволяющая представлять историю каждого подразделения вуза, каждой кафедры, всех сотрудников ТПУ, наиболее важные достижения, историю развития вуза, ее этапы и основные направления: культурную, научную жизнь, международное сотрудничество, материальную базу.

Также в программный продукт сенсорных информационных киосков был включен раздел «Книга отзывов» с возможностью сенсорного набора текста (пожелания, благодарности) и фотографирования, которые в дальнейшем можно будет получать по почте. Таким образом, Музейный комплекс возрождает традицию фотографирования на память в определенном значимом месте.

Организовывая пространство музейной коммуникации, мы создали принципиально новую форму экспозиции, когда вместо центрального экспоната нами была организована форум-площадка, место для общения и проведения конференций, лектория. Демонстрацией форум-площадки стала презентация новой книги из серии «Музейное издание» во время открытия экспозиции 10 мая 2012 года. В связи с тем, что автор книги не смог присутствовать на презентации, обращение автора было продемонстрировано с помощью сенсорной плазменной панели, установленной в центре зала на форум-площадке Музейного комплекса ТПУ.

В качестве интерактивной формы взаимодействия с посетителями мы использовали одну из возможностей современных информационных технологий, а именно, дополненная реальность. Эта технология позволяет посредством сенсорной плазменной панели (как в нашем случае) или обычного экрана, с установленной веб-камерой и специальных маркеров, с нанесенными на них кодовыми изображениями. Посредством всех этих приспособлений каждый посетитель может видеть движущуюся 3D-модель какой-либо установки, созданной в ТПУ. У посетителей появляется возможность увидеть устройство сложных наукоемких установок в 3D и в разрезе, посмотреть на принцип их действия. Например, можно увидеть 3D-модель установки для нанесения ионно-магнетронным способом покрытия, которое впоследствии наносится на поверхности и детали спутников и предохраняет их от перегрева в космосе, а также ее внутреннее устройство. Или собрать разбитую на части 3D-модель установки, под названием водоочистной комплекс Astra-M, который позволяет очищать воду от различного рода примесей. А также можно познакомиться с прибором термовизор, с помощью которого можно получить инфракрасное изображение любых материалов и изделий.

Для демонстрации важных событий в истории вуза, встречи высоких гостей сотрудники музея используют специальное устройство под названием видео-стена, которое объединяет конструкцию из вось-

ми экранов. Кроме того, оно оснащено соответствующим программным обеспечением. При подготовке к тематическим выставкам есть возможность оперативно создать новые презентации, изменить видеоряд, проиллюстрировать событие, которому посвящена встреча гостей.

Таким образом, современные информационные технологии в соотношении с подлинными музейными предметами, позволяют:

1. Пояснять материалы экспозиции и облегчать посетителю ориентацию по ней (например, специально созданная сотрудниками Музейного комплекса структура расположения всего фактического материала, включающая такие разделы (вкладки), как: «история кафедры», «преподаватели», «выдающиеся студенты», «достижения».
2. Дополнять основную экспозицию (как уже было отмечено, сенсорные информационные киоски используются как устройства, дополняющие подлинные материалы из фондов Музейного комплекса и рассказ экскурсовода).
3. Привносить в экспозицию элементы игры и развлечения (например, игра, заключающаяся в собирании из составных частей по заданному сценарию с помощью специальных устройств установки для очистки бытовых и сточных вод).

Электронные экспозиции создаются и уже созданы по всему миру в музеях различного профиля. Теперь уже перед каждым отечественным музеем во время реэкспозиции встает необходимость внедрения информационных технологий, создание современной электронной экспозиции.

Итогом применения современных информационных технологий в музейной коммуникации становится решение проблемы современного музея – привлечение посетителя нового поколения. Привнесение в традиционную музейную среду анимации, звука, видео, трёхмерной графики и других элементов мультимедиа значительно расширяет возможности экспозиции и степень её эмоционального воздействия. Кроме того, несомненным преимуществом использования в музейной деятельности современных информационных технологий является независимость от выставочных площадей, поскольку современные мультимедийные средства позволяют создавать выставки в короткие сроки с неограниченным количеством экспонатов.

Литература

1. Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2004. 560 с. (Монография)
2. Шабанова А.А. Культурно-образовательная деятельность музеев: понятие и формы (на примере Белгородского государственного художественного музея). [Электронный ресурс]. URL: www.econf.rae.ru/pdf/2011/03/93.pdf
3. Богомазова Т.Г., Ицкова И. Электронная музейная экспозиция как субъект межкультурной толерантности // Электронный потенциал музея: стимулы и ограничения, достижения и проблемы. Тезисы докладов XXX Международной конференции СИДОС-АДИТ. Санкт-Петербург, 2003. (Сборник)

МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ

О. В. Скурихин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.д., доц.

На сегодняшний день возникла потребность в преподавании школьникам дисциплины Основы религиозных культур и светской этики (другое название – Основы духовно-нравственной культуры народов России). Курс предназначен для учеников 4–5 классов. В связи с тем, что данный предмет появился относительно недавно, для него не разработано специальных методов. В частности, на наш взгляд, для основ религиозных культур следует применять методы преподавания истории на том основании, что история, религия и, тем более, культура народа тесно взаимосвязаны.

Наиболее подходящими, на наш взгляд, методами являются частично-поисковый и объяснительно – иллюстративный метод. При частично-поисковом методе ученики ищут информацию сами. Учитель только делает подсказки ученикам [2, с. 128]. Этот метод больше подходит для таких форм урока, как семинар. Так же этот метод используется для выполнения домашнего задания.

При объяснительно – иллюстративном методе используются всевозможные средства (картины, иконы, фильмы, учебники, энциклопедии и т. д.) [2, с. 127–128]. При этом приёме воздействие учителя на познавательную деятельность ученика очень жёсткое. Учитель определяет цели и задачи урока. Учитель направляет ученика и корректирует его деятельность [1, с. 227].

Объяснительно-иллюстративный метод можно разделить на следующие методы:

1. Словесный – источником знаний выступает рассказ учителя.
2. Печатно-словесный – источником знаний может быть учебник, справочник, энциклопедию и т. д.
3. Наглядный – источником знаний может выступать видео или какая либо картина [1, с. 128].

Использование данных методов предполагает обучение посредством таких приёмов, как повествование, беседа, объяснение, описание. Повествование – это передача готового материала от учителя к ученику [1, с. 129]. Рассматривая данный метод, необходимо отметить, что он используется в основном в форме либо конспективного повествования – лишённого образности перечисления фактов, их пространственных, временных и количественных характеристик [3, с. 64–65], либо образного повествования, которое подходит для изложения основных положений той или иной конфессии. Конспективное повествование подходит для изложения истории религии.

Следующий приём – это беседа. Беседа – это двухсторонний процесс в виде диалога между учителем и учениками. Такой приём обычно

используется в начале урока, когда учитель проверяет домашнее задание, или в конце урока для закрепления материала и уяснения непонятных для учеников моментов. Беседа проводится в виде диалога между классом и учителем.

Объяснение – это один из самых распространенных приёмов, во время которого при помощи наглядных примеров учитель раскрывает суть какого – либо явления, возникшего по ходу обучения [2, с. 131 – 132]. Например, когда учитель излагает новый материал, с которым ученики еще не знакомы или когда у отдельных учеников возникают вопросы по какой – либо волнующей их проблеме. Это та часть информации, которая должна быть усвоена в виде понятий, суждений умозаключений, оценок, выводов [3, с. 72]. Объяснение всегда происходит в форме «вопрос – ответ». Объяснение может происходить по инициативе учителя во время повествования, либо по просьбе учащихся во время беседы с учителем.

Описание – это изложение существенных черт, внешних признаков какого-либо объекта [2, с. 131]. Это очень необходимый приём не только на уроках «Основ духовно – нравственной культуры народов России», но и на любом другом. Так, при изложении материала по какой – либо конфессии всегда приходится сталкиваться с материальной культурой, а именно – с архитектурой (например, христианские храмы или мечети у мусульман), изобразительным искусством (христианские иконы или статуи Будды), личностями (Иисус Христос, Будда, Мухаммед и др.). При этом описание бывает:

1. картинное – приём устного изложения, когда в эмоционально-художественной форме создаются образы того или иного факта. По мнению М.Т. Студеникина, этот вид описания применяется для воссоздания картин природы, быта людей, типичных явлений культурной, общественной и хозяйственной жизни [3, с. 66]. Такой приём можно применять как вместе с конспективным повествованием для создания полной картины появления и развития той или иной конфессии, так и вместе с образным повествованием для лучшего понимания ценностей религии, т. к. религия впитывает в себя основы народной культуры;
2. характеристика исторической личности [3, с. 68];
3. аналитическое – применяется при описании памятников архитектуры, изобразительного искусства [3, с. 67].

Как видно, методы преподавания дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» довольно разнообразны, а их использование зависит от форм и типов уроков. Цель для всех методов одна – ученик должен усвоить знания по данному предмету и уметь их использовать.

Литература

1. Методика преподавания обществознания в школе / Под ред. Л.Н. Боголюбова. М.: Владос, 2002. 304 с. (Сборник)
2. Некрасова Л.И. Теория и методика преподавания истории / Л. И. Некрасова. Томск: Издательство ТГПУ, 2006. 223 с. (Монография)

3. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе / М. Т. Студеникин. М.: Владос, 2000. 239 с. (*Монография*)
4. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории. В 2 ч. Ч. 1. / А.Т. Степанищев. М.: Владос, 2002. 303 с. (*Монография*)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ю.С. Суворина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.н., доц.

В последние годы в связи с общей демократизацией культурной жизни в отечественном музейном деле активно ставятся теоретические проблемы, возрастает необходимость исследований, связанных с обновлением понятийного аппарата. Значительный интерес в этой связи представляет история становления понятия «музейная педагогика».

В нашей стране понятие музейной педагогики начало употребляться с начала 1970 г. и постепенно получало все большее распространение. Авраам Моисеевич Разгон в 1982 г. на конференции в Иваново «Музей и школа» первым сказал о том, что создание такой научной дисциплины, как музейная педагогика, «находящееся на стыке целого комплекса наук, ныне представляется уже не какой-то отдаленной перспективой, а насущной практической задачей». Для разработки музейной педагогики имелись серьёзные исторические предпосылки.

По существу отечественная теория музейной педагогики начала формироваться в конце XIX – начале XX веков, получив наиболее полное обоснование в трудах основоположников экскурсионной школы (Н.А. Гейнике, И.М. Гревс, Б.Е. Райков) и сторонников широкого использования в целях образования педагогических, школьных и детских музеев (М.В. Новорусский, М.С. Страхова, Н.А. Флерови).

Современная музейная педагогика развивается в русле проблем музейной коммуникации и направлена в первую очередь на решение задач активизации творческих способностей личности. С этой целью разрабатываются разнообразные методики работы с учащимися в школе, изменяющие их роль и позиции в музейно-педагогическом процессе. Музейная педагогика в школах оказывает неоценимую помощь в процессе воспитания, помогает ребенку стать творческой личностью, помогает ему прожить не одну свою жизнь, а сотни других жизней, включает в сферу культуры. В этой сфере нет места вандализму – интересно не разрушать, а созидать.

Данная дисциплина значительно расширяет возможности учителя в решении задач, связанных с историческим, культурологическим образованием. Она направлена на повышение внимания детей к окружающей действительности, помогает обнаруживать вокруг себя реалии музейного значения, раритеты, ценить подлинные вещи ушедших эпох, семейные реликвии. Все это делает жизнь ребенка более насы-

щенной и интересной, поднимает его культуру, развивает интеллект, дает ему в руки новый инструмент для познания мира.

Собственный опыт показывает, что современные школьники имеют не высокий интерес к музеям, в связи с их психологическими особенностями.

В школьном возрасте сформировано словесно-логическое мышление, дети уже активно работают с наглядными образами. Тогда как дошкольникам присуще в основном наглядно-образное мышление. И именно поэтому я думаю, что будущее музейной педагогики в дошкольном образовании. Этот вопрос рассматривается современными педагогами и психологами и начинает играть существенную роль только в последние десятилетия.

Изначально музейная педагогика подразумевала, прежде всего, сотрудничество детского сада и музея, организацию посещений, экскурсий в музеи разной тематики. Сотрудники музеев разрабатывали специальные экскурсии для дошкольников, организовывали различные мероприятия. В настоящее время в дошкольной музейной педагогике активно развиваются два крупных направления:

1. сотрудничество ДООУ с музеями;
2. создание и использование мини-музеев в детском саду.

Н.А. Рыжова в своей работе указывает на разнообразие мини-музеев в детском саду: фольклорные, исторические, краеведческие, литературные, географические, природы, искусства и прочее [5, с. 60].

Можно выделить ряд характерных отличий детского музея от традиционного:

1. его главная задача – просветительская, а значит, в нем могут быть собраны любые предметы, а не только подлинники и ценные экземпляры;
2. это игровое или интерактивное пространство, в котором ребенок может делать что-то самостоятельно, по своему выбору, с учетом собственных интересов и возможностей;
3. музей ориентирован на детей определенного возраста, на семью и ДООУ [2, с. 15].

Согласно мнению А.М. Вербенец, музей играет особую роль в приобщении детей к искусству, развитию творчества и субъектных проявлений личности ребенка. Восприятие предмета, представленного в гармонии с другими подлинными экспонатами, в продуманной обстановке, способствует освоению умений понимать визуально-пространственный язык экспозиции, «считывать» информацию с музейной вещи, понимать образы, идеи создателей, обеспечивает рождение собственных ассоциаций, аналогий, эмоционально-эстетического отклика на выразительность образа [1, с. 42].

Исследователь выделила ряд особенностей творческих проявлений у старших дошкольников в процессе освоения опыта посещения музеев, которые условно можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это творческие проявления в процессе восприятия художественных образов: неординарность в понимании художествен-

ного образа, установление широкого круга ассоциаций, проявление синестезии, обыгрывание, фантазирование по поводу изображения и пр.

Во-вторых, это проявления в процессе отражения в разнообразной деятельности (продуктивной, игровой, сочинительстве) результата творческой переработки приобретенного опыта, развитие и разнообразность сюжетов, образов, оригинальность и выразительность образов и сюжетов, комбинирование освоенной информации (образов, ассоциаций, представлений), стремление внести изменения, избегать копирования и повторов.

В-третьих, это дополнительная группа показателей, условно названная «лютивационно-рефлексионные проявления»: желание отличаться, сделать не так, «как у всех», проявить собственное «Я», рефлексия результата и процесса деятельности, эмоциональные реакции в процессе экскурсии по отношению к необычным предметам, интересным вопросам, проявление догадки, сообразительности [3, с. 34].

Поскольку важной частью концепции музейной педагогики является активность ребенка, важны средства, с помощью которых созерцание предметов искусства превращается в созидательный процесс. В этом смысле существенным подспорьем для педагогов являются изданные за последние пять лет программы и пособия, обогащающие деятельность дошкольников на занятиях.

Наиболее известная на настоящий момент и широко апробированная музейно-педагогическая программа – «Здравствуй, музей!» (А.М. Вербенец, Б.А. Столяров, А.В. Зуева и др.) К ней прилагаются тетради для творческих работ «Мы входим в мир прекрасного», ориентированные на художественно-эстетическое развитие детей 5-7 лет. Система заданий, игр и упражнений помогает подготовить ребенка к восприятию экспонатов художественного музея, познакомить с основами языка изобразительного искусства, учить создавать выразительные и интересные образы.

В составе УМК «Предшкола нового поколения» имеются книги для работы взрослых и детей 5-6 лет, разработанные Н.А. Чураковой: «Кронтик в музее. История с волшебной палочкой», «Кронтик в музее. Как там – внутри картин?», «В музее с Кронтильдой». Цель книг – воспитать интерес у детей к живописным произведениям через решение ряда задач: развитие интеллектуальных умений, пространственных ориентиров и двигательных-моторных умений и навыков.

О.В. Кравцова справедливо утверждает, что музейная педагогика в ДООУ базируется на игровой деятельности как ведущей в дошкольном возрасте. Применение игровых технологий в музее привлекательно для детей по ряду причин:

- возможность общаться;
- сотрудничество, партнерство;
- конкуренция, соревновательность;
- возможность творчества, проявления своих способностей;
- возможность получения и применения на практике новых знаний;
- достижение результата, победы;
- возможность попробовать себя в новых ролях [4, с. 36].

Музейные педагоги активно разрабатывают интересные формы работы с аудиторией, превращающие пассивных созерцателей в активных деятелей:

- музейные уроки/занятия и праздники в музее, творческие студии и мастерские (к примеру, на таких занятиях дети совместно с родителями изготавливают игрушки);
- ролевые экскурсии и игровые методы;
- экскурсионные дни в рамках традиционного фестиваля музейных программ, который базируется на идее интерактивного музейного пространства (дети выполняют различные задания, открывают «тайны» предметов);
- разнообразные интерактивные программы, предлагаемые крупнейшими музеями России и мира;
- мультимедийные программы для детей, созданные многими музеями России.

Организуя работу в рамках направления «музейная педагогика», важно опираться на идею партнерства родителей и педагогов, единое понимание ими целей и задач музейной педагогики.

Изучив методическую литературу по вопросу музейной педагогики и организовав сотрудничество с дошкольным учреждением и школой нашего района, я остановила свой выбор на проекте «Русский музей: виртуальный филиал». Это масштабный международный проект, воплощающий идею доступности крупнейшей в мире коллекции русского искусства. География проекта постоянно расширяется и охватывает как Россию, так и зарубежные страны. «Русский музей: виртуальный филиал» – это не только открытый доступ к научному потенциалу крупнейшего в мире музея национального искусства, но и возможность плодотворного сотрудничества на основе реализации совместных образовательных проектов, в том числе направленных на обучение детей дошкольного возраста.

Используя материалы этого проекта: компьютерные программы, видеофильмы, электронные экспозиции выставок Томских музеев удалось разработать серию музейных уроков, занятий, праздников, творческих студий и с воспитанниками детского сада и с их родителями.

Работая в этом направлении, я нахожу новые методы, приёмы и средства, способствующие формированию и развитию у дошкольников ряда таких компетентностей, как: интеллектуально-познавательной, социальной, творческой, информационной, коммуникативной.

Литература

1. Вербенец А.М. Развитие творческих проявлений у старших дошкольников средствами музейной педагогики // Детский сад от А до Я. 2010. № 6. С. 40 – 58.
2. Гарькуша С. Здравствуй, музей! Работа с родителями по музейно-педагогической программе // Дошкольное воспитание. 2012. № 2. С. 15 – 16.
3. Грановская А.В. Первые уроки творчества от великих художников XVIII века. Минск, 2010. С. 33 – 35.
4. Кравцова О.В. Игровые педагогические технологии в деятельности школьного музея. // Вестник ТГПУ. 2010. Выпуск 1. С. 36 – 39. (Сборник)
5. Рыжова Н.А. Мини-музеи в детском саду // Линка-пресс. 2008. № 3. С. 60 – 61.

Философия и социальные науки

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО И ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

А. С. Бессонова

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Научный руководитель: Т.И.Суслова, доктор философских наук, профессор

Понятие «Здоровье» является всеобъемлющим и достаточно широким понятием в философии. В разные эпохи отношение к душевному и телесному здоровью было не постоянным. В данной статье мы рассмотрим эволюцию содержания понятия «здоровья», с точки зрения основных дискурсов: медицинского и духовно-экологического.

В античной философии забота о здоровье души была превыше заботы о теле. Для философов данного периода, спасение человека зависело только от его стремлений работать над «душой». Тело, в данном случае, является враждебным, злым началом, необходимым инструментом, «орудием» для души. Платон говорил, что пока душа сохраняет контроль над телом и чувственными вожделениями, человек остается нравственным. Душа главенствует над телом, занимает руководящую роль, она бессмертна, вечна, а тело – приземленно и конечно. Следовательно, о здоровье человека, в античной философии рассуждали с точки зрения, только здоровья души. Говоря о содержании понятия «здоровья» в античности, мы оказываемся в духовно-экологическом дискурсе. Который говорит о том, что болезни являются определенными изменениями в духовном состоянии здоровья человека и исцеление возможно не по средствам лекарств, а работая над внутренним состоянием здоровья человека (т.е. над духовными составляющими).

Пренебрежительное отношение, которое проявляется к телесному здоровью в античной философии, радикально меняется в современной философии. Сократ, первый среди греческих философов начинает рассматривать соотношение души и тела. Он призывает к заботе и о душе и о теле одновременно. Душа является источником благоразумия, сдержанности и самообладания. Тело воспринимается как понятие, которое центрирует на себе ряд ценностей, в том числе и здоровье. Проблематика здоровья тела, приобретает онтологически глубинное и цен-

ностное значение. В философии формируется понимание того, что тело это особая «вещь». Такое восприятие диктует особое отношение не только к человеческой душе, но и телу, в том числе.

В современной философии понятие тела выдвигается на передний план. И при ближайшем рассмотрении человек познает в опыте все, что принадлежит к природе, свое тело и его здоровье. Благодаря французскому философу М.Мерло-Понти, разрабатывается новое понимание телесности, телесности в соотношении с духовными и телесными схемами. Благодаря осязанию, зрению, обонянию человек в любой момент может получать восприятие, информацию, как из внешнего мира так, так и из внутреннего (информацию о состоянии здоровья). В данный период здоровье начинает рассматриваться с точки зрения **медицинского дискурса**. Здоровье – это нормальное, базовое состояние для всех людей. Заболевание – это отклонение от нормального состояния. Выздоровление – это возвращение в базовое состояние, которое возможно только с помощью постороннего вмешательства: шаман, жрец, специалист, врач. При таком подходе «больной» в первую очередь является объектом лечения, для которого выбиралась определенная стратегия лечения. Медицинский дискурс опирается на знания в области магии, опыта, науки, и в познавательном смысле человек становится «прозрачным» для проведения лечения и использования определенных технических средств.

Подводя итог, можно сказать, что понятие «здоровья» в медицинском и духовно-экологическом дискурсах весьма различно. «Человек, на первый взгляд, здоровый в медицинском отношении, может быть глубоко больным с точки зрения духовно-экологического дискурса, и наоборот». Следовательно, рассмотрение понятия «здоровья» человека только в одном из дискурсов, будет не совсем корректным. Здоровье не является естественным феноменом, это социальный артефакт, который связан с медицинскими технологиями. Поэтому рассмотрение понятия «здоровье» возможно при диспозитиве данного понятия, объединяя в единую структуру как медицинский, так и духовно-экологический дискурс. Только при таком рассмотрении мы получим действительно верное понимание «здоровья».

Литература

1. Баксанский О.Е., Лисеев И.К. Философия здоровья М.: Российская академия наук. Институт философии-2001. – 242 с.
2. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики М: Гардарики, 2003. 315 с.
3. Лосев А.Ф. «История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон» М.: АСТ,2000. 846с.
4. Мерло – Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 245 с.

ПРОТИВ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА»¹

В. И. Вовченко

Томский государственный университет

Научный руководитель: Ю.С. Осаченко, к.ф.н., доц.

Человек – это не ответ.

Человек – это вопрос.

П. Тиллих

«И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему». (Быт. 2:20). Как следует из данного стиха книги Бытия, человек, после сотворения «по образу и подобию» Бога, стал в определённом смысле соучастником творения, завершив его: он поименовал каждую тварь земную сообразно той потенциальной помощи, которую мог ожидать от неё. В контексте нашего разговора о «природе человека» это «именование» можно истолковать в качестве «определения понятий». Как мы видим, Адам не мог дать имя лишь Богу... и самому себе. Какую важную интуицию проявило религиозное сознание 13-10 вв. до н.э., соотносимую с современной мыслью? Попытка найти ответ на данный вопрос будет служить своеобразной нитью Ариадны всего текста, задавая горизонт нашего исследования. Оговорим сразу, что дальнейшее использование богословского материала не означает сколько-нибудь клерикальной окраски сделанных автором статьи выводов, но, скорее, служит демонстрацией возможности *иной речи* о человеке, которая не снизошла в виде некоего откровения на философов 20 века, но, так или иначе, присутствовала в субстанции нашей субъективности, сформированной западноевропейской культурой, на взгляд автора статьи, неразрывно связанной с иудео-христианской традицией. Но ближе к делу.

В философии 20 столетия сразу в нескольких направлениях (в феноменологии, герменевтике, аналитической философии и постструктурализме) возникают тенденции на преодоление традиционного метафизического способа философствования. Стал очевидным кризис как догматического наивного объективизма, так и всепоглощающего (и не менее, впрочем, наивного) субъективизма. Эта смена акцентов была обеспечена следующими причинами (список не претендует на исчерпывающую полноту, но лишь намечает некий абрис современной ситуации): во-первых, пришло осознание всей нелепости попыток философского системостроительства на почве гносеологизма, так как любая теория познания уже предполагает некоторые онтологические допущения; во-вторых, осуществился так называемый «лингвистический поворот», а вслед за ним и «прагматический поворот» (последний характеризуется не столько вниманием к одноимённой школе мысли, сколько выявлением фундаментальной роли языковой прагматики для опыта человека в мире и, разумеется, философствования); и, в-третьих,

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6

так как автор статьи хотел бы оставаться в рамках преимущественно феноменологического подхода (не всегда отсылающего лишь к феноменологам по самоидентификации), стало ясно: любая последовательная онтология должна быть феноменологией человеческого существования. Сосредоточимся на третьем пункте, который так по-разному тематизировали Э. Гуссерль, М. Шелер, С.Л. Франк, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер. Действительно, онтология, исходящая не из анализа исходного опыта, а из выбора произвольного принципа, служащего краеугольным камнем философской системы, приводила к неразрешимым противоречиям, обнаруживаемым уже в картезианской парадигме, например, к невозможности удобоваримого объяснения трансцензуса от изолированного и отделённого от мира субъекта к совокупности протяжённого сущего. Дело в том, что, как уже показал Гегель, «Я» и определённая предметность («Я» определено «вот» как чувственной достоверностью, конституируемой «здесь» и «теперь», подвергаемыми снятию в акте всякого указания) не есть непосредственная данность, а суть *опосредованные* друг другом элементы, конструированно ситуативно. Это приводит к необходимости критики традиционного теоретико-познавательного подхода к философским проблемам – как пишет М. Хайдеггер (позволим себе объёмную цитату, чтобы расставить все точки над *i* относительно нашего подхода), объясняя, почему познание ни в коем случае не может быть первичным способом нашего отношения к миру, но является всегда фундированным актом, так как субъект и объект не существуют в виде дискретных и отделённых друг от друга элементов, между которыми каким-то мистическим образом устанавливается, *возникает* когнитивное отношение (как в идеалистической теории познания, утверждающей, что объект полностью конструирован субъектом, так и в материализме, утверждающем существование некоторых вещей самих по себе, обуславливающих каузальные связи субъекта): «Мы должны с самого начала верно понимать эти феномены и исследовать их в их подлинном смысле, коль скоро мы уяснили, что познание по своему смыслу всегда представляет собой способ *бытия-в*, но не то, посредством чего вот-бытие [Dasein] как познающее, но ещё не пребывающее в мире, вступает в определённое отношение к последнему. Да и как следовало бы понимать это первоначальное безмирное бытие субъекта? К примеру, вопрос “как возможно противостояние двух сущих вещей – субъекта и объекта” в принципе не может стать настоящей проблемой. Понимать схватывание имеет смысл только на основе понятия *уже-бытия-при*. Уже-бытие-при, в котором познание только и может «жить», не «возникает» как непосредственный результат процесса познания, но вот-бытие как таковое – познаёт оно или нет – всегда уже представляет собой *бытие-при* некотором мире». [1., 169-170]

Каково главное упущение что материализма, что идеализма в качестве онтогносеологических позиций? Всё очень просто: они говорят о том, о чём принципиально не могут говорить *обосновано*, т.е. они выходят за исходную данность опыта (и при нашем требовании

не в состоянии указать на то изначальное удостоверение в опыте истоков их категорий, т.е. основу категориального созерцания), за рамки феноменального мира, предавая забвению тот факт, что всякая концептуальная схема может быть либо укоренена в ближайшем к нам опыте, либо нет. Вот тогда и начинается что-нибудь в стиле: деревья, столы и яхты существуют сами по себе (в-себе), а мы воспринимаем только их *образы*. Нет, не существует *вещи*, которая *является* (т.е. есть феномен, который показывает сам себя и из себя) каким-либо сущим вне *отношения*, так как вещь является экзистенциально обусловленным полем опыта, которое всегда *дано* кому-то. Мы воспринимаем именно вещи как вещи, а не как образы, как те вещи, которые встроены в фундаментальную конституцию вот-бытия как бытия-в-мире. Введение какого-то промежуточного (психологического?) элемента между физическим миром, представляющим собою просто неоформленную материю (мы уже делаем некоторое допущение, вообще говоря о физическом мире, но исключительно наглядности ради), и феноменальным миром бытия-в, т.е. освоенным нами миром в состоянии *повседневной* озабоченности, манифестирует собой гетерогенный и некогерентный языковой каркас и совершеннейшее интеллектуальное банкротство. Обратим внимание читателей на простой факт ещё раз: всякое познание (теоретическое) должно быть *фундировано* практикой, обнаруживающей первоначально *не-субъектный* и *не-предметный* опыт (т.е. опыт предшествующий переводению подручного сущего в разряд наличного сущего). Т.е. познание, результированное дисциплинарной концептуальной схемой, ориентированной на проблемное поле конкретной науки, является всего лишь модусом ближайшей к нам формы опыта (дореклексивной), а именно: опыта повседневности. Таким образом, можно констатировать, что существует иной (и более фундаментальный), пронизывающий всё наше бытие, способ встречи с вещами жизненного мира, нежели тематизирующая теоретизация, опыт практического обхождения с вещами мира, т.е. с сущим. Прежде, чем строить тот или иной концепт, например, понятие «общество» и каким-либо образом его изучать, стоит указать на первоначальный опыт для человека (или, если использовать трансценденталистскую терминологию, для сознания) бытия «общественным», т.е. вообще как-то обосновать рубрику, регион исследования в связи с его горизонтностью, что не устраняет научную проблематику, но лишь как-то *фундирует* оную.

Итак, данное исследование направлено в первую очередь против партикуляризма в отношении определения человека – против абсолютизации какого-либо аспекта его бытия, требующего рассмотрения в своей целокупности. В рамках феноменологического рассмотрения проблемы мы вынуждены осуществить деструкцию истории онтологических картин, помысленных метафизически, понятую в качестве деструкции метафизического языка. Что значит быть человеком, т.е. что есть человек как сущее, взятое в аспекте его бытия? В первую очередь *формальное* определение человека, понятного как *Dasein*, состоит

в том, что это такой род сущего, который «всякий раз “имеет быть” собой», т.е. это то сущее, которое «Я» есмь и мы суть, и исходя из этого, мы можем трактовать базовое устройство человека как бытие-в-мире: «Присутствие есть сущее, которое, понимая в своём бытии, относится к этому бытию. Тем самым заявлено формальное понятие экзистенции. Присутствие есть далее сущее, которое всегда я сам. <...> Эти бытийные определения присутствия должны быть теперь, однако, увидены и поняты а priori на основе бытийного устройства, которое мы именуем *бытием-в-мире*» [2., 52-53]. Итак, первичный способ размыкания человеком мира не носит теоретический характер и ориентирован на феноменальную структуру мира, в рамках которой мы категориально усматриваем различные регионы сущего, среди которых «Я» не дано. Вывод состоит в том, что человек в его бытии не есть непосредственная данность по типу стола или кафедрального собора, т.е. перечисляя один за другим все феномены вы вообще не обнаружите среди них «Я», только исходя из которого и можно определять человека. Всё, что созерцается, это *след* его присутствия, поэтому ближайшее к нам сущее, которое есть мы сами, парадоксальным (но закономерным) образом оказывается феноменологически самым далёким сущим. Следовательно, проблематично говорить о его полноценном и полном определении – оно в некотором смысле непостижимо, так как не представлено застывшим и статичным отстранённым сущим. Аналогия с Богом (который, правда, не есть сущее да и вообще *не есть*) напрашивается сама собой. Действительно, если вспомнить апофатическую теологию восточных Отцов Церкви, то они в первую очередь учат тому, что любая языковая положительная фиксация «Бога» приводит к сотворению «понятийного идола», т.е. лишает Бога ауры непостижимости. В некотором смысле опредмечивание человеком самого себя приводит к его отчуждению. Действительно, логически процедура определения связана с ограничением универсума рассуждения. Ещё Гегель показал, что всякое определение есть отрицание в том смысле, что «нечто» есть «уже не...». Современный католический теолог и философ-феноменолог Ж.-Л. Марион пишет, характеризуя объективистское отчуждение человека от самого себя посредством понятия, следующее: «... определить человека было бы все равно, что навсегда покончить с ним. Не потому, что человек уже не будет мыслиться, но потому, что он будет мыслиться не как человек: будет мыслиться, не исходя из него самого, но из другого, из того познающего духа, который его определяет и отчуждает. Вот что значит мыслить по принципу “схватывания”: поместить человека в какой-то класс вещей – все равно, что деклассировать его как человека, потому что классифицировать нельзя иначе, кроме как по порядку и мере (по моделям и параметрам), в которых только и может в таком случае сказаться *моя рациональность*». [3., 63].

Несомненно, всякое партикулярное определение человека, исходящее из социологизма, гносеологизма, психологизма, натурализма, идеализма или проч. «-измов» и забывающее об ограниченности (и засорённости) горизонта дисциплинарного вопрошания, ориентированного

на конкретную языковую игру, в конечном итоге низводит «кто» до «что», формализует человека в качестве дискретного элемента некоторой системы путём встраивания его в символический порядок теории и в своей претенциозности оправдывает дискурсивное насилие, которое, как это нередко бывает, перетекает в насилие реальное за счёт исключения из универсума «людей» тех, кто не попадает под конкретное определение, например, как произошло с цыганами или евреями в нацистской Германии. Безусловно, между метафизикой, являющейся продолжением мифологического соблазна упрощения, и насилием существует генетическая и сущностно-статическая связь. Выскажем предположение, что метафизика служит оправданием для работы механизма «козла отпущения», лежащего, как это показал Р. Жирар, в основании всякой культуры, учреждаемой, по сути, в пароксизме исключения, изгнания и жертвоприношения, т.е. создания собственной идентичности в процессе разрядки миметического насилия жертвенного кризиса. Закончить же данную статью хотелось как никогда актуальными словами Гуссерля: «Zurück zu den Sachen selbst!», «Назад, к самим вещам!»

Литература

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Издательство «Водолей», 1998. 384 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М: Академический проект, 2011. 460 с.
3. Марион Жан-Люк. Я сам для себя стал великим вопрошанием// Логос. – 2011. – № 1. – С. 54-75.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.В. Воробьёва

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.А. Степанов, д.филос.н., проф.

Философская мысль советского периода истории России подразделяется на два направления или тематических раздела – диалектический материализм и исторический материализм. Данные названия сформировались на основе теоретических предпосылок, то есть гипотетических идей, которые предлагались разработчиками теорий для интерпретации, в случае диалектического материализма, сущностных характеристик природных процессов и явлений, а так же способов и технологий познавательного осмысления их человеком. Таким образом, диалектический материализм является версией онтологической концепции вкупе с теорией и методологией научного исследования. Исторический материализм позиционировался как концепция социальной философии или обществоведения. В этом смысле советская философия представляет собой один из вариантов традиции фило-

софского мышления, сложившийся в конкретный исторический период на территории России в определённых идеологических, социокультурных, исторических и прочих условиях.

Рассмотрение любой теоретической системы возможно только с позиции анализа истоков и способов рассуждения, которые в ней применяются, а так же тех реальных результатов, которые присущая ей логика позволяет в принципе и позволила по факту получить. Теоретическими и методологическими основаниями советской социальной философии (исторического материализма) являются работы немецких авторов Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вкуче с теми философскими подходами и направлениями предшествующих периодов, на которые они опирались или называли в качестве своих предшественников, сподвигнувших их на продуцирование конкретных идей и ракурсов рассмотрения тех или иных вопросов и предметных областей.

Работы «Нищета философии» и «Манифест коммунистической партии» К. Маркса рассматриваются советскими философами как резюмирующее завершение формирования марксизма как научного мировоззрения. В них излагается обоснование основных положений диалектического и исторического материализма, составляющих философскую основу теории научного коммунизма.

Философско-экономический труд «Нищета философии» К. Маркса представляет собой основы материалистического учения о законах общественного развития, где идеи и категории рассматриваются как отражение объективных, не зависящих от воли и сознания людей, диалектических процессов, происходящих в реальном мире [1, с. 65-185]. Одним из основных философских понятий, через призму которых анализируются общественные процессы, становится понятие производительных сил, охватывающее не только орудия производства, но и самих работников, являющихся наиболее важной составляющей данного общественного ресурса. Так же автор показывает диалектическую связь между производительными силами и производственными отношениями и предлагает аргументируемую гипотезу о том, что только в социалистическом обществе возможно достижение эволюции производства вследствие революционных изменений, возникающих при обострившейся классовой борьбе на определённой ступени развития общества.

Применяя метод материалистической диалектики к анализу экономической действительности, К. Маркс опровергает метафизические представления так называемых буржуазных экономистов о вечности и незыблемости экономических законов капитализма и открывает антагонистический и исторически переходящий характер экономических отношений капитализма [там же].

Значительное место в написании К. Марксом третьего тома «Капитала» занимает анализ данных, полученных им на основании переписки и статей русских авторов о землевладении и аграрных отношениях, а также положении в российской экономике. В «Заметках о реформе» он возвращается, как и Ф. Энгельс, к вопросу о развивающейся

революции в России и видит в ней формирование российской Коммуны по аналогии с Парижской. Оба основоположника теории научного коммунизма называли Россию передовым отрядом революционного движения в Европе [2, с. 422-441].

В произведении «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса систематизируется трехкомпонентная схема теории марксизма – диалектический и исторический материализм, политическая экономия и научный коммунизм [3]. В работе «Развитие социализма от утопии к науке» он рассматривает теоретические основы пролетарского мировоззрения и формулирует положения научного социализма. Проанализировав основные этапы развития философии, Ф. Энгельс видит в них процесс подготовки и создания теорий диалектического и исторического материализма, а также показывает как материалистическое понимание истории и теория прибавочной стоимости К. Маркса, по его мнению, становятся научной основой социализма как способа организации общественных отношений, причём предпосылки возникновения научного социализма лежат в исторической роли и слабостях утопического социализма. В заключении Ф. Энгельс возвращается к теории революции и доказывает закономерность пролетарской революции как способа разрешения противоречия предшествующего социалистическому капиталистического способа организации общественных отношений между общественным характером производства и капиталистическим присвоением его результатов.

Интересен факт того, каким образом Ф. Энгельс создавал рукописи «К истории древних германцев» и «Франкский период». Данные работы стали примером анализа исторических источников на основе применения исторического материализма к языкознанию. В связи с этим можно утверждать, что практическая значимость работ К. Маркса и Ф. Энгельса заключается в возможном их использовании в теоретических изысканиях других наук.

В работе «Марка» по истории древних германцев Ф. Энгельс пропагандирует положение научного социализма о необходимости и неизбежности перехода к коллективной собственности и коллективному производству в промышленности и сельском хозяйстве. Впоследствии данная работа в наибольшей мере повлияла на изыскания российских практиков и теоретиков научно-философской и экономической мысли советского периода. С помощью использованных общетеоретических и политических суждений в работе «Европейские рабочие в 1877 году» Ф. Энгельс делает вывод о неизбежности революционных перемен, которые должны привести к созданию благоприятных условий для развития пролетарского освободительного движения [2, с. 125-146].

Таким образом, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем и В.И. Ленина и их последователей фактически представляет собой экономическую интерпретацию общественных отношений, в общем и целом мало отличаясь от теоретико-методологических подходов к данной тематике всех остальных социально-философских концепций XX века.

Литература:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. 615 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. 670 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. Изд. 2. М.: Госполитиздат, 1955. 827 с.

ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ ТУСУРА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВНУТРИ ВУЗА

Ю. В. Гаврилина, О. А. Дмитриева, А. В. Лоцейко

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Научный руководитель: Л.И. Казакевич, к.и.н., доц.

В ТУСУРе Волонтерская Служба (ВС) «Наш Формат» была создана в феврале 2007 г. Именно тогда объединилась группа студентов, готовых заниматься социально полезной деятельностью. Цель Волонтерской Службы ТУСУРа – вовлечение студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников ТУСУРа в социально полезную деятельность. За время существования ВС «Наш Формат» сформировались основные направления работы, в рамках проводимых мероприятий было налажено тесное взаимодействие с общественными организациями и средствами массовой информации. В работе ВС «Наш Формат» использовались различные формы и методы профилактической работы с различными категориями населения.

Масштабы деятельности волонтерской службы «Наш Формат» трудно оценить в абсолютно точных цифрах, но только за осенний семестр (сентябрь – декабрь 2012 г.) мероприятиями было охвачено более 1000 человек. Актив волонтерской службы «Наш Формат» в настоящее время насчитывает 25 человек – студенты 1-4 курсов очной формы обучения ТУСУРа.

С каждым мероприятием и акцией ряды ВС пополняются новыми и активными ребятами, что способствует еще более эффективной и креативной работе, число постоянных партнеров растет, но все же остается проблема информированности студентов вуза о волонтерстве и волонтерских акциях и проектах.

В ТУСУРе проводился опрос осенью 2012 года Центром внеучебного развития студентов ТУСУРа, в ходе которого было опрошено 504 студента 1-4 курсов. Опрос проводился с целью выяснения ситуации с информированностью студентов о волонтерской деятельности в вузе. На вопрос, знают ли респонденты о том, что ТУСУР проводит и организует волонтерские акции и/или проекты, 42,7% опрошенных ответили «да», остальные – 57% ответили «нет». На важный вопрос о мотивах участия студентов в волонтерских акциях и/или проектах ТУСУРа 45% ответили, что их привлекают бонусы в учебе (зачеты- автоматы и т. п.), 35% – денежное поощрение (хотя этот пункт прямо противоречит основному принципу волонтерства), 5,5% – признание окружающих

(популярность), 26,7% – не заинтересованы ни при каких обстоятельствах, 1% – другое. Это означает, что значительная часть студентов ТУСУРа не намерена участвовать в работе Волонтерской Службы, так как не заинтересована в бесплатном предоставлении своего свободного времени и сил на подготовку и проведение социально полезных мероприятий внутри вуза. Мотивацией для участия студентов в акциях являются разные причины: нечем занять свободное время – 5,9%, ощущения со стороны вуза – 4,5%, желание помочь – 7,7%, причастность к общественной работе – 4%, не думал – 3,2%.

Важный вопрос об источниках получения информации о волонтерских мероприятиях ТУСУРа – 59,5% ответили, что через информацию на доске объявлений, 36,3% – через профсоюзные комитеты факультетов, 53% – через старост, 5% – от своих преподавателей, 4,7% – через художественных руководителей факультетов. Такой результат подводит к мысли о необходимости выстраивать взаимодействие со старостами, представителями профсоюзных организаций факультетов.

Конечно, альтернативы участию в волонтерских проектах существуют и, как показал опрос, студенты проводят свое свободное время следующим образом: 37,9% – встречаются с друзьями, 25% – проводят время со своими парнем/девушкой, 18,2% – курсы или дополнительное обучение, 26% – работают, 30,5% – проводят свое время дома, 16% – посещают кинотеатры, смотрят ТВ; 15,6% – ночные клубы, 21,6% – кафе, рестораны, 17,6% – посвящают это время хобби, 17,6% – не имеют свободного времени, 3,2% – другое.

Анализируя результаты опроса можно сделать следующие выводы:

1. Большинство студентов имеют достаточное количество времени помимо учебных занятий.
2. Более чем половина студентов ТУСУРа (57,3%) не информирована о том, что университет, в котором они учатся, проводит волонтерские акции. Основной мотивацией к участию в волонтерских акциях для студентов, служит «Желание помочь» (7,7%), а также и то, что «Нечем занять свободное время» (5,9%)
3. Проведение свободного времени студентами достаточно разнообразно, но наиболее популярные ответы, это – «Встречаюсь с друзьями», а также проведение своего свободного время дома.
4. Были выявлены наиболее эффективные каналы коммуникации со студентами: «Информация на доске объявлений», «Через старосту», «Через профкомы».

Проанализировав результаты опроса, были выработаны следующие рекомендации: во-первых, для увеличения информированности студентов о проведении волонтерских программ необходимо использовать популярные каналы связи со студентами (расклейка объявлений на информационных досках; работа со старостами групп, информирование профкомов).

Следующим эффективным шагом является разработка годового или полугодового плана по промо организации и предстоящих акциях. План должен включать ряд инициатив, приуроченных к каждому из

указанных деятельности. В настоящее время промо-деятельность разделяют на 2 части – он-лайн промо и офф-лайн. Первое подразумевает под собой распространение информации на различных Интернет-ресурсах (сайтах, социальных сетях, блогах), а второе – распространение печатной продукции, оповещение целевой аудитории через ролики на телевидении, радио, в газетах. В зависимости от масштаба предстоящего мероприятия и от цели промо выбирается наиболее подходящий канал для оповещения.

Параллельно с этим должен идти поиск медиа-партнеров, с которыми целесообразно заключать долгосрочное партнерство. Кроме того, должен вестись постоянный мониторинг каналов информирования для выявления наиболее эффективных и дальнейшего их совершенствования.

Выполняя данные рекомендации, уже после нескольких мероприятий можно будет увидеть результат. Студенты будут больше информированы о проводимых мероприятиях в вузе, увеличится количество участников не только в проектах и на акциях, но и в Волонтерской Службе. Это положительно скажется на студентах – волонтерах, позволит позитивно занять их свободное время, получить новую информацию, найти друзей и единомышленников.

ПЛАТОНИЗМ ГОТЛОБА ФРЕГЕ

П.И. Григоренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научный руководитель: В.А. Суровцев, д.филос.н., проф.

Готлоб Фреге, немецкий математик, логик и философ, в истории современной философии математики является, пожалуй, если не самой, то одной из самых ключевых фигур. Собственно говоря, проблемы философии математики, в том виде, в котором они существуют в современности, инициированы работами Фреге, и он «заслуживает особого внимания при обзоре современной философии математики, потому что до сих пор поставленная им проблематика является актуальной» [1, с. 13]. Работая на периферии философии и математики, именно Фреге впервые задумался над вопросом обоснования математики и сам явился первопроходцем в этой области. Работы Фреге стали источником открытия и признания того, что математика является незавершенной не только по своему содержанию, но и по обоснованию своих утверждений и методов.

Фреге традиционно считается основателем и сторонником такого направления в философии математики, как логицизм (хотя и это утверждение нельзя принимать безоговорочно – в некоторых положениях позиция Фреге сильно расходится с классическим логицистским тезисом. Тем не менее, с некоторой оговоркой, Фреге, все же, является представителем логицизма). Суть этой программы состояла в том, чтобы

свести понятия математики к понятиям логики и представить принципы математики в качестве общезначимых математических истин. Для Фреге принципиально важной задачей было устранение всяких сомнений по поводу аналитического характера математических истин: «рассматривая математику как часть логики, Фреге трактовал последнюю как чисто априорную науку и, таким образом, пытался дать априорное обоснование и математике» [2, с. 220]. Однако, кроме логицизма, в программе и идеях Фреге есть еще одна очень важная характеристика – а именно то, что Фреге является приверженцем платонизма (который, в свою очередь, традиционно противопоставляется идеям логицизма).

В этой статье будет рассмотрен вопрос о характере платонизма Фреге.

В широком смысле платонизм – всякое философское направление, опирающееся на учение Платона. Необходимый элемент платонизма – противопоставление чувственному миру мира сверхчувственного. В математике это направление касается проблемы существования математических объектов, в вопросе, существовали бы числа, если бы не существовало математиков. Традиционно два возможных варианта ответа на этот вопрос формулируются в два противоборствующих направления – номинализм и платонизм (который еще называют реализмом). Платонисты уверены в существовании математических объектов вне зависимости от человека, номиналисты, соответственно, наоборот. «Вероятно, платонизм – это тот взгляд, которого более или менее подсознательно придерживается большинство математиков, не занимающихся специально вопросами обоснования» [3, с. 28]. Между тем, «платонистское сознание работающих математиков зачастую не осознается ими как специфически философский взгляд, потому что лежащие в его основе представления естественны и просты» [4, с. 31], в общем-то, многие элементы платонизма разделяются и многими философами и логиками.

Итак, платонизм – «философское направление, согласно которому математика изучает сферу абстрактных объектов, чье существование не зависит от человеческого сознания» [1, с. 11]. Вместе с тем, математический платонизм – достаточно размытое понятие, имеющее внутри себя множество направлений: дефляционный (минималистический), полнокровный, методологический, эпистемологический и т.д.

Сам Фреге в первую очередь был математиком – защитил две диссертации, был профессором математики в Иенском университете, и вопросы обоснования математики его интересовали с позиций работающего математика – лишь потом, подводя итоги своих научных исканий в конце жизни, Фреге писал: «я питаю надежду, что в случае непредвзятой проверки философы тоже найдут в этом произведении кое-что приемлемое для себя». Относительно Фреге, по крайней мере, будет верным сказать, вслед за Харди: «мне кажется, что ни одна философия не может вызвать сочувствия у математика, если она так или иначе не признает незыблемости и безусловной годности математиче-

ской истины» [Цит. по 1, с. 15]. В действительности, Фреге был ярким противником тех взглядов, которые не признавали существования чисел. Вот что он пишет: «Неблагоприятным для моей книги является также широко распространенная склонность признавать наличным только чувственно воспринимаемое. Что нельзя воспринять чувствами, то пытаются отрицать или просто обходят молчанием» [Фреге. Цит. по 5, с. 32]. Еще будучи студентом, Фреге слушал лекции по философии, и в большинстве своем преподаватели его имели выраженный натурфилософский взгляд. Среди них, к примеру, был Куно Фишер. Его «естественно-научный подход к мышлению и связанная с ним психологизация логического служили для Фреге, разрабатывавшего совершенно иную концепцию, своего рода негативным стимулом. Так, если Фишер считал все математические понятия основанными на наглядности, то есть опосредованными чувствами, то Фреге – по крайней мере в случае арифметики – с самого начала отвергал подобный взгляд» [5, с. 24-25]. На лекциях другого мыслителя, Лотце, Фреге, впрочем, глубоко проникся идеями этого исследователя. Следуя Платону, Лотце противопоставлял друг другу «царство мыслей и понятий» и «царство сущего», подразделяя последнее на то, что относится к природе, и на то, что относится к психике; кроме того истины математики и логики он относил к «вечным истинам». Еще в самых ранних работах Фреге яро осуждал отрицание статуса существования математических объектов: «следует указать на часто встречающийся промах у математиков, который заключается в том, что они ошибочно рассматривают символы как объекты своих исследований» [6, с. 11].

Относительно статуса математических объектов у самого Фреге мы можем найти следующее: «теоремы арифметики никогда не относятся к символам, они относятся к вещам, представленным символами. Верно, что эти объекты не осязаемы и не видимы, они даже не реальны, если реальным называют то, что может оказать или вызвать воздействие.<...> Стало быть, мы можем сказать, что эти объекты находятся вне времени, а из этого следует, что они не являются субъективными представлениями или идеями, поскольку последние непрерывно изменяются в соответствии с психологическими законами.<...> Числа, стало быть, являются весьма странными объектами, объединяющими в себе кажущиеся противоречивыми качества объективности и нереальности» [6, с. 12]. В конце своей жизни, в своих «Логических исследованиях», Фреге различал три мира, три царства: царство объективно-реального (то есть физического), субъективно-реального (то есть психического) и объективно-нереального, к которому он и относил числа. Числа в этом случае совпадают с представлениями в том, что они не могут восприниматься с помощью органов чувств, а с вещами – в том, что они не нуждаются ни в каком носителе, сознанию которого оно принадлежало бы. В области оснований математики Фреге был решительным противником эмпиризма и номинализма, сравнивая математику с географом, который не создает, а лишь находит объекты своих исследований, «может лишь обнаружить то, что есть и дать

этому название». Так, пишет он, «земная ось, центр тяжести Солнечной системы объективны, но я не могу назвать их реальными, в отличие от самой Земли. Экватор называют мыслимой линией, но было бы неправильным назвать эту линию выдуманной; экватор не создается мышлением», поэтому и число у Фреге объективно в том смысле, что независимо от процессов ощущений, восприятий и представлений человека.

Фреге считал, что «понятие логически первенствует по отношению к своему объему» [5, с. 469], понятие же по Фреге не относится к сфере человеческого мышления и психики, а представляют собой нечто объективное. Такое отношение Фреге к истинам математики было следствием и особого понимания самой истины: «то, что истинно, – истинно независимо от нашего признания» [5, с. 287].

Отвечая на вопрос о том, был ли Фреге платоником, можно дать следующий ответ вслед за исследователем трудов Фреге Б. В. Бирюковым: «если под платонизмом понимать признание мира идеальных сущностей общего характера, определяющих мир единичных вещей, то очевидно, что ничего подобного во взглядах Фреге не было. Но у Фреге, нам кажется, было ощущение преувеличенной роли общего...» [5, с. 470].

Поэтому, если говорить о Фреге как о платонисте, нужно не забывать о некоторых деталях его платонизма. Так, очевидно, Фреге можно причислить к сторонникам так называемого объект-платонизма – убеждения, «что существует нечто реальное и объективное вне пространства и времени и оно изучается математическими теориями. <...> Это нечто объективное и абстрактное состоит из совокупности объектов, абстрактный характер которого представляет нефизический, нементальный, внепространственный и вневременной аспекты реальности» [1, с. 12-13]. Кроме того, Фреге можно справедливо считать эпистемологическим платонистом, т.к. он полагал, что познание математических объектов связано с некоторого рода восприятием, которое аналогично, но нетождественно чувственному восприятию. Платонизм – особенно в его современном виде – охватывает собой огромное количество различных представлений, подчас имеющих очень мало общего, в некотором смысле, «признание законным пустого множества есть первый шаг к платонизму» [4, с. 19]. А учитывая полярный платонизму номинализм, взгляды Фреге, несомненно, можно отнести к первому.

В действительности, Фреге вряд ли можно назвать наивным платонистом, хотя он и был работающим математиком. Вопросы метаматематики носили для него явный характер, и в отличие от многих математиков, никогда не задумывавшихся над объектами своих математических исследований, Фреге посвятил вопросам оснований математики большую часть своей жизни, находясь на непонятной для современников периферии философии и математики. Вместе с тем, нельзя не отметить то, что фрегевский платонизм был во многом противостоянием эмпиризму и субъективизму – как математик Фреге

просто не мог признать эмпирический и психологический характер чисел, и всегда очень бурно реагировал на подобные измышления, если верить свидетельствам (так, современного Фреге Эрдмана, поместившего числа и галлюцинации на одну ступень, иенский ученый окрестил «застрявшим в психолого-метафизическом болоте»). Категоричность во многих вопросах здесь принимала у него самый острый характер, очевидно, что объективный характер чисел был для Фреге принципиальной и непоколебимой позицией. Поэтому, кажется верным сказать, что платонизм Фреге был скорее предпосылкой его научных исследований, чем их следствием.

Литература

1. Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск: Нонпарель, 2003. 240 с.
2. Рузавин Г.И. Философские проблемы оснований математики. М.: Наука, 1983. 306 с.
3. Карри Х. Основания математической логики. М.: Издательство «Мир», 1969. 570 с.
4. Целищев В. В. Философия математики. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 2002. 212 с.
5. Фреге Готлоб. Логика и логическая семантика: сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
6. Фреге Г. Целое число // Логика, онтология, язык. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2006. 244 с.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ. ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР?

Е. Б. Гужавина

*Средняя школа № 15 им. Кенена Азербайева п. Боралдай
Илийского р-на Алматинской обл., респ. Казахстан,*

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.А. Степанов, д.филол.н., проф.

В свете глобализационных проблем и увеличивающегося числа межнациональных конфликтов мультикультурализм как теория межэтнических отношений и тип государственной политики является в последние годы остройшей из обсуждаемых в общественном сознании тем. Об этом свидетельствует и широкий ряд публикаций о данном вопросе российских и зарубежных авторов, таких как Б. Барри, С. Бенхабиб, С. Жижек, Б. Кагарлицкий, Р. Касториано, У. Кимличка, Р. ле Коадик, Ч. Кукагас, А. Куропятник, В. Малахов, В. Мамонова, О. Медведева, Э. Паин, Д. Ролз, В. Сахарова, Г. Терборн, В. Тишков, Ч. Тэйлор, М. Уолцер, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Е. Хлыщева и др.

После заявления канцлера Германии А. Меркель в конце 2010 г. о крахе мультикультурализма, а так же последовавших в начале 2011 г. аналогичных заявлений президента Франции Н. Саркози и премьер-министра Великобритании Д. Кэмеруна и сворачивания в ряде европейских государств политических программ, связанных с интеграцией

иммигрантов, стало понятно, что политика мультикультурализма не совершенна и дает сбой в работе. Попробуем разобраться, возможен ли диалог культур, была ли изначально оправдана стратегия мультикультурализма и каковы перспективы у данной политики.

Для этого сначала следует определиться с содержанием основных понятий, поскольку у данного термина нет точного значения. На бытовом уровне под мультикультурализмом понимается этническое, культурное, и языковое разнообразие, которое вносят в общество мигранты из других стран.

На уровне политической практики таковым представляется ряд стратегий, которые осуществляет государство для адаптации мигрантов, а так же для поддержания культурного разнообразия; практическое решение вопросов политического и культурного равноправия национального меньшинства и большинства, реализации программ поддержки и социальной защиты меньшинств. В этом случае мультикультурализм объединяет ряд формальных государственных политик, преследующих две основные цели: сохранение гармонии между различными этническими группами и структурирование отношений между государством и этническими и культурными меньшинствами [1]. Собственно, как политика мультикультурализм официально существует на общемировой арене только в двух странах – Канаде и Австралии.

Самой неоднородной по количеству взглядов и теорий является идеология мультикультурализма. Она представляет мультикультурализм, как некую систему мировоззрения, основой которого является идея гармоничного взаимодействия разных этнических и культурных групп населения в культурно-плюралистическом обществе [2].

Итак, экономические проблемы во второй половине XX века вызвали приток иммигрантов в европейские страны. Именно проблемы интеграции иммигрантов в национальные европейские общества и подняли интерес к мультикультурализму в Европе. У принимающих государств было два пути включения эмигрантского населения – ассимиляция или право на собственную идентичность.

В реальности, только два государства в Европе – Швеция и Нидерланды предприняли шаги по продвижению политики мультикультурализма. С 70-х годов здесь финансируются программы развития этнических меньшинств. Франция всегда стояла на позициях принятия въезжающими республиканских ценностей и ассимиляции. Великобритания вообще не проводит никаких мер для поддержки эмигрантов. Что касается Германии, то сохранение идентичности эмигрантов здесь осуществлялось с тем расчетом, что эмигранты и их потомки не останутся в стране навсегда, а вернуться на историческую родину [3].

Следует отметить, что авторы, критически настроенные к мультикультурализму (Б. Барри, С. Бенхабиб, В. Малахов и др.) говорят о сохранении разнообразия культур и мало внимания уделяют взаимодействию представителей культур. С этой точки зрения мультикультурализм действительно неэффективен и ведет к самосегрегации. Однако, диалог культур, исходя из самого термина «диалог», предполагает взаимо-

действие. В новейшем философском словаре «диалог (греч. dialogos – беседа) определяется как информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание [4].

Таким образом, выявление слабых сторон мультикультурализма способствует поиску и формированию новых стратегий, в частности, идеи диалога культур, актуализирующейся в качестве культурной стратегии. Это, в первую очередь, ориентация на «взаимность»: взаимодействие и взаимообогащение на основе взаимопонимания и взаимоуважения, при которых культуры не сливаются, но при этом открываются другим культурам, с которыми они контактируют. Примером такой стратегии на постсоветском пространстве может являться стратегия культурного развития Казахстана.

Постоянное взаимодействие, на наш взгляд, открывает возможности интеграции без ассимиляции – краеугольного камня мультикультурализма. Эмигрантам, приезжающим в другую страну по экономическим или другим соображениям необходимо принимать культурную практику принимающей страны. Это представляется проявлением уважения, а так же способствует наиболее быстрой встраиваемости в новую культурную среду. Для мирного сосуществования же необходима кооперация двух сторон, а также определенные действия принимающей стороны, обеспечивающие сохранение традиций приезжающих.

Именно благодаря обмену существующими культурными практиками оформлялась современная глобализационная культура, включающая разнообразие этнических культур, обогащающих друг друга.

Таким образом, на основе обогащения мультикультурализма диалогом культур, то есть, в результате соединения эффективных компонентов обеих стратегий, представляется возможным построение межкультурной коммуникации.

Литература

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. 223 с.
2. Todd R. Multiculturalism // Dictionary of Race and Ethnic relations / Ed. by Cashmore E. London; New York, 1994. P. 216-217.
3. Тишков В.А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3-26.
4. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

ЦИНИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

А. В. Гукова

Томский государственный университет

Научный руководитель: В.В. Петренко, к.ф.н., доц.

Проект постмодерна возместил смерть идеологии и свободу субъекта. Сам этот термин отрицает существование всяческих догматов

и посягательств на свободу, провозглашенную высшей ценностью. Но действительно ли идеология пала? Справедливо ли заявлять об этом и не найдется ли подтверждений тому, что и в эпоху постмодерна идеология продолжает процветать? Более того, идеология вполне успешно встроилась в картину современного мира и именно ее проявления становятся отличительными чертами современного общества. Тезис смелый, но не лишенный определенного основания и именно его мы попытаемся обосновать в нашей статье.

Ж-П. Лиотар определяет постмодерн как определенное «пассивное» движение, способность прислушиваться и слышать то, что скрывается в происходящем, и подчеркивает, что постмодернизм есть недоверие. Недоверие к метарассказам, поскольку наука полагает, что за большинством из них скрывается вымысел. «Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель». [4,с.10] Следовательно, при таком раскладе, идеологии, в ее классическом понимании, не может быть места в современном обществе. Согласно определению, данному еще К. Марксом, идеология есть ни что иное как иллюзия, реконструирующая, выворачивающая положение дел так, чтобы казаться реальностью. С возникновением в культуре недоверия, подобную идеологию может и должна развенчать критика, направленная на то, чтобы вскрыть истинное положение дел и «обнажить» реальность.

XX век: крах задумок и мечтаний, которые казались абсолютными и должны были стать лекарством от всех общественных проблем, породили самую большую проблему нынешнего общества – циничное отношение к любым ценностям и начинаниям, отрицание изменений и нежелание менять проблемные ситуации. Общество видело две мировые войны, падение коммунистических режимов, великую депрессию, дефолты, кризисы, проекты, имевшие целью коренное преобразование, но завершившиеся ничем.

Общество становится недоверчивым, скептическим по своей сути, но скепсис такого рода не несет в себе негативной окраски. «Бог мертв, великие цели поблекли, но всему миру на это наплевать» [5,с.60], заявляет в своей книге Ж. Липовецки. По его словам, люди осознают, что можно жить и не имея цели и смысла. Такой скептицизм выступает частью атмосферы времени, отвечает запросам общества на свободу, независимость и отвечает настроению «нарциссизма»: самонаправленности на себя, обращения внутрь себя и к своим интересам. Нарциссизм – неотъемлемая часть нашей эпохи, он проявляется в усиленном внимании людей к себе, в появлении групп «по интересам», благодаря которым они могут требовать себе дополнительных прав, чувствовать себя значимыми, получить дополнительное средство самовыражения. «Нарциссы характеризуются не только гедонистическим самопоглащением, но так же потребностью группироваться с «аналогичными» созданиями, чтобы почувствовать свою полезность <...>» [5,с.30]

За всем этим мы не заметили, что идеология, воспринимаемая нами исключительно в своем классическом воплощении, трансформиро-

валась, отвечая запросам общества. Идеология заставляет нас поверить в собственную смерть, убеждает в том, что может существовать лишь в классическом своем понимании. С. Жижек называет отрицание существования идеологии одной из «посмодернистских ловушек». [2,с.15] Идеология должна находить отражение в обществе, в индивидах, для классической идеологии это вера в иллюзорное, для современной – циническое отношение.

Итак, что же такое идеология в ее современном виде? Идеология мутировала вслед за общественным сознанием, превратившись в явное и, одновременно, неуловимое образование. Она больше не прячется за ложными масками, не создает иллюзорных образований, напротив, намеренно выступает открыто. Идеология – не иллюзорная действительность, но сама это действительность.

На одном из своих выступлений в Венском музее З. Фрейда, С. Жижек высказал мнение о том, что идеология идет рука об руку с цинизмом. «Сегодня, например, в эпоху цинизма, идеология может позволить себе обнаружить секреты своего функционирования, и после этого продолжать нормально функционировать. Иначе говоря, разоблачение тайной машинерии идеологии ни в коей мере не влияет на ее эффективность». [1,с.163]

Такую идеологию невозможно критиковать, потому что за ней не скрыта иная реальность, она не маскируется и критика становится утверждением очевидного. Цинизм вполне просвещен о дистанции между реальной действительностью и идеологической маской, однако принимает скрытые за идеологией частные интересы.

Цинизм проявляется во всех сферах нашего общества. Порожденный скептическим недоверием, он, в отличие от него отрицает существование всяких ценностей и возможностей изменения. П. Слотердайк. В своей книге «Критика цинического разума» он говорит о том, что современный цинизм, это не просто отрицание любых ценностей, это общекультурная, общечеловеческая позиция, осознающая истинное положение вещей, но лишенная желаний что-либо изменить. «..после десятилетия утопий и «альтернатив» создается впечатление, что наивный порыв внезапно иссяк. Боялись то одной катастрофы, то другой; в огромном числе находили сбыт новые ценности – они шли нарасхват, как и все иные болеутоляющие средства. Однако время цинично, оно знает, что у новых ценностей короткие ноги». [1,с.6] Толкование идеологического феномена – попытка описания реальности, ее нового понимания после того, как установка постмодерна потерпела крах. Таким образом, постмодернизм не смог уничтожить идеологию, напротив, идеология пережила общество постмодернизма, трансформировавшись в связи с идеями общества, но и сама, меняя общество так, чтобы продолжить существовать.

Протесты, якобы возникающие в современном обществе, против идеологических образований, против коррупции, взяточничества – не более чем выражения этой позиции «нарцисса» о которой говорит Ж. Липовецки, способ самоидентификации, столь же временный,

в желании поспеть за изменяющимися тенденциями. То, против чего протестуют люди, часто продиктовано модой. Можно быть писателем, модно бегать по утрам, модно протестовать, но на деле все такие протесты заранее содержат в себе установку на то, что изменить ничего нельзя. Протест ради протеста, как выражение своей свободы. Но даже подобные проявления циничны. Все есть так, как есть и этого не изменить.

Цинизм создает иллюзию той самой свободы, к которой стремиться человек посмодернистского общества. Но иллюзия эта лишь отвечает идеологичности. Итак, идеология не умерла, она продолжает существовать, утверждать, что мы живем в постидеологическом обществе – преждевременно. Идеология оказывается частью нашей новой реальности, неотъемлемой и конструирующей силой. Идеология разоблачена, но следуя своим интересам, мы не стремимся изменить существующее положение дел. Идеология конструирует реальность, сливается с ней и уже сама становится парадигмой, объясняющей положение дел в современном обществе.

Литература

1. Жижек С. Власть и цинизм. // Кабинет: Картины мира. Пер. с англ. В. А. Мазина. СПб.: Инапресс, 1998. С 162-174.
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. Художественный журнал. 1999. С. 236.
3. Слотердаик П. Критика цинического разума; пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. С 800.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институтэкспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. С 160
5. Липовецки Ж. «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» Владимир Даль, 2001 г. С 336

КОНЦЕПЦИЯ ЧИСЛА ПИФАГОРА

А. А. Дакнай-оол

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

В литературе, посвященной Пифагору, исторические факты с самого начала переплетены с фантастическим вымыслом, где отделить одно от другого – не самая трудная задача. Гораздо сложнее среди сведений, выглядящих вполне правдоподобно, выделить реальные события жизненного пути античного философа.

Об исключительной популярности Пифагора свидетельствуют монеты с его изображением и надписью ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ, выпущенные в 430–420 гг. до н. э. в Абдерах. Пифагор первым из греческих философов удостоился специально посвященного ему сочинения. Эту книгу, известную сегодня только по названию, написал Демокрит из Абдер, учившийся у одного из пифагорейцев.

К III-II в.в. до н.э. относятся, вероятно, две анонимные биографии Пифагора, сохранившиеся в передаче Диодора Сицилийского и патриарха Фотия, являющиеся малоинформативными.

Несмотря на огромную критическую работу, проделанную несколькими поколениями ученых, образ Пифагора и его школы так до конца и не был очищен от множества поздних напластований. Сведения о Пифагоре до его отъезда в Великую Грецию чрезвычайно малочисленны. Ранние источники называют его родиной остров Самос, с чем солидарна и большая часть поздних авторов. Однако уже в IV в. до н.э. появляется и другая версия: Феоном и Аристоксен считали его тирренцем с одного из островов в Эгейском море, откуда впоследствии тирренцы были изгнаны афинянами.

Отцом Пифагора авторы V-IV вв. до н.э. называют Мнесарха. О профессии Мнесарха высказывались различные мнения: некоторые считали его богатым купцом, другие – резчиком гемм. Первый вариант кажется более предпочтительным. Самосский аристократ вполне мог заниматься крупной торговлей (но никак не ремеслом), а образование Пифагора и характер его политической деятельности явственно указывают на знатность его происхождения.

Об учителях Пифагора ничего определенного сказать нельзя. Несмотря на его несомненную близость к ионийской традиции и знакомство с идеями милетских натурфилософов – Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, – никто из них, вероятно, не был его прямым наставником.

Приблизительной датой рождения Пифагора можно считать 570 год до н.э., это время считается едва ли не общепринятой датой рождения Пифагора.

Почему Пифагору пришла в голову идея выводить весь мир из чисел? Постараемся решить вопрос: из каких источников известно, что он выводил весь мир из чисел? Пифагор ничего не писал, и ссылаться на фрагменты его сочинений невозможно, но существует немало других способов проверки. Прежде всего, у него были многочисленные ученики и последователи, бесконечно доверявшие авторитету Учителя – конечно же, они оставили книги, излагавшие его философские доктрины.

Среди тех, кто писал о пифагорейской философии, были и те, кто считал, что пифагорейцы не имели вообще никакой числовой философии. Дж. Бернет, например, полагал, что «Пифагор не оставил развитой доктрины на этот счет, а пифагорейцы в V в. не потрудились добавить к традиции что-нибудь в этом роде» [1, с.161]. С этим можно согласиться, и все же: было ли число у Пифагора онтологическим началом, как это утверждали в сотнях работ до Бернета и после него? «Учение о числе не принадлежит, конечно, к древнему пифагореизму. До второй половины V в. до н.э. у нас нет о нем ни одного надежного свидетельства», – так оценивал ситуацию О. Жигон [2, с.161]. В таком случае следует выяснить, что занимало у Пифагора «вакантное» место первоначала, у кого возникла числовая философия и как она была перенесена на основателя школы и его последователей. Для этого необходимо выйти за рамки раннего пифагореизма.

Судя по сохранившимся свидетельствам, Филолай был первым из пифагорейцев, кто рассматривал число с философской точки зрения, хотя и он лишь частично оправдывает наши ожидания. Космос у Филолая рожден и состоит вовсе не из чисел, а из вещей беспредельных, в которых легко увидеть модификацию пифагоровой пары предел-беспредельное. Именно эти два рода вещей сам Филолай называет сущностью и началом всего, никаких других начал у него нет. Число же появляется у Филолая не в онтологическом, а в гносеологическом контексте [3, с.161].

Пример такого рода познания дает сам Филолай, когда он излагает основы пифагорейской музыкальной теории. Что такое октава, которую он называет гармонией? Это отношение одно к двум, квинта – двух к трем, кварта – трех к четырем и т.д. Установив эти численные отношения, мы тем самым познали гармонические интервалы.

Хотя у Филолая есть то, что можно назвать математической теологией, ни в одном из его подлинных фрагментов мы не найдем более подробной трактовки его гносеологического принципа. Тем более напрасно искать у Филолая отождествления чисел и вещей или утверждений, что «всё есть число». Собственно говоря, этих слов нет ни у одного из пифагорейцев, впервые они появляются только у Аристотеля. Аристотель опирался, например, на того же Филолая.

Первым стал считать пифагорейские монады (единицы) телесными атомист Экфант. По всей видимости, он называл единицами те мельчайшие тела, из которых состоит мир. Если Экфант действительно первым пришел к этой идее, то ее никак нельзя проецировать на раннюю школу и приписывать Пифагору. «Числовой атомизм», который, начиная с П. Таннери, приписывали ранним пифагорейцам, оказался лишь ученой конструкцией [6, с.163]. Пифагорейский «числовой атомизм» если и начался с Экфанта, на нем, скорее всего, и закончился.

Конец V-первая половина IV века до н.э. – это период наивысшего взлета пифагорейской науки и расцвета платоновской философии. На этом фоне запоздалую полемику Филолая и модификацию атомистической доктрины Экфантом нельзя рассматривать иначе как симптомы упадка пифагорейской философии, как, собственно, и досократической философии в целом.

Значит ли это, что речь идет о кончине числовой философии пифагорейцев? В каком-то смысле, да. Но непредсказуемое движение человеческой мысли уготовило ей более интересную судьбу, – едва угаснув, она возродилась вновь. Вернее, даже сказать, что именно в это время и возникла доктрина о числе как о сути всех вещей, получив именно ту форму, в которой ее восприняли последующие поколения. Но сделано это было не пифагорейцами: своим рождением тезис «все есть число» обязан Аристотелю.

Трактаты Аристотеля – неоценимый источник по пифагорейской философии. От него дошло больше сведений о пифагорейцах, чем от всех его современников вместе взятых.

Собственно говоря, Аристотель ни одного человека не называет пифагорейцем [11, с.167]. Чем это объясняется?

Здесь необходимо вспомнить, что Аристотель, будучи родоначальником историко-философских исследователей, подходил к доктринам своих предшественников, прежде всего с точки зрения собственной философии. Изложение взглядов досократиков или платоников интересовало его не само по себе, а как основа для их критического рассмотрения в ходе разработки своего учения. Вероятно, что здесь перед Аристотелем стояла сложная проблема. Взявшись за анализ философских доктрин пифагорейцев, он неизбежно оказывался перед выбором: либо излагать учения каждого из них по отдельности – тогда станет очевидным, что все они различны, либо представить их как единое целое – тогда для них нужен некий общий знаменатель, который характеризовал бы всю школу и одновременно отличал бы ее от других школ. Таким общим признаком Аристотель выбрал число. В конце концов некоторые поздние пифагорейцы действительно кое-что говорили о числе, тогда как милетцы, элеаты или атомисты вообще ничего о нем не говорили. Отыскать другой общий критерий Аристотель не захотел, а скорее всего, не сумел, ибо сделать это в самом деле чрезвычайно непросто.

Предположим, что философия числа, содержащаяся у Аристотеля принадлежит самому Пифагору. Что она собой представляет? Аристотель дает три различных и взаимно противоречивых варианта этой доктрины, а это верный признак того, что мы имеем дело с его собственной интерпретацией [13, с.169]. Во-первых, вещи являются числами, в том смысле что числа служат материальной основой мира. Во-вторых, пифагорейцы уподобляют вещи числам. В-третьих, элементы вещей являются одновременно и элементами чисел.

Очевидно, что первое положение противоречит второму: уподоблять числу можно только то, что им не является. Между тем Аристотель настойчиво повторяет, что число у пифагорейцев – это именно материальное начало, хотя и не приводит в подтверждение этого ни одного конкретного примера. Мы так и не можем сказать, какие именно вещи или элементы пифагорейцы отождествляли с числами. Зато можно смело утверждать, что о самостоятельном существовании числа вне физического мира они ничего не говорили. Эта черта характерна для всех досократиков: никто из них не говорил о самостоятельном существовании абстракций просто потому, что деление мира на материальное и идеальное еще не сложилось.

Остается лишь положение о том, что пифагорейцы уподобляли вещи числам. Здесь мы впервые становимся на более или менее твердую почву. Во-первых, об этом говорит не только Аристотель, но и Аристоксен: Пифагор, занявшись математикой, все уподоблял числам. Во-вторых, имеется несколько примеров подобных уподоблений. Впрочем, если взглядеться, что именно уподоблялось, эти примеры скорее разочаруют того, кто занимается поисками числовой философии Пифагора.

Итак, из того, что Аристотель говорит о числе, к Пифагору в лучшем случае можно отнести уподобление числам некоторых этических понятий. Очевидно, что на «числовой основе» философию Пифагора реконструировать не удастся. В то же время задача эта вовсе не безнадежна.

Понятно, что далеко не каждого, кто стремится что-либо сосчитать, следует подозревать в симпатиях к пифагорейцам. И все же есть примеры когда о влиянии их идей можно говорить с известной степенью уверенности. В таких случаях речь идет о воздействии математических открытий пифагорейцев на естественнонаучные взгляды. Вот, например, как отразились представления о пропорции в одном из гипократовских трактатов: «Если бы, действительно... было возможным найти для природы каждого человека правильную пропорцию пищи по отношению к упражнениям, причем без неточности избытка или недостатка, это было бы верным путем к его здоровью».

Всякое ли стремление опереться на исчисляемую закономерность является числовой философией? Одно дело – утверждать, что чувственно воспринимаемые вещи состоят из единиц, другое – верить, что все в мире устроено в согласии с числовым принципом и третье – искать в природе конкретные числовые закономерности. Перед нами не различные ступени числовой философии, а разнородные направления, и если первые два действительно заслуживают имени «философия числа», то в последнем направлении двигалась научная гипотеза. Именно здесь оказалось возможным не только выдвижение идей, но и их проверка, не только многочисленные заблуждения, но и замечательные научные открытия.

Литература

1. Burnet J. Early Greek philosophy. London, 1920. P. 107.
2. Gigon O. Der Ursprung der griechischen Philosophie : Von Hesiod bis Parmenides. Basel, 1945. P. 142.
3. Burkert W. Lore and science in ancient Pythagoreanism. Cambridge, 1972. P. 238-277.
4. Furley D. J. Two studies in Greek atomists. Princeton, 1967. P. 44-56.
5. Cherniss H. Aristotle's criticism... P. 385; Недоразумение с «пифагорейцем Пароном» исчерпывающе объяснил В. Буркерт (Burkert W. Op. cit. P. 170).
6. Cherniss H. Aristotle's criticism... P. 386ff.

ДАОСИЗМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВ

И. Желтовских

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

Даосизм возникает в виде самостоятельной философской доктрины в чжоуском Китае практически одновременно с учением Конфуция.

Основателем даосской философской традиции является древнекитайский философ Лао Цзы, которого принято считать старшим современником Конфуция, но вполне возможно, что он жил в более раннюю историческую эпоху. Имя Лао Цзы овеяно легендами, начиная с описания его рождения и заканчивая тем, каким способом он покинул Китай, оставив смотрителю пограничной заставы Инь Си свое сочинение «Дао-дэ цзин», которое представляет собой компиляцию из высказываний частично самого Лао Цзы, частично – его учеников. Трактат датируется IV-III в.в. до н.э., а его название обычно переводится как «Книга о пути и его проявлениях» (от дао – путь, дэ – проявление дао, цзин – авторитетность).

Под Дао понимается путь постижения законов природы посредством соответствия человеческой жизни ходу естественных природных явлений и процессов, а само учение призывает к жизни по естественным природным правилам – в соответствии с Дао, как универсальным принципом гармонии.

В даосской космологии Дао (порядок вещей) выступает как причина и источник творения и трактуется как абсолютная неподдающаяся описанию категория, некий извечный вселенский принцип. В начале трактата «Дао-дэ цзин» сказано: «Дао, о котором можно говорить, не есть дао» [1]. Далее рассматривается последовательность сотворения мира, в котором находят себя и живут люди: «Дао рождает одно, одно рождает двух, два рождают трех, трое рождает все вещи. Все вещи содержат инь и несут янь, которые взаимодействуют в неиссякаемом потоке энергии ци» [1]. Фактически даосизм представляет собой учение о некоем едином, творящем изменения начале, являющимся одновременно и потоком движения, и движущим фактором. Переводя слово «дао» как путь или порядок вещей, его описывают как не имеющее пола, но способное проявлять себя и как мужское, и как женское. Говорят о том, что слившийся сознанием с дао, начинает спонтанно следовать этому космическому порядку, чем делает свою жизнь легкой, естественной и гармоничной. Основной формой повседневной жизни здесь представляется наблюдение за природой.

Нашлось применение трактату «Дао-дэ цзин» и в военном искусстве, где он стал одним из самых почитаемых канонических текстов. Пройдя путь многочисленных редакций, переводов и толкований, текст оброс комментариями и задал направление развитию традиции единоборств, получившей название «Полет стрелы» [2]. Такое влияние даосизма на традицию военного искусства Китая тем более вероятно, что в трактате полководца VI-V в.в. до н.э. Сунь цзы «Искусство войны» представлено не только обобщение многовекового опыта военной стратегии и тактики этой страны, но и традиционное восточное представление о некоем высшем законе, которому подчинено все сущее. Сунь цзы как бы демонстрировал действие всеобщего закона в военно-прикладной сфере, а его труд на сугубо специальную тему превращался в философию военного дела, в своего рода «библию» воинского искусства, в средоточие тайного знания для посвященных. В силу

этого хранители секретов военного дела и воинского искусства – полководцы, воины-мудрецы и мастера становились одновременно носителями глубинных знаний о мире, позиционируемых как высшие ценности и идеалы культуры. Подобным перерастанием профессиональных границ и выходом к познанию некоего высшего закона, которому подчиняется все сущее, была обусловлена особая культурная значимость воинского искусства на востоке. От обычной профессии оно возвышалось до пути познания мира, самопознания и совершенствования человека.

Исторические исследования говорят, что практически все военачальники той эпохи не только практиковали отдельные виды единоборств (у-шу, дзю-дзютсу и т.д.), но многие из них становились еще и великими философами. Философский путь даосизма пересекается с традициями восточных единоборств в таких, например, представлениях, как то, что дао это есть контроль над всеми пятью органами чувств, к чему стремятся и воины, и философы. Постижение пути дао означает выход на такой уровень развития собственных способностей, когда человек одерживает полную победу над несовершенством своего тела – над слабостью, низким уровнем гибкости, всеми физическими способностями. Разумеется, в реальной жизни такая идея представляется слишком абстрактной – любой человек имеет слабости и недостатки.

Согласно же учению даосизма, человек и Космос являются одним целым. Даосы рассматривали логическое мышление как составную часть искусственно созданного человеком мира, наряду с общественным этикетом и нормами морали, которые не интересовали их целиком и полностью. Все внимание полагалось сосредотачивать на созерцании природы, что имело целью обнаружить «свойства Дао». Таким способом был выработан подход, являющийся вполне научной технологией сбора информации – посредством наиболее подробного наблюдения (сбора фактов), вплоть до отслеживания микроощущений от объектов. Только недоверие к аналитическому методу не позволяло в данном случае создавать подлинные научные теории.

Подобное тщательное наблюдение за природой, соединенное с сильной мистической интуицией, приводило даосских мудрецов к откровениям, фактически являющихся гениальными догадками, что не единожды подтверждалось впоследствии научными методами.

Литература по тематике даосизма и истории восточных единоборств обращает внимание на весьма любопытные моменты – многие мастера восточных единоборств демонстрируют даосские методы саморазвития, хотя и не причисляют себя к данной традиции.

Так Сэкигути Дзюсин разработал технику учикоми (самостраховки), гуляя по саду и случайно увидев, как с крыши дома случайно сорвалась и полетела наземь кошка, прикорнувшая подремать. Первой мыслью мастера было, что кошке пришел конец, но животное ловко перевернулось в воздухе, преспокойно приземлилось на все четыре лапы и побежало себе прочь. На мастера дзю-дзютсу произвело впечатление проворство кошки и он сам решил взобраться на крышу и по-

пробовать скатиться с нее, подложив на землю для страховки солому и камышовые маты. Взобраться на крышу и скатиться с нее ему пришлось далеко не один раз, но в результате была разработана техника такой последовательности движений, которая позволяла падать с любой крыши без всякого вреда для здоровья.

Еще одним ярким примером даосизма в восточных единоборствах является ниндзютсу – школа японских разведчиков и диверсантов. Созерцая природу, ее адепты выучивались подражать голосам многих животных, тонко отслеживать шевеление куста или колыхание ветра, с соответствующими изменениями при постороннем вмешательстве в эти естественные природные процессы. Живя в горах и соблюдая требование гармоничного взаимодействия с природой, они даже стили своей борьбы называли по аналогии с движениями или манерой поведения животных – «кото рю», что переводится как «школа нокаутированного тигра».

Таким образом, со всей уверенностью можно утверждать, что способности даосского образа жизни и наблюдения за окружающим миром легли в основу разработки технологий единоборств различных культурных традиций востока.

Литература

1. Дао-Дэ цзин: Книга о Пути жизни. М.: Феория, 2010. 704 с.
2. Малявин В.В., Виноградский Б.Б. Антология даосской философии. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1994. 448 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ»

А. В. Жидков

Северский технологический институт НИЯУ МИФИ

В рамках развития в нашей стране рыночной модели экономики граница между бизнесом и наукой становится все более тонкой, что обуславливает взаимопроникновение одной среды в другую. В результате этого процесса появилась так называемая «экономика знаний», характеризующаяся стремлением к получению прибыли от реализации новейших технологий. Ученые, создающие предприятия для внедрения своих научных достижений, теперь рассматриваются и как исследователи, и как предприниматели. Безусловно, возникла необходимость научного и социально-философского осмысления этих процессов, происходящих в научном сообществе. В связи с этим, в работах западных исследователей возникла так называемая модель «тройной спирали».

Теория тройной спирали создана в Англии и Голландии в начале XXI века профессором университета Ньюкастла Генри Ицковицем и профессором амстердамского университета Лойетом Лейдесдорфом.

Данная научная концепция предполагает взаимодействие между высшим образованием, бизнесом и властью на различных стадиях разработки и производства инновационных продуктов.

В России формирование такой системы взаимодействия по внедрению инновационных продуктов находится в начальной стадии. Особенно актуальным является вопрос о ведущих участниках инновационного процесса. В СССР целесообразность неучастия студентов и аспирантов в научных разработках, приносящих прибыль, оправдывалась тем, что все сколько-нибудь значимые исследования велись в закрытом режиме. Сегодня в условиях глобальной конкуренции отсутствие междисциплинарных и межотраслевых связей, закрытость информации становится препятствием для развития инновационных проектов молодых учёных. Принципиально важным в рамках системы высшего образования является создание структуры поддержки инновационного предпринимательства, реализующей три задачи:

1. Структурные институциональные изменения для обеспечения способности поддерживать развитие инновационной инфраструктуры.
2. Повышение эффективности использования научно-образовательного потенциала высшего образования.
3. Создание условий для развития стартующих предпринимательских проектов.

Одной из форм поддержки инновационного бизнеса молодёжи в России, являются бизнес-инкубаторы. В соответствии с приказом Министерства экономического развития РФ от 30 января 2009 г. N 31 «О мерах по реализации в 2009 году мероприятий государственной поддержке малого предпринимательства» под бизнес-инкубатором понимается организация, созданная для поддержки предпринимателей на ранней стадии их деятельности путем предоставления в аренду помещений и оказания консультационных, бухгалтерских и юридических услуг.

Первый бизнес-инкубатор появился в США ещё в 1959 году. Люди, оставшиеся без работы, открыли свои предприятия прямо в пустующих после закрытия крупных промышленных предприятий помещениях. Опыт оказался успешным. В 1985 году в мире уже действовало около 70 бизнес-инкубаторов, в 1992-м их было 470, сейчас – 1100. 50% из существующих в мире бизнес-инкубаторов действуют в США. В качестве университетской структуры бизнес-инкубаторы активно развиваются в Бразилии. На базе университетов в Бразилии создаются высокотехнологичные производства, использующие передовые технологии, созданные сотрудниками научных лабораторий университета [1, С. 14].

По данным Национального содружества бизнес-инкубаторов, в России функционирует более 80 бизнес-инкубаторов в таких городах, как Волхов, Череповец, Москва, Нижний Новгород, Екатеринбург и др. Больше всего бизнес-инкубаторов – 22 – находится в Москве. Среди них: Digital October, бизнес-инкубатор «Строгино», «Главстарт», инкубатор ГУ ВШЭ и другие. В Санкт-Петербурге инкубаторов всего три:

«Ингрия», Межвузовский бизнес-инкубатор QD, бизнес-инкубатор технопарка «Смоленка». Всего тремя инкубаторами может похвастаться «научная столица» России – Новосибирск [2, С.20].

Инкубаторы Москвы и Санкт-Петербурга, в первую очередь, выделяются объемом предоставляемых услуг и готовностью принять резидентов вне зависимости от того, где было зарегистрировано юридическое лицо проекта. При этом большинство региональных бизнес-инкубаторов рассматривают заявки на размещение только от местных проектов. Исключение – некоторые инкубаторы Казани, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга и Перми, которые оказывают всестороннюю поддержку резидентам и работают со «стартапами» из всех регионов [2, С. 25].

В Томской области первый бизнес-инкубатор был создан в Томском университете систем управления и радиоэлектроники.

Как форма поддержки инновационных бизнес-идей молодежи был создан бизнес-инкубатор и в Северском технологическом институте НИЯУ МИФИ. Сегодня в бизнес-инкубаторе функционирует 4 офиса, в которых разрабатываются проекты самой различной направленности – разработки новых материалов, аппаратов и устройств, которые могут найти применение в медицине, атомной промышленности и других отраслях народного хозяйства. Таких разработок, коммерциализованных или находящихся в стадии внедрения, достаточное количество, чтобы с уверенностью говорить об успешной работе бизнес-инкубатора СТИ. Эти примеры – отличное подтверждение слов делом. Они демонстрируют, что институт с помощью бизнес-инкубатора готовит специалистов, способных провести свою разработку от стадии проекта до серийного производства.

Сегодня бизнес-инкубаторы органично вписаны как в структуру развития предпринимательства Томской области, так и в систему высшего образования. Однако необходимым условием успешности данной формы поддержки малого предпринимательства является интеграция всех уровней системы образования. Бизнес-инкубатор должен стать связующим звеном в цепочке «школа – ВУЗ – инновационное предприятие». На основе бизнес-инкубатора должен быть создан инновационный центр, объединяющий не только студентов, но и всю молодежь города. Институт должен стать центром молодежной активности, вокруг которого будет объединяться инициативная молодежь, готовая к коммерческой реализации своих разработок.

Также необходимым условием развития является разработка в системе бизнес-инкубаторов не только технологических, но и гуманитарных проектов, в том числе – применяющих новейшие информационные технологии. Поэтому, авторам представляется рациональным создание в рамках бизнес-инкубаторов предприятий, осуществляющих информационно-аналитическое сопровождение деятельности как самого бизнес-инкубатора, так и всего ВУЗа в целом.

Литература

1. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство, Инновации в действии. Томск.: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
2. Супрун И.Н. Инновации и современность. Н.: ФСПИ «Тренды», 2010. 220 с.

ФУНКЦИИ РЕЧИ В СОФИСТИКЕ

А. Г. Ивлева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

Софистика, как область исследований и специфическая профессиональная специализация, формируется в Греции во второй половине V века до нашей эры. В условиях античной рабовладельческой демократии риторика – искусство красноречия, логика и философия отменяют в системе образования гимнастику и музыку. В судах и народных собраниях умение говорить, убеждать и переубеждать становится жизненно важным.

Древнегреческое слово «софистэс» означало знатока, мастера, мудреца, но софисты были мудрецами особого рода [1, с. 220], которых не интересовала истина (знание). Они учили искусству побеждать противника в спорах и тяжбах, выступая в судах, где до правды никому не было дела, а важна была только убедительность. Поэтому слово «софист» приобрело предосудительный смысл. Под софистикой стали понимать умение представлять черное белым, а белое – черным. Тем не менее, именно софисты стали теоретиками риторики, в центре внимания которых находилось слово. Они создали науку о слове, а в философии привлекли внимание к проблеме человека, общества, знания [2, с. 19].

Первые школы красноречия возникли в городах Сицилии. Историко-философские исследования наиболее интересной считают деятельность таких софистов, как Протагор из Абдер, Гиппий из Элиды, Продик с Кеоса и Горгий из Леонтин [3, с. 66].

Софисты учили, что объективный мир непознаваем. Однако они были релятивистами (учение о том, что все в мире относительно) из-за чего отрицали не истину, а объективную истину, принимая только истину субъективную. По их словам в мире нет объективного критерия добра и зла: «Что кому выгодно, то и хорошо, то и благо». Софисты не представляли единой школы и вечно соперничали друг с другом [1, с. 221].

Речевые средства, которые использовались софистами – говорить слишком быстро, чтобы противник не мог уяснить смысл его речи; нарочито растягивать свою речь, дабы противнику было трудно охватить весь ход рассуждений; стремиться вывести противника из себя, ибо в гневе уже трудно следить за логичностью рассуждений; разрушать серьезность противника смехом, а затем приводить в смущение, неожиданно переходя на серьезный тон и т.п. – являлись внешними приема-

ми. Характерны для софистики и особые логические приемы. Прежде всего, нарочитые паралогизмы, то есть мнимые силлогизмы. А именно двусмысленность (амфиболия) и многосмысленность (омонимия) словесных выражений [4, с. 405].

Придавая особенное значение человеческому слову, софисты создали небывалое превознесение риторики в античной Греции, используя слово для разных жизненных целей. «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить» – сказал Горгий. Сила убеждения, которая присуща слову, способна противопоставлять мнение мнению, удаляя одно мнение и вселяя другое. Из словесных состязаний в народных собраниях, в которых одна речь, искусно составленная, но не соответствующая истине нравится народной массе и убеждает ее. Также имеет значение быстрота ума, с легкостью меняющая веру на мнение. Одни речи могут опечалить, другие обрадовать, третьи устрашают, некоторые же отравляют и околдовывают душу, склоняя ее к чему-нибудь дурному [2, с. 30].

Мы не ошибемся, если скажем, что только софисты впервые заговорили в Греции о силе слова и построили теорию этой силы.

Риторика, поэзия и художественная проза – это уже разделы искусства. Однако прежде чем перейти к софистическим теориям искусства, необходимо обратить серьезное внимание на то, что софисты, ввиду своего интереса вообще к слову, много занимались теорией слова и помимо его художественного употребления. Особенно углублялся в словесную семантику Продик. Продик занимался учением о правильности имен, а конкретно анализом синонимов. Он тщательно различал: «общее» и «одинаковое», «спорить» и «ссориться», «одобрение» и «хвалу», «удовольствие» и «наслаждение», «хотеть» и «желать», «становиться» и «быть», «ужасное» и «тяжелое», «учиться» и «изучать», «мужество» и «отвагу». Они представляли собой очень острую антитезу к древней натурфилософии, так как меньше всего интересовались реальными предметами и больше всего разными актами человеческого сознания. Дело, конечно, этим не ограничивалось. Софисты являлись также первыми греческими грамматиками. Протагор учил о глаголе и о грамматических родах. Протагор разделяет всякую речь на четыре отдельные части: просьбу, вопрос, ответ и приказание. Фрасимах стал учить о членах предложения, о периодах и о переносных значениях в языке. Фрасимах и Горгий были первыми, которые «подчинили речь искусству». Горгий определял риторику как искусство речей и специально занимался теорией судебного и политического красноречия [2, с. 33].

Что же такое речь? Речь определяется как деятельность говорящего, использующего средства языка для общения с другими членами данного языкового коллектива (говорение) или для обращения к самому себе. Разновидность общения при помощи языка характеризуется отбором тех или иных лексических и грамматических средств, в зависимости от условий и целей коммуникации. Речь необходима для

общения и формируется в процессе общения. Для человека наиболее совершенная форма общения – это говорение, помимо жестов, символов, звуков, так как у человека со словом связано представление о предмете или явлении. Речь – это контакт с другими людьми, будь то публика или один человек, причем либо непосредственный, либо опосредованный контакт.

В основном выделяют два вида речи: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя речь – это речь про себя. Она участвует во всех мыслительных процессах. Именно она является материальной оболочкой мысли в тех случаях, когда мы думаем. Для этой речи отсутствует звуковое выражение, но, несмотря на это, внутренняя речь подчиняется всем правилам грамматики, свойственным языку определенного человека. Внешняя речь может быть устной и письменной. Устная речь существует в виде монолога (речь одного лица) и в виде диалога (разговор с одним или несколькими собеседниками).

Внутренняя и внешняя речь тесно связаны между собой. Мысль говорящего человека не обязательно занята только тем, что он в данную минуту произносит: он может думать о том, что ему еще предстоит сказать, у него может «промелькнуть» мысль даже не связанная с его высказыванием. Правильная, яркая, энергичная, красивая речь должна быть содержательной, понятной для собеседника или собеседников, выразительной и воздейственной (влиять на мысли, чувства, волю, поведение и убеждения людей). Речь может быть деловой, обиходной, профессиональной, официальной, поэтической и разговорной [5, с. 43].

Языковой элемент любой речи – это слово. Мы с детства знаем, что язык состоит из множества слов, в школе учимся их склонять и спрягать, пользуемся словарями. Вряд ли кто задумывался над тем, сколько слов входит в одну лишь его фразу. Но очевидно, что слово – это единица языка. Функции слова следующие: коммуникативная, то есть назначение слова является быть средством общения и сообщения; номинативная (назывная), то есть служить наименованием предмета или явления; эстетическая – назначение слова служить средством художественной выразительности. Слово это центральная, относительно самостоятельная и свободно воспроизводимая значимая единица языка, выполняющая коммуникативную, номинативную и эстетическую функции [6, с. 18].

Софисты впервые усматривают в слове своеобразный элемент, стихию, в которой осуществляется мышление. Мышление и речь в их глазах сливаются, чему способствует и то обстоятельство, что в греческом языке слово «логос» означает и речь, и ее смысл, и ее значение. И не случайно современная «семасиология» (раздел языкознания, изучающий значения слов и их изменения) ведет свою родословную от Протагора. Анализ бытия, движения, прерывности и непрерывности уступает место анализу смыслов и значений слов [7, с. 23].

Выступая на публике (на собраниях и судах) софистам приходилось использовать огромный запас слов. Речь их была четкой, краси-

вой, выразительной, поэтому необразованные или малообразованные люди считали таких людей мудрецами и знатоками своего дела. Чтобы использовать подобное красноречие необходимы годы тренировок или талант. Протагор: «Труд, работа, обучение, воспитание, мудрость образуют венец славы, который сплетается из красноречия и возлагается на голову тем, которые его любят, труден, правда, язык, но его цветы богаты и всегда новы, и рукоплещут зрители и учителя радуются, когда ученики делают успехи, а глупцы сердятся, – или, может быть они и не сердятся, так как они недостаточно проницательны. Их речь должна быть связной, грамотной и порой не по существу, доказывая тезу или антитезу. Умение вскрыть в утверждениях собеседника парадокс, противоречие, поставить его в тупик, переспорить, вынудить его говорить прямо противоположное тому, что он говорил минуту назад – это речевое качество любого из софистов. Фраза «Человек есть мера всех вещей» и означает, что как человек оценит эту вещь, так оно и правильно.

Целью софистов являлось найти общетеоретический принцип исследования языковых процессов и их реализацию в речевой деятельности человека. Для них речь служила способом выражения своих мыслей, идей и доведения до слушателя той или иной информации. Софисты – это «и философы, и ораторы, и поэты, и драматурги, и учителя, и воспитатели молодежи» греческого народа того времени.

Литература

1. Чанышев А.Н. История философии Древнего мира. М.: Академический Проект, 2005. 608 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 540 с.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2003. 400 с.
4. Чанышев А.Н. Антология мировой философии. М.: «Издательство АСТ», 2001. 960 с.
5. Ковтунова И.И. Несобственно прямая речь. М.: Азбуковник, 2011. 420 с.
6. Алпатов В.М. Языки и люди. Курс лекций. М.: Институт лингвистики РГГУ, 2011. 304 с.
7. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 462 с.

«ТОЛКИЕНИСТЫ» В КАЗАХСТАНЕ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ СУБКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

В. Ю. Корнева, Л. И. Щербак

*Томский сельскохозяйственный институт –
филиал ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный аграрный университет»*

Научный руководитель: В.Ю. Корнева, к.и.н., доц.

Сегодня в России насчитывается немалое количество различных направлений ролевого движения. Наиболее часто в интернет-пространстве обсуждаются три одновременно похожих, но очень разных

«ветви», в обыденности именуемых «историками», «текстовиками» и «толкиенистами».

В данной статье рассматривается группа, называемая «толкиенистами» на примере сообщества, организованного в 2000 г. в г. Курчатове Восточно-Казахстанской области. Материалом исследования послужило интервью с одним из участников ролевого движения г. Курчатова, проживающим в настоящее время в г. Томске.

Исходя из существующих на сегодняшний день в теоретической культурологии подходов, можно акцентироваться на следующих структурных элементах, характеризующих природу субкультуры: история возникновения и развития, организационно-практический уровень функционирования группы, мировоззрение. В частности, последнее предполагает акцентирование на таких аспектах, как личностная и социальная характеристика норм, правил и представлений «толкиенистов», способы внешнего самовыражения сути направления. В целом появление и развитие субкультурного движения «толкиенистов» связано с популярностью эпопеи «Властелин Колец», написанной Дж. Р. Р. Толкиеном, которая впервые увидела свет в середине прошлого века. Впоследствии это обусловило несколько волн популярности литературного жанра фэнтези.

Суть деятельности сообщества «толкиенистов» – ролевые игры, в основе которых лежит театрализованное воспроизведение событий, описанных в книгах Дж. Р. Р. Толкина и впоследствии экранизированных, а также других авторов жанра фэнтези. В мировоззренческом плане волшебный мир профессора Толкиена представляет собой синтез христианства, мистицизма, языческих культов и базируется на представлении о дихотомии света и тьмы. В группах ролевиков принято переносить на себя имена персонажей книг, называясь представителями волшебных народов, описанных в литературе: эльфами, гномами, орками, гоблинами, хоббитами и т.п.

Развитие субкультурного движения в Казахстане, а конкретно в г. Курчатове, связано с пришлым влиянием. В город его привезли студенты. Согласно сохранившимся сведениям от участников группы, это были двое студентов, приехавшие из европейской части России в национальный Ядерный Центр Республики Казахстан для прохождения практики. Их общение с городской молодежью привело к определенным результатам – идеи ролевого движения постепенно стали распространяться в местной среде. Итогом такого влияния стала образовавшаяся примерно к лету 2002 г. единственная в городе группа, которая и обозначила зарождавшееся в Казахстане движение «толкиенистов».

Изначально группу идеологических лидеров образовывал немногочисленный контингент, состоящий их 4-х человек, старшему из которых было 27 лет. Они занимались идеологическо-организационной работой, развивая новое движение. Общее количество участников из числа людей, приходивших на тренировки и игры, колебалось от 15 до 50 человек в зависимости от сезона, выбранного сюжета и других факторов. Возрастной состав участников дифференцировался от 13 до 29 лет.

Если в целом пытаться охарактеризовать организационную структуру движения, то нужно отметить, что это закрытая группа, не приемлющая вмешательства извне в свою деятельность. Подобная ситуация преследует вполне конкретную цель – стремление избежать непонимания своей деятельности, обычному обывателю представляющейся странной. Следствием данного фактора является отсутствие в данной статье упоминаний фамилий и имен участников движения.

Ролевики являются хорошо организованной командой, ориентированной на самодисциплину и самоконтроль, а также большое желание и стремление к воплощению своей основной формы деятельности – «отыгрыванию» сценария. Основная масса коллектива – игроки, деятельность которых организуют и направляют мастера, являющиеся, по сути, сценаристами и режиссерами предстоящих игрищ. Их задача – выбрать конкретный сюжет в книге и переработать его исходя из задач и количества участников будущей игры. Они также несут некую долю ответственности за безопасность участников группы, т.к. основное содержание игр – это бои между расами.

Обычно «игрища» проводились в 20 км от г. Курчатова на правом берегу реки Иртыш, недалеко от старого заброшенного военного городка, опустошенного здания завода и смешанного леса. Местность соответствовала представлениям ролевиков и конкретным ролевым задачам – наличие «крепости» в виде завода, леса для эльфов и реки для других персонажей. Местность получила свое особенное название – «Орочье поле». Нужно отметить, что это этноним, изобретенный и используемый в рамках группы самими ее членами.

Как правило, играм предшествовали тренировки, на которых новичков обучали военному искусству. Основной состав участников в подавляющем большинстве мероприятий мужского пола, что связано со спецификой ролевого движения в целом. Продолжительность игры могла растягиваться на несколько дней. Игры практиковались в основном, начиная с мая и продолжались до середины сентября. Летом игра могла длиться порядка двух недель.

Зона мероприятия, где «отыгрывались» сценарии написанные мастерами, выглядела следующим образом. Недалеке от места основного действия ролевики устанавливали палаточный лагерь с полевой кухней. Каждый член группы привозил с собой палатку, спальный мешок, продукты и т.п. вещи. Лагерь старались обустроить, занимаясь хозяйственными работами, обязательно организовывали дежурство по кухне, уборку и т.п. Основной командный инвентарь – это оружие, доспехи, одежда. Они изготавливались участниками в основном самостоятельно из подручных материалов в зависимости от персонажа, например, мечи были в основном деревянные. В целом, на всю команду насчитывалось всего порядка пяти настоящих мечей, которые в целях безопасности не затачивались.

На каждый запланированный день игры под руководством нескольких мастеров «отыгрывались» конкретные сюжетные линии. Сообщество, как правило, делилось на несколько групп по национальному

признаку – на роханских всадников, эльфов лориэна и т.п. Сама игра есть некое непрерывное действие, во время которого каждый участник погружается в своего персонажа – его мировоззрение и мировосприятие. Обычно, каждый ролевик выбирает себе одного определенного героя и всегда играет роль этого персонажа.

Позиционируя себя в определенном образе, каждый член группы ориентировался либо на «светлую» силу, либо мог быть приверженцем взглядов «тьмы». Например, в одну из игр лета 2006 г. в качестве сюжета было выбрано событие взятия города-крепости Минас-Тирита, в котором объединенные войска Саурона – мага, воплощающего зло, и его последователя мага Сарумана, атаковали последний оплот людской расы. По сюжету на помощь войскам человеческой расы пришли представители светлых сил – эльфы и роханцы (кочевники). Когда город почти пал и был захвачен, героически возник Гэндальф – представитель светлых магических сил. Всадники рохана убивают представителя зла – Ангмарца – полководца, возглавляющего «темные» войска, и последние отступают в бегстве. Итогом сюжета становится погоня и финальный бой участников группы, в результате которого все орки должны попасть в страну мертвых.

В целом, казахстанские ролевики не были связаны ни с какой идеологией и не преследовали целей кроме тех, которые касались непосредственно деятельности субкультуры. Для умеренных ролевиков, к которым они относили себя, более характерно простое желание общаться с единомышленниками и тяга к театрализованным, отчасти экспромтным, представлениям. Хотя в практике есть примеры того, когда ролевое движение несло социальный протест, например как это было в случае с питерской группой «Грибные эльфы».

Стоит так же помнить, что игры для данного сообщества это не просто пикники на природе, это шанс показать себя, свое актерское мастерство при исполнении выбранной роли, продемонстрировать таланты по пошиву одежды и конструированию доспехов или оружия.

Интересен личностный мир ролевика. Обычно, это мирные, отзывчивые и добрые люди, они всегда готовы помочь даже незнакомому человеку. Впрочем, очень многие представители данного движения не считают себя людьми, убеждая всех окружающих в своем эльфийском/гномьем/орочьем/ и даже хоббитском происхождении, фактически, ассоциируя себя непосредственно с ролью, которую они выполняют в игре. У ролевиков также есть подобие религиозных представлений, они почти все верят в Эру Илуватара – единого Бога-Творца, а также в магию.

Своеобразие внутреннего мира данной субкультуры выражается так же и в вербальной форме. Сленг – это своеобразный механизм идентичности группы. Именно по сленгу можно узнать в человеке ролевика. В словарном запасе ролевиков очень много разнообразных сленговых форм. Например, людей, не участвующих в ролевых играх принято называть «цивилы», а вот представителей мирного населения, встреченного во время игры, называют «аборигенами». В полевой кухне, которая именуется «кабак», «таверна», к чаю ролевики употребляют

ют «балабаски» – обычные сладости, пьют сок, называя его «здраву-ром». Днем отряды выполняют «квесты» – задания мастера и заранее оговоренные основные события сюжета, «выносят» лагерь в фехтовании – побеждают, захватывают противников. Проигравшие отправляются в «мертвятник» – место на территории полигона, где находятся условно-мертвые – персонажи, которые «погибли» в ходе игры. Они же описываются в «книге мертвых» – в тетради-дневнике мастера с подробностями смерти – при каких условиях, событиях и от чьей руки пал конкретный участник игры. Вообще, нужно иметь в виду, что сленговых выражений у ролевиков очень много и, порой, они, становясь привычными на полигоне, вырываются из уст ролевиков в обычной жизни.

Внешний вид ролевика в повседневной жизни отличался незначительно. Многие отдают предпочтение натуральным тканям и природным цветам, носят длинные волосы, часто – кольца, браслеты или кулоны ручной работы, как правило, из серебра с изображениями драконов, волков, фей, мифических животных, кельтских символов, не часто, но встречаются и украшения из золота. В целом, «толкиенисты» не стремятся к эпатажу, как, например представители других субкультур – готы или эмо. Они обычно не выделяются в толпе, например при помощи одежды.

Еще одной чертой жизненно-практического уровня данной субкультурной группы является то, что больше всего в ролевом движении так называемого «офисного планктона» и людей с нормированным рабочим графиком.

Особенное место также занимают способности участников сообщества в музыкальном творчестве. Подавляющее большинство ролевиков умеют играть на каких-либо музыкальных инструментах, в большинстве случаев – на гитаре. Все умеют петь. Песенный репертуар ориентируется на исполнительство произведений Хелависа (группа «Мельница»), группы Ария, а так же Тэма Гринхилла, Йовина, Сауроныча, Дэна Назгула и других так называемых «менестрелей», исполняющих музыкальные композиции в стиле фолк. «Толкиенисты» достаточно мало танцуют. Возможно причина этого заключается в том, что танцы считаются исключительно женским занятием, а среди «бесстрашных воителей» все же гораздо больше представителей сильного пола, предпочитающих «бессмысленным телодвижениям» посиделки под гитару.

В настоящее время деятельность казахстанских ролевиков практически дезорганизована, что связано с тем, что большинство участников сообщества разъехались по различным регионам, в том числе – России. Часть ролевиков приехала в г. Томск.

Таким образом, деятельность сообщества «толкиенистов» г. Курчатова, активно реализовавшего ролевые игры на основе сюжетов Толкина, характеризует собой наиболее типичный пример проявления субкультуры. Исходя из принципов культурологического подхода, представленный мир ролевиков, был рассмотрен сквозь призму категории «мировоззрение». Тем самым, удалось установить, что мировоззрение субкультуры ориентируется на стремление максимально

реалистично следовать воображаемому миру. Это проявляется не только при помощи средств, характеризующих материальную культуру общества и проявляющихся в костюме, вооружении, выбранной для игры местности, но также и в духовном конструировании своего собственного мироощущения и миропредставления, исходя из принципов существования «особенного мира», придуманного автором произведений, воспроизводимых в ролевых играх.

ФЕНОМЕН «КРАЙНЕ ПРАВЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ)

А. Ф. Крылова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: Г.Е. Боброва, к. соц. н., доцент

Крайний национализм и правый радикализм – одна из существенных тенденций общественного развития современной Европы. Существует много вопросов и споров относительно этого феномена. Например, почему возникли партии крайне правого толка? Почему в последние годы эти партии имеют успех на выборах? И самый главный – вопрос об определении, терминологии.

В западных общественных науках используются различные понятия для характеристики данного феномена: фашизм, неонацизм, крайне правые, радикальные правые, новые радикальные правые, правый экстремизм, популизм и др. Такое изобилие терминов вызывает тревогу исследователей, поскольку, используя их, они не уверены, что имеют в виду одно и то же. Спектр крайне правых политических партий чрезвычайно широкий: Национальный фронт (FN) во Франции, Национальный Альянс (AN) в Италии, Фламандский Интерес (VB) в Бельгии, Австрийская партия свободы (FPÖ) в Австрии, Норвежская прогрессивная партия (FRPn), Датская прогрессивная партия (DPP), Шведская народная партия (SVP) и др. Встает вопрос: «Какое понятие следует употреблять в отношении этих партий?». Ответим последовательно на поставленные вопросы.

Что касается появления феномена «крайне правых», то с точки зрения западных исследователей, это было связано с радикальными изменениями в мировой системе. Так, Пол Хайсворт отмечает, что в последней четверти 20 века изменилась ситуация в мире: закончилась «холодная» война, произошел отход от коммунистических идей, ускорился процесс глобализации, европейской интеграции, усилились миграционные потоки [2, с.2]. Эти события дали возможность развиваться идеям «крайне правых», которые сделали акцент именно на эти проблемы.

Основным положением современной правой идеологии является мысль, что представители различных культур не могут жить рядом друг с другом без конфликтов. В результате делается вывод: люди раз-

ного культурного происхождения не должны смешиваться. При этом иммигранты из неевропейских стран воспринимаются в качестве прямой угрозы. В риторике правых экстремистов иммигранты предстают экономическими паразитами. Чаше других встречаются аргументы вроде: «Они отнимают нашу работу» или «Они используют нашу систему благосостояния». Иммигрантов считают угрозой коренному населению страны, их называют ворами, насильниками и криминальными элементами. И, наконец, иммигранты из неевропейских стран считаются угрозой европейской культуре и ее национальной самобытности.

«Крайне правые» обычно ассоциируются с лицом или группами лиц, которые имеют крайне националистические, ксенофобские, расистские, религиозные, фундаменталистские или реакционные взгляды. Идеи «крайне правых» развились на основе идей фашизма и нацизма. Неслучайно праворадикальные партии в послевоенное время называли «неофашистскими» и «неонацистскими», правда, по разным оценкам этот период был ограничен: 1960-ми гг. (П. Хайсворт) [2,с.8] или 1980-ми гг. (Игнази) [2,с.8]. В последние годы наиболее значительными в академической дискуссии стали термины «крайне правые» и «популизм» [4,с.5].

Суть феномена «крайне правых» состоит в том, что его развитие происходило в новых исторических условиях (послевоенное время). То есть идеи фашизма и нацизма трансформировались, изменились в условиях нового времени. Как отмечает Пол Хайсворт, после антифашистской победы, в условиях экономического роста, снижения уровня безработицы и дискредитации псевдонаучного расизма, «крайне правые» занимали фактически маргинальные позиции и не пользовались широким успехом. «Однако, по мере того, как 20в. приближался к своей последней четверти, дистанция от 1937-1940-х гг. становилась все больше и живая память об этом турбулентном периоде становилась все меньше. Новые политические движения значительно повысили уровень поддержки путем апелляции к чувствам, которые, по мнению многих обозревателей, принадлежали к мусорному ящику истории» [2, с.2]. Фактически, «крайне правые» – это движение, отражающее существующие проблемы в европейском обществе с радикальных позиций.

В отношении определения «крайне правых» политических сил следует заметить, что проблему их категоризации затрагивает каждый из исследователей данного феномена. И эта проблема является на сегодняшний день основной. Сравнивая разные определения и толкования правых идей можно прийти к выводу, что однозначного понимания феномена «крайне правых» нет. Соответственно нет и конкретного определения в научной литературе

Например, британский политолог и историк Р. Гриффин утверждает, что «правый» – это продукт современности и стремление к альтернативной современности. Гриффин использует понятие «новый правый радикализм» и понимает под ним ««этнократический либерализм» – гибрид идеологического экстремизма и демократического «конституционализма», не отрицающего либерально-демократическую

систему в целом, но настаивающего на этноцентризме в вопросе установления критериев принадлежности к гражданской общности того или иного государства [2,с.17]

Бельгийский политолог К. Мудде говорит о том, что праворадикальные партии придерживаются «идеологии, которая представляет собой сочетание нативизма, авторитаризма и популизма». Нативизм, в терминах Мудде, это идеология, в соответствии с которой: а) государства должны быть населены исключительно членами коренной группы и б) не-коренные элементы (люди и идеи) представляют собой основную угрозу однородному национальному государству [4,с.8].

Роджер Итвул отмечает, что «крайне правым» сегодня свойственны 4 черты: анти-демократия; национализм; расизм; сильное государство [4,с.8]. По мнению Р. Итвула, среди ученых растет число тех, кто принимает охотнее термин «популист», чем термин «крайне правые». Однако с точки зрения ряда исследователей (Р. Итвул, П. Хайсворт и др.), понятие «популизм» и в США и в Европе скорее выглядит как стиль деятельности политических партий, чем как специфическая форма мысли. Популизм – это важная черта «крайне правых», выражающаяся в критике представительной демократии, которой они предпочитают прямую с широким использованием референдумов, народных консультаций и инициатив. И хотя «крайне правые» не выступают открыто против либеральной демократии, они склонны к экстремистским дискурсам и позициям, которые отличаются от ценностей политического порядка, в котором они действуют. Их поддержка узкого, этнически обусловленного, «исключающего» (inside) представления о нации, сочетается с авторитарными политическими перспективами, что способствует восприятию таких партий как экстремистских. П. Хайсворт отмечает и тот факт, что крайне правые вбирают в себя идеи, как популистские, так и фашистские [2,с.21]. Например, культ лидерства и враждебности к «политическому классу» имеют отголоски фашизма. А популизм проявляется в использовании лидерами крайне правых «языка улицы», подчеркивании своего происхождения из народа и общих с ним историко-культурных традиций.

М. Микенберг для характеристики крайне правых использует понятие «правый радикализм», под которым он подразумевает политическую идеологию, базирующуюся на ультранационалистических представлениях и направленную против либеральной демократии (с ее индивидуализмом и универсализмом) и ее основных ценностей – свободы и равенства [3,с.38].

Где же проходит граница между популизмом, радикализмом и экстремизмом? Четкого ответа на этот вопрос до сих пор не дано. В каждой европейской стране существуют свои «крайне правые» партии. Выявить их общие положения и черты крайне сложно. Как отмечает С.В. Погорельская в статье «Методологические проблемы исследования правого радикализма», все крайне правые партии – «особенные» [6,с.6-7]. Особенность заключается в том, что каждая партия «опирается на такие категории «особенного», как «национальный

характер», «народ», «раса», «национальная культура»». Праворадикальные партии базируются на разных культурно-исторических фундаментах. Учитывая это, обществоведы заключают, что при исследовании феномена «крайне правых» нужно рассматривать каждую страну в отдельности.

Литература

1. Погорельская С.В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма // Актуальные проблемы Европы. Правый радикализм в современной Европе: – сб. науч. тр. / Ред.-сост.С.В. Погорельская. – М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 6–15 (*Сборник*)
2. Hainsworth Paul . The Extreme Right in Western Europe. Taylor & Francis e-Library, 2008. 160с. (*Монография*)
3. Minkenberg Michael . The radical right in Europe today: Trends and patterns in East and West // Nora Langenbacher, Britta Schellenberg. Is Europe on the “Right” Path? Right-wing extremism and right-wing populism in Europe. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011. С. 37-57. (*Сборник*)
4. Western Democracies and the New Extreme Right Challenge / by Roger Eatwell (Editor), Cas Mudde (Editor). Taylor & Francis Group, 2004. 216с. (*Монография*)

КОНЦЕПТОСФЕРА ЛИЧНОСТИ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Ю.В. Суржанская

*Томский сельскохозяйственный институт –
филиал ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный аграрный университет»*

Одной из широко обсуждаемых проблем аналитической философии является проблема индивидуального языка. Вокруг вопроса о существовании индивидуального языка развернулись настоящие баталии, в которые включились многие известные философы, признанные авторитеты аналитической традиции. С 1976 года, когда Р. Фогелин впервые связал проблему следования правилу с вопросом о существовании индивидуального языка, к дискуссии подключились К. Райт, К. Пикок, С. Крипке, Г. Бейкер и П. Хакер и многие другие. В этой статье мы попытаемся дать свое видение и решение данной проблемы.

Что такое индивидуальный язык? Или перефразируем: когда язык можно назвать индивидуальным? А. Айер, одним из первых высказавшийся по данной проблеме, пишет: «О языке можно сказать, что он индивидуален, когда он приспособлен для общения ограниченного числа людей так, чтобы оставаться непонятным тем, кто находится вне этой группы. ...Такие языки не являются строго индивидуальными в том смысле, что только один человек употребляет и понимает их, но такие языки вполне могут быть. ...С этой точки зрения индивидуальный язык делает тот простой факт, что он выполняет свою цель, будучи понятным только одному человеку или ограниченному множеству людей» [1, с. 102]. Если индивидуальный язык способен перевести в

общие языки или понять достаточное количество людей, то такой язык перестает быть индивидуальным [1, с. 102].

Таким образом, язык будет индивидуальным в том случае, если выполняется два условия: во-первых, этим языком владеет только один человек; во-вторых, этот язык нельзя перевести на общепонятный всем язык.

Метафорически проблему существования индивидуального языка философы сформулировали как феномен Робинзона: может ли изолированный Робинзон обладать своим индивидуальным языком? На одной стороне баррикад философы во главе с известными витгенштейноведами оксфордскими философами Г.П. Бейкером и П.М.С. Хакером, которые считают, что такой опыт возможен, на другой – философы, которые поддерживают С. Крипке и являются противниками данной идеи. Рассмотрим дискуссию об индивидуальном языке более подробно.

Позиция С. Крипке [2] состоит в том, что при употреблении слова мы не фиксируем его значения. То, на что мы опираемся, есть не более, чем иллюзия стабильности значения, которая дает нам впечатление, что мы понимаем, что подразумеваем под тем или иным словом. Есть только иллюзия значения, но без этой иллюзии язык будет недееспособен. Кто же создает эту иллюзию? Сообщество, говорит С. Крипке. В реальной практике индивид при словоупотреблении фиксирует лишь ситуацию одобрения такого словоупотребления от других участников коммуникации. Естественно, что изолированный Робинзон не способен продуцировать и поддерживать такую иллюзию, поэтому, по мысли С. Крипке, индивидуальный язык невозможен.

В противовес С. Крипке и Н. Малколму, Г.П. Бейкер и П. Хакер [3] говорят, что индивидуальный язык возможен. Они указывают, что для успешного функционирования языка необязательно наличие сообщества, достаточно субъективной регулярности, повторения действий. Если Робинзон постоянно употребляет языковые выражения по отношению к одним и тем же предметам, фактам, событиям, если такое употребление становится для него привычным, тогда можно с одной стороны, считать, что он стабильно использует язык, а с другой, он понимает, в каком смысле употребляет слова. Другими словами, у Робинзона может быть свой индивидуальный язык.

Таким образом, С. Крипке считает, что основной параметр – языком может владеть только один человек, – невыполним, поскольку в этом случае индивид не сможет поддерживать иллюзию значения. В то время как Г.П. Бейкер и П. Хакер считают, что это возможно, поскольку для стабильного существования языка достаточно определенной периодичности в действиях индивида. В проанализированных позициях, несмотря на их противоположный характер, есть один общий момент – и С. Крипке, и Г.П. Бейкер, П. Хакер спорят лишь о возможности существования индивидуального языка. Они строят теоретические конструкторы и модели. Философы осознают, что реальное создание индивидуального языка столкнется с непроходимыми трудностями, если рассматривать язык не только как словарный запас,

а как структуру с грамматикой, синтаксисом т.д. В отличие от аналитических философов мы считаем, что индивидуальный язык существует, но существует в своеобразной форме – форме индивидуальных концептов.

Индивидуальные концепты – тема относительно новая в науке. Понятие концепта как объект исследования в отечественной лингвистике появилось в 90-х годах XX века. Когда в конце XX века началась вторичная гуманизация лингвистики, то в фокус ее интересов вошло многое из того, что раньше оставалось за рамками исследований: отражение в языке духовного опыта человека, внутренние образные ассоциации, эмоциональные состояния, этические принципы поведения, процессы чувственного и эстетического восприятия мира, система ценностей. В итоге для объяснения многообразия действительности одного понятия стало не достаточно. Возникла потребность в новой синтетической форме мышления, которой как раз стал концепт. Исследования концептов привели к выводу, что существуют некие общекультурные концепты, отражающие специфику национального сознания, и индивидуальные концепты, которые возникают в сознании человека в процессе его жизнедеятельности. Человек, овладевая языком, приобщается к коллективному опыту сообщества, в котором он живет, «впитывает» концепты, формирующие концептосферу этого языка. Однако в процессе взросления в содержание концептов включается личный опыт носителя языка, и это придает концептам индивидуализированный характер. В голове человека появляется своя концептосфера, которая по своему содержанию может отличаться от концептосферы национального языка. Отстаиваемый нами тезис состоит в том, что концептосфера человека, включающая только индивидуальные концепты, и будет являться индивидуальным языком человека.

Чтобы доказать этот тезис, попробуем разобраться, что такое индивидуальные концепты. Для этого проведем четкое разграничение индивидуальных и культурных концептов.

Культурный концепт, сформировавшись в определенный момент времени, исторически изменяется очень медленно. Если изменения происходят, то временной промежуток столь удлинен, что проследить это не всегда возможно даже на протяжении нескольких поколений. Если изменения происходят быстрее, то это чаще всего связано с появлением новых культурных концептов, социальными и экономическими процессами, которые меняют сам язык этноса.

В отличие от культурного концепта индивидуальный концепт меняется постоянно под влиянием любой информации, поступающей в сознание индивида, и особенно влияют на концепт эмоциональные переживания индивида. Эмоции могут полностью трансформировать индивидуальный концепт, дополнить его ярким ассоциативным рядом, оценочными суждениями и т.д.

Индивидуальные концепты, несмотря на свою индивидуальность, не носят узкий характер. Индивидуальные концепты формируются в широком контексте – контексте восприятия мира индивидом. Эта

мысль прекрасно подтверждается рассуждением Л. Леви-Брюля: «Когда я вижу свою собаку или свою лошадь, я вижу их, конечно, с их индивидуальными особенностями, но вместе с тем я вижу их как принадлежащих к виду собаки и лошади. Строго говоря, образ собаки или лошади может образоваться в моем зрачке и появиться в моем сознании как особь лишь тогда, когда я не обращаю на него внимания. Но как только я воспринимаю этот образ, он становится неотделимым от всего того, что вызывается в моем сознании словами «собака» и «лошадь», т.е. от бесконечного количества других потенциальных образов, похожих на первые, но также и от того непрерывного сознания, которое имеется у меня одновременно о себе, обо всем мире возможного опыта, логически упорядоченного и мыслимого» [4].

В таком понимании мир индивида – это мир его концептов. Богатство индивидуального концепта зависит от национального, сословного, профессионального, семейного, личного опыта человека. Культурные концепты в отличие от индивидуальных концептов связаны не с опытом человека, а культурой.

Где же хранятся концепты? Если индивидуальные концепты хранятся в сознании индивида, то культурные концепты, с нашей точки зрения, хранятся в коллективном языковом сознании. Это общенародное достояние, хранящееся посредством языка в памяти народа. Культурные концепты образуют концептосферу народа.

Чтобы продемонстрировать на конкретном примере, как различаются культурные и индивидуальные концепты, обратимся к работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [5]. В этой работе мы находим примеры индивидуального и культурного концептов в рамках сравнения образа демона у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Демон Пушкина – это типичный русский бес. Обращаясь к теме нечистой силы, Пушкин изображал ее так, как себе представляют ее русские люди. У Пушкина, таким образом, демон – это культурный концепт, который берет истоки в концептосфере русского народа. Другое дело, демон у Лермонтова. Он порочен и жесток, но и красив при этом, призывает к познанию, свободе. Корни этого образа Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров находят в разных источниках: «... ясно, что демон Лермонтова – это не бес Пушкина, Евангелия или фольклора. Лермонтовский демон – это явление явно земное, он не имеет корней в национальной действительности. Источники влияний мы указали выше: они были как косвенными (Мильтон, Байрон, Гете и др.), так и прямыми (поэма А. де Виньи «Элоа, или Сестра ангелов»)» [5, с. 262]. Лермонтов, преломив через себя эти источники, создал свой индивидуальный концепт. Он оторвался от национальной концептосферы, но заметим, что впоследствии этот индивидуальный концепт станет также народным.

Резюмируя вышесказанное, можно так развести индивидуальные и культурные концепты. Отличие индивидуальных концептов в том, что они именно индивидуальны, субъективны, текучи, изменчивы, формируются и через усвоения языка и через личный познавательный и эмоциональный опыт, находятся в сознании индивида, в то время

как культурные обладают культурной общностью, объективностью, формируются в истории народа, через закрепление опыта народа и хранятся в самом языке.

Следует отметить, что все исследования концептов на данный момент, которые мы можем найти в исследовательской литературе, – это, в основном, исследования культурных концептов. Поскольку индивидуальный концепт – это концепт индивидуального человека, то его исследование встречается с объективными трудностями. Существует мнение, что индивидуальный концепт вообще не может быть описан. Такую точку зрения высказывает академик Ю.С. Степанов. Он утверждает, что описаны могут быть только культурные концепты, поскольку индивидуальные концепты содержат интимно-личностный круг ассоциаций [6, с. 82-83].

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Индивидуальные концепты принадлежат конкретному индивиду. Они не могут быть полностью описаны, и, следовательно, в полной мере донесены до другого индивида. Любой индивидуальный концепт – это взаимосвязь слова и реальности, язык. Когда люди разговаривают друг с другом, во многих случаях им кажется, что они понимают друг друга, но на самом деле, между ними нет полного понимания. Поскольку за каждым произнесенным словом, будет находиться слой сознания, который полностью не может быть раскрыт другому человеку. При таком понимании индивидуальных концептов очевидна корреляция между ними и индивидуальным языком. Таким образом, владение индивидуальным языком похоже на владение индивидуальным концептом. И тем, и другим может обладать только один человек. Процесс осваивания индивидуального языка другими индивидами, когда он перестает быть индивидуальным, в свою очередь, похож на процесс перехода индивидуального концепта в культурный концепт. И индивидуальный язык, если таковой возможен, и индивидуальный концепт в результате этих процессов теряют свою индивидуальность.

Литература

1. Айер А. Может ли существовать индивидуальный язык / А. Айер // Вестник Томского гос. ун-та, Сер. Философия. Социология. Политология. Томск, 2007. № 1. – С. 102-111.
2. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. / С.А. Крипке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 152 с.
3. Бейкер Г. П. Скептицизм, правила и язык: Научное издание / Г.П. Бейкер, П.М.С. Хакер. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2008. – 240 с.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. / Л. Леви-Брюль. М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 604 с.
5. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

М. С. Толкачева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: ст. преподаватель А.А. Хамина

Данные статистических и аналитических отчетов Книжной палаты и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям о книжном рынке России в 2011–2012 гг. показывают, что издательская отрасль пока не преодолела последствия мирового финансового и экономического кризиса. Более того, статистические данные 2012 года показали углубление кризиса в отечественной книгоиздательской системе. Для эффективной организации антикризисного управления, необходим системный подход к ее изучению. Но этому препятствует ряд проблем, связанных с поиском и анализом информации по данному вопросу.

Актуальность постановки проблем изучения регионального книгоиздания возникла, в том числе, и в процессе работы над темой более широкого исследования, связанного с выявлением особенностей становления и развития современного издательского маркетинга. Подчеркнем, что данный ряд проблем при изучении издательской отрасли повторялся с завидной регулярностью на протяжении всего исследования и «тормозил» его. Это и заставило рассмотреть их отдельно, как проблем не только научного поиска, но и самой отрасли книгоиздания, как симптом нарушения ее системности и целостности.

Для формулировки и решения этих проблем в докладе будут выделены основные участники издательского процесса, и определены источники их изучения. Отсюда цель статьи: рассмотреть основные источники изучения структуры книгоиздательской системы и выделить основные проблемы ее исследования, объектом будет: региональная система книгоиздания, а предметом: проблемы, возникающие при изучении системы книгоиздания, на примере Томской области. Гипотеза исследования: отсутствие открытой и достоверной информации обо всех участниках книжного рынка являются определяющими фактом в нарушении системного функционирования отечественной сферы книгоиздания. Отсюда задачи исследования: 1) выявить основные источники изучения системы книгоиздания и книгораспространения; 2) определить их доступность для исследователя и специалистов; 3) оценить информативность; 4) сформулировать проблемы, мешающие исследованию системы книгоиздательства на федеральном и, особенно, региональном уровнях.

Инструментально-методический аппарат исследования. В работе применялись следующие методы: сопоставления, сравнительно-описательный метод, метод опроса и экспертной оценки.

Выделение таких основных участников издательской системы как организации книгоиздания и книгораспространения, библиотеки,

вызвано особенностями ее структуры и процесса продвижения книжной продукции от автора к целевой аудитории. Это главные элементы системы, без изучения которых невозможно эффективно планировать маркетинговые коммуникации издательств и осуществлять управление сферой книгоиздания на региональном и федеральном уровнях.

Поэтому, при рассмотрении возможностей внедрения интегрированных маркетинговых коммуникаций в региональную отрасль книгоиздательства и книгораспространения, сразу обратились к вопросам изучения источников информации о структуре книжного рынка и его игроках (см. табл.).

Таблица

**Основные ресурсы информации об участниках системы книгоиздания
(в количестве найденных ресурсов)**

	Издательства	Распространители	Библиотеки	Целевые аудитории		Издательства	Распространители	Библиотеки	Целевые аудитории
Базы данных (БД)	0	0	2	0	Сетевые БД	3	3	2	0
Специализированные БД	0	0	0	0	Сетевые специализированные БД	1	1	0	0
Статистические ресурсы	2	2	3	0	Сетевые статистические ресурсы	2	2	3	0
Отчеты и статистика организаций	*	*	*	0	Цифровая документация организаций	*	*	*	0
Мнение сотрудников	*	*	*	0	Экспертное мнение в сети	8	4	12	2
Отраслевые журналы, аннотации и рецензии	6	5	2	4	Корпоративные сайты, Веб-страницы (Интернет-маг. не учит.)	2,16	4,13	5,3	2
Интернет-магазины	6	12	-	2	Упоминание в сетях	32	62	23	4
Реестры	1	1	2	0	Сетевые реестры	5	4	7	0
Каталоги	5	5	5	0	Сетевые каталоги	4	3	5	2
Отраслевые каталоги	2	2	3	2	Сетевые отраслевые каталоги	3	3	4	3
Справочники и указатели	4	4	4	4	Сетевые справочники и указатели	7	7	9	0
Отраслевые справочники и указатели	1	1	1	1	Сетевые отраслевые справочники и указатели	2	2	3	0
Презентации (ярмарки, фестивали, конкурсы и пр.)	<5	<2	<4	4	Рекламные, информативные сообщения (буклеты, прайс-листы и пр.)	19	43	14	4

Примечание: * – отмечено наличие закрытой информации, а курсивом – в стоянии тестирования, < x – максимально число x найденных мероприятий, в которых принимала участие хотя бы 1 томская организация за 2012 г.

Наиболее информативными в системе книгоиздания являются статистические данные и аналитические статьи Книжной палаты и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, однако,

в них очень скудно представлена информация о региональный аспект. Недаром Ассоциация книгоиздателей неоднократно подчеркивала, что проблемы всей сферы книгоиздания рассматриваются преимущественно как проблемы создания и продвижения книжной продукции центральными издательствами и сетями распространения. Чаще всего, на примере, десятка московских авторов с таким же количеством центральных издательств, где аналитики используют данные столичных читательских аудиторий и книжной торговли. Однако, «при всей важности и типичности процессов, происходящих в деятельности ведущих центральных издательств, проблемы книгоиздания в провинции не только типичны, но в известной степени – глубже, поскольку связаны не просто с рыночной конъюнктурой, но отражают сегодняшнее состояние отечественной культуры, а, следовательно, состояние общества». Таким образом, была поставлена первая проблема: *недостаток информации по региональной системе книгоиздания.*

В исследовании регионального аспекта в качестве примера была взята Томская область (см. табл.): никакой централизованной информации по всей системе книгоиздания нет, некоторые аспекты даны: во-первых, в каталоге «Томская книга», ежегодно представляемой ТГОУНБ им. А. С. Пушкина, куда входят библиографические описания книг, представляемых на ежегодной одноименной выставке. И, во-вторых, в скудной информации по издательской отрасли, объединенной с целлюлозными производствами, ежегодно выпускаемой Томскстатом. В-третьих, в отрывочной информации о потребительской активности в годовых отчетах томской Думы и губернатора области.

Используя перечисленные источники (см. табл.), в процессе проведения анализа книжной продукции в России, Сибирском федеральном округе, Томской области за 2008-2012 гг. по: количеству наименований, тиражам, читательскому адресу, была определена вторая проблема: *расхождение между данными, представленными в центральных организациях и в областных.* Причем данная тенденция неизменно присутствует в отчетах последних 5 лет, как пример, приведем данные на рисунке. За последние три года информация неизменно расходится между статистикой Книжной палаты и Областной библиотекой и региональными центрами статистики, а в 2009 году данные по областям и округам в отчете вообще отсутствовала.

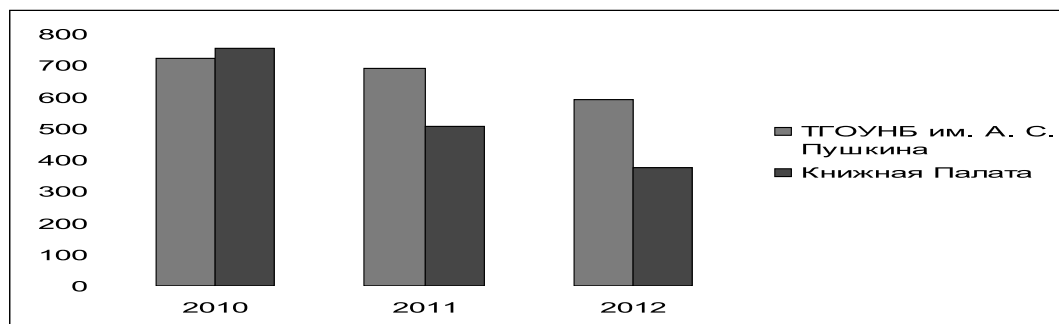

Рис. 1. Показатели количества названий книг и брошюр в Томской области по данным ТГОУНБ им. Пушкина и Книжной палаты за 2010-2012 гг.

В процессе изучения книжной продукции по видам и типам, возникла новая трудность: не было данных по книгам в цифровой форме. Есть библиографическое описание в каталогах «Томская книга», к сожалению, этот раздел присутствует далеко не во всех выпусках, что затрудняет анализ, поэтому можно сформировать следующую *проблему: отсутствия статистических и аналитических результатов об издании и распространении книг в электронном формате.*

В целом, рассмотрев всю книжную продукцию томских областных издательств, были выявлены еще 4 проблемы. *Наиболее острая из них: отсутствие у томских издательств маркетинговых исследований по целевым аудиториям* (см. табл.), а ведь принцип ориентации на потребителя в маркетинге является главным, что же удивляться, что книга не может найти своего читателя, а продажи падают. Думать о читателе, когда книга уже вышла – поздно, поэтому на этапе формирования издательского портфеля необходимо четко определиться с читательским адресом, чтобы на каждом этапе редакционно-издательского процесса ориентироваться на конечного потребителя. В изученных данных читательские аудитории можно иногда определить только по аннотациям, рецензиям и библиографическим указателям (см. табл.).

Вторая по остроте *проблема – отсутствие в среднем у одной четверти изученной книжной продукции выходных сведений о тираже*, что вызывает вопросы об анализе эффективности книгораспространения. Более того, применение метода опроса в ряде издательств показало, что *даже если тираж указан, зачастую он не совпадает с реальным количеством по разным причинам. Почти у половины книг нет ISBN.*

Третья по остроте *проблема: недостаток библиографической информации по книжной продукции в свободном доступе и закрытость практически всей информации в организациях* – а ведь прозрачность и доступность информации необходима для эффективного функционирования системы и контроля, установления связей между издательствами, книгораспространителями и библиотеками и, конечно, для установления контактов с потенциальными читательскими аудиториями, на что должны быть нацелены маркетинговые коммуникации.

Четвертая из этой группы *проблем заключалась в том, что даже перечисленные выше источники информации об издательской сфере грешат опозданием в среднем на 2 года*, то есть ощущается острый недостаток оперативной информации, желательно в цифровом виде, для ее актуального использования в прикладных аспектах. В первую очередь, при планировании маркетинговых коммуникаций книгоиздания и книгораспространения, а также организации связей и управления в структуре книгоиздания, что является необходимым условием объединения издательской сферы Томской области в систему.

Поэтому, для получения наиболее свежей и актуальной информации в исследовании применялись следующие методы: анализ прайс-листов томских издательств, опросы. Интернет-анализ не удалось осуществить, поскольку нет базы данных по книжной продукции и книгораспространению, более того, в виртуальной среде практически

нет информации по книжному продукту Томска, или же она не идентифицируется по издательствам, поскольку сетевые магазины в Интернет-пространстве не выдерживают требования к библиографическому описанию представляемой продукции, а корпоративных сайтов издательств в большинстве нет или они не информативны.

Это недопустимо с точки зрения процесса становления информационно- сетевого общества, где степень вхождения организации в информационный бизнес, определяется его цифровым «отпечатком» в сети. Поэтому в исследовании подробно рассмотрели информационное представление томских издательства, типографий и точек книготорговли в сети Интернет по следующим параметрам: по наличию официальных корпоративных издательских сайтах и ресурсов книгораспространения, в электронных справочниках, указателях, специализированных отраслевых ресурсах (сайты журналов, компаний, и др.), Интернет-магазинах, цифровых библиотеках и пр.

После изучения Интернет-пространства, было найдено 67 ссылок на ресурсы. Анализ Интернет-пространства показывает, что очень ограниченная информация по системе книгоиздания присутствует на нескольких корпоративных сайтах, у большинства их нет вообще (см. табл.). А также контактная информация об организациях системы книгоиздания присутствует на ресурсах: бизнес- и организационных-каталогов, каталогов книгораспространителей, и справочников по книжной продукции, каталогов библиотек и Интернет-магазинов и, наконец, на сайтах по трудоустройству и картографических сайтов есть контактная информация об организациях и их расположение. Из них только каталоги книгораспространителей, справочники по книжной продукции, каталоги библиотек и Интернет-магазинов представляют информацию о книжной продукции издательств. Взаимных ссылок ресурсы не имеют. Все это ставит еще две взаимосвязанные *проблемы*: *во-первых, недостаток цифровой информации о деятельности организаций издающих книги и их распространяющих и, во-вторых, установления между ними связей*, как в Интернет-пространстве, посредством гиперссылок на партнеров и конкурентов, так и в реальности, посредством совместной профессиональной и социальной деятельности.

Если пристально рассмотреть книгораспространение Томской области, то можно констатировать, что местных книготорговых сетей в области нет, только общероссийские, что, естественно, затрудняет распространение книжной продукции томских издательств. Что касается печатной продукции в структуре розничной торговли Томской области, то и в 2009 году, и в 2010 году продажи печатной продукции составили 1% от всех продаж в области (книги 0,5%, газеты и журналы тоже 0,5%). По финансовым вложениям на издательскую систему и целлюлозно-бумажное производство по Томской области было вложено 2,02 мил. руб. в 2010 году., а всех вложений по всем видам экономической деятельности было 35834,1 мил. руб. Экспорт целлюлозно-бумажного производства и издательско-полиграфической деятельности Томской области составил в 2010 году – 31,3 мил. доллар США, что

является 6,1% от всего экспорта области. В процессе анализа статистически сферы книгоиздания по области была сформулирована *последняя проблема: нет конкретных статистических данных по книгоизданию и книгораспространению, его экономической эффективности* в данных Томскстата, поэтому затруднительно делать маркетинговые и деловые прогнозы в системе книгоиздания в целом, что затрудняет его системное функционирование. Библиотеки Сибири по РФ занимают 5 место, тогда как областные – 64 место, а по федеральному округу Томской области 10 место. Как утверждают эксперты, комплектация фондов осложнена не только недостатком финансирования, но и недостатком информации от издательств и центров книгораспространения, что вновь возвращает к проблеме информационного обмена, и в целом, корпоративных связей в системе книгоиздательства.

Выводы. Можно констатировать недостаточное количество источников, и ограниченность информации на них, в том числе и научной, статистической и аналитической по издательско-полиграфическим предприятиям, организациям книгораспространения, библиотекам и особенно читательским аудиториям. Не была обнаружена информация по эффективности реализации книжных проектов и читательским аудиториям в регионах.

Итак, можно подытожить, что все проблемы изучения, поставленные в данной работе связаны между собой отсутствием централизованной информационной базы данных и базы знаний по системе книгоиздания, что и порождает отсутствие системных связей, непрозрачность и хаотичность ее структуры, отсутствие возможностей управления и оценки эффективности, как системы в целом, так и ее элементов. Следствием является большая сложность построения, на основе существующей в системе информации, маркетинговых стратегий издательств и внедрения интегрированных маркетинговых коммуникаций в региональную систему книгоиздания для повышения ее эффективности и книгооборота.

Литература

1. Сайт Российской книжной палаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bookchamber.ru/default.html>.
2. Сайт Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fapmc.ru/rospechat.html>
3. Статистический ежегодник: Стат. сб. / Томскстат. – Томск, 2011 – с. 345.
4. Томская книга: библиографические указатели продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-39/>.

К ОБОСНОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМНОГО ВСЕЕДИНСТВА

А. В. Фаерман

Томский политехнический университет

Не будет преувеличением сказать, что системность мира для современной науки является парадигмаобразующей идеей. Изучая любой предмет живой или неживой природы, рассматривая биологические, химические, физические, социальные, культурные и другие явления, исследователи в большей или меньшей степени опираются на гипотезу о том, что все явления носят системный характер.

В свою очередь изучение частных случаев системности мира опирается на достижения общей теории систем. Системы являются предметом изучения синергетики. Согласно постулатам этого междисциплинарного направления науки, природа иерархически структурирована в несколько видов открытых нелинейных систем разных уровней организации, связь между которыми осуществляется через хаотическое, неравновесное состояние систем соседствующих уровней. При этом неравновесность является необходимым условием развития.

Синергетика, прежде всего, является направлением точных наук, и даже рассматривая социальные явления, синергетика не раскрывает их морального смысла, не рассматривает идеального состояния явлений, её интересует лишь материальная сторона бытия. Философия же, обладая таким подходом, как всеединство и вооружившись достижениями синергетики, вполне может заполнить эту пустоту.

Речь идёт о синтезе теории систем, системного анализа и философии всеединства. Теория систем и философия всеединства достаточно долго существуют отдельно друг от друга, однако при этом, теоретики этих направлений развивают схожие, во многом идентичные идеи, рассматривая с разных сторон один и тот же объект. Пожалуй, на данном этапе развития науки, только философия способна объединить достижения этих теорий, основав единое междисциплинарное направление «Системное всеединство».

Правомерно уже сейчас говорить о концепции «системного всеединства», которая, без сомнения, сформировалась в умах философов, но ещё не обрела завершённого отражения в тексте. Заметим, что концепция систем, основа современной научной парадигмы, имеет огромный философский потенциал. Концепцию всеединства можно считать «сестрой» концепции систем, их «генетическое» родство видно невооружённым взглядом. Сегодня, развитие всеединства едва ли можно представить отдельным от идеи системности мира. И если мы рассмотрим с этой точки зрения работы по всеединству (особенно современные), без сомнения, убедимся, что концепция системности уже прочно обосновалась в философии всеединства. Практически каждый из мыслителей, развивавший в том или ином ключе концепцию всеединства, ратовал также и за системность мира, ибо всеединство подразумевает

множество взаимосвязанных элементов, а значит – системность. Так, например, Сергей Левицкий, обосновывая органическое мировоззрение, писал: «... органическое мировоззрение признаёт целое несводимым к сумме или равнодействующей составных элементов (например, линия несводима к сумме точек, ибо беспредельное нагромождение точек никогда не создаст линии). Согласно органическому взгляду, элементы существуют не иначе как в системе некоего целого...» [1,с.74].

В данном контексте интересной является работа одного из теоретиков общей теории систем, Урманцева Юнира Абдулловича «Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений», в которой он пишет «...становится всё более и более очевидным, что относительным завершением, своего рода венцом ОТСУ должна стать *системная философия*, о которой в своё время писали ещё Бергаланфи и Ласо» [2,с.1].

В основе Общей теории систем Урманцева лежат пять предпосылок системного мира: Существование, Множество объектов, Единое, Единство, Достаточность. Соответственно, из утверждений “существует множество объектов”, “существует единство множества объектов” и т.д. строятся базовые понятия ОТС. Не трудно заметить, что в основу данной общей теории систем заложены те же понятия, что и в теории всеединства.

В определённой степени именно к системному всеединству приближаются теоретики неовсеединства. Представители этой философской школы позиционируют себя как продолжатели традиций русской философии всеединства средствами современной философии и науки. Среди их целей и задач интерпретация и развитие идей философии всеединства, создание «логики всеединства» и системы логико-математических средств для решения философских задач. Однако представители неовсеединства не ставят перед собой задачи синтезировать теорию систем и философию всеединства. Хотя, системность неизбежно является частью их теорий, всё же акценты в идеях неовсеединцев сделаны на концепции всеединства, логике, и математических конструкциях, а не на системности всеединства.

Преградой полноценному синтезу теории систем и всеединства служит внутренняя раздробленность теории систем и теории всеединства, ибо нет до сих пор единства понимания ни того, ни другого. Прежде всего, сложность обоснования системного всеединства состоит в том, что понятия «система» и «всеединство» трактуются многозначно (нет чётких определений или хотя бы ограничений). Кроме того, если понятие «система» междисциплинарное, то понятие всеединство исключительно философское и их синтез возможен лишь в рамках философии.

Оба понятия столь «объёмны», что окончательное раскрытие даже одного из них не представляется возможным на данном этапе развития науки и философии. Но именно ввиду их универсальности, эмпирические возможности, которые они открывают, в особенности в рамках философии и в частности социальной философии, сложно переоценить. Только такие всеобъемлющие понятия и теории способны

приблизить нас к некоей универсальной теории всего, пониманию самих основ мироздания.

Литература

1. Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения. М.: Астрель, 2008. 992с.
2. Урманцев Ю.А. Девять плюс один этюд о системной философии. Синтез мировоззрений, М.: Институт холодинамики, 2001. 160с.

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗМА: ХИЛАРИ ПАТНЭМ VS РИЧАРД РОРТИ

Е.А. Шадрина

Томский государственный университет

Научный руководитель: В.А. Ладов д.ф.н, профессор

Современная аналитическая философия не отличается строгим единством относительно вопроса реальности и возможностях ее познания. Скорее наоборот, невероятное количество теорий относительно вопросов истины и объективности знания, выросших из концепций реализма и антиреализма, является визитной карточкой аналитической философии, что лишней раз подчеркивает её актуальность и неиссякаемый интерес исследователей к данному вопросу.

Полемика между реализмом и антиреализмом представляется одним из центральных и актуальных вопросов в аналитической философии и эпистемологии с довольно богатой историей. В данной статье мы сделаем попытку представить ключевые аспекты полемики между Ричардом Рорти и Хилари Патнэмом – современными американскими мыслителями, стоящими по разные стороны «баррикад» и внесшими большой вклад в разработку теорий реализма.

С возникновением идеи релятивизации познания встает серьезный вопрос, а есть ли смысл нам говорить об объективной реальности? Может нам следует отвергнуть идеал истинного знания о ней?

Ярым противником идеи релятивизации познания выступает Хилари Патнэм, чей философско-исследовательский путь нельзя назвать строгим и однозначным. В разные периоды своего творчества Патнэм придерживался различных позиций реализма. В данном случае нас более всего интересует период его приверженства идеи «внутреннего реализма», выраженной в критике релятивизма и пересмотре понимания значения истины.

За разработку идеи «внутреннего реализма», как наиболее прагматического подхода к теории реализма, исследователи называют Патнэма вторым после Рорти мыслителем, внесшим весомый вклад в возрождение прагматизма.

Согласно теории «внутреннего реализма» «... вопрос о том, из каких объектов состоит мир, имеет смысл задавать только в рамках неко-

торой теории или описания» [3, с.49]. Патнэм выстраивает свою теорию так, чтобы она объединила в себе объективную и субъективную точки зрения на окружающую реальность, и вводит понимание истины как «идеализированной рациональной приемлемости», в качестве главного критерия которой выступает непротиворечивость, согласованность с внешним миром и практическая полезность.

Здесь Рорти и Патнэм расходятся во взглядах. Традиционный субъект-объектный образ, пришедший на смену идеализму, Патнэм пытается заменить «и не впасть при этом в идеалистические парадоксы» [4, с.15], но по мнению Рорти, его попытки безуспешны.

Рорти выступает против разделения картины мира на субъект-объектную части, где человек и мир стоят по разные стороны «убеждений» и «желаний», говоря о том, что в соответствии с такой картиной, «альтернатива взаимодействия обеих сторон будет сводиться лишь к выражению одной, либо к репрезентации другой» [4, с.11].

Дополняя свой тезис о нежизнеспособности идеи истины Патнэма, Рорти заявляет, что мир не может быть сам по себе истинным или ложным, истинными или ложными могут быть его описания, данные человеком. Соответственно человеческое познание может быть только внутренним.

Значит, формулировка истины как «идеальной рациональной приемлемости», по мнению Рорти будет являться только и всего, что «приемлемой для нас», для нашего языкового сообщества и выступать, по мнению философа, не более, чем «пустым комплиментом...» [4, с.13].

Подобные рассуждения приводят нас к пониманию того, что Рорти в принципе считает понятие «истина» бессодержательным и не заслуживающим того внимания и сил, которые тратят философы на его разработку.

В работе «Случайность, ирония и солидарность» Рорти делает заявление о том, что все, чем мы располагаем в своем познании, является содержанием разговора – разговора людей: «Мир не говорит. Говорим только мы. Мир может – раз мы уже запрограммировали себя языком – вынудить нас придерживаться мнений. Но он не может предложить язык, на котором нам говорить. Это могут сделать только другие люди» [4, с.12]. Говоря о том, что истина является всего лишь внутренним свойством языка, предложений, которые создаются людьми, Рорти отрицает отношения между миром и его человеческими описаниями, сводя реальный мир и формирование человеческой самости как таковой только лишь к способности человека использовать язык.

По мнению Рорти, люди не нуждаются в познании объектов внешней реальности, а для полного освоения в мире им необходимо «лингвистическое взаимодействие с другими людьми» [1, с.182], участвующими в одной языковой игре. Другими словами, для заявления о существовании внешнего мира релятивисту достаточно находиться в том культурном сообществе, где придерживаются такого же мнения, соглашаются с ним. И ничего, кроме лингвистического консенсуса, по мнению Рорти, более не требуется для обоснования реализма.

Патнэм не может согласиться с таким дерзким нигилистическим отношением к классической философской проблеме. Будучи убежденным, что вопрос обоснования реализма заслуживает большого внимания со стороны философов, Патнэм не оставляет усилий по пути разработки идеи истины и критики релятивизма и стремится доказать существование объективной истины, которое отрицает релятивизм. Патнэм говорит об объективной истине как о рациональной приемлемости, понимая, в конечном счете, под объективностью *общезначимость* с точки зрения представителей определенных культур: «учитывая, что рациональность в его понимании не является набором неизменных и вечных канонов или принципов, а исторически изменяется, то из этого можно заключить, что объективным, с его точки зрения, является то, что представляется таковым людям разных культур на основе принятых ими стандартов рациональности» [2, с.62]. Такое понимание объективности, по мнению критиков, «не позволяет полностью преодолеть релятивизм, поскольку то, что считается общезначимым в одной культуре, может не быть общезначимым в другой культуре и т.д.» [2, с.61]. Это заставляет Патнэма продолжить свои исследования по вопросу истины и защиты реализма, вновь и вновь пересматривая свои взгляды.

На сегодняшний день не представляется возможным свести многолетний спор относительно обоснования реализма двух ярких представителей американской философской мысли к общему конструктивному знаменателю. Однако исследование данного противостояния потому и интересно, что и Патнэм и Рорти, несмотря на указание внутренних противоречий в теориях друг друга и бесконечные творческие поиски, до конца оставались преданы своим убеждениям и с большим энтузиазмом отстаивали их.

Аналитическая философия, как уже отмечалось, пронизана подобными противостояниями концепций относительно возможности обоснования реализма, что показывают немалые усилия современных мыслителей, плодотворные идеи которых, безусловно, заслуживают внимания и обсуждения, потому как открывают перед нами наиболее полный горизонт исследований и подогревают научный интерес к данной проблематике.

Литература

1. Джохадзе И. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме// Эпистемология & философия науки. 2011. №4. С. 175 – 190.
2. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. – М.: Прогресс, 1996. – 190 с.
3. Патнэм Х. Разум. Истина. История. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
4. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность/Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд. Новосибирского университета, 1997. – 293 с.
6. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998. – 296 с.

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА НА ПРИРОДУ ЯЗЫКА

М. Н. Шалдяков

Томский государственный университет

Научный руководитель: В.А. Суровцев, д.филос.н, проф.

В данной работе продемонстрированы истоки позиции раннего Витгенштейна по отношению к языку, а также причины, которые привели к значительной трансформации взглядов данного философа. По мнению автора, взгляды, изложенные в работе «Логико-философский трактат», восходят к теории значения Бертрانا Рассела. В связи с этим автор полагает, что адекватная интерпретация основных тезисов «Трактата», по крайней мере, проблематична в отрыве от данного контекста. Именно тем, что в ряде афоризмов «Трактата» Витгенштейн лишь приводит необходимые для своей аргументации следствия из незначительным образом модернизированной теории значения Рассела, можно объяснить то, что он не утруждает себя обоснованием этих положений. Действительно, обоснование становится излишним только в контексте концепции, предложенной Расселом.

В общем, взгляды на природу и анализ языка Рассела и Витгенштейна (на определённых этапах их философского творчества) можно охарактеризовать как феноменалистские. Предложенная Расселом концепция знания по знакомству и знания по описанию предполагает для первого вида знания наличие объектов опыта (личного опыта), которые известны человеку непосредственным образом. «Эти непосредственные объекты восприятия» становятся в рассуждениях Рассела и в его терминологии объектами знакомства. Например, в опыте чувственного восприятия я могу «отличить объект восприятия от восприятия как психологического события» [1 с. 27-28]. Знание таких объектов должно быть фундаментальным и элементарным для всякого другого знания (знания по описанию), а предложения об этих объектах должны быть элементарным фундаментом для всех прочих осмысленных предложений. Таким образом, все наши знания сводимы к знаниям об объектах знакомства, аналогично с предложениями: все предложения, выражающие знание по описанию, к предложениям, выражающим знание по знакомству. Иначе говоря, предложения об объектах знакомства должны быть конечным пунктом полного анализа любых других предложений: «Всё наше знание – как знание вещей, так и знание истин – покоится на знакомстве в качестве основания» [2 с. 33]. При этом важно, что объекты знакомства являются объектами чьего-либо личного опыта.

По той причине, что на объектах знакомства останавливается всякий анализ, сами они должны быть простыми, ибо, если бы они были сложными, то анализ можно было бы продолжить. Поэтому мы не можем сказать ничего содержательного о таких объектах, а можем лишь

указывать на них по средствам логически собственных имён, которые выражаются в естественном языке с помощью указательных местоимений, таких как «тот» и «этот». Не сложно заметить близость взглядов, изложенных в «Трактате», приведённым выше. Простой объект, по Витгенштейну, также является объектом чьего-либо опыта, он неразложим, мы не можем сказать о нём ничего содержательного – можем лишь указывать на него: «2.02 Объект прост. 20201. Всякое высказывание о комплексах может быть разложено на высказывание об их составных частях и на предложения, описывающие эти комплексы в целом. 2021. Объекты образуют субстанцию мира. Поэтому они не могут быть составными» [3 с. 40].

К этому в философской системе раннего Витгенштейна добавляется изобразительная теория и концепция логической формы отображения, которая призвана заменить класс логических объектов, постулируемых Расселом. Логическая форма, тождество которой у отображаемого и отображающего делает возможным само отображение и обуславливает тезис об изоморфизме мира и языка, является важной и в крайней степени оригинальной составляющей концепции раннего Витгенштейна. Обращение к идеальному языку, в котором грамматика должна соответствовать его логической структуре (а значит и структуре мира), было призвано разрешить ряд серьёзных проблем, возникающих при анализе предложений, имеющих форму более сложную, чем aRb , а также устранить явное противоречие между тезисом о независимости истинностных значений атомарных предложений (предложений, которые с необходимостью являются феноменалистскими) и наличием таковой зависимости между предложениями типа «я имею визуальное впечатление красного» и «я имею визуальное впечатление зелёного». Идеальным языком, по замыслу Витгенштейна, мог выступить символизм «Principia Mathematica» в несколько улучшенном виде. Но попытки решить эти и ряд других проблем, которые предпринимал Витгенштейн в «средний» период своего творчества, не увенчались успехом, что вынудило его отказаться от феноменалистского и перейти к физикалистскому подходу к языку.

Между тем взгляды Витгенштейна, выраженные им в работе «Логико-философский трактат», а также взгляды Рассела, отражённые в работах «Об обозначении», «Проблемы философии», «Principia Mathematica» и ряде других работ, оказали значительное, можно сказать, определяющее воздействие на философов Венского кружка. В первую очередь это проявилось в отношении к опыту как к условию осмысленности предложений. Роль атомарных предложений в их терминологии стали играть протокольные предложения, к которым также должны быть сводимы все остальные осмысленные предложения. Альфред Джулс Айер, модернизируя аргументацию представителей Венского кружка, разделил предложения аналитические априорные (предложения логики и математики), с одной стороны, и синтетические апостериорные (предложения об эмпирических фактах), с другой (в этом он вполне следовал раннему Витгенштейну, считавшему все логи-

ческие истины тавтологиями). При этом Айер отказывал в существовании каким-либо иным формам осмысленных предложений. Кроме того, Айер был убеждён, что для осмысленных эмпирических предложений необязательно быть сводимыми к чему-то вроде протокольных предложений, а достаточно быть переводимыми на язык чувственных данных. Тем не менее, его подход к языку оставался феноменалистским, что вполне соответствовало позиции раннего Витгенштейна, но шло вразрез с подходом позднего.

Следует отметить, что, на наш взгляд, переход от феноменалистского к физикалистскому анализу языка был связан для Витгенштейна с серьёзными проблемами, которые возникали при анализе предложений или целых языковых игр, относящихся к ощущениям. То есть проблемы при физикалистском подходе возникают там, где мы вынуждены говорить о чём-либо традиционно понимаемом как нечто феноменальное по своей природе. Именно стремлением устранить неясность и путаницу, имеющие тут место, обусловлено, на наш взгляд, пристальное внимание позднего Витгенштейна к проблеме индивидуальных переживаний и индивидуального языка. Именно позиция Витгенштейна по этим вопросам, выраженная, например, в «Философских исследованиях», вызвала критику со стороны Айера.

Однако, критика Айера неявным образом содержит в себе феноменалистский тезис, который в данном случае нуждается в обосновании, потому что если мы не принимаем его (автор не склонен к этому), то мы не можем также признать критику Айера убедительной. Айер же оставляет без внимания критику позднего Витгенштейна, направленную на демонстрацию несостоятельности феноменалистского подхода (это могло быть вызвано сложностью и экстравагантностью аргументации «Философских исследований»).

Литература

1. Хинтика Я. О Витгенштейне. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 272.
2. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001. 111с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 288с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЖАНА ПОЛЯ САРТРА

Е. О. Яткина

Томский государственный университет

Научный руководитель: М.Н. Евстропов, к.филос.н.

Экзистенциализм, философия существования утвердился в Европе в первой половине XX века. Это одно из самых популярных и влиятельных течений современной мысли. Центральными вопросами экзистенциализма являются вопросы, которые касаются существования

человека, смысла его жизни и судьбы в мире, то есть эти вопросы касаются самого факта существования каждого человека и переживание своего способа бытия. Поэтому основное положение занимает человеческое бытие, его совершенная уникальность и человек как единственный субъект в мире объектов. Только он имеет способность мыслить, переживать, воспринимать и истолковывать мир. Каждый человек, который хотя бы раз задумывался над своим существованием, бытием пытался ответить на данные вопросы и тем самым подтверждал их злободневность и актуальность такого направления, как экзистенциализм.

Истоки экзистенциализма проистекают из учения датского философа XX века Серена Кьеркегора, который внедрил понятие экзистенции, как осмысление внутреннего бытия человека в мире. Внешнее предметное бытие являет собой «неподлинное существование» и поэтому человеку необходимо сделать «экзистенциальный выбор», то есть это переход от созерцательного, чувственного бытия к единственному и неповторимому «самому себе», экзистенции.

Говоря об экзистенциализме, стоит так же отметить таких выдающихся мыслителей как Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Жан Поль Сартр, Альберт Камю, Лев Шестов, Николай Бердяев.

В данной работе мы подробнее остановимся на позиции Жан Поля Сартра, а точнее на его поздней работе «Экзистенциализм – это гуманизм», впервые она была издана во Франции в 1946 году. В ней изложены основные положения философии экзистенциализма и, конечно же, убеждений самого Сартра.

Жан-Поль Сартр родился 21 июня 1905 года в Париже. Образование получил в лицеях Ла-Рошели, окончил Высшую школу в Париже по отделению философии, в 1934 году стажировался во Французском институте в Берлине. Преподавал философию в различных лицеях Франции.

В 1964 году Жан-Поль Сартр был награжден Нобелевской премией по литературе «за богатое идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время». Сартр также был общественным деятелем, участником революции во Франции 1968 года. Умер Жан-Поль Сартр в 1980 году.

Экзистенциальная философия Сартра обнаруживает себя как одно из современных ответвлений феноменологии Гуссерля, то есть как движение к субъективно-деятельной стороне того сознания. Это, прежде всего конкретный индивид, заброшенный в мир определенных ситуаций, который вынужден предпринимать какие-либо действия. Вступая при этом в отношения с другими людьми и вещами. Принимает решения, участвует в общественной жизни, вот на что нацелен человек, по мнению Сартра. Все акты деятельности рассматриваются Сартром как элементы определенной структуры и расцениваются в зависимости от осуществления задач человека.

В соответствии с экзистенциализмом, в мире есть, по меньшей мере, одно нечто, у которого существование предшествует сущности и этим нечто является именно человек. Более конкретно это означает, что человек как демиург не ограничен. Он сам создает свою сущность,

и следовательно, творит самого себя. Это воплощение в жизнь не раз навсегда, это ежедневная операция. Человек сам творит свое бытие, следовательно, он, и отвечает за него. Он отвечает за свой выбор. Но выбирая себя, также человек выбирает и других людей, так как человек живет в мире людей. Если, приводит пример французский философ, я хочу жениться и иметь детей, я не только вовлекаю в это свое предприятие несколько человек, но и всех людей, создавая определенный образ человека, выбравшего путь моногамии.

Для Сартра человек, прежде всего это его свобода, то есть «... как нет никакой природы человека, как нет и Бога, который бы ее задумал» [2, с. 158], то есть человек просто существует, он не только такой, каким себя представляет, но и такой, каким он хочет стать. Говоря то, что человек – это то, что он есть, значит принять такое положение, что человек – это чем он может стать.

Если существование предшествует сущности, то ссылаясь на природу человека ничего нельзя прояснить. Но если человека ничего не детерминирует – ни его собственная природа, ни Бог, то он свободен, человек – это свобода. И если бы Бог существовал, это ничего не изменило бы. Суть не в том, существует ли Бог. Суть дела в том, что человека никто не может спасти от самого себя, даже доказательство бытия Бога. Спасти человека может лишь сам человек.

Человек – это существо, которое устремлено в будущее, то есть он обращен к проектированию себя в будущее.

Таким образом, можно сказать, что человек это, в первую очередь, проект. Ничто не существует до этого проекта и человек станет таким, каков есть его проект бытия. И если говорить о том, что существование предшествует сущности, то человек ответственен за то, что он есть. Тогда свобода абсолютна, а ответственность тотальна. И тем самым каждый человек, владея своим бытием, поручает себе полную ответственность за существование.

Ответственность человека не заканчивается только на своей индивидуальности, то есть он отвечает за всех людей. Наша ответственность гораздо больше, чем можно предположить изначально, так как она располагается на все человечество.

Подлинное существование соединяется с индивидуальным бытием личности, её свободой и стремлением к трансценденции, то есть к выходу человека за рамки индивидуальной реальности. Неподлинное существование – это бытие в обществе, стремление утвердиться в нём и принять его законы. Социальная сущность человека и его подлинное существование оказываются в человеке несовместимыми. Истинный смысл и значительность человеческого бытия определяются лишь тогда, когда становится совершенно ясным, что человек сделал в этом мире и каков плод его существования.

Экзистенциализм поставил большое количество проблем, которые касаются человеческого бытия, то есть смысла жизни, свободы и ответственности человека, сохранения своей индивидуальности. Попытки прояснить эти моменты возлагали на себя множество мыслителей,

но их экзистенциальные размышления постоянно отсрочивались, не давая при этом своевременного ответа.

Отвергая объективность исторического процесса, Сартр считает все социальные действия определенными человеческой субъективностью, а человека – полностью ответственным за свои поступки, то есть, не обращая внимания на исторические обстоятельства.

Литература

1. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 880 с.
2. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. М.: Издательство политической литературы, 2004. 354 с.
3. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. М.: Прогресс, 1964. 359 с.

Культурология

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ: «ШКОЛА РОКА» КАК СПОСОБ УСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ В ШКОЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л. Ю. Аверченко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В.Г. Ланкин, к.филос.н., проф.

Музыка, прежде всего современная, является неотъемлемой частью жизни подростков и молодежи. Именно они – основные потребители музыкальной продукции. В наше время подростки активно слушают музыку: в транспорте, на улице, дома, на занятиях и т.д. Кто-то с помощью музыки расслабляется, кому-то наоборот, музыка помогает сконцентрироваться и найти верное решение в определенной проблеме. В потоке современной информации подростку трудно самостоятельно разобраться, что такое хорошо и что такое плохо.

У школьников развивается собственный музыкальный вкус, появляется свой круг музыкальных интересов и предпочтений, который постепенно приобретает устойчивость, являясь психологической базой ценностных ориентации подростка в последующей взрослой жизни. Одним из направлений музыкальной молодёжной субкультуры является рок-культура, а частным её проявлением – рок-музыка, как одно из наиболее «живучих» направлений современного искусства.

Многие учителя признаются в своей профессиональной неподготовленности в беседе со школьниками о роке. Образовалась огромная разница между музыкой, которая звучит на уроках в общеобразовательных учреждениях, и музыкой, существующей за пределами школы. Таким образом, в сознании школьников-подростков разорвалась нить преемственности музыкального искусства, а это в свою очередь, мешает полноценному их музыкальному развитию.

Перед учителем музыки при этом сегодня все острее встает вопрос преодоления в сознании школьника-подростка образовавшегося разрыва между классическим и современным музыкальным искусством. Решение данного вопроса является залогом успешного развития музыкальной педагогики, а также утверждения личностно-ориентированного

подхода обучения школьника-подростка. Сегодня существует явная необходимость создания условий, при которых будут удовлетворены музыкальные потребности современного подростка, т.е. вооружение учащихся знаниями о рок-музыке, ее сильных и негативных сторонах, ее истоках, путях развития, связях с классической музыкой. Для этого необходимо иметь свою позицию, проявить личностный интерес и собственное отношение. Таким условием может стать авторский учебный проект «Школа рока», реализованный на основе деятельности учащихся 8 и 9 классов МАОУ Гимназия №26 г.Томска.

Тема учебного проекта: Рок-музыка, рок-культура.

Многие люди не понимают рок-музыку, т. к. считают ее слишком «агрессивной» и «тяжелой», считают, что она побуждает в людях негативные чувства, такие, как агрессия, жестокость и депрессия. Они видят только поверхность и не смотрят в глубь. Тогда как под «жесткостью» музыки скрывается тонкий лиризм, глубокие переживания и мысли музыкантов. Наш проект создан для того, чтобы люди смогли лучше узнать и понять рок-культуру.

Цель учебного проекта: Освоить представление о сути рок-музыки и рок-культуры и научить элементам анализа рок-композиции.

Компетентности, формируемые учебным проектом:

- В сфере самостоятельной деятельности
- В сфере культурно-досуговой деятельности
- В сфере гражданско-общественной деятельности

Среди образовательных задач учебного проекта – узнать историю развития рок-музыки; познакомиться с жизнью и деятельностью музыкантов, внесших вклад в развитие рок-музыки; расширить знания о различных направлениях и стилях рок-музыки; узнать о различных субкультурных движениях рок-музыки; научиться понимать и оценивать рок-музыку с духовно-нравственных позиций; развить умение общаться с образцами современной музыки в их взаимосвязи с музыкальным классическим наследием. Кроме того учитель ставит задачу создать песенный рок-репертуар для старших классов.

Формы работы, которые используются на разных этапах: индивидуальная работа; парная работа; групповая работа.

Основополагающие и проблемные вопросы учебного проекта:

Основополагающий вопрос: Что такое рок?

Вопросы учебной темы (проблемные): «Рок: искусство или бездарность?»; «История рок-музыки»; «Разновидности рока: стили и направления рок-музыки»; «Популярные рок-группы»; «Популярен ли рок?»; «Финансовая сторона рок-музыки»; «Словарь рок-музыканта»; «Аудио и видеозаписи рок- концертов».

Творческое название учебного проекта: «Школа рока»; «Рок на уроках музыки»; «Рок и молодёжь»; «Рок-лаборатория»; «Рок-музыка».

Самостоятельные исследования учащихся в рамках учебного проекта:

- История развития и основные идеи рок-музыки (презентация)
- Представление любимой рок-группы (презентация)
- Опрос на тему: как вы относитесь к рок-музыке? (анкета)

- Рок-культура (буклет)
- Рецензия на песенный репертуар рок-группы.
- Стили рока (презентация)
- Фотогалерея.
- Инструменты рок-музыки (презентация)

Возраст учащихся: 8 и 9 классы (старшая школа)

Оформление результатов проекта: Методическая разработка, презентация. Состав участников: межклассный. Количество участников: 8 классов и один учитель. Всего: 237 чел. Работа над проектом: вторая и третья четверть 2012 и 2013гг. Для проведения данного проекта требуется полугодие. Поскольку работа рассматривается как итоговая и осуществляется в восьмом и девятом классах, а урок музыки бывает только один раз в неделю, следовательно, часть времени будет отведена повторению тем прошлых лет (5-7класс) попутно с освоением нового материала.

Среди методов обучения метод монологически диалогического изложения: рассказ, объяснение, беседа, лекция; метод визуального изучения явлений и приобретения зрительно-звуковой информации; метод самостоятельной работы с источником; метод создания проблемной ситуации; метод – игровая ситуация; метод – учебная дискуссия; метод учебно-критического выражения.

Среди задач проекта: Научатся разбираться в рок-музыке, ориентироваться в основных ее направлениях; понимать место и значение этой разновидности музыки в искусстве вообще; формирование базисной основы репертуара из рок-песен; приобретение навыков деятельности по отношению к информации в учебном предмете и образовательной области музыки; обучение владению современными средствами информации и информационными технологиями; поиск, анализ и отбор необходимой информации; умение работать в группе.

Техническое оснащение включает в себя: Интернет; аудио- видео-аппаратуру; компьютер; видеопроектор; микрофон.

Информационное оснащение: Литература по теме учебного проекта; ссылки на ресурсы интернет по теме учебного проекта; аудио и видеозаписи рок-концертов.

Оснащение проекта включает в себя развернуты список ссылок на литературу и электронные источники по теме проекта, телевизионные передачи, радиопередачи о рок-музыке, аудио и видеозаписи рок-концертов.

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ XVII ВЕКА

И. И. Бушкова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Голландия до XVII века не выделялась наличием национальных художников. Когда Голландия была одним государством с Фландрией,

именно там интенсивно развивались и создавались самобытные течения. Во Фландрии творили такие выдающиеся художники как Ван Эйк, Мемлинг, Рогирван дер Вейден, подобных которым не было в Голландии. Но с начала XVII века произошло государственное, а за ним и художественное разграничение. Голландия только начинает свой исторический путь. Именно в этот период происходит разрыв голландского искусства с искусством предыдущей эпохи. Революция, давшая голландскому народу свободу и богатство, одновременно лишила его того, что повсюду составляет жизненную основу великих школ. Она изменила верования, изменила привычки, упразднила изображения как античных, так и евангельских сцен, остановила создание больших произведений – церковных и декоративных картин. Фактически перед каждым художником была альтернатива – быть оригинальным или не быть совсем.

Голландское искусство актуально и сейчас. Художники того времени находили сюжеты для удовлетворения любых человеческих склонностей и привязанностей, для каждого человека и для всего человечества в целом. Бесконечно долго можно смотреть на голландский пейзаж: пасмурные дни сменяются солнечными, море – то бурное и мрачное, то сверкающее и спокойное, много пастбищ с фермами, много кораблей, теснящихся у берегов... И почти всегда ощущается движение воздуха над просторами и сильные ветры с Северного моря, которые громоздят облака, гнут деревья, вертят крылья мельниц и гонят свет и тени. К этому надо добавить города, домашнюю и уличную жизнь, гулянья на ярмарках, изображение различных нравов, нужду бедных, ужасы зимы, безделье в тавернах с их табачным дымом и кружками пива. С другой стороны – обеспеченный образ жизни, добросовестный труд, кавалькады, послеобеденный отдых, охоты. Кроме этого – общественная жизнь, гражданские церемонии, банкеты. Голландское искусство, несмотря на то, что ему пришлось пройти через века, всегда остается новым, но со старыми, как мир, сюжетами.

Главным объектом изображения для голландских художников была окружающая действительность, никогда ранее не находившая столь полного отображения в произведениях живописцев других национальных школ. Обращение к самым различным сторонам жизни приводило к укреплению реалистических тенденций в живописи, ведущее место в которой заняли бытовой жанр и портрет, пейзаж и натюрморт. Чем правдивее, глубже отражали художники открывающийся перед ними реальный мир, тем более значительными были их произведения.

Для голландского искусства характерны определенный стиль и метод. Законами для этого стиля служат искренность, доступность, естественность, выразительность. «Если отнять у голландского искусства то, что можно назвать честностью, то вы перестанете понимать его жизненную основу и не сможете определить ни его нравственного облика, ни его стиля» [5].

В Голландии небо занимает большую половину, а иногда и всю картину. Небо на картине двигается, притягивает, увлекает нас за со-

бой. Чувствуется различие дня, вечера и ночи, ощущается жара и холод, чтобы зритель наслаждался и чувствовал необходимость сосредоточиться. «Хотя, наверное, трудно назвать такой рисунок самым благородным из всех, но попробуйте найти в мире художников, которые писали бы небо, как Рейсдаль и ван дер Нер и сказали бы своим творчеством так много и так блестяще. Везде у голландцев тот же рисунок – сдержанный, лаконичный, точный, естественный и наивный, искусный, а не искусственный» [5].

Палитра голландцев вполне достойна их рисунка, отсюда и вытекает совершенное единство их живописного метода. Любую голландскую картину легко узнать по внешнему виду. Она небольшого размера и отличается своими мощными строгими красками. Это требует от художника большой аккуратности, твердой руки, глубокой сосредоточенности, чтобы добиться концентрированного воздействия на зрителя. Художник должен углубиться в себя, чтобы вынашивать свой замысел, а зритель – в себя, чтобы постичь замысел живописца. Именно голландские картины дают наиболее ясное представление об этом скрытом и вечном процессе: почувствовать, обдумать и выразить. Нет на свете картины, более насыщенной, так как именно голландцы включают столь большое содержание в столь маленькое пространство. Вот почему все принимает здесь точную, сжатую и уплотненную форму.

Голландские пейзажисты смогли запечатлеть на своих полотнах всеобъемлющую картину мира во всех его проявлениях. Произведения таких художников, как Х. Аверкамп, Э. ван дер Пул, Я. Порселлис, С. де Влигер, А.Г. Кейп, С. Ван Рейсдал и Я. Ван Рейсдал, передают гордость человека за свою землю, восхищение красотой моря, родных полей, лесов и каналов. Чувство искренней и безграничной любви к окружающему миру ощущается во всех произведениях голландских пейзажистов. Каналы с парусными лодками, равнинные ландшафты, мельницы, густые леса, заснеженные селения, городские улицы с каменными домами и площади – все эти приметы говорят зрителю, что перед ним настоящий голландский пейзаж.

Полные лирического чувства и поэтической прелести картины изображают окружающий мир в разное время года и в различные часы суток. Но все же большая часть этих пейзажей передает природу в минуты затишья, когда низкие облака медленно плывут над землей, окутанной влажной, туманной атмосферой, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь тучи, легко ложатся на воду каналов, ветви деревьев, крыши зданий.

Так же популярны были и морские виды. Ян Порселлис, Симон де Влигер и другие великолепно передавали движение волн, связь неба и воды, как бы сливающихся в единую стихию, свежий морской воздух, пронизывающий пейзаж, и корабли, бороздящие просторы моря. Для большинства голландских пейзажей характерен приглушенный колорит, состоящий из светло-серебристых, оливково-охристых, коричневых оттенков, близких к естественным краскам природы. Положенные на холст с помощью тонких, ювелирно точных мазков, эти цвета

убедительно и реалистично передают вещественность окружающего мира.

Голландским художникам удалось передать свое виденье и чувственность той природы, запечатлеть необратимые моменты. Показать через свои работы жизнь голландского народа, его темперамент, всю тяжесть и красоту жизни – бюргера, крестьянина, ремесленника, рабочего. Дома и деревья, берега и здания, кустарники и дюны обрели особую легкость, а небо и облака – подвижность.

Благодаря их безграничному труду мы и сейчас можем насладиться прекрасной Голландской природой того времени. Увидеть и почувствовать через работы мастеров все грани жизни голландского народа.

Литература

1. Тарасов Ю. А. Голландский пейзаж XVII века. М.: Изобразит. Искусство, 1983. 319 с. (Монография)
2. Фехнер Е. Ю. Голландская пейзажная живопись XII века в Эрмитаже. Л.: Издательство государственного Эрмитажа, 1963. 180 с. (Монография)
3. Ротенберг Е. И. Искусство Голландии XII века. М.: Искусство, 1971. 235 с. (Монография).
4. Всеобщая история искусства: том 4. / Под редакцией Колинского Ю. Д., Ротенберга Е. И. М.: Искусство, 1963. 1067 с. (Монография).
5. Происхождение и характер голландской живописи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refu.ru/refs/31/5431/1.html> (дата обращения: 28.02.2013).

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

Е.О. Быдзина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Бернатоните, к. иск.- вед. н., доцент.

Анализируя произведение, в первую очередь мы обращаем внимание на личность художника, его судьбу, временные рамки его жизни, его национальную принадлежность. Каждый из этих аспектов непосредственно влияет на смысл произведения и каждый важен для изучения. Личность художника и его судьба (жизненный путь) могут помочь объяснить нам символы в картине, ее эмоциональную составляющую; временные рамки жизни творца подскажут о художественном направлении, настроении произведения, технических возможностях автора. Национальная же принадлежность автора иногда загоняет в тупик, так как может показаться, что она объясняет все перечисленное, исключая лишь техническую составляющую. Тем не менее, изучив историю страны и менталитет художника, можно выделить характерные для большинства его соотечественников мотивы в творчестве. В данной работе путем анализа отдельных живописных произведений мы попытались выделить эту национальную составляющую и, с помо-

щью сопоставительного сравнения картин художников-соотечественников, обобщить и описать основные мотивы и характерную для их творчества тематику.

Сюрреализм как направление в искусстве сложился во Франции в 20х годах 20 века. Первоначально направление было скорее философским и развивалось, в основном, в литературе, но, довольно быстро нашло своих последователей и в кинематографическом искусстве и в живописи.[1]

Одной из наиболее интересных «сюрреалистических стран» стала Испания. Это страна с богатым культурным наследием и удивительно красочной историей. В силу своего географического положения, Испания является носителем двух принципиально разных мировоззренческих типов.[2] Этот гремящий коктейль несомненно можно распознать и в работах испанских художников-сюрреалистов 20 века.

Основная религия Испании – католицизм. В стране имеется огромное количество старинных соборов и монастырей, тщательно охраняемых и почитаемых святынь. Эта глубокая религиозность несомненно проявляется в работах художников-сюрреалистов.

В произведениях самого яркого имени в истории сюрреалистической живописи – Сальвадора Дали, мы можем найти огромное количество религиозных символов. Сам художник утверждает: «...только духовные образы, могут спасти – этот безумный, безумный, безумный мир», и подтверждает свои словами не менее безумными картинами на библейские сюжеты.[3] В «Тайной вечере» и «Искушении Святого Антония» мы сразу же узнаем сюжет, лишь оригинальная манера художника (пейзажность) и новые образы (слоны на длинных, хрупких ногах) дают нам понять, что это уже неклассическое произведение. Также христианские образы встречаются и в других произведениях знаменитого художника – недвусмысленные ангелы в «Меланхолии» и «Павшем ангеле»; распятый Христос в «Распятии» и «Христосе св. Иоанна Креста» и, конечно, образ Девы Марии в «Мадонне Порт-Льигате».

Военная тематика и страдание занимают особое место в творчестве испанских художников. Сначала кажется удивительным, но в картинах Хуана Миро выражено то самое настроение неуверенности и страха в нестабильные годы.[4] Гражданские войны, установление нового режима – все это очень волнует патриота-Миро. Чтобы выразить свое отношение к действительности, отдать дань страданиям своего народа, показать его выносливость и силу, художник пишет ряд картин. Картина Миро «Натюрморт со старым ботинком» также является выражением беспокойства автора по поводу ситуации в Испании. Бедность, голод, зло и отчаяние – художнику удалось передать предвещающее войну настроение в одном произведении. Знаменитый художник Пабло Пикассо, в период наиболее близкий к эстетике сюрреализма, выполняет ряд работ «Мечты и ложь Франко». Композиция из 9 работ посвящена диктатору Франсиско Франко, изображенному в виде отвратительного чудовища, выполненному в гротескной форме.[5] Главарь здесь выступает разрушителем испанских традиций, вруном,

навлекшим на страну насилие и нищету. Еще одна картина Пабло Пикассо, созданная под впечатлением от бомбардировки города Герника, изображает страдающих людей и животных, мертвых и умирающих. Картина была написана всего за один месяц, что говорит о глубоком переживании автора над равнодушием войны перед человеческой жизнью.

Хуан Миро в своих произведениях не пренебрегает еще одним художественным методом – детализацией. Его произведения тщательно проработаны и каждый элемент хоть и условен, но обладает огромным количеством мелких деталей. В качестве примера можно взять его работу «Вспаханная земля». Здесь мы можем наблюдать разнообразие форм и цвета. Каждому элементу в картине художник уделил особое внимание. То же самое можно сказать и о картине «Карнавал Арлекина». Ее невозможно охватить взглядом одновременно, она требует тщательного изучения, ведь внутри нее – целый мир текучих форм. Лишь изредка нам попадаются на глаза знакомые очертания кошек с длинными усами, нелепых рыб, петухов, играющих на гитаре.[4] Складывается впечатление, что художник использует реальные образы, искажает их, прорабатывая цвет и форму, и переносит в другой мир, наполняя уже другим смыслом.

Польская культура-культура пограничная, находящаяся на стыке Востока и Запада, а значит вбирающая в себя черты принципиально различных культурных характеров. Строгость, каноничность и мистицизм на Востоке и импульсивность, тяга к экспериментам на Западе тесно переплетаются в произведениях польских художников. Несмотря на взаимопроникновение художественных традиций различных народов, польское искусство обладает собственной идентичностью.[6] Эта идентичность находит себя в патриотических тенденциях и стремлениях доказать свою независимость.

Одним их основных мотивов для творчества служит военная тематика. Она прослеживается во всем польском искусстве 20 века. Страшные годы оккупации, концлагеря, трагедия холокоста отзываются в душе каждого человека, тем более творческого. Военные образы можно встретить в произведениях разных направлений – сюрреализм, экспрессионизм, реализм. Постапокалиптическая тематика, плавно вытекающая из военной, также прослеживается в творчестве многих польских художников. Такие сюжетные повороты можно увидеть в произведениях Яцека Йерки и Здислава Бексински. Работы Яцека Йерки выставляются в Польше, Германии, Франции, Монако и Соединенных Штатах, а также находятся в ряде коллекций по всему миру. Стиль художника определяют как реалистичный сюрреализм или стиль фэн-тази. В полотнах постоянно прослеживаются постапокалиптические мотивы в основном это заброшенные дома, мосты и дворцы в стиле барокко, заросшие растениями. Художник не отделяет природу от человеческого быта – зеленые папоротники и клубничные деревья прорастают прямо на кухнях, мощные ветки пробиваются к солнцу сквозь пианино, леса вырастают на крышах целых деревень. Сказочный мир

Яцека населен диковинными животными – скрещенной с каракатицей «волгой», кораблем в виде дракона, мохнатым будильником и так далее. Все говорит об остром желании художника быть в единении с природой, избегать суеты больших городов. Другой художник данного направления – Здислав Бексински не так позитивен и оптимистичен. Несмотря на мрачность работ и, казалось бы, ужасающее мировосприятие, о художнике всегда отзывались хорошо, он был очень оптимистичен и приветлив. Тем не менее, в картинах художника кажется, нет ничего живого, ужасающая постапокалиптическая тишина поглощает мир и разбирает его по кусочкам.

Польша – это католическая страна, где основная религия – христианство, направление – католицизм. Христианская иконография, праздники и обрядность окружены особым почтением и уважением. Несмотря на это обстоятельство, а, может быть, именно благодаря нему, многие польские художники достаточно свободно используют религиозные символы, отрывая их от традиционного контекста, вкладывая новый смысл. Художественные провокации такого рода в Польше имеют свой социальный подтекст, задевают за живое, призывают задуматься над поверхностным, автоматическим следованием религиозным обрядам. [7]

Христианские мотивы прослеживаются в творчестве Здислава Бексински – распятые тела на крестах, скелеты, идущие к солнцу с распятием в руках, священники с изуродованными лицами. Страдающих, плачущих, павших ангелов мы можем наблюдать в картинах Дариуша Завадски. С раннего детства Дариуш рос с необыкновенной чувствительностью к миру, его картины очень эмоциональны и чувственны. [8]

Еще один представитель польского сюрреализма Рафал Олбински почти всю свою жизнь посветил созданию обложек. [9] Работы Рафала будоражат воображение, его образы загадочны и непонятны, они пропитаны духом сюрреализма и присущим ему символизмом. Мимо удивительных постеров невозможно пройти – художник использует знакомые всем образы в неожиданном амплуа, странных ситуациях на грани возможного и невозможного. Полуголая Джоконда в виде голливудской актрисы, алые паруса из роз, шекспир в центральном парке Нью-Йорка, выгуливающий бультерьера – такое может прийти в голову только человеку с очень богатой фантазией. Техника художника безупречно отточена, его картины легко запоминаются и выделяются благодаря оригинальным сюжетам. Не зря работы завоевали мировое признание и вошли в коллекции Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Фонда Карнеги в Нью-Йорке, Корпорации Searle, Browne and Co, Нью-Йоркского Национального Клуба Искусств, так же, как и в многочисленные частные собрания в Соединенных Штатах, Европе, Азии и Южной Америке.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что тематика сюрреализма разнообразна, и всегда обусловлена историческим настоящим и прошлым страны. Основными мотивами в творчестве испанских художников можно назвать войну, страдание, религиозность. Для передачи

своих мыслей и идей творцы используют символизм, детальную проработку образов и отстраненные пейзажи. Главные темы произведений польских художников: война, религиозность постапокалиптическая Земля, сказочность. Специфика жанра в этой стране обладает уникальными чертами (детализация, пейзажность, оригинальная тематика), рождается и развивается на стыке исторического прошлого Польши и сформировавшихся черт жанра сюрреализм.

Литература

1. Андреев, Л.Г. Сюрреализм./ Л.Г. Андреев. – М.: Гелеос, 2004 – 352 с.
2. История Испании. [Электронный ресурс]. – URL: <http://about-spain.ru/history/> (Дата обращения: 20.03.2013)
3. Мир Сальвадора Дали. [Электронный ресурс]. – URL: <http://daliworld.narod.ru/> (Дата обращения: 22.03.2013)
4. Хуан Миро. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.joan-miro.ru/> (Дата обращения: 23.03.2013)
5. Пабло Пикассо. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pablo-ruiz-picasso.ru/> (Дата обращения: 22.03.2013)
6. Искусство Польши. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/Iskuss1/59.htm> (Дата обращения: 27.03.2013)
7. Сюрреализм в работах польских художников. [Электронный ресурс]. – URL: <http://blog.i.ua/community/1952/896605/> (Дата обращения: 29.03.2013)
8. Польская живопись. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.epoland.ru/kultura/malar.php> (Дата обращения: 24.03.2013)
9. Энциклопедический словарь сюрреализма. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – 584 с.

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Воронкин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. Г. Тимошенко, к.п.н., доц.

История развития народных инструментов в России насчитывает не одно столетие. Из поколения в поколение, непрерывно видоизменяясь, совершенствуясь, искусство наших предков являло собой неотъемлемую часть их духовной жизни. На основе народной музыки возникли практически все национальные профессиональные музыкальные культуры. В современной практике она является оплодотворяющей силой как для профессионального, так и для различных форм любительского искусства.

Со временем бытование русских народных музыкальных инструментов и их применение изменилось. В прошлом веке большой популярностью пользовалась гармошка, балалайка, выступающие в качестве музыкального сопровождения во время любого пиршества [1, с.42].

С течением времени, под влиянием социальных и исторических изменений в обществе, изменилось сознание людей, и сегодня немного найдется любителей повеселиться под балалайку и гармонь. Однако, несмотря на это, и в наш век электронной музыки широко бытует исполнительство как на гармошке, балалайке, так и на домбре и гуслях, нашедшие свое применение в оркестрах русских народных инструментов.

К сожалению, сегодня остро стоит проблема наполнения оркестров профессиональными исполнителями и связано это, в первую очередь, не только с тем, что интерес к народной музыке и народным музыкальным инструментам пропал у современной молодежи, но и с тем, что в настоящее время набор в музыкальные школы и колледжи культуры и искусства очень маленький по сравнению с прошлым столетием. Еще одна проблема заключается в отсутствии строгого отбора обучающихся в эти учебные заведения (как это было когда-то). Подготовка же профессионального исполнителя на музыкальных инструментах – это не подготовка фольклориста, занимающегося исключительно фиксацией и сохранением в неприкосновенности народных музыкальных древностей – это многолетний труд (начиная с самого раннего детства).

Во всех перечисленных случаях решение проблемы бытования русских народных музыкальных инструментов, привлекающих индивидуальностью звучания тембра и оригинальностью, может помочь современной молодежи в национальной идентификации и знакомстве с русской музыкальной культурой.

К счастью, сегодня предпринимаются попытки популяризации народных музыкальных инструментов. Первые шаги были сделаны Алексеем Архиповским, который применяя современные технологии звуковых эффектов, таких как «комбик» для усиления звука, «звуковые процессоры», «расщепление звука» – расширяет возможности игры на балалайке.

Сочетание интереса к традиционной народной музыке и современного мышления позволило А. Архиповскому стать одной из центральных фигур движения «Этносфера» и принять участие в ряде амбициозных проектов, среди которых выступления на Саммите «Большой восьмерки» в г. Санкт-Петербурге и стран СНГ в г. Сочи [3].

В настоящее время русские народные инструменты (как правило, баян, балалайка, гусли, реже духовые и ударные инструменты) используются в составе эстрадных ансамблей. В одних случаях это группы, работающие в стиле «этно» или близкие к ним по стилю, и тогда народные инструменты являются неотъемлемой частью звучания ансамбля (например, варган, гусли, колесная лира, деревянные духовые в группе «Разнотравие» – рыбинская группа, работающая в стиле фолк-рок). В других случаях они составляют контраст с основной инструментальной группой, но это необычное сочетание является своего рода визитной карточкой коллектива (например, гусли в рок-группе «Иван-царевич»). Иногда инструменты включаются эпизодически или в отдельную программу с целью подчеркнуть ее «народность» (например, баян,

балалайка в группе «Любэ») [4]. Таким образом, и современная массовая культура не исключает возможности обращения к русским народным инструментам.

В настоящее время для баяна (аккордеона), гитары, гуслей, балалайки, домры создан значительный репертуар, основу которого составляют и традиционные народные мелодии в современной аранжировке, и авторские сочинения, записанные в системе нотной традиции. Именно это направление для народных инструментов вкладывается сегодня в понятие «народная музыка» [5, с.128].

Таким образом, особенности бытования русских народных музыкальных инструментов заключаются в том, что композиторы и исполнители на народных музыкальных инструментах на основе народных мелодий создают новые конструкции в соответствии с новым художественным содержанием, новыми элементами музыкального языка и запросами социума.

Литература

1. Бачкарев В. Н. Музыкальные инструменты. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. 176 с. (*Монография*)
2. Толмачев Ю. А. Народное музыкальное творчество: Учебное пособие. Тамбов: Издательство ТГГУ, 2006. 120 с. (*Учебное пособие*)
3. Алексей Архиповский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arkhipovskiy.com> (дата обращения: 15.03.2013).
4. Этнический центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etno-center.ru/musicians/arkhipovsky/>
5. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры: монография. В двух томах. Долгопрудный: «Аллегро-пресс», 1994. 344 с. (*Монография*)

ГИПЕРРЕАЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

О. А. Губеева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Гиперреализм (фотореализм) – направление в изобразительном искусстве последней трети XX в., сочетающее предельную натуральность образов с эффектами их драматического отчуждения. Живопись и графика тут зачастую уподобляются фотографии, скульптура представляет собой натуралистические тонированные слепки с живых фигур. Многие мастера гиперреализма (живописцы Ч. Клоуз и Р. Эстес, скульпторы Дж. де Андреа, Д. Хэнсон в США) близки поп-арту с его пародиями на фотодокумент и коммерческую рекламу; другие же продолжают идею магического реализма, сохраняя более традиционные структуры станковой композиции. В 1973 Иса Брахот предложил термин “гиперреализм” как мягкий французский синоним слишком жесткого слова “фотореализм”.

Гиперреализм порожден проблемами современной эпохи, как ответ на ее вызовы, поэтому он актуален. Социальный смысл заключается в том, что гиперреализм показывает следствия чрезмерной урбанизации, разрушения экологии среды, доказывает, что мегаполис создаёт вредную для человека среду обитания. Главная тема гиперреализма – *обезличенная механизированная жизнь современного города*, что является довольно серьёзной проблемой для современного общества. Круг основных тем и сюжет гиперреалистов связан с современной городской цивилизацией – виды магазинов, ресторанов, жилых зданий, бензозаправочных станций, автоматов. Современные гиперреалисты включают людей, различные объекты, совмещают стилистику гиперреализма с кинематографом. Всё это определяет актуальность данной темы.

В середине восьмидесятых годов новое поколение гиперреалистов выдвигало новые цели и программы. В чём же меняется гиперреализм, куда отныне направлен его вектор? Изменения коснулись, прежде всего, жанровых предпочтений. «Урбанистический жанр» сменился камерным. Следовательно, обзор и фиксация «макромира» (мира внешнего, окружающего) превратились в пристальное наблюдение за существующей социальной средой. И на это были причины общего социально-психологического характера, не зависящие от художников. Этот момент также является очень важным для современного человека.

Для нашего времени, как отмечают социологи и социопсихологи, вообще характерно предпочтительное общение в малой группе, так называемое «микрообщение». Его значение всё более возрастает, что объясняется некоторыми факторами современного образа жизни: её интенсификацией, ростом внешних воздействий на человека в большом городе, напряжением его психической жизни. Ушла в прошлое замкнутая среда: двор или тихая улица. Огромный городской организм не воспринимается человеком целостно, он дробится в сознании на: дом – работу – магазины – транспорт – места досуга – квартиры друзей...

Многие молодые художники, так или иначе, обращались к проблемам общения в микросреде, этим были затронуты представители разных стилистических направлений, в том числе и фотореализма. Художники в художественной форме пытались осознать внутренние свойства этого важного элемента современной социальной психологии. Цель тщательного фиксирования сцены – уловить момент наибольшей естественности поведения человека, выявить максимальную подлинность человеческих взаимоотношений, непосредственно наблюдаемых в момент развития. В этом смысле, по мнению художников, образ традиционной живописи передаёт натуру без отбора, непосредственно, и потому лжив.

Анализируя источники для изучения гиперреализма, можно отметить, что по данной теме нет фундаментальных исследований, за исключением работы О. Т. Козловой «Фотореализм» [2], в которой сопоставляются аспекты русского гиперреализма с западным. Поэтому основными источниками информации для написания статьи послужили

интернет-ресурсы по истории и особенностям гиперреализма [3,4,7] и представителям направления [5,6,8].

Цель данной статьи – попытаться ответить на вопрос: нужен ли сегодня гиперреализм современному обществу? Может ли он продолжать развиваться? Не просто существовать, а именно развиваться? Этот вопрос себе задавали и по-разному на него отвечали сами художники-гиперреалисты ещё в середине 1980 г. И вот снова он как будто актуален.

Художественная концепция данного направления – обезличенная живая система в жестоком и грубом мире; искусство призвано противостоять поглощению человека цивилизацией.

При обилии названий достаточно длинного терминологического ряда, в них присутствует общее смысловое ядро, заключающееся в слове «реализм». Оно является ключевым и сразу порождает вопрос: в чём причина подобного возрождения «реализма» в современной культуре?

Интересующее нас явление возникло в Америке и Европе практически в период одновременного расцвета абстракции, минимализма, экшен-арта. На фоне абстрактных панно, минималистских простейших структур, концептуальных объектов (то есть преобладания очищенного от сюжетности) постепенно восходила звезда фотометода. Ориентация на фотографию означала для изобразительного искусства возврат к сюжетной картине.

Наиболее мощной и стилистически проявленной была американская школа, возникшая на базе поп-арта как реакция на засилье живописно-экспрессивной абстракции и минимализма, а её наиболее яркими представителями – художники калифорнийской группы М. Моорли, О. Флэк, Р. Бехтль, Ч. Клоуз, Р. Эстес, Д. Кесслер.

Гиперреализм – одно из направлений постмодернизма. Пафос этого направления – не преобразование материи мира в картину, а констатация существующего объекта, факта, правдивая передача жизненных связей. Для гиперреализма характерно отсутствие авторских эмоций и бесстрастное изображение. Его цель – показать повседневную жизнь максимально детально и реалистично, обострить зрительское восприятие обыденности, таким образом, он скорее создаёт не реальность, а иллюзию реальности, но, в отличие от сюрреализма, изображаемое им может существовать в действительности. Художники фокусируют внимание на блестящих, отражающих свет поверхностях, добиваясь эффекта шлифовки, а значит, взаимопроникновения пространств.

В 1960–1970-е годы художники-гиперреалисты использовали механические способы копирования фотоизображений – аэрограф (вместо кистей), лессировка, эмульсионные покрытия, диапроекция и т. д., чтобы избежать любых проявлений авторского стиля и подчеркнуть механистичность. В традиционной живописи важен не только цвет, но и манера его нанесения – мазок, гиперреалисты же устранили следы авторского присутствия в картине, шлифуют и полируют поверхность картины, затирая и убирая всякие следы работы кистью.

Первые гиперреалистские работы появились во второй половине 1960-х годов как реакция на концептуализм, художники использовали принципы натурализма и прагматизма. Эпицентром бытия и распространения гиперреализма стала Германия. Распространение же этого направления в других странах происходило не только через непосредственное, но и косвенное влияние, и в силу одинаковых художественных запросов современников – в разных концах света. В СССР ориентиром развития живописи был реализм, однако гиперреализм не был оценён как приемлемое художественное направление. В Эстонии, Латвии, России, Украине в 1970-1980-е годы художники и в живописи, и в скульптуре развивали в ситуации андеграунда антиофициозные художественные принципы гиперреализма.

«Гиперреалист-романтик» – так говорят о современном испанском художнике Хосе Антонио Соролья. С 1983-го года его работы выставляются в различных галереях Европы и Америки. Теперь и у московской публики есть возможность познакомиться с его картинами. «Небо, облака и спина» – подобную картину многие из нас видят часто. Разглядывать такие детали пейзажа решил и испанский художник Хосе Антонио Соролья. Своим зрителям он намеренно не показывает эмоции героев, но можно догадаться, куда устремлен взгляд персонажа и о чем он сейчас думает. Только силуэты, позы и личные вещи дают подсказку, кто изображен на картине. Зрителю остается лишь представить, какими могли быть черты лица героев, улыбка, цвет глаз. Казалось бы, на полотнах, пропитанных испанским солнцем, должны появиться не только четкие силуэты героев, но и буйство красок природы. Но Хосе Антонио Соролья пишет сдержанно. Его небо – часто хмурое, закатное или безмятежное, а море холодное, почти северное. Художники видят в этом романтическую и философскую натуру мастера, и отмечают – «это новая волна современного гиперреализма». «Сейчас как раз второе рождение гиперреализма, – рассказывает куратор выставки Сорольи в Москве Ирина Филатова. – Первая волна была в конце 60-х – начале 70-х, американский гиперреализм, а в начале XXI века снова направление стало актуальным гиперреализмом» [8].

Уроженец Шотландии Пол Кадден (PaulCadden) является художником мирового уровня, который отдает свое предпочтение гиперреализму, как наиболее востребованному и перспективному в последнее время направлению современного искусства. При помощи таких простых материалов, как графит и белый мел, Пол может воссоздать на полотне практически любую фотографию, уделяя особое внимание мелким деталям, которые мы зачастую просто не замечаем.

Другие Художники, работающие в жанре и стилистике гиперреализма: Бернардо Торренс (BernardoTorrens), Мэл Рамос (MelRamos), Скотт Прайор (ScottPrior), Уилл Коттон (WillCotton), Жак Боден (JacquesBodin), Педро Кампус (PedroCampos), Чак Клоуз (ChuckClose), Жиль Эно (GillesEsnault), Рон Мьюек (RonMueck), Роберто Бернарди (RobertoBernardi), Чиара Албертони (ChiaraAlbertoni), Рафаэлла Спенс (RaphaellaSpence) и др.

Среди гиперреалистов стоит отметить творчество скульптора Эвана Пенни. Глядя на его скульптуры, кажется, что они сейчас очнутся и окажутся настоящими людьми, повернут голову, заговорят. настолько реалистично выглядят эти гиганты, превышающие размеры обычного человека в несколько раз. Своих героев Пенни делает из силикона с использованием пигмента и натуральных волос, что добавляет им схожести с живыми людьми. Среди последних работ скульптора есть два автопортрета «youngself» и «oldself», показывающих, как внимательно автор анализирует влияние времени на собственную личность и на человека в принципе.

Наиболее известный из скульпторов-гиперреалистов – Джон де Андреа, чьи выполненные в натуральную величину скульптуры исполнены с эротико-иронической холодностью. С ними согласуется физиологизм персонажей-прототипов скульптур Дуэйна Хэнсона, а также гиперреалистическая сексуальная символика мощных фигур атлетического реализма Роберта Грэхема.

Существуют и критические взгляды на гиперреализм. Сомнение и даже недоверие – это первое, чем был встречен гиперреализм. Ноты недоверия прозвучали в ряде буржуазных общественно-политических и научных журналов, которые обращают внимание только на те явления художественной жизни, которые становятся общественным событием. Критические взгляды получили выражение, например, в статье Ж. Баррьера «Стоп гиперреализму!» [7]. Баррьер усматривает в намерениях гиперреалистов исходные изобличительные (а отнюдь не утверждающие) начала, но вся художественная система этого течения, по его мнению, дает противоположный результат, поскольку приводит к констатации и утверждению банальнейших американизмов. Гиперреалисты обвиняются в том, что они техницизмом своей живописи совершают непростительные прегрешения против искусства, а вместо изображения реальности создают нечто шокирующее, задевающее эстетические чувства. Однако развитие искусства XX в. тесно и разносторонне связано с развитием техники, и никакие громы и молнии, обрушенные на нее, ничего не объясняют, а главное, не могут ничего изменить.

Положительным вкладом гиперреализма в художественные возможности искусства является развитие навыков и способностей точно воспроизводить предметы окружающего мира и раскрытие характерных черт городской культуры. Возникнув на Западе и у нас не как мода, а как естественное стремление художников осмыслить глобальные перемены вокруг, гиперреализм дал искусству XX века свою идею, с ней он в её историю и входит.

Литература

1. Боров Ю. Б. Художественная культура XX века: теоретическая история: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 495с. (Учебник)
2. Козлова О.Т. Фотореализм. М.: Галарт, 1994. 144с. (Монография)

3. Гиперреализм Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гиперреализм> (дата обращения: 20.03.2013).
4. Гиперреализм – история, особенности, представители [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/wiki/гиперреализм> (дата обращения: 23.03.2013).
5. Искусство Пола Каддена: гиперреалистичные картины, нарисованные графитом и мелом [Электронный ресурс]. URL: <http://unnatural.ru/paul-cadden> (дата обращения: 23.03.2013).
6. Гиперреалистичные гиганты Эвана Пенни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/art-radar/132751-giperrealistichnye-giganty-evana-penni> (дата обращения: 23.03.2013).
7. Внешние характеристики гиперреализма [Электронный ресурс]. URL: <http://blagodatni.ru/219.html> (дата обращения: 27.03.2013).
8. Выставка работ испанского художника Хосе Антонио Сорольи открылась в Москве [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/42 (дата обращения: 28.03.2013).

ГОЛЛАНДСКИЙ НАТЮРМОРТ И ЕГО ЭПОХА

Л. А. Губеева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доцент

Одним из интереснейших и своеобразных жанров живописи является натюрморт. Уже не одно столетие голландский натюрморт привлекает к себе внимание. Именно в нем, наряду с голландским пейзажем, особенно четко проявились национальные черты. Но что особенно ценно сегодня, это то, что нас так же, как и тогда, волнуют в натюрморте не сами предметы, а предчувствие, размышление о быстротечности земных благ, предупреждение о тленности бытия, и даже тревога и неизбежность смерти. Для того, чтобы передать настроение Голландии эпохи XVII века, мастера использовали определённые символы в своих работах. В наше время художники используют те же символы, что и голландские живописцы XVI–XVII веков, но переводят их на современный язык. Поэтому работы известных голландских художников, которые стояли у истоков натюрморта, до сих пор являются примером для подражания. Голландское искусство всегда было и останется актуальным для потомков.

Для исследования культуры эпохи XVII века оказались полезными работы Д. М. Зарецкой [1] и В. В. Смирновой [1]. В статье М. Костыри [2] акцентируется внимание именно на голландской культуре, выделяются основные черты изобразительного искусства Голландии XVII столетия, а также исследуется голландский натюрморт [2, 3].

Целью исследования является выявление влияния эпохи XVII века на искусство того времени, а именно на голландский натюрморт.

XVII век – это начальный этап Нового времени. Общая картина художественной картины XVII века отличалась небывалой сложностью и контрастностью явлений. Главное, что характеризует историю

западноевропейской культуры XVII века – это переходность, кризисность эпохи. Рушатся вековые устои, опровергаются многие истины, считавшиеся непреложными в течение веков, проявляются черты нового буржуазного порядка. Человек стал ощущать себя частью общественного целого, противостоять законам которого он бессилён. Именно в XVII веке непреодолимая преграда между личностью и обществом открывается мыслителям и художникам. Переход от Возрождения к XVII веку в мировоззрении и психологии людей – это переход от безграничной веры в человека, в его силу, энергию, волю, от представлений о гармонически организованном мире с героем-человеком в центре к разочарованию, трагическому диссонансу человека и мира, к новому утверждению человека как частицы огромного разнообразного и подвижного мира. Художественная культура более тесно и непосредственно, чем в прежние времена, связана с миром реальной действительности. Как никогда прежде, она насыщена социальным климатом эпохи. В искусстве XVII века человек выступает в более явном соотношении с обстоятельствами его жизни и окружающей его среды. Расцвет философского и научного знания, основанного на опыте, усиливали прямое воздействие науки и философии на эстетическую мысль художественную практику XVII века.

Глубинность, пространственность, сложное единство, проникнутость в движении, динамика, контраст, чувство связи героя со средой – в этих общих чертах читается единство искусства XVII века.

Все виды искусств развивались не параллельно, а на основе органической взаимосвязи, но архитектура занимала ведущее положение. В то же время XVII век положил конец традиционной форме развития художественного стиля. В сферу искусства вошло множество новых тем, предметов, воззрений, а также новых средств художественной интерпретации. Объединить всё это многообразие в рамках одной стилевой системы, единой для всех национальных культур Западной Европы, оказалось невозможным. В XVII веке возникли две стилевые системы – барокко и классицизм; параллельно формируется новая внестилевая форма художественного творчества, с которой связана деятельность самых смелых мастеров искусства, реалистически воспринимающих окружающий мир.

XVII столетие было временем высокого подъёма для многих национальных художественных школ Европы. Почетное место среди них принадлежит Голландии. Впервые в одной из стран Европы установился буржуазно-республиканский строй, к власти пришла буржуазия. Главным источником прибылей была не промышленность, а посредническая торговля, расширявшаяся благодаря колониальной политике. Молодое государство, только что обретшее национальную независимость, в необычайно быстрые сроки выдвинулась в число могущественных мировых держав и главных очагов европейской художественной культуры. Независимость и благосостояние – вот на чём покоился расцвет культуры Соединённых провинций. Бюргеры, как наиболее активная, образованная и влиятельная часть населения, желали видеть

свою Голландию просвещённой страной, покровительницей науки и искусства. Здесь находили убежище передовые мыслители того времени.

Самого большого расцвета в Голландии достигла живопись. Именно она наиболее ярко выразила мироощущение голландского народа и стала огромным вкладом этой маленькой страны в мировое искусство. «Всё окружающее, реальная действительность, самые обычные и непритязательные проявления впервые в мировой истории стали главной темой творчества. Так, вслед за революцией в жизни голландцы совершили революцию в искусстве» [2, с.151]. Они первые в Европе были освобождены от давящего влияния придворных кругов и католической церкви и создавали искусство демократическое и реалистическое, непосредственно отражающее социальную действительность.

Протестантизм (кальвинизм как его наиболее суровая форма), вытеснивший полностью влияние и господство католической церкви, привел к тому, что духовенство в Голландии не влияло на искусство в такой степени, как во Фландрии и тем более в Испании или Италии. У голландских художников был другой заказчик: бюргеры, голландский магистрат, украшавшие не дворцы и виллы, а скромные жилища или общественные здания, – поэтому и картины в Голландии этой поры не больших размеров. В Голландии церковь теперь не играла роли заказчика произведений искусства: храмы не украшались алтарными образами, ибо кальвинизм отвергал всякий намек на роскошь; протестантские церкви были просты по архитектуре и никак не украшены внутри. Кальвинистская мораль требовала в быту аскетизма, умеренности, бережливости. Скрытый символизм пронизывает множество голландских картин, где тот или иной предмет, сцена, либо жест имеют особый смысл, чаще всего назидательный. Кальвинистская религия была к искусству равнодушна, поэтому подавляющая часть голландских картин производилась для продажи на рынке, где их покупали купцы, бюргеры, интеллигенция и даже зажиточные крестьяне. Небольшие картины в чёрных лакированных рамах служили главным украшением комнат голландского дома, а также они были предметом коллекционирования, приобретались для вложения средств, спекуляций, в конце концов, превратившись в особый сорт товара.

Чтобы работы того или иного живописца покупали, они должны были быть оригинальны и, конечно, исполнены на высочайшем уровне. Поэтому кроме повышенного интереса кокружающему миру, существовали ещё и чисто практические причины для возникновения такого уникального явления голландской живописи, как узкая специализация по жанрам. Будучи специалистом в каком-либо одном жанре или поджанре, художник мог достигнуть в них высокой степени мастерства, а значит, быть заметной фигурой на художественном рынке. Бытовой жанр делился на сцены из жизни состоятельных бюргеров, крестьян, военных, интеллигенции; пейзаж – на марину, панорамные, лесные, зимние, городские виды и т.д.; натюрморт – на цветочный, фруктовый, рыбный, скромные завтраки и пышные десерты и пр. Отсюда невероятное тематическое разнообразие голландской живописи.

Значительное распространение получил в Голландии натюрморт, отличавшийся интимным характером. «Малые голландцы» отразили в своих работах мир предметов, живущих своей тихой, застывшей жизнью. Термин «застывшая жизнь» стал употребляться для обозначения жанра в середине XVII века, поначалу в Нидерландах. До этого художники называли подобные картины, описывая сюжет: «Маленький завтрак», «Букет цветов», «Охотничий трофей», «Суета сует». «Натюрморт – один из жанров, в котором голландские национальные черты проявились особенно четко. Возьмем ли мы натюрморты, изображающие утварь скромного обихода, столь обычные в голландской живописи и очень редко встречающиеся во фламандской, или натюрморты с предметами быта зажиточных слоев общества, натюрморты Питера Класа и Виллема Хеды, окутанные холодным рассеянным светом, с почти монохромной красочной гаммой, или написанные позднее натюрморты Виллема Кальфа, где по воле художника золотистое освещение вызывает к жизни из полумрака формы и живые краски предметов, – им всем свойственны общие национальные черты, которые не позволят смешать их с картинами другой школы, в том числе и родственной фламандской» [3]. В голландском натюрморте всегда ощущается спокойная созерцательность и особая любовь к передаче реальных форм осязаемого материального мира. Голландские художники выбирали для своих натюрмортов самые разнообразные предметы, умели прекрасно скомпоновать, выявить особенности каждого предмета и его внутреннюю жизнь, неразрывно связанную с жизнью человека.

Предметы, изображаемые на натюрмортах XVII века, композиционным центром которых был человеческий череп, имели скрытую аллегорию быстротечности всего земного и неотвратимости смерти. Эти произведения назывались *Vanitas*. Драгоценности, кубки, цветы и предметы роскоши в натюрмортах *Vanitas* увядают или изображены небрежно в беспорядке, обесценивающим земные достижения и благополучие человека. Все эти предметы лишь напоминают о бренности жизни, мимолетности удовольствий и ускользающей красоте. Это самые ранние натюрморты (*nature morte*) в европейском искусстве XVI–XVII вв. По мере распространения барокко натюрморты *Vanitas* становились все более жизнеутверждающими и пышными. Художники XVII века перестали изображать череп в центре композиции, а впоследствии и совсем от него отказались, так натюрморт стал независимым от религиозной морали жанром мировой живописи.

В разных городах были свои излюбленные виды натюрморта, и если живописцу случалось переехать в другой город, он мог резко изменить свое искусство и начать писать те разновидности жанра, которые были популярны в этом месте. Харлем стал родиной самого характерного вида голландского натюрморта – «завтрака».

Питер Клас (ок. 1597–1661) и Виллем Хеда (1594–1680/82) писали различные «завтраки», изображая на столе окорока, румяные булочки, ежевичные пироги, хрупкие стеклянные бокалы, изумительно передавая цвет, объем, фактуру каждого предмета. «Недавнее присутствие

человека ощутимо в беспорядке, случайности расположения только что служивших ему вещей. Но этот беспорядок лишь кажущийся, так как композиция каждого натюрморта строжайше продумана и найдена» [3]. Натюрморты Класа и Хеды наполнены особым настроением интимности и уюта, рождающим представление о налаженной и спокойной жизни бюргерского дома, где царит достаток и где во всем ощущаются забота человеческих рук и внимательных хозяйских глаз. «Голландские живописцы утверждают эстетическую ценность вещей, а натюрморт как бы косвенно воспекает и тот быт, с которым неразрывно связано их существование. Поэтому его можно рассматривать как одно из художественных воплощений важной темы голландского искусства – темы жизни частного человека» [3]. Со временем «завтраки» Класа и Хеды уступают место «десертам» Абрахама ванн Бейерена (1620/21–1690) и Виллема Кальфа (1622–1693). Натюрморты Бейерена строги по композициям, эмоционально насыщены, красочны. А Кальф на протяжении всей жизни писал в свободной манере демократические «кухни» – кастрюли, овощи и аристократические по подбору изысканных драгоценных предметов натюрморты, полные сдержанного благородства, словно насыщенные внутренним горением красок серебряные сосуды, кубки, раковины.

В Утрехте получил развитие пышный и нарядный цветочный натюрморт. Главные его представители – Ян Давидс де Хем, Юстусван Хейсум и его сын Ян ванн Хейсум, особенно прославившийся тщательностью письма и светлым колоритом.

В Гааге, центре морского промысла, Питер де Пюттер довел до совершенства изображение рыб и других морских обитателей, в их картинах присутствует блеск чешуи, в которой появляются розовые, красные, синие оттенки.

В дальнейшем развитии натюрморт идет теми же путями, что и все голландское искусство, утрачивающее демократизм, свою одухотворенность и поэзию, свое обаяние. Он превращается в украшение жилища высокопоставленных заказчиков. При всей декоративности и мастерстве исполнения поздние натюрморты предвосхищают закат голландской живописи.

Таким образом, всматриваясь в полотна голландских художников XVII века, мы можем, словно книгу, прочесть эпоху народившейся голландской буржуазии с её бытом, можем увидеть особенности незатейливой бюргерской жизни, проникая в которую, становится понятнее мир мыслей и устремлений живших тогда людей.

Однако для самих голландцев XVII столетия эти картины были полны смысла, они предлагали пищу не только для глаз, но и для ума. Картины вступали в диалог со зрителями, сообщая им важные моральные истины, напоминая об обманчивости земных радостей, о тщете людских стремлений, направляя мысль на философские размышления о смысле человеческой жизни.

Литература

1. Зарецкая Д. М., Смирнова В. В. Мировая художественная культура. М.: Издательский центр Аз, 1998. 330с.(Учебное пособие)
2. Костыря М. Малые голландцы: реальность и символика // Наука и жизнь. 1998. №6. С.150-160.(Научный журнал)
3. История зарубежного искусств // Artiques.ru[Электронный ресурс]. URL: <http://artiques.ru/taxonomy/term/56> (дата обращения:11.03.2013).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯН О ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Д. Н. Гуль

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Для языческого мировоззрения важную роль играют представления о потустороннем мире. В мифологии каждого древнего народа мы можем увидеть образ потустороннего, или загробного мира.

Представления о потустороннем мире у славян связаны с образом дремучего леса [1]. Его главное отличие состоит в том, что он находится не под землей, а на земле. Чтобы понять, с чем это связано, необходимо сделать краткий экскурс в историю. На рубеже IV–V веков, в результате движения племен гуннов от границ Китая на запад началось Великого переселения народов, в результате которого многие народы вынуждены были искать новые территории для обитания. Славянские племена, населявшие до этого районы современной Прибалтики и реки Эльбы начинают движение по трем направлениям: на север, юг и восток. Переместившись на восток, они оказываются в сложнейших условиях для выживания. Территория, на которую они пришли радикально отличается от той, где они жили до того. До переселения славяне преимущественно занимались земледелием, но новая территория была непригодна для этого, так как все ее пространство занимали густые и непроходимые леса, в которых водились опасные животные. Это привело к слому привычного порядка вещей и, далее, активной борьбе с лесом, которая не привела к положительным результатам [2]. Отсюда возникает страх перед лесом и огромной территорией, которую он занимает. В русских сказках лес выступает как нечто не совсем реальное, он темен, дремуч, в нем герой идет «куда глаза глядят». Образ леса, как потустороннего мира тесно связан со следующей категорией представлений – представлений о смерти.

Образ смерти наиболее полно сохранился в славянских сказках, потому что он отражает один из самых важных обрядов в социальной и духовной жизни славян – обряд инициации.[1].

Инициация – это переход индивида в число взрослых, бракоспособных. В частности включение в некоторый замкнутый круг лиц, и обряд, оформляющий этот переход [3]

В отличие от многих других обрядом инициация включает в себя миф как составную часть. Особенность структуры этих обрядов – их трехчастность: все они состоят из выделения индивида из общества (т.к. переход должен проходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкарнации в новом статусе или новой подгруппе сообщества. Инициация осмысливается как смерть и новое рождение, что связано с представлением о том, что, переходя в новый статус, индивид как бы уничтожается в своем старом качестве. Отсюда важнейшая в героических мифах и волшебных сказках, воспроизводящая схему инициации часть сюжета – испытания, которым герой подвергается в царстве мертвых или на небе, ли в другой стране, населенной злыми духами, чудовищами и т.п. [3].

Обряд инициации является важным переходом из детства во взрослую жизнь у многих языческих народов. В славянских сказках он описывается как переход из обычного мира в потусторонний. Уже говорилось о том, что потусторонний мир у славян находился в лесу. Отправление героя в лес всегда связано с какой-либо причиной, например, похищение молодильных яблок жар-птицей, или похищение молодой царевны Кощеем Бессмертным. Это символизирует трудности, с которыми герою придется столкнуться в потустороннем мире.

Смысл этого обряда заключается во вхождении в потусторонний мир с целью одоления смерти. Человек должен не только победить смерть, но остаться живым сам. В сказках смерть выступает в образе Кощея Бессмертного, или Змея, похищающего красавицу. Имя Кощея происходит от «кощь» или «кошть» – «сухой», «тощий», «худой» – изначально употреблялось как эпитет, а затем закрепилось за героем [4]. Смерть Кощея, как правило, хранится в игле, которая спрятана в сундуке, а сундук тот хранится под дубом.

В сказке мы всегда видим, что герой должен покинуть дом, но то, что побуждает его так поступить от нас обычно скрыто, но, тем не менее, не вызывает никаких вопросов. Это связано с тем, что в сказке нередко присутствуют два повествовательных ряда: первый – сакральный, язык мифов и ритуалов; второй – язык описательный, адаптирующий рассказываемые события, не лежащие в конкретных опыте и памяти рассказчика и слушателя. Пропп упоминает о том, что волшебные сказки, не смотря на то, что являются частью жанра, могут рассматриваться как отдельная система. Но в тоже время ни один сюжет волшебной сказки не может изучаться без другого, ни один мотив волшебной сказки не может изучаться без его отношения к целому [1].

Как правило, герой либо отправляется на поиски чего-либо, либо его выгоняет вредитель. Например, в сказках из сборника Афанасьева мы можем увидеть несколько подобных примеров: «Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке: – Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку ниточку – тебе рубашку сшить.» [5].

Итак, герой вышел из Дома, покинул социум, зачем и почему он так поступил, нам уже понятно – преодолеть страх перед новым и неизвестным человек может только покинув известное и привычное.

Перемещение героя в специфическом сказочном пространстве, его маршрут, путь, Дорога и составляют ось сказочного повествования. Конечная цель путешествия – независимо от причины, по которой герой отправился этой Дорогой – находится очень далеко, в “другом”, “ином” царстве. «Это царство может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали» [6].

Как правило, в волшебных сказках главный герой не может сам достичь цели. Для этого в сказку вводится новый персонаж – некий даритель, который и подскажет, и даст необходимые атрибуты, и направит по верному пути. Чаще всего в роли такого персонажа выступает Баба Яга, реже – какое-нибудь животное – волк, мышка, или ежик.

Существует несколько теорий происхождения имени Бабы Яги: от слова «Яша». Яша – ящур-прародитель, хранительница рода и традиций – заботливая, но очень строгая и требовательная Берегиня; от староукраинского «язі-баба» – «ведьма, волосатая гусеница». «Баба» – почетное слово на Руси. Баба – значит опытная, мудрая, ведающая [7]. Она выступает как хранительница тайного знания, которое недоступно обычным людям. Образ Бабы Яги очень сложен для исследования. Ее образ формируется из ряда деталей. Существует три основных типа Яги: Яга-дарительница, она помогает главному герою в борьбе со злом; Яга-похитительница – крадет детей, пытается их зажарить и съесть; и Яга-воительница, она нападает на людей, пытается разными способами их обезвредить и т.д. [1]. Ее образ тесно связан с представлениями славян о смерти. В сказках, связанных с обрядом инициации, Баба Яга выступает как положительный персонаж, она дает полезные советы, направляет героя, дает ему все необходимое.

Обряд посвящения производился всегда именно в лесу. В нем находится вход в потусторонний мир. В сказках лес выступает как нечто не совсем реальное, он темен, дремуч, в нем герой идет «куда глаза глядят». Пропп упоминает о том, что перед отправкой в лес нельзя было принимать пищу, т.к. это прием пищи в дальнейшем играет очень важную роль [1]. В этом же лесу находится и избушка на курьих ножках, в которой живет Баба Яга. Чтобы войти в избушку герою необходимо произнести заветные слова, непосвященный человек их не знает, но Ивану эти слова известны. Это может говорить о том, что героя изначально подготовили к инициации, дали ему всю необходимую информацию. Так, например, в сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич произносит следующее: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – ко мне передом, а к морю задом». Избушка поворачивается, Иван в нее входит, и первое, что он слышит – слова Бабы Яги: «Фу! Фу! Русской коски слыхом было не слыхать и видом не видать, а нынче русская коска сама на двор пришла!». В других интерпретациях эта фраза звучит следующим образом: «Фу! Фу! Русским духом запахло!». Далее Иван уже видит и саму Ягу: «на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит» [5]. Но здесь возникает вопрос, как понимать «нос в потолок врос»? И почему Яга занимает

всю избу? Ведь она нигде не описывается и не упоминается как великан. И, следовательно, не она велика, а избушка мала. Яга напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать. Она – мертвец. Именно поэтому ей так противен «русский дух». Согласно исследованиям Проппа В.Я. «здесь на мир умерших перенесены отношения мира живых с обратным знаком. Запах живых так же противен и страшен мертвецам, как запах мертвых страшен и противен живым. Как говорит Фрэзер, живые оскорбляют мертвых тем, что они живые» [1]. Избушка Яги представляет собой некий гроб, выполненный в виде дома. У славян известны подобные захоронения. Чаще всего подобным образом хоронили знатных людей. Для них сооружали небольшую избушку, куда клали все необходимое человеку в потустороннем мире [8]. Так как Баба Яга является мертвой, то совершенно очевидно, что она не станет помогать живому человеку, и Ивану необходимо совершить обряд, чтобы стать частью потустороннего мира. Именно поэтому первое, что делает Иван – обращается к Бабе Яге со следующими словами: «Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала». Помывшись в бане, Иван смыкает с себя ненавистный Яге «русский дух», а после принятия пищи мертвых он становится частью потустороннего мира. Таким образом, мы увидели, какие обряды человек совершал в потустороннем мире, и какие слова он произносил, чтобы стать частью этого мира. Сказка является своеобразной памяткой для человека, она описывает, что и как необходимо делать.

Выше уже упоминалось, что обряд инициации проводился с определенной целью – преодоление смерти. В сказках в образе смерти выступает Кощей Бессмертный или Змей. Но, как выясняется, Кощей вовсе не бессмертен, смерть его, по словам Бабы Яги «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт». «Высокий дуб» – огромная, нерушимая преграда, обычный человек не способен своими силами добыть сундук, стоящий на нем. Нахождение дуба именно в потустороннем мире, а также тот факт, что смерть кощева стоит именно на нем, символично, так как дуб олицетворяет собой Мировое древо. Неудивительно, что именно на этом дубу Кощей предпочел хранить свою смерть. Кощей Бессмертный является антонимом обычных смертных людей. Следовательно, его смерть является для людей жизнью. Смерть Кощей хранится на конце иглы, которая в свою очередь, хранится в Яйце – символе Мирового Яйца. Можно предположить, что в данном случае раскол яйца отламывание Иваном конца иглы несет не только смерть Кощей, но и возрождение всего живого мира.

Как мы видим, несмотря на строгое разграничение мифа и сказки, многие мифологические ритуалы нашли свое отражение в сказочных сюжетах.

В русских народных сказках мы можем увидеть не только полный образ потустороннего мира со всеми населяющими его существами, но

и один из наиболее значимых ритуалов не только для славян, но и для многих древних народов – обряд инициации. Он был тесно связан с переходом в потусторонний, в образе которого выступал «дремучий лес». Целью обряда было преодоление смерти.

Принимать участие в обряде инициации могут только посвященные, те, для кого этот обряд предназначен. Отмена таких ограничений, допущение, пусть даже только в число слушателей, посторонних приводит к тому, что миф превращается в сказку. Важной предпосылкой превращения мифов, имеющих обрядовую основу, в сказку «был разрыв непосредственной связи этих мифов с ритуальной жизнью народа. Отмена специфических ограничений на рассказывание мифа, допущение в число слушателей и непосвященных (женщин и детей) влекли за собой невольную установку рассказчика на вымысел, акцентирование развлекательного момента и неизбежно – ослабление веры в достоверность повествования. Из мифов изымается особо священная часть, усиливается внимание к семейным отношениям героев, их ссорам и дракам и т.п. Первоначально строгая достоверность уступает место нестройной достоверности, что способствует более сознательному и свободному вымыслу» [9].

Русские сказки являются одним из наиболее полных и достоверных источников для изучения различных составляющих мировоззрения восточных славян в дохристианскую эпоху. В них мы можем увидеть многие аспекты как духовной, так и материальной жизни народа.

Литература

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/index.php . Дата обращения: 27.03.2013.
2. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – URL: http://www.modernlib.ru/books/ribakov_boris/yazichestvo_drevney_rusi/read/ . Дата обращения: 24.03.2013.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2 томах). / под ред. С. А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1980. – Т.1. – 672 с.
4. Белякова Г.С. Славянская мифология / Г. С. Белякова. – М.: Просвещение, 1995. – 240 с.
5. Народные русские сказки: из сборника Афанасьева А.Н. / под ред. Ч. Залилова – М.: Художественная литература, 1979. – 348 с.
6. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp/index.php . Дата обращения: 11.04.2013.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. О.Н. Трубачев. М.: Прогресс, 1987 – Т.4 – 863 с.
8. Соболев. Загробный мир по древнерусским представлениям. – URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/ob/olev_00.htm . Дата обращения: 10.03.2013.
9. Мелетинский Е.М. Сказки и мифы. Мифы народов мира: онлайн-энциклопедия. – URL: <http://www.mifinarodov.com/s/skazki-i-mifyi.html> . Дата обращения: 26.03.2013.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОЕКТ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ХОР»

Е. Е. Гуткевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научный руководитель: О. Б. Иванова, доц.

Мы живём в то время, когда происходит не только активная смена научно-технологического уклада, но и сдвиг всей культурной парадигмы в целом. В современной действительности начинает формироваться новый, особенный формат жизни общества, особое мышление, преобладает ориентированность социума на новые технологии получения и обработки информации, её потребления. Сегодняшний прогресс науки и техники начинает менять привычный образ жизни: «технология», «технологичность», «технологизированность» – все эти понятия сегодня уже не воспринимаются как нечто далёкое от повседневности, а являются главенствующей «мыслью» общественной системы. Гуманитарное знание всегда являлось прочной основой этической стороны жизни общества. Именно гуманитарное знание направлено на человека, на осмысление процессов, которые происходят вокруг него. Человеческий потенциал, способность к креативному мышлению, интеллект являются одними из многих технологий гуманитарного знания. Личность XXI века – это точка, в которой стараются соединиться плоскости различных дисциплин и знаний. Интеграция естественных и точных наук с науками о человеке и обществе становится основной идеей современного научного мира [1, с.3].

Вопрос о культуре и её месте в сегодняшнем мире является сейчас всё более актуальным для многих исследователей и учёных. Процесс развития технологий и коммуникаций, появления новых жанровых систем в искусстве – это политический и макроэкономический процесс, описываемый современными теоретиками как становление креативной (творческой) экономики. Уже не физический труд (как в доиндустриальную эпоху), не машинное производство (как в индустриальную эпоху) и даже не только информация и знания (как в первую фазу постиндустриальной эпохи), а творческая способность или креативность, становится главным фактором развития всех экономических субъектов [2]. Хоровой коллектив представляет собой особую своеобразную организацию со своей структурой, а главной задачей дирижёра является не только художественное руководство, но и управление своим коллективом.

В структуре кафедры хорового дирижирования и вокального искусства Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского Государственного Университета есть коллектив – Академический женский хор ИИК НИ ТГУ. Будучи участником хора, в составе которого мои коллеги-студенты, я задумалась над тем, какую функциональную и смысловую нагрузку берёт и сможет взять наш хор

в различных пространственных контекстах, сможет ли наш хор и хоровой концерт вызвать интерес у жителей моего города. Поэтому совместно с художественным руководителем и дирижёром, доцентом кафедры хорового дирижирования и вокального искусства Ольгой Борисовной Ивановой, я занялась воплощением идеи в жизнь, созданием проекта «Академический женский хор Института искусств и культуры Томского государственного университета».

Единого общепринятого определения понятия «проект» в литературе не существует. Институт проектного менеджмента PMI (США) определяет проект как ограниченное во времени намерение создать уникальный продукт или услугу. Ограничение во времени подразумевает, что проект должен иметь фиксированное начало и фиксированный конец. При этом временные рамки проекта не имеют отношения к создаваемому продукту или услуге. Их жизнь может быть как многократно больше времени выполнения проекта, так и много меньше. Уникальность означает, что продукт или услуга имеет характерные отличия от всех подобных продуктов или услуг. Уникальность является существенным признаком проекта, т.е. выполнение рутинных задач не может составлять предмета проекта. Таким образом, проект характеризуется: 1. определённой целью; 2. определёнными средствами; 3. определённым временем выполнения; 4. уникальностью.

Первая функциональная плоскость: наш хор, в первую очередь, студенческий коллектив. Главная задача хора состоит в том, чтобы обеспечить полноценный процесс обучения студентов хоровому искусству, дать возможность на практике отрабатывать профессиональные навыки. В этой плоскости Академический женский хор Института искусств и культуры, как отдельный культурный продукт, имеет свои положительные и отрицательные стороны (табл. 1).

Таблица 1

Хор – культурный продукт

Академический женский хор ИИК НИ ТГУ Студенческий коллектив	
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ
Молодой состав исполнителей	Постоянная текучесть участников
Мобильность коллектива	Занятость во время учебного процесса, сессии
Готовность к новому опыту работы, концертной деятельности	Отсутствие самостоятельных финансовых ресурсов

Однако помимо того, что у хора есть образовательная функция, необходимость концертной деятельности достаточно очевидна. И здесь проявляется вторая функциональная плоскость «Академического женского хора», которая характеризует его как один из творческих коллективов Национального исследовательского Томского государственного университета. При рассмотрении хора как коллектива, базирующегося в здании университета, в котором проводится множество мероприятий различной направленности и уровня (конференции, заседания, учёные советы и др.), на первый план выходит возможность

участия коллектива в рамках культурной программы этих мероприятий. Это может быть и торжественное открытие (закрытие), и отдельная культурная программа. В данном случае наш коллектив, который насчитывает постоянный состав 30-35 человек, выигрывает за счёт своей мобильности, готовности исполнить программу по желанию оргкомитета мероприятия.

Одно из важных пространств общественной, в том числе, культурной жизни – городская среда. Культурная жизнь города Томска достаточно насыщена. Существует ряд концертных площадок, арт-холлов, культурно-досуговых учреждений. В Томске проводится множество концертов. При этом концертов хоровой музыки проводится гораздо меньше. Даже в том случае, если они проводятся, то посещает это мероприятие только узкий круг людей. Чаще всего молодым людям хорошая музыка кажется неинтересной, непривлекательной. С другой стороны, в Томске много общественных организаций, гражданских объединений, различных сообществ, благотворительных организаций и фондов, активно участвующих в жизни социума. Соединив две функциональные плоскости Академического женского хора, можно определить уникальность данного продукта. Коллектив мобилен, готов к различным видам партнёрской деятельности, может представлять собой новый формат академической хоровой музыки.

Целью моего проекта стало создание и воплощение «Рождественского благотворительного концерта Академического женского хора Института искусств и культуры», который прошёл 23 декабря 2012 г. в Евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии в Томске. Главным для реализации данного проекта стал поиск средств для его воплощения. Поскольку мероприятие планировалось на период празднования католического Рождества, было решено провести концерт именно в здании Евангелическо-лютеранской церкви, которая предоставила нам помещение бесплатно, поэтому была возможность проведения репетиций хора. Реклама и разработка эффективной коммуникации с аудиторией была возложена на нашу сторону. В настоящий момент институт «благотворительности» начинает развиваться с каждым годом. В Томске существует Фонд им. Алёны Петровой, с которым мы связались, предложив им возможность партнёрства, установив куб по сбору средств во время концерта, также была организована благотворительная акция «Добрая открытка».

Главной задачей при воплощении проекта стало выявление целевой аудитории. Особенность времени проведения мероприятия (Рождество), место, где будет проведен концерт, помогло конкретизировать нашу аудиторию. В целевую аудиторию были включены: прихожане церкви, любители немецкой культуры, а также горожане, изучающие немецкий язык, семьи с детьми. Таким образом, определившись с целевой аудиторией, была скорректирована программа концерта. Она включила в себя различные рождественские песни, не только классические духовные произведения, но и признанные творения современных зарубежных композиторов. Для распространения

информации были выбраны различные пути коммуникации. Мы сумели распечатать афиши, целесообразно разместить их в различных местах нашего города. Ими стали: кафе семейного типа (KlausKafe, Буланже, Traveler'sCoffe), Русско-немецкий дом, Русско-немецкий центр ТПУ, ряд музыкальных школ, музыкальный колледж им. Э. Денисова, II корпус ТГУ (факультет иностранных языков). Ниже приводится таблица, в которой приведено поэтапное воплощение проекта (табл. 2).

Таблица 2

Этапы реализации проекта

Этапы реализации проекта	Сроки выполнения этапов	Результаты
I. Начальный этап: Идея, Согласования, Начальное структурирование		
1. Возникновение идеи 2. Создание возможного плана проекта 3. Представление идеи руководству коллектива	Конец августа – начало октября 2012г.	→ Название проекта «Рождественский благотворительный концерт» → Начальная структура проекта
II. Этап «Контакта»: Окончательное структурирование, Выход в городскую среду, Организация		
4. Окончательное структурирование этапов проекта 5. Поиск места проведения концерта 6. Связь с Фондом 7. Процесс подготовки концертных номеров	Октябрь – ноябрь 2012г.	→ Согласование поэтапного плана с руководителем коллектива → Написание характеристики хора → Договорённость с церковью Св. Марии → Согласие Фонда на партнёрскую деятельность
Работа по рекламе мероприятия		
→ пресс-релиз → афиша → создание группы Вконтакте → работа с интернет-ресурсами г.Томска (tomsk.ru, afischa)		
III. Этап завершения: Результат, Анализ		
Непосредственное проведение концерта и подведение итогов мероприятия		

В ходе концерта и проведения акции «Добрые открытки» Фондом им. Алёны Петровой было собрано около 8000 рублей. Хор получил благодарственное письмо. Зрители оставили свои положительные отзывы. В апреле-мае 2013 г. Академический женский хор Института искусств и культуры готовится к новому выступлению в Евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии.

Таким образом, функциональное наполнение различных задач хорового коллектива привело к новому осмыслению его в контексте не только пространства университета, но и к переосмыслению в масштабе городской среды. Современные тенденции побуждают различные институты к взаимопроникновению, слиянию, межотраслевому и междисциплинарному сотрудничеству в различных областях жизнедеятельности. Студенческий хоровой коллектив способен проявить себя как активный деятель научной, культурной и экономической среды.

Литература

1. Ртищева Т. Анализ сложности // Красное знамя. 2013. 7 февр. С.3.(Статья)
2. Пермский проект. Концепция культурной политики Пермского края // Информационный портал о культуре Пермского края / рук.проекта Е. В. Зеленцова. Электрон.

П. П. ЧИСТЯКОВ КАК ЛИЧНОСТЬ И ПЕДАГОГ

А. А. Кузьменко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Без личности Павла Петровича Чистякова сложно было бы в полной мере представить становление многих величайших художников, да и в целом творческой и культурной жизни России второй половины XIX века. Его вклад в российскую, а так же мировую художественную культуру бесценен. Он был не только ярчайшим педагогом, всеми силами старающимся искоренить из своей педагогической практики недостатки и недочеты, существовавшие в то время в системе преподавания художественной грамоты; он не только рассуждал и объяснял закономерности и этапы рисунка, живописи, композиции, но и в целом рассуждал о природе искусства, его значимости и его связи с гражданственностью и обществом, и всячески старался привить этот вкус и способность думать, созидать своим ученикам. И, конечно же, его ученики в ответ были премного благодарны ему. Чистяков не оставил после себя полных или больших трудов, потому что попросту не успел из-за отсутствия времени, отдавая себя полностью педагогике или творчеству, или же по причине болезни, которая настигла его в зрелые годы. Но его теоретический вклад, труд, его ценнейшие знания и методики не могут пройти бесследно. Его попытки осмыслить натуру, форму и сейчас остаются актуальными. И не смотря на то, что академизм и реализм давно не являются ведущими жанрами художественного искусства в современном мире, все они выходят из него. Почти все великие художники, не смотря на свое направление творчества, прошли через школу реализма, потому что все черпается и берется из природы, у природы, любой жанр есть отражении жизни, а без знания законов и принципов природы рисовальщик так и останется рисовальщиком, не постигая основы, взгляда внутрь, в глубину, так и продолжая плавать на поверхности. Это ещё одна причина, почему методическое и педагогическое наследие так важно для нас, художников и педагогов, и по сей день.

Но интерес вызывают не только размышления Чистякова о природе искусства, особенностях и тонкостях рисунка, живописи, но и его качества, как личности и как педагога. Потому что, мы сами понимаем, что человек, пусть даже обладающий огромными знаниями, но не способный их передать, заинтересовать, объяснить, заечь слушателя, так и останется единственным носителем своих догматов, не сумевший никого научить. Да и стоит ли рассуждать и доказывать важность личностных качеств педагога, их значимость в педагогическом процессе?

Вот с этой стороны мы и рассмотрим личность Павла Петровича Чистякова – качеств обычной жизни необычного человека.

Цель исследования заключается в том, что бы проследить особенности личности Павла Петровича, которые помогли ему не только создать и осознать свою теорию и знания, но и донести их до своих учеников, а также в целом показать важность личностных качеств в процессе обучения.

Об этом замечательном художнике и педагоге написано не так много. Особо стоит отметить труд Н. М. Молевой и Э. М. Белютина [1], посвященный его педагогическому и художественному творчеству, а также содержащий письма, записки, воспоминания, которые лучше помогают понять нам личность и саму жизнь Павла Петровича. Так же интересен труд И. П. Гинзбург [2], который позволяет нам полнее понять особенность личности и методики Чистякова.

Говоря о личностном становлении Павла Петровича, нельзя не сказать о его семье. Павел Чистяков родился 23 июня (5 июля) 1832 г. в с. Пруды Тверской губернии. Биография его обычна для простого художника-разночинца. Сын крепостного крестьянина, он получил вольную по милости барина при рождении. Уже в детстве он получал образование не только в училище, как и все дети. Он был способен, много занимался самообразованием или занимался с отцом. Отец, будучи человеком хоть и из простых людей, все же понимал важность обучения, просвещения, гражданственности и, несомненно, прививал это своему сыну.

Павел Чистяков рано осознал свою любовь к творчеству, особенно к изобразительному искусству, и уже в 15 лет твердо решил быть художником, но смог поступить в Императорскую Академию художеств только в 17 лет, в 1849 г., где его наставником стал профессор П. В. Басин. Получив в 1854-1858 г. две малые и две большие серебряные медали академии, и окончив курс академии в звании художника XIV класса с большой золотой медалью (за картину «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного»), получил право на поездку в чужие края в качестве пенсионера академии. После плодотворного тура по Германии, Франции, Италии, он вернулся на родину, посвятив себя главным образом преподавательской деятельности, и очень редко выставляя свои новые произведения.

Чистяков уже в учебные годы обладал пытливым умом, духом аналитика, который выискивал разбросанные зерна знаний, последовательности действий; эти умения во время его обучения в академии были практически упущенными многими педагогами, старающимися дать только поверхностные шаблонные умения, стандартные задания и нормативное требование последовательно и точно их выполнять. Но Чистяков не пытался подогнуться и подстроиться под эти порядки и принципы. Примечательно, что, даже обучаясь в студенческие годы в Академии, так и не нашлось ему своего мастера, он был, как он сам выражался «ничьим», не пытаясь копировать какого-то мастера, медленно находясь в поиске своего собственного языка, манеры, последова-

тельно изучая, прослеживая закономерности, основы и тонкости рисунка, живописи, композиции. О его способности к самообучению и любознательности говорит даже тот факт, что уже в 13 лет он самостоятельно, будучи самоучкой, решал довольно сложные задачи по перспективе. Вообще его любовь к рисунку и стремление постичь его до сути, любовь к точности был у него с самых ранних лет и до поздней старости. «Как», «каким образом», «почему»- основные вопросы, с которыми он шел по жизни.

Чистяков не замыкался на вопросах исключительно искусства, он связывал их с вопросами жизни и её требованиями. Он говорил не только о том «как», но и «зачем» – этот важный вопрос волновал его всегда, и заставлял искать во всем цель. Можно сказать, он вообще по жизни был прагматичен, всегда во всем старался найти какую-то пользу, смысл, иначе считал, что это бессмысленно. Чистяков считал, что искусство, в первую очередь, должно быть национальным, т.е. помогать, служить государству, народу, поэтому для него государство, общество и искусство были неразрывно связаны. Обладая стремлением к высоким идеалам, будучи начитанным и образованным, он видел в искусстве способ отражения высокой идеи, и чем выше искусство, тем выше идея. В этом можно, несомненно, проследить духовную идеалистичность Чистякова, его готовность служить ради идеи и идею ставить во главу угла, идею, способную помочь, способную что-то изменить и сделать мир лучше.

Павел Петрович был гражданином в полном смысле этого слова, патриотом, он бесконечно любил свою страну, её историю, культуру. Пребывая в заграничной поездке, будучи пенсионером, он не полюбил красоту французских и итальянских улочек, а тосковал по Родине, и все его мысли за границей были о том, что он смог бы сделать после возвращения на Родину. Хотя, конечно же, он не потратил время даром, и всегда старался как можно более правильно его распределять: постоянно сам занимался, что-то читал, рисовал, дорожа каждой минутой.

Как личность, он был натурой последовательной, соразмеренной, пытливей, старающейся понять суть и причину всех вещей. Как педагог был последователен, требовал от учеников исполнения, четкости, серьезного отношения, но при этом, если видел, что ученик что-то не мог или ему это не надо, – не настаивал. Так же не загонял учеников в узкие рамки, давая возможность проявляться индивидуализму. При этом к ученикам относился с трепетом, следил и контролировал их работы ещё долго после их выхода из стен учебного заведения. По воспоминаниям И. Е. Репина, в обучении он был прост, не имел в речи иностранных слов, которыми обычно так богата речь пенсионеров, приехавших из заграничной поездки, не кидался непонятными заумными терминами. Выходец из Твери обладал простым языком народа и не стремился его усложнять, он говорил простым тверским языком, от которого невозможно было не захохотать, шутил, но говорил о главном. С учениками своими был приветлив, ясен, весел, старался не создавать формальной чопорности обстановки. Был остер на язык, мог

четко одним словом попасть в суть, так же способен был безбоязненно сказать высокопоставленному человеку свое мнение, не всегда положительное на тот или иной вопрос. Павел Петрович любил своих учеников искренней чистой любовью, он старался разделить с ними их невзгоды и радости. Он, не будучи куратором у многих учеников, к примеру, И. Е. Репина и В. Д. Поленова, приходил по собственной инициативе и помогал им писать дипломы. Он сам, лично, принес известие, что все они стали пенсионерами и получили медали за свои отличные работы.

П. П. Чистяков был образцом чистейшей классики во всем, и не только во взглядах, но даже во внешнем виде. Чистейший голос, круглый массивный череп мудреца, и безукоризненная чистота красивого костюма. Но не только внешний вид был образом и показателем гения, Чистяков был личностью глубокой, идейной – какая-то идея мелькала у него в голове всегда. Он спокойно выдавал цитаты и афоризмы, которые некоторые люди даже за ним записывали. Павел Петрович обращался к ученикам, любя, не оскорблял, но учил их вглядываться в самую суть. Будучи человеком думающим, учил и своих учеников думать, если были ошибки, то стремился сделать так, чтобы ученик сам их увидел, понимая, что важность собственного опыта и развития глаза бесценны.

Конечно, Павел Петрович со своим живым умом, новаторскими предложениями, придя в академию преподавать, встретил сильный отпор хранителей лжеакадемизма. На него был обращен шквал критики, злословия, травли. И, конечно, ему в первое время было тяжело, но думающая молодежь услышала речи молодого пылкого педагога, и стала на его сторону, что, несомненно, не могло не помочь Чистякову. Он искренне любил преподавать, учить, давать, видеть как ученики растут и развиваются, осуждал людей, которые учат так, чтобы не выучить себе конкурентов, и при этом совершенно бескорыстно давал уроки у себя в мастерской, не беря ни копейки, хотя относясь к ним с полной серьезностью и самоотдачей.

Чистяков по своей натуре был и не педант, и не академик, он не старался заставлять и принуждать, но помогал ученику идти вперед, а не стопорить его на ненужном ему задании. Например, Павел Петрович до конца жизни хранил у себя незаконченный этюд головы Апполона кисти Васнецова, с которым Васнецов как не бился, а так и не смог закончить, и Чистяков и не стал этого от него требовать, вопреки системе классной академической костной педагогике. Ученики очень любили Павла Петровича, он был открыт им. Когда шли его уроки, свободных мест просто не было, все слушали внимательно, жадно глотая каждое слово как глоток свежего воздуха. Он всегда был интересным как личность, всегда горел, внутри него была огромная энергия, он не утомлялся и не имел раздражительности.

Чистяков, как и, наверное, всякий хороший педагог, был человеком, тонко чувствующим людей и понимающим индивидуальные особенности человека, к каждому ученику он старался найти индивиду-

альный подход. Например, Серова он смог заинтересовать и разжечь в нем соревновательный интерес с самим собой, просто попросив написать белый листок на лоджии, который оказался не такой уж простой задачей, как казалось на первый взгляд. А Васнецову было интереснее получать советы и рекомендации, которые впоследствии оказались гораздо полезнее четких методических указаний академии.

П. П. Чистяков любил всякий вид искусства, особенно музыку, которая для него много значила. Он, будучи человеком общительным и открытым, часто устраивал у себя творческие вечера, собирал известных музыкантов, пианистов, певцов. Но не только музыка была его страстью. Его пытливый ум хотел дойти до сути самой, и во многих науках, в частности, в физике его интересовала природа света, он с её помощью нашел новые законы воздушной перспективы; увлекался с самого детства идеей воздухоплавания.

Будучи в преклонном возрасте, искренне радовался он, когда его позвали преподавать в академию художеств в мастерскую вместо Репина. С легкостью взбирался он на крутую лестницу, покупал для учеников краски, горел, светился радостью. Чистяков умел радоваться, удивляться, наполняться юношеским восторгом, любясь кусочком пейзажа, находя в нем что-то притягательное, новое, свежее.

Можно ещё много говорить о незаурядной, непростой, многогранной и интересной личности Чистякова, даже не касаясь его бесценных теорий и размышлений касательно искусства. Такие качества его личности, как живой ум, веселость, добродушие, чуткость позволили ему стать поистине великим педагогом, возрадившим замечательную плеяду художников, на которых до сих пор равняются, на чьи работы с благоговением смотрят люди в музеях. Павел Петрович Чистяков оставил огромное методическое и культурное наследие, на которое по сей день опираются ученики и педагоги, желающие постичь все тонкости и особенности художественного мастерства.

Литература

1. Молева Н. М., Белютин Э. М. П. П. Чистяков – теоретик и педагог. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1953. 265 с. (Монография)
2. Гинзбург И. П. П. Чистяков и его педагогическая система. Л.-М., 1940. 202 с. (Монография)

ПРИЗНАКИ РОМАНТИЗМА В КЛЮЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЕЙЗАЖНОГО ЖАНРА РОССИИ XIX ВЕКА

О. Н. Кухарева

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

Любой стиль, любое направление в архитектуре или живописи характеризуется группой определенных признаков, позволяющих классифицировать те или иные произведения искусства. Развивая

романтическую тему в своих произведениях, пейзажисты-романтики сформировали основные признаки русского романтического пейзажа:

1. Разрушая синтетический панорамный вид, художники начали использовать новый фрагментарный тип композиции, однако, в период расцвета романтической пейзажной живописи нарастает новая тенденция: давать цельный картинный вид, а не только изображение отдельного мотива.

2. Постепенно в творчестве пейзажистов-романтиков начинает наблюдаться интерьеризация пространства. Именно с ней и было связано становление нового мотива романтического пейзажа – взгляда на природу через интерьер и окно¹. «Вид из окна» предполагал определенные взаимоотношения интерьера и пейзажа, видимого в оконный проем. Одновременно формируется и взгляд на природу через окно, минуя изображение интерьера². Этот мотив развивали пейзажисты-романтики первой трети XIX века. Опыт изображения чистого интерьера у пейзажистов возникает как способ новой организации пространства в соединении с определенным пониманием искусственного света.

В связи с тенденцией интерьеризации природы следует обратить внимание на трактовку пространства в картине в целом. От трехслойности классицистической системы пространственного образа пейзажа романтики-пейзажисты отказались, они сосредоточили свое внимание на первом плане композиции, который теперь ими дается фрагментарно и служит для обозначения места, откуда открывается вид, фиксируемый художником. Для утверждения первого плана пейзажист-романтик пользовался разными приемами, то «населяя» стаффажными фигурами первый план композиции³, то помещая на нем диковинно крупные цветы и листья⁴ или обильный натюрморт. Этим акцентом первого плана в романтическом пейзаже достигается и еще одно важное качество – подчеркивание точки зрения одного человека.

У некоторых художников начинает наблюдаться еще большая активизация первого плана композиции, который становится и формообразующим. В их картинах мотив поворота дороги то маскируется, то наоборот акцентируется, оказывается ведущим и определяет структуру изображаемого пространства⁵. В пейзажных композициях такого типа есть оттенок медитации, погружения в мир природы. При помощи использования асимметричной композиции, неожиданных ракурсов пейзажист передает скользящий взор, а не направленный в упор, на объект созерцания. Поэтому и появляется новый эффект, выражающий динамику взгляда зрителя.

3. В романтическом пейзаже XIX века большое значение имело введение в картину изображения человека. Присутствие человека да-

¹ М.Н. Воробьев. Вид из окна. 1821. Б., акварель, тушь, перо. 29,0×39,8. Государственный Русский музей (ГРМ).

² А.Г. Варнек. Окно. 1804-1809. Х, м. 31,5×23. ГРМ.

³ Сильв.Ф. Щедрин. Набережная Мерджеллина в Неаполе. 1827. Х, м. 65×88. ГРМ.

⁴ Лебедев М.И. Аричча близ Рима. 1836. Х, м. 54×44. ГРМ.

⁵ *Он же*. Вид Капель-Гандольфо близ Рима. 1836. Х, м. 45×64. ГРМ.

вало пейзажу не только «обжитой» характер. Человек, взятый не как стаффаж, а с большим смысловым акцентом, привносил в картину новую «внутреннюю» точку зрения¹. Иногда для выявления «внутренней точки зрения» в пейзаж помещали автопортрет. Увлечение автопортретом проникло в пейзажную живопись еще в начале XIX века. Этим подчеркивалось значение личного художественного восприятия, а сам пейзаж окрашивался определенным индивидуальным чувством. Тема художника и природы всегда была близкой и значительной для романтизма.

Однако образ художника не так часто появлялся в романтическом пейзаже. Обычно он населялся другими лицами. И состав их был весьма знаменателен. Романтический пейзаж редко существует без фигурки человека. Причем каждый раз интересно – кто именно обитает в пейзаже: разбойник или одинокий путник², счастливый бездельник или «естественный» человек, обрабатывающий землю или ловящий рыбу³. Именно по отношению этих людей к пейзажу и зритель воспринимает изображаемую местность. У Щедрина люди стоят, сидят, редко неторопливо шествуют, у Лебедева – они начинают двигаться. Если в живописи XVIII века человек нередко изображался в пейзаже для «масштаба», то в романтическом пейзаже намечается равновесие действий человека и «действий» природы. Герой «активный» и герой «пассивный» находят свое место в ландшафте. «Активный» герой живет, не обращая внимания на природу, «пассивный» смотрит в нее, как в зеркало, мечтая увидеть в ней отражение своих грез и мыслей⁴.

4. Пейзажисты-романтики стремятся передавать в своих работах и определенные временные характеристики. Как правило, пейзаж представляет случай, момент – на фоне того, что должно напоминать о вечности. В пейзаже А.Е. Мартынова⁵ саркофаг предстает символом вечности, а люди, сидящие на ступенях, чем-то преходящим, незначительным. Тот же мотив прослеживается и в картине М.Н. Воробьева⁶.

В романтическом пейзаже появляется интерес к руине как символу времени. Запустение и разрушение показал С.Ф. Галактионов в пейзаже «Кладбище»⁷, руинированные здания появляются у В.А. Жуковского в серии «Виды Царского Села»⁸.

5. Романтик стремился и к многократному повторению одного и того же мотива. Так появлялись серии в пейзаже. Перед художниками

¹ Е.Р. Рейтерн. У швейцарского озера. 1858. Х, м. 54×71. ГРМ.

² М.И. Лебедев. Пейзаж. 1833. Б, акварель, тушь, кисть, перо. 22,4×28,0. ГРМ.

³ О.А. Кипренский. Пейзаж с рыболовом. Около. 1811. Б, итальянский карандаш. 19,6×24,0. ГРМ.

⁴ Н.П. Химона. Отшельник на ступенях храма. Х, м. Государственный художественный музей Алтайского края (ГХМАК).

⁵ А.Е. Мартынов. Вид гробницы Ахиллеса в саду графа П.А. Строганова. 1813. Гравюра. 38,8×47,0. ГРМ.

⁶ М.Н. Воробьев. Набережная Невы у Академии художеств. 1835. Х, м. 75×111. ГРМ.

⁷ С.Ф. Галактионов. Кладбище (Береза). 1823. Литография. 19,5×29,4. ГРМ.

⁸ В.А. Жуковский. Виды Царского села. 1820-е. Гравюра. 16,0×11,8. ГРМ.

романтизма стояли конкретные задачи – показать многообразие природы в неисчерпаемости даже одного мотива. Выполненные В.Е. Раевым виды Александровской колонны с вариациями сходных изобразительных мотивов, представляют, несомненно, серию видов¹.

Пространственно-временное начало в характеристике облика природы являлось во многом главным, определяющим в структуре всего художественного воплощения пейзажной картины. Пространство и время фрагментировались, но не сводились к узкому участку или эпизоду. Романтизм не знал мгновенности. Он в каждом образе отыскивал сложное сопряжение двух качеств – длительности и краткости. И каждый элемент картины, включенный в общую структуру пейзажа, выражал эти постоянные качества романтической живописи. Этим объяснялось и особое отношение пейзажиста к передаче световоздушного состояния в образе природы, движения света, облаков, скорости ветра и т. д.

Видимо поэтому романтики имели склонность к грандиозному истолкованию природных явлений. Они воспринимали с эпическим размахом библейского потопа природные катастрофы в миниатюре: бури, грозы, наводнения². Нередко романтик не находил реалистических средств для выражения подобных масштабов в своем искусстве и поэтому охотно обращался к аллегорическому истолкованию мира природы. Но помимо такого истолкования явлений природы космического масштаба формировалось и иное восприятие, основанное на большем внимании к конкретному мотиву и его изображению. Это – «пейзаж-драма», «пейзаж-катастрофа». Бури на море³, грозы в горах⁴, землетрясения⁵ – вот основные темы этих произведений, нередко связанных с идеей гибели людей. В русском искусстве второй половины XIX века мотивы «пейзажа-драмы» будут развиваться И.К. Айвазовским.

6. Интерес к конкретному мотиву пейзажа и стремление к общенному пониманию образа природы приводили к идее «времен года», художники обращали внимание на климат разных стран, что было связано со специфическими для этого движения поисками «местного колорита». В связи с ростом представлений, что существуют страны, где складывается наиболее благоприятная для человека обстановка, создавалась своеобразная «география» романтических привязанностей. Карта романтизма для русских была небогата названиями: Италия, Россия, Восток. Особенно русских привлекала Италия, как страна, имеющая пышную и красивую природу, где климат благоприятствует развитию вкуса. Увлечение Италией имело и еще один очень важный аспект. Она вызывала раздумья о путях истории.

¹ В.Е. Раев. Александровская колонна во время грозы. 1834. Х, м. 65×47. ГРМ.

² А.О. Орловский. Кораблекрушение. 1809 (?). Х, м. 121×145. ГРМ.

³ И.К. Айвазовский. Тонущий корабль. 1854. Папье-пелле, графитный карандаш, акварель. 19,5×28,8. ГРМ.

⁴ А.А. Роллер. Пейзаж с молнией и скалами. 1841. Б., гуашь. 37,6×53,8. ГРМ.

⁵ П.В. Басин. Землетрясение в Рокка ди Папа близ Рима. 1830. Х, м. 84×99. ГРМ.

Помимо увлечения Италией русским все больше открывается облик родного края. Их увлекает красота Петербурга¹ и его окрестностей², хотя в начале века романтики избегали показывать Петербург, и только к 1820-м годам благодаря деятельности М.Н. Воробьева он снова стал мотивом городского пейзажа.

Русская природа ценилась романтически настроенными художниками за свое разнообразие. О. Сомов в своем трактате «О романтической поэзии» писал: «Где же она разнообразнее как не в России? Несколько зон опоясывают ее пространство, несколько климатов являются в ней, изменяя постепенно вид земли с ее произведениями». И далее он перечисляет: «Север – это льды, Финляндия – дикая природа, Сибирь – чудеса природы, Таврида – плодородие, Кавказ – камни³, к которым был прикован Прометей» [5. С. 22-23]. Эти мотивы широко вошли в русскую поэзию, а значит и в русское искусство. Художники стали часто включаться в состав географических экспедиций; их цель – достоверно передать облик того или иного края. Появилось немало описаний далеких областей, их климатических условий и природных богатств.

7. Художники-пейзажисты интересно развивали в своем творчестве и ориенталистическую тематику. Она, однако, в первый период развития романтизма в России не получила сколько-нибудь существенного развития в русской художественной культуре. Скорее была заметна проекция «восточничества» на некоторые жанры, в том числе и на пейзаж⁴. Значительно позднее тема Востока получает государственную поддержку в связи с официальной политикой России, устремившейся с колониальными планами на Кавказ.

8. С развитием представлений о свойствах климатов намечались и определенные акценты в выборе времен года и частей дня. Италия, например, всегда рисовалась страной вечного лета. Русскую зиму, без которой вообще было трудно представить Россию, пейзажисты изображать не любили. В начале XIX века тема зимы получила лишь эпизодическое развитие. Избранным сезоном года у романтиков становится осень. «Осенняя» нота начинает звучать сильнее к 1830-м годам, когда сам романтизм переживает свою «осень», испытывая сильнейший кризис, связанный с крушением идеалов после подавления декабристского восстания 1825 года.

Если русские художники знали некоторое ограничение в выборе времен года, то в изображении разных частей суток им открывалась большая свобода. Художникам-пейзажистам полюбили не только определенные оттенки летнего дня, но и поэзия переходных, быстро меняющихся состояний природы – их заинтересовали эффекты утреннего, дневного и вечернего освещения⁵.

¹ А.Е. Мартынов. Вид на Зимний дворец и Эрмитаж. Из серии «Собрание видов Санкт-Петербурга и его окрестностей». 1821-1822. Литография. 17,3×25,2. ГРМ.

² М.Н. Воробьев. Закат солнца в окрестностях Петербурга. 1832. Х, м. 40,5×65. ГРМ.

³ Г.Г. Гагарин. Сражение между русскими войсками и черкесами при Ахатле. Около 1841. Х., м. 124×142. ГРМ.

⁴ И.К. Айвазовский Вид Константинополя при лунном освещении. 1846. Х., м. 124×192,5. ГРМ.

⁵ Сильв.Ф. Щедрин. Неаполь в лунную ночь. 1829. Х., м. 62×87,5. ГРМ.

Романтики всегда стремились к облику природы, которая не сведена к сухой формуле. Они искали меняющегося, индивидуального, свежего в своих работах, не придерживаясь общих законов, правил, схем. Этим и объясняется такое разнообразие ключевых романтических пейзажей, их непохожесть друг на друга при зачастую повторяющихся мотивах и сюжетах, объединяющих пейзажи в романтические.

Литература

1. Ацаркина Э. Н. Сильвестр Щедрин. 1791-1830: альбом / Э.Н. Ацаркина. М.: Искусство, 1978. 207 с. (*Альбом*)
2. Барсамов Н. С. Иван Константинович Айвазовский. 1817-1900. М.: Искусство, 1962. 276 с. (*Альбом*)
3. Валицкая А. П. Проблемы романтизма в русской живописи первой трети XIX века. Л., 1972. 16 с. (*Автореферат*)
4. Сомов О. М. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1823. 126 с. (*Цикл статей*)
5. Турчин В. С. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия. Очерки. М.: Искусство, 1981. 550 с. (*Очерки*)

КУЛЬТУРА СИБИРСКОГО ЗДОРОВЬЯ – ФИЗИЧЕСКОГО, НРАВСТВЕННОГО И ДУХОВНОГО

Е. Е. Ланкина

Томский государственный педагогический университет

Год 2012, провозглашённый в нашем государстве Годом Истории, ознаменовался множеством важных дел, озвученных на Всероссийских и Международных конгрессах, конференциях, форумах, семинарах. 400-летие Дома Романовых, 400-летие изгнания польских захватчиков, 200-летие Бородинской битвы и победы над французами в Отечественной войне отмечалось на фестивалях, патриотических съездах, общественных мероприятиях. В сентябре 2012 года на Речном Вокзале города Томска в честь томичей – героев I Отечественной войны, был открыт большой памятник, подобный памятнику, установленному на Бородинском поле.

В городе Томске Год Истории завершился интересными событиями, которые можно назвать истинными мероприятиями настоящего сибирского здоровья. 2 декабря на реке Томь, в районе Семейкина острова, что напротив Речного вокзала, открылся очередной сезон зимнего купания. Первое в истории Томска соревнование зимнего плавания провёл гость Томска, главный морж Сибири – президент новосибирской федерации холодового плавания Николай Глушков. Николай – рекордсмен России, призёр и победитель Российских и Международных соревнований по плаванию в ледяной воде, увлечённый идеей оздоровления нации человек. По профессии – спасатель, работник МЧС.

30 человек, среди которых доминировали мужчины, на личном примере показали, что такое бодрая форма и отличное настроение!

Представительницы прекрасного пола, смелые девушки, поддержали соревнование, окунувшись в воду и проплыв свою дистанцию. Небольшой бассейн длиной 12,5 метров позволил «моржам» и новичкам совершать заплывы до нескольких раз. Так что можно было соревноваться в заплыве на 25 и 50 метров, пересекая водное пространство до 4 раз. На улице стоял бодрящий двадцатиградусный мороз, на реке дул небольшой ветер, как и положено. Но ни мороз, ни ветер не могли остановить отважных!

Победителями стали абсолютно все – и те, кто явились рекорсменами по скорости и дистанции, и те, кто пребывали в воде достаточно солидное время. Друзья клуба внесли свой вклад в торжественную обстановку события, помогая новичкам, сопровождая в палатки, занимаясь костром и чаем. Перед погружением и заплывом на дистанцию участники разминались, сделав общую пробежку и специальные упражнения. После погружения в воду – настроение великолепное, состояние здоровья прекрасное! Участники события покатались с горки на санках-ледянках, играли в зимние игры, общались. Множество фотографий есть в Интернете на сайте общества «Здоровяк» и в материалах РИА Новости. Сайт моржей morzh.tomsk.ru [2] стал популярным не только в России, странах СНГ, но и за рубежом.

Основатель общества «Здоровяк», биолог по профессии, а также инструктор по туризму, Антон Ланкин, родился в Казахстане, в городе Усть-Каменогорске – территории бывшей Томской губернии. Родственники другого учредителя общества, Владимира Фокина, тоже родом из этого славного города. Томские моржи дружат с обществом моржей Усть-Каменогорска «Буран», моржами Новокузнецка, Новосибирска, Ульяновска, Москвы и других городов. Основатели общества «Здоровяк» приветствовали всех присутствующих на празднике: Дорогие моржи, «Здоровяки» и все гости! Поздравляем вас! Открытие 5го, юбилейного сезона зимнего купания состоялось! Приглашаем всех вступить в наши ряды. Мы уверены, что у томского движения «Здоровяк» есть перспектива. А значит, есть надежда на оздоровление нации. Участники заплывов получили символические награды, но самый главный наш приз – это крепкое сибирское здоровье тела и духа. Уважаемые власти города и области, а также спонсоры! Подключайтесь к нашему движению и помогайте нам. Например, необходимо помочь в первую очередь в организации тёплого помещения близ нашей основной проруби. Да здравствуют томские моржи и все сибиряки! Мы – за ЗДОРОВУЮ ТЕЛОМ И ДУХОМ НАЦИЮ. Здоровая российская нация – залог счастливого будущего страны!» [1].

Спустя неделю, 11 декабря 2012 года в Доме культуры «Томский перекресток» состоялся патриотический урок, посвящённый Дню Героев Отечества [3]. Инициатор многих общественных дел, педагог Светлана Ивановна Ларионова пригласила на это интересное мероприятие кадетский класс школы № 41, представителя Томского Казачества Воякина Павла Александровича, воспитателей и воспитанников детского санатория – профилактория НИИ Курортологии. Заведующая

муниципальной библиотекой «Русь» Олеся Александровна Черепанова рассказала о праздновании дня Героев Отечества. Эта памятная дата отмечается в России с 9 декабря 2007 года и приурочена к выдающемуся событию эпохи правления императрицы Екатерины II: в 1769 году она учредила орден Святого Георгия Победоносца. В те годы этим орденом награждались воины, проявившие в бою доблесть, отвагу и смелость. Орден Святого Георгия имел 4 степени отличия, из которых первая была наивысшей. Известно, что кавалерами всех четырех степеней стали 4 человека, среди которых великие русские полководцы М. И. Кутузов и М. Б. Барклай-де-Толли. Екатерина II удостоила и себя этой награды в честь учреждения ордена. До 1917 года в этот день (26 ноября по старому стилю) в России отмечался праздник георгиевских кавалеров. После Октябрьской революции 1917 года орден был упразднен. Статус высшей военной награды был возвращен ордену в 2000 году в соответствии с Указом Президента РФ «Об утверждении статуса ордена Святого Георгия, положения о знаке отличия – Георгиевском кресте». 9 декабря чествуют Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, кавалеров ордена Святого Георгия и ордена Славы. С восхищением было воспринято выступление казака Павла Александровича Воякина, руководителя кадетского класса, наставника духовно-нравственного воспитания. Он рассказал о 430-летнем юбилее Казачества Томской области и провёл познавательную беседу для детей и юношества. На вопросы отвечали ребята кадетских классов школы №41 и школьники, в том числе дети, находящиеся на оздоровительном лечении в НИИ Курортологии.

Перед ребятами выступила Нина Михайловна Каплюк, заведующая школьной библиотекой МОУ СОШ № 46. Прозвучали стихи Елены Евгеньевны Ланкиной «Русский – значит сильный» и «Георгий Победоносец». Авторские стихи о тяжёлых военных годах прочла поэтесса Северска Галина Ивановна Серова. Сюрпризом стало сольное выступление молодого барда Пешкова Артёма Викторовича, участника студии «Акцент» при Доме Культуры «Томский Перекрёсток» (руководитель Юрий Алексеевич Миргородский).

День Героев был проведён в большом зале, в интерьере имеющейся в Доме Культуры интересной художественной экспозиции об истории казачества, предоставленной главным атаманом Томского Казачества Казаковым Александром Петровичем из фондов. Мероприятие явилось важным Уроком гражданства и духовности.

Здоровая телом и духом, уникальная страна Россия, которая всегда была примером героизма всему миру – это достижимая и важнейшая цель нашего государства и его передовой общественности.

Литература

1. 29 декабря 2012 г. Новости [Электронный ресурс]. Сайт: Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Новости, URL: www.edu.tomsk.ru.

МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ В ЦЕНТРЕ СИБИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА Г. ТОМСКА

П. С. Латышева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доц.

Перед современными педагогами стоит проблема: найти такие формы и методы работы с детьми, чтобы доступно, увлекательно познакомить ребят с важнейшими традициями народной музыки, плясками, играми, праздниками. Народная мудрость гласит: «Когда я слушаю – узнаю, когда делаю – запоминаю». Таким образом, ребенок становится не просто слушателем, но и активным участником процесса познания. Формы ознакомления с народной культурой могут быть самыми разнообразными: занятия познавательного характера, экскурсии, целевые прогулки, наблюдения, празднования, музыкальные развлечения. Но в любом случае необходимо создать атмосферу деятельности детей и взрослых, приближенную к реальной, чтобы каждый ребенок почувствовал себя участником событий. Рассказывая о праздниках земледельческого календаря, знакомя ребенка с бытом и обычаями народа, с музыкальным фольклором, мы готовим детей к творческой деятельности. Знакомя с народными традициями, мы обращаем внимание на изменения в живой и неживой природе, объясняем обрядовые действия с их глубокой нравственной основой. Существенная черта народного искусства – гуманность, человечность. Народное творчество делает жизнь ребенка содержательной, несет большие воспитательные возможности, духовный заряд, эстетический и нравственный идеал, веру в торжество прекрасного, в победу добра и справедливости.

К сожалению, богатые традиции русского народного воспитания оказались забытыми и не востребованными педагогической наукой и практикой. У части народа сформировалась социальная апатия, антипатриотизм, жестокость, этнически нивелированное сознание. Народу грозит потеря национальной самобытности, к сожалению, таковы многие молодые современные родители. Следовательно, как от музыканта, так и от педагогического коллектива в целом, зависит фольклорное воспитание семей воспитанников, методическая работа по их просвещению. Приобщение к народной культуре надо начинать с раннего возраста, с создания русской национальной школы воспитания, ибо нация сохраняется, пока в детях живы национальные черты. Это – залог формирования самосознания нации. Существует необходимость синтеза разных видов искусств в дошкольном фольклорном воспитании детей: рисование народных костюмов, сюжетов сказок, лепка зверей и персонажей праздничных действ, героев эпоса; это вокально-хоровое воспитание в народной манере пения, импровизации, игры – драматизации и театрализации любимых сюжетов, плавные хороводы и колоритная пляска, приобщение к рукоделью, декоративно-прикладному искусству, росписи.

В настоящее время много сделано по изучению, сохранению традиционной культуры и фольклора в Томской области. Должное внимание уделяется и дополнительному образованию детей на основе традиционной культуры России. В частности, большой опыт накоплен в одном из уникальных образовательных учреждений дополнительного художественного образования детей МАОУ ДОД Центре сибирского фольклора г. Томска. Его создание в 1991 году было направлено на выполнение особой миссии в деле возрождения, сохранения и популяризации народных традиций. Учредителями Центра сибирского фольклора стали управления образования и культуры администрации г. Томска, управление культуры администрации Томской области, Областной колледж культуры и искусств. Центр сибирского фольклора, пройдя становление и добившись хороших результатов, был зарегистрирован решением горисполкома от 08.01.1992г. в качестве учреждения дополнительного образования и стал работать как школа народной культуры в режиме инновации по теме: «Фольклор как источник народной педагогической мысли, как художественная педагогика».

Авторами-разработчиками инновационной темы – заслуженными работниками культуры России Г.М.Дробышевской, Н.М.Леоновой, Е.Р.Чупахиной была сформулирована научная концепция, определяющая место музыкального фольклора в общей системе эстетического и нравственного воспитания личности.

Ожидаемый качественный результат – создание в городе молодежного фольклорного движения; вовлечение в него широких слоев населения города через систему традиционных праздников, фестивалей, конкурсов; организация методической базы для переподготовки специалистов. Исходя из целей и задач, Центр работает по трём направлениям: учебно – воспитательном, методическом и организационно – массовым, и состоит из трёх подразделений: школа-студия (отделения: народного пения, народного танца, народных инструментов, дошкольное этно – эстетическое); методический отдел (сбор, сохранение, пропаганда сибирского фольклора); театр фольклора (концертно-лекционная деятельность, сценическое воплощение старинных сибирских обрядов, лучших образцов русского фольклора).

Ежегодно специалисты и творческие коллективы Центра принимают участие в международных, российских, региональных научно-практических конференциях (Краснодар, Москва, Новосибирск, Барнаул, Томск и другие). Результатом работы Центра фольклора, в целом его творческих коллективов и солистов – являются более 400 дипломов обладателей Гран-при, Лауреатов, Дипломантов и участников Международных, Всероссийских, региональных, областных и городских фестивалей, конкурсов и праздников; грамоты, благодарственные письма и памятные адреса Государственной Думы и Администрации Томской области, Думы и администрации г. Томска, различных управлений и организаций. Центр сибирского фольклора – трижды Лауреат Всероссийского конкурса «Школа года», обладатель почетных званий «Школа века», «Лауреат премии администрации г. Томска».

В школе-студии ЦСФ разработаны и успешно реализуются следующие принципы воспитания и развития на основе традиционной народной культуры:

1. Формирование исторического сознания у родителей, уважения и любви к народной культуре: музыкально-песенному, хореографическому фольклору, декоративно-прикладному творчеству. Погружение в атмосферу традиционной культуры помогает по-новому осознавать уникальность отечественного культурного наследия, его разнообразия, богатство форм и жанров народного искусства. Трансляция культуры выявляет положительные результаты в обучении, перемены в развитии детей и помогает оценить потенциал воздействия народной педагогики. Приобщение к культуре ориентирует родителей на доверие к национальному педагогическому опыту.

2. Создание эстетической и этической среды для развития национального самосознания. В данном принципе закладываются идеи русской народной культуры, контрастирующей с безликими, безнациональными образами, окружающими как взрослых, так и детей в современной городской среде. И здесь возникает стремление хотя бы на образно-зрительном уровне, восполнить дефицит гармоничного эстетического окружения. В формировании исторического самосознания немаловажную роль играют окружающие предметы, оформление интерьера, национальная одежда. Строго отобранный наглядно-иллюстративный материал отображает подлинное народное художественно-прикладное искусство. Русский народ всегда отличался вежливостью и почтительностью. Этика общения в школе отторгает уличную «культуру» общения, повседневное засорение русского языка, западный стиль речи в средствах массовой информации. Традиционные нравственно-этические нормы, установленные в рамках школы, естественным образом перемещаются в семейную среду.

3. Тесный и разумный контакт с семьёй. Гарант педагогического успеха основывается на прочности трёхсторонних связей – родителей, ребёнка, педагога. Контакт с семьёй предполагает информированность педагогов о состоянии здоровья ребёнка, о полноценности семьи, о материальном достатке. Творческое сотрудничество родителей с педагогом даёт возможность правильно строить отношения с ребёнком и проводить индивидуальную коррекцию.

4. Сохранение традиционной праздничной культуры. Традиционная праздничная культура представляла собой яркую, живую, многообразную сторону жизни русских людей и являлась объединяющим началом для коллективного творчества. Активная роль в праздниках народного календаря или в семейных торжествах отводилась детям. В настоящее время эта роль приобрела пассивный потребительский характер. Современные городские праздники зачастую не восполняют детского желания поиграть, быть центром внимания взрослых на больших торжествах. Городские праздники зачастую носят характер зрелищ и не предусматривают активного всеобщего участия детей. Проведение календарных народных праздников: Рождества, Масленицы,

Пасхи, Сороков является неотъемлемой частью культурной жизни школы и семейного воспитательного процесса.

5. Создание благоприятной среды общения для ребёнка. Принцип выявляет приоритет духовно-нравственного воспитания. Духовное воспитание начинается с воспитания любви к матери, отцу, дому. Школа создаёт благоприятные условия тем, что ребенок находится вместе с родными, хорошо чувствующими его эмоциональное и психофизическое состояние. Преподаватель чутко следит за процессом занятий, не допуская потери интереса и утомления у детей. Разнообразные игры, являясь основной и универсальной формой детской активности, удовлетворяют потребности в движении, в эмоциональных чувствах, в постижении жизненного опыта.

6. Формирование психофизической готовности детей к последующей учебной деятельности. На занятиях, построенных в игровой форме, создается оптимальная среда для развития всех первоначально выявленных у детей способностей: памяти, внимания, фантазии, музыкальности и других необходимых качеств для дальнейшей успешной учебной деятельности. Наличие положительной эмоциональной среды снимает страхи, психическое напряжение, развивает коммуникативность, социализирует, что в последующем способствует безболезненному переходу от системы домашнего обучения к системе детского сада, а в последующем к школьной ступени обучения.

7. Дифференцированный подход в обучении и воспитании. Принцип базируется: а) на изучении склонностей, задатков, способностей каждого ребёнка, б) на работе корректирующей (исправляющей), коррекционной (направляющей), инспирационной (воздействующей) функций.

В педагогической практике успешно реализуются общие принципы традиционной культуры, применяемые в работе школы – студии Центра сибирского фольклора: устность передачи традиций, импровизационность в передаче игрового музыкального материала, коллективность творчества, синкретизм традиционного искусства.

Между миром ребёнка и народной культурой много общего. Ребёнок – существо универсальное и цельное. Поэтому все виды творчества: пение, пляска, рисование, лепка, игра, вызывают у него интерес. Осваивая различные формы творчества, ребенок всесторонне осваивает отечественную культуру. Народная культура универсальна и целостна: разные области народного творчества синкретичны. Движение хорова связано с песней, с музыкой. В обрядах, праздниках, ритуалах воедино слиты искусство слова, музыки, пластического жеста. Социализация детей осуществляется в ходе воспитания и контакта с социальным окружением в лице сверстников, родителей и педагога. Совместная творческая деятельность детей и родителей позволяет реализовать процесс усвоения и трансляции национального культурного опыта. Активизация родительского участия в обучении является характерным своеобразием и обязательным условием деятельности школы. Данная модель обеспечивает необходимые условия для социализации

зации детей (особенно в городских условиях, где наблюдается коммуникационная разобщенность, дефицит эстетической и природной культурной среды).

Таким образом, представив опыт работы Центра сибирского фольклора как модели устойчивого развития народного творчества в городской среде, можно сказать с уверенностью, что данная модель необходима и жизнеспособна при условии решения кадровой проблемы, достаточного финансирования и осуществления интеграционного процесса фольклора, как школы народной культуры, в общеобразовательные учреждения области. В настоящее время ЦСФ работает над вопросом взаимодействия общего и художественного образования, с этой целью была создана программа «Школа народной культуры», в настоящее время получившая статус «городской». Деятельность Центра сибирского фольклора осуществляется в рамках стратегии формирования системы развития народного творчества, построенного на убеждении, что сохранение национального наследия, организация досуга с использованием принципов и форм народной культуры это не пустая трата ресурсов, а эффективная форма инвестиций в будущее благополучие подрастающего поколения сибиряков.

Литература

1. Азаров Ю.П. Семейная педагогика. – М.: Политиздат, 1982. 250 с.
2. Ланкина Е.Е. Роль регионального музыкального фольклора в творческом развитии младших школьников. // Региональный компонент в образовании: Материалы научно-практической конференции (20.04.01). Бийск: Изд-во БПГУ, 2001. С. 64 – 67.
3. Ланкина Е.Е. Проблема сохранения фольклорной традиции в православной культуре // Материалы Международной научно-практической конференции «Культура, язык, институты гражданского общества коренных народов России: возрождение, сохранение и развитие в этнокультурном контексте Сибирского региона» (14-15 сентября 2011 года) г. Бийск: изд-во БПГУ С. 54-58.
4. Овчинникова А.Ж. Эстетическое отношение к действительности как фактор развития младших школьников. М.: Издательство АСТ, 1997. 230 с.
5. Ушинский К.Д. Воспитание и характер. Какую роль играет народность в воспитании (глава из книги «Три элемента школы»). // Дошкольное воспитание. – №3, 1993.

СИСТЕМА СТАНИСЛАВСКОГО КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

А. Ю. Максимова

Томский государственный педагогический университет

По данным социологического опроса, проводимого в 2011 году в Российской Федерации, 29% совершеннолетних россиян любят слушать классическую музыку [1]. Причём доля респондентов, предпочитающих классику, растёт с возрастом. Однако даже в возрастной группе до 24 лет эта доля составляет 24%. Данный результат позволяет

утверждать, что классическое музыкальное образование остаётся востребованным, несмотря на отсутствие той государственной поддержки, которая была до 90-х годов прошлого века. Вокальная музыка занимает стабильные позиции в рейтинге популярных классических жанров и привлекает достаточное количество абитуриентов, желающих поступить в музыкальные и театральные ВУЗы страны. Возникают новые и развиваются существующие оперные театры, студии и т.д., которым нужны талантливые профессиональные исполнители. В течение двух последних десятилетий резко увеличилось количество новых вокальных жанров, в т.ч. мюзикл, рок-опера, джаз, блюз и др., требующих хорошо обученных солистов. По многим причинам назрела необходимость в подготовке не только технически продвинутых певцов, но и виртуозно владеющих вокальным мастерством артистов мюзикла, варьете, различных шоу, музыкальных театров. Даже в опере требования к исполнителям сильно выросли, так как элементы шоу проникли и в традиционно классические постановки. Поэтому роль актёрского мастерства и психологической подготовки к сцене существенно возрастает при академической постановке голоса на всех этапах обучения, включая первые шаги исполнителя к художественному мастерству [2]. В последние годы закономерно возрос интерес профессионального сообщества педагогов-вокалистов к творческому наследию К. С. Станиславского как теоретико-методологической основе вокальной педагогики [3].

Система Станиславского представляет собой научно обоснованную теорию сценического искусства, метода актерской техники. В противоположность ранее существовавшим театральным системам, она строится не на изучении конечных результатов творчества, а на выяснении **причин**, порождающих тот или иной результат. Актер должен не представлять образ, а «стать образом», его переживания, чувства, мысли сделать своими собственными.

Отличительные черты системы Станиславского:

- * Научный подход к исполнительскому искусству (анализ =>метод=> практическая реализация).
- * Нерасторжимое единство физического и психического. Духовные явления выражаются через последовательную цепь конкретных физических действий. Знание даёт уверенность, уверенность порождает свободу, которая выражается в физическом поведении человека. Внешняя свобода – результат свободы внутренней.

Структура системы Станиславского:

- * Первый этап – работа актёра над собой.
- * Второй этап – работа актёра над ролью.

Первый этап работы по системе Станиславского посвящён постоянной, каждодневной работе актёра над собой. Целенаправленное, органическое действие актёра в предлагаемых автором обстоятельствах – основа актерского искусства. Оно представляет собой психофизический процесс, в котором участвуют ум, воля, чувство актёра, его внешние и внутренние артистические данные, названные Станиславским *элементами творчества*. К ним относятся воображение, внимание,

способность к общению, чувство правды, эмоциональная память, чувство ритма, техника речи, пластика и т.д.

Второй этап работы по системе Станиславского посвящен работе актера над ролью, завершающейся перевоплощением в образ. Образ рождается, когда актер полностью сливается с ролью, точно поняв общий замысел произведения. В этом ему должен помочь режиссер. Учение Станиславского о режиссуре как об искусстве создания постановки основывается на творчестве самих актеров, объединенных общим идейным замыслом. Его основные идеи стали достоянием актеров и режиссеров многих стран и оказывают большое влияние на современную жизнь и развитие мирового искусства [4].

Принципы системы Станиславского:

Принцип жизненной правды – первый принцип системы, который является основным принципом любого реалистичного искусства.

Принцип сверхзадачи – мечта, цель, ради которой художник хочет внедрить свою идею в сознание людей, то, к чему он стремится в итоге. Сверхзадача – это цель произведения, предполагающая выбор технических приёмов и средств выразительности.

Принцип активности действия – не изображать образы и страсти, а действовать в образах и страстях. Цель – разбудить естественную человеческую природу актера для органического творчества в соответствии со сверхзадачей.

Принцип органичности (естественности) – в творчестве не может быть ничего искусственного и механического, все должно подчиняться требованиям органичности.

Принцип перевоплощения – создание сценического образа через органическое творческое перевоплощение. Система включает в себя ряд приемов сценического творчества. Один из них состоит в том, что актер ставит себя в предлагаемые обстоятельства роли и работает над ролью от себя. «Я в предлагаемых обстоятельствах» – формула сценической жизни по Станиславскому. Стать другим, оставаясь самим собой – эта формула выражает диалектику творческого перевоплощения по Станиславскому.

Творческое состояние складывается из взаимосвязанных элементов:

- * активная сосредоточенность (сценическое внимание);
- * свободное от напряжения тело (сценическая свобода);
- * правильная оценка предлагаемых обстоятельств (сценическая вера);
- * возникающее на этой основе желание действовать (сценическое действие).

Признаком, отличающим одно искусство от другого и определяющим таким образом специфику каждого искусства, является материал, которым пользуется художник (в широком смысле этого слова) для создания художественных образов. В литературе – это слово, в живописи – цвет и линия, в музыке – звук.

Применительно к вокальной педагогике и практике система позволяет добиваться тех же целей, используя вокальный аппарат как инструмент воздействия на слушателя. Не случайно основные идеи

Станиславского ярко и глубоко отражены в творчестве великого русского певца Ф. И. Шаляпина, его современника и друга. Основные принципы новой исполнительской системы в применении к вокальному искусству отражены в статьях Ф. И. Шаляпина и обобщены в книге «Маска и душа» [5]. Можно с уверенностью признать, что после Шаляпина оперный жанр обрёл новое дыхание, а академические статичные постановки, так называемые «костюмированные концерты», навсегда ушли в прошлое. И сегодня к оперным спектаклям предъявляются те же требования правды жизни, принципа сквозного действия и сценической свободы исполнителей, о которых писали К. С. Станиславский и Ф. И. Шаляпин. В современной опере солисты должны быть не только прекрасными певцами, но и драматическими актёрами, способными под руководством режиссёра донести до публики сверхзадачу спектакля. Именно творчество Ф. И. Шаляпина оказало сильное и, возможно, решающее влияние на становление системы Станиславского [6]. Современная вокальная школа логически соединяет классическую постановку голоса, принципы системы Станиславского в работе над произведением и современные психологические методики, позволяющие исполнителю раскрепощаться на сцене [7]. В программах Консерваторий и Институтов культуры появляются дисциплины, которые Станиславский рекомендовал своим ученикам как обязательные для артистов, стремящихся добиться успеха в профессии. Обращение к творческому наследию признанных во всём мире реформаторов театра позволяет раскрывать творческий потенциал исполнителя максимально полно и быстро.

Литература

1. Учителя слушают классику, а охранники – шансон // Исследовательский центр портала Superjob.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.superjob.ru/community/life/61506/> (дата обращения: 20.04.2013).
2. Эдельман Ю. Б. Критерии оценки певца // Вопросы вокального образования: методические рекомендации для преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений. М.: Изд-во Мин-ва культуры и массовых коммуникаций, Российская академия музыки им. Гнесиных, 2007. С. 125-134. (Статья)
3. Станиславский К. С. Работа актёра над собой в творческом процессе воплощения: Дневник ученика. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 448 с. (Монография)
4. Марков П. А. К. С. Станиславский // Театральная энциклопедия: т. 4. М., 1965. Стлб. 1064-1072. (Статья)
5. Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни: Повести. М.: Кн. Палата, 1990. 464 с. (Монография)
6. Кузнецов Н. И. С. И. Мамонтов, Ф. И. Шаляпин и К. С. Станиславский – реформаторы оперного искусства в России конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1996. 173 с. (Диссертация)
7. Юшманов В. И. Научная теория певческого искусства и проблемы профессиональной подготовки певцов и преподавателей сольного пения в системе консерваторского образования // Вопросы вокального образования: метод. рек. для преподавателей вузов и сред. спец. учеб. заведений. М.: Изд-во Мин-ва культуры и массовых коммуникаций, Российская академия музыки им. Гнесиных, 2007. С. 46-55. (Статья)

ВЛИЯНИЕ БАРОККО НА АРХИТЕКТУРУ ПРАГИ

Е. С. Мулюкова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Бернатоните, канд. искус-я, доцент

Каждая эпоха в истории культуры характеризуется своим неповторимым стилем, в том числе и архитектурным. Выделяют множество стилей и направлений: готика, ренессанс, барокко, рококо, классицизм, модерн, постмодернизм и т.д. Барокко – это самый пышный, богатый и помпезный из всех.

Барокко – это стиль европейского искусства и архитектуры XVII-XVIII веков, который зарождается в Италии в конце XVI века и просачивается в ряды других стран. В разное время в термин “барокко” вкладывалось разное содержание. Поначалу он носил оскорбительный оттенок, подразумевая нелепицу, абсурд (возможно, он восходит к португальскому слову, означающему уродливую жемчужину). В настоящее время он употребителен в искусствоведческих трудах для определения стиля, господствовавшего в европейском искусстве между маньеризмом и рококо. От маньеризма искусство Барокко унаследовало динамичность и глубокую эмоциональность, а от Ренессанса – основательность и пышность: черты обоих стилей гармонично слились в одно единое целое. [5]

В разных странах стиль барокко в архитектуре проявился по-разному, но свойственные ему характерные черты и формальные признаки можно обнаружить повсеместно: сложные текучие формы, пышность, роскошь, усложнённость планов и яркие цветовые контрасты. Здание, выполненное в стиле барокко, предстает в прямых линиях, среди которых господствуют вертикальные, симметрия в стиле, простор, очень много лепнины, сложные архитектурные элементы, обилие декоративных барельефов, золочение архитектурного декора, витые колонны. Преобладающие цвета: приглушенные пастельные цвета фасада; красный, розовый, белый, голубой с желтым акцентом – в интерьере. Окна: полуциркульные и прямоугольные; с растительным декором по периметру. Наличники украшены пышно. Двери: арочные проемы с колоннами; растительный декор. Основные барочные элементы в архитектуре – это масштабные колоннады – это ряд или несколько рядов колонн, расположенных симметрично, перекрытых антаблементом или арками и образующих своего рода галерею. Волюты – это архитектурно-декоративная деталь в виде крутого завитка с кружком в центре. Волюта является составной частью капители ионического, коринфского и композитного ордеров, рустованные колонны и пилястры, теламоны (атланты) – это мужская статуя, поддерживающая перекрытие здания, портика или балкон. Выполняя роль опор, атланты украсили большое количество зданий и сооружений европейской архитектуры XVII – начала XX вв., кариатиды – это статуя одетой женщины, маскароны – это применяемые в архитектуре в качестве декора

рельефная скульптурная деталь в виде головы или маски, характерная для барокко. Обычно маскароны размещали на замковом камне свода, арки, проема, на фризе, а также на каскадах и в настенных фонтанах.[6]

Стиль барокко получил своеобразное истолкование в таких странах как: Австрия, где он сочетался с тенденциями рококо (арх. И. Б. Фишер фон Эрлах) и абсолютистских государствах Германии (арх. и скульпторы Б. Нейман, А. Шлютер, семья арх. Динценхофер, работавших также в Чехии), в Польше, Словакии, Венгрии, Чехии, Словении, Хорватии, Зап. Украине, Литве. В каких-то странах барокко надолго не задержался или же не нашел своего проявления, так как был чужеродным, но были и такие страны для которых барокко стал доминирующим стилем, который повлиял на дальнейшее формирование образа и помог возвысить свою страну на мировой арене на протяжении многих веков (в Праге, н.16до с18 веков), Австрия(Вена), Италия и др. Но в большей степени барочный стиль повлиял на образ Праги.

Прага – один из красивейших городов не только Чехии, но и Европы. Редко где можно встретить город, с таким большим количеством памятников архитектуры, музеев и значимых достопримечательностей. Прагу чаще всего называют «Город сотни шпилей» так как начал свою историю в X веке и на протяжении долгих столетий был резиденцией чешских королей, принцев, императоров и президентов. Панорама бесчисленных крыш, куполов и башен, отливающих золотом в лучах заката, и все здесь пронизано дыханием истории.

Архитектура барокко в Праге появилась в начале XVII века, однако, бурное развитие барокко началось позже, и было это связано с одним из самых сложных периодов в истории чешского народа и в архитектуре. Это связано с Тридцатилетней войной с 1618-1648 г. Весь период Тридцатилетней войны остался в истории страны как эпоха тьмы. В период войны культурная жизнь Праги замерла, практически прекратилось строительство, церковная архитектура с этого времени вообще утратила то значение, которое она имела в других странах Европы. Церковь и высшая аристократия нуждалась в укреплении своего престижа, своего влияния. Чтобы как-то затмить этот упадок, нужно было уделить большое внимание возведению новых оборонительных сооружений, перестроить некоторые церкви и монастыри в другом стиле. Отсюда – стремление к необычным, экстравагантным, парадным и острым архитектурным решениям, стремление к повышенной декоративности и звучности форм.[2]

Барочная архитектура удовлетворяла почти исключительно запросы католической церкви и высшей светской аристократии. Церковь и быстро разбогатевшие сторонники габсбургов незамедлительно развернули широкое строительство, объектами которого стали культовые сооружения, а также многочисленные дворцы, храмы и загородные замки аристократии.

В этот период меняется в целом силуэт и образ Праги. Как известно, средневековый город состоял из значительного числа примерно одинаковых, небольших по масштабу жилых домов. Центральную пло-

щадь окружали ратуша, городская церковь, иногда школа и жилые дома. Из этих построек выделялся лишь замок, в отдельных случаях монастырский комплекс. Барокко внесло в эту сдержанную картину серьёзные коррективы. Сознательно противопоставляя новый стиль традиционной готике, католическая церковь отдаёт предпочтение храмам с крупными куполами, непривычными по своему силуэту в чешской архитектуре предыдущих столетий и создающими новые композиционные акценты в трёх районах Праги – Старом и Новом Городе, Малой Стороне.

К концу XVII века барочный стиль в архитектуре Праги занял главенствующее место и даже приобрел характерные черты чешского национального искусства. основополагающей чертой чешского барокко можно считать его стремление к синтезу искусств, объединению в один ансамбль архитектуры, скульптуры, живописи и декоративного искусства.

Барокко в Праге отличала монументальность, пышность, большое внимание к деталям. Интерьеры барочных зданий выделялись некоторой театральностью оформления, затейливым декором. Округлые линии, сложное переплетение узоров, обладающим некоторой напряженностью и в то же время изяществом. Задачей зодчих было поразить зрителя необычностью пространственных решений и яркостью образов, что отвечало абсолютистским устремлениям государства и церкви. Широкое использование позолоты и превращение потолка, украшенного фресками, это искусство восхищало человека своей величественностью и красотой. Чешское барокко примечательно тем, что все элементы существуют в органичной взаимосвязи друг с другом и окружающим пространством. В период господства барокко огромное значение приобрели скульптура и живописное оформление зданий. [3]

Один из самых важных элементов чешского барокко – это барочная эклектика. Характерно, что в эпоху барокко фасады романских и готических церквей переделывались в барочные, поскольку казались недостаточно выразительными. Сейчас можно заметить, что многие постройки в Праге имеют башни с новым барочным завершением и такие же барочные порталы, в интерьерах – барочные алтари. (Собор Св. Вита, Костел Девы Марии перед Тыном и др.) Наступление эры Барокко означало возвращение романтики архитектуре христианских храмов. В XVII веке, город интенсивно меняет свой облик. Эти изменения почти не касаются общей городской планировки, которая сохраняет, как правило, свою средневековую основу. Зато крупные барочные сооружения, властно вклиниваясь в пространственную организацию городских центров, вносят в них и новый масштаб и невиданную ранее скульптурность форм. Рядом с готическими вертикалями возникают разнообразные купола и причудливые формы завершений барочных башен. Изменение архитектурного облика городов Чехии явилось не только результатом сооружения новых зданий, но и следствием планомерно осуществляемой перестройки и модернизации в духе барокко готических церквей, дворцов и жилых зданий. [2]

В различное время в Чехии работали такие мастера европейского барокко как Франческо Каратти, Карло Лураго, Иогани Лукас Гильдебрандт, Жан Батист Матье. Особенно своеобразные черты в архитектуре барокко выразилось в творчестве местных чешских мастеров и тех иностранных зодчих, которые подобно отцу и сыну Динценхоферам нашли в Чехии свою вторую родину и которым были близки и национальные архитектурные традиции, народное творчество, и чешская художественная культура. Благодаря усилиям этих архитекторов и сложилось в основном то направление в архитектуре 17-18в, которое известно под названием Чешского барокко. Для чешского барокко характерны черты – мягкость, лиричность, и соразмерность общих масштабных соотношений.[3]

Среди крупных дворцовых комплексов в стиле барокко занимает Вальдштейнский дворец. Его строительство началось в 1621г. Именно этот дворец ознаменовал начало бурного расцвета в Праге искусства барокко во всем его комплексном многообразии. **Сад Вальдштейнского дворца** был разбит в стиле барочного французского парка с подстриженной живой изгородью и различными видами на небольшие скульптуры и фонтанчики. На малой Стране под пражским градом был сооружен целый ряд других барочных дворцовых комплексов: Туновский дворец-арх. Лураго 1716, Вежниковский дворец 1670, Ледебургский дворец, Каловратский дворец 1780, Фюрстенбергский дворец 1743. Дворцовую архитектуру чешского барокко завершает дворец графов Черни, построенный на Лоретанской площади в Праге.[8]

В тоже время, одной из самых ранних построек в стиле барокко является – **ворота Матиаса в Пражском граде** – главный вход в комплекс Пражского града. В середине XVII века начинается обширное строительство храмовых построек, таких как:

- Храм св. Микулаша на Малой Стране. Храм представляет собой типичный образец пражского зрелого барокко и доминанту Малой Страны. **Храм Девы Марии Победоносной** считается первой пражской церковной постройкой. Строилась в 1613-1644 гг. по проекту Д. Мария Филиппи для немецких лютеран. Новый фасад с барочным порталом стал своего рода образцом, по которому создавались другие барочные порталы. Церковь св. Якуба самая длинная в Праге, не считая собор св. Вита. Церковь трехнефная, первоначально готическая, так как вместе с монастырем миноритов была основана в 1232 году.[8]

Таким образом, можно отметить, что архитектура играет важную роль в культуре и искусстве каждого города. Архитектурный стиль всегда зарождается на стыке каких-то важных событий, которые влияют на дальнейшее формирование образа города. Барочный стиль в архитектуре Праги появляется в один из самых сложных периодов в истории чешского народа. Город нуждался в укреплении своего престижа и культурного развития, отсюда появляется стремление к необычным, экстравагантным, парадным и острым архитектурным решениям, стремление к повышенной декоративности и звучности форм. Благодаря этому зарождается чешский барочный стиль, со своими на-

циональными элементами. Изменение архитектурного облика Праги явилось не только результатом сооружения новых зданий, но и следствием планомерно осуществляемой перестройки и модернизации в духе барокко готических церквей, дворцов и жилых зданий.

Поэтому художественный стиль Барокко навсегда вошел в культурную жизнь Праги и стал стилем жизни до такой степени, что теперь Прага всегда будет восприниматься барочно.

Литература

1. Бирюкова, Н.В. История архитектуры: учеб. пособие / Н.В. Бирюкова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 365 с.
2. Всеобщая история архитектуры: в 12 т./ под ред. Н.В Баранов: 7 т.- Архитектура Европы XVI-XVIII веков.- Москва, 1966- 1977. – 616 с.
3. Сергиенко, Ю.В. Прага./ Ю.В. Сергиенко.- М. :Вече, 2009.-240 с.
4. Сульяно, К. Прага. Путеводитель, 2002. – 136 с.
5. Барокко.URL:<http://www.icebergomsk.narod.ru/obuch/referats/satia/barocco.htm>. Дата обращения: 15.03.2013.
6. Характеристика барочного стиля в архитектуре.URL: <http://www.regent-decor.ru/lib/articles/architecture/barokko.html>.Дата обращения 28.03.2013.
7. Академия художеств СССР. Институт теории и истории изобразительных искусств. Всеобщая история искусств.- URL: <http://www.bibliotekar.ru/Iskusstva.htm>. Дата обращения: 10.03.2013.
8. Барочная Прага. URL: <http://www.Photopraga.ru>. Дата обращения: 14.04.2013.

ВОКАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ В НПОУ

Н. Правдюк

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доц.

Музыкально-эстетическое воспитание всегда являлось важной частью воспитания духовно богатой личности. В НПОУ выполнение задачи дополнительного образования студентов, поручено педагогам дополнительного образования. Понимая цель вокального воспитания, его роль, раскрывающуюся в органическом единстве с другими сторонами воспитания, педагогу дополнительного образования необходимо учитывать все грани этого сложного процесса, многое знать и уметь.

Одним из важнейших значений является умение педагогом профессионально исполнять эстрадный репертуар, владеть навыками эстрадного вокала, так же важно и творческое участие в концертной деятельности педагога.

Приоритетной формой такого участия является деятельность студенческой вокальной группы с ее систематическими репетициями, самостоятельной подготовкой студентов и активным участием в выступлениях.

Среди составляющих целого комплекса профессиональных педагогических умений и навыков, необходимых учителю эстрадного вокала, можно выделить следующие относящиеся к управлению голосовым аппаратом умения:

- умение выразительно читать, рассказывать, проводить беседу;
- умение исполнять (эстрадный репертуар, в сопровождении миксуса и «а,капельно», т.е. без сопровождения);
- умение определять интонационные неточности в исполнении учащихся, выявлять их причины и находить способы их устранения;
- умение подбирать вокальные упражнения с учетом возрастных особенностей формирования голосового аппарата учащихся.

На практике эти умения учителя вокала способствуют формированию вокальных навыков у учащихся. Среди других навыков эстрадного пения – дикция, атака звука, строй (интонационная слаженность), умение чисто интонировать в унисонном пении.

Педагогу эстрадного вокала сопутствует целый ряд личностных качеств и способностей, которые необходимы педагогу-вокалисту для полной и органичной самореализации в своей профессии: поэтическое восприятие вокальной музыки, образная память, эстетическое чувство, образное мышление; творческое воображение, владение точным выразительным языком эстрадной вокальной музыки и словесного текста, а также интонационно-эмоциональной экспрессией, включающей не только тонкие нюансы речи и мимики, но и весь артистический облик учителя, способный увлечь учеников, формировать у них способность художественного переживания, иметь креативный подход.

Специфика творческой деятельности вокальной студии «Шанс» НПО ПУ-27.

В 2008 году в ОГБУ НПО ПУ-27 организовалась студия эстрадного вокала «Шанс» на базе дополнительного образования, где ребята от 16 до 22 лет обучаются искусству эстрадного пения. Сегодня в студии занимается 12 ребят от 16-ти до 21 года, проявляющих интерес к современной эстраде. В студию ребята принимаются по желанию. В процессе обучения воспитанники получают знания по таким предметам как: вокал, актерское мастерство, сценическая речь, ритмика. Посещая вокальную студию, ребята развивают: музыкальный слух, память, чувство ритма, наличие индивидуальных особенностей голоса.

Работа вокальной студии «Шанс» направлена на обучение эстраднему вокальному виду искусства, развитию и постановке голоса, музыкально-эстетическому воспитанию подростков.

Организация работы вокальной студии «Шанс» направлена не только на решение узкопедагогических вокальных задач, но и на поддержку интересов и эмоционального тонуса учащихся, решение художественных задач. Целью образовательной программы является создание условий, обеспечивающих вокально-музыкальное развитие подростков, их реализацию и потенциальных возможностей, оказание для ребят социальной поддержки, воспитание эмоционально – чувственной сфе-

ры. Занятия в студии эстрадного вокала проводят 2 раза в неделю в специально отведенном для занятий кабинете. Репетиционные занятия, занятия по подготовке к выступлениям ведутся в шоу-зале.

Большое внимание студия уделяет организации концертно-исполнительской деятельности: работе над созданием эстрадного вокального репертуара, участию студентов в различных праздничных мероприятиях, участию в различных конкурсах и фестивалях, а также формированию целенаправленного творческого сотрудничества с другими вокальными студиями.

Существует модель образовательного процесса, которая позволяет осуществить системный, деятельно-личностный подход к формированию эстетической культуры подростка в тесной связи с музыкальным, художественным, нравственным, физическим воспитанием.

Образовательная программа решает следующие задачи:

1. Создание оптимальных условий для развития вокальных и музыкальных способностей для ребят подросткового возраста.
2. Организация образовательной среды для проявления инициативы, творчества, артистизма и самостоятельности студентов НПОУ.
3. Поддержание и развитие устойчивого интереса учащихся к вокальному эстрадному творчеству.
4. Обучение ребят передаче зрителям своего понимания красоты, добра, радости с помощью эстрадного вокала, пластики, эмоциональной выразительности.
5. Адаптация и психологическая поддержка подростков.
6. Развитие коммуникативных навыков личности, создание комфортных условий для творческой работы в коллективе студии.

Соединяя в единое целое творчество вокалиста, танцора, актера, музыканта, подчиняя их индивидуальное творчество общей задаче, программа позволяет создавать шоу номера, музыкальные мини-спектакли.

Индивидуально для каждого учащегося подбирается вокальный репертуар, так как при становлении творческой личности нельзя не учитывать его индивидуальных особенностей. Для каждого ученика подбираются индивидуальные вокальные упражнения, учитывая его собственный тип дыхания, способ звукоизвлечения в выработке певческого тона, опираясь на возраст, пол, физическое устройство певческого аппарата и многое другое, что способствует формированию голоса. Это означает, что единой методики для всех ребят не существует. И было бы справедливо вспомнить, утверждение знаменитого итальянского педагога Генриха Панофки, что: « нужно было бы написать столько методик, сколько учеников».

В процессе обучения ребят эстрадному пению одновременно у них воспитываются любовь к прекрасному в жизни и искусстве, развиваются внимание, воображение, мышление, память. Организуются посещения концертов, музыкальных гостиных, спектаклей, просмотр видео, прослушивание лучших образцов эстрадного песенного творчества советского периода и зарубежных современных исполнителей.

Как известно, в настоящее время огромное влияние на организацию досуга молодежи оказывают компьютерные игры, телевизионные программы развлекательного характера зачастую не имеющие ни воспитательного, ни развивающего значения, а приучающие молодежь к пассивному времяпрепровождению. Все это значительным образом усложняет работу специалистов культурно-просветительских учреждений, т.к. занятия в кружках и вокальных студиях требуют от студента проявления творческой активности и организованности.

Структура работы данных учреждений существенно отличается от структуры работы общеобразовательных школ и школ искусств.

Вокальная студия «Шанс» способствует организации свободного времени молодежи, обеспечивая широкий спектр направлений деятельности в области общего эстетического образования и воспитания. Однако по окончании обучения воспитанникам не выдается документ, подтверждающий то, что ученик получил знания и приобрел умения в определенной области вокального эстрадного искусства, а ведь именно документ, зачастую, является основным мотивационным моментом для занятий. Поэтому необходимо разнообразить формы и методы работы, используя новейшие инновационные технологии.

Задачи учебно-просветительской работы:

- создание условий для самовыражения и самореализации личности подростка;
- использование дифференцированных приемов развития личности;
- создание эмоционально-комфортных условий взаимодействия работы вокальной студии и учащихся;
- учет социальной среды, в которой развивается воспитанник;
- формирование адекватности самооценки воспитанников;
- эмоциональная подача разучиваемого материала;
- использование методов и приемов преподавания эстрадного вокала с учетом индивидуальных особенностей воспитанников;
- выбор оптимальных форм художественно-творческого развития личности.

Составляется прогноз преобразований знаний воспитанников, их умений и природных способностей для использования этих факторов во время решения воспитательных целей.

Линейный метод обучения, заключается в том, что материал каждого последующего урока является логическим продолжением того, что изучалось на предыдущих занятиях в индивидуальном порядке. Этот способ даёт значительную экономию времени при подготовке новичков к концертной деятельности. Так же необходимо соблюдать певческую гигиену голосового аппарата.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И. А. Приходько

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. Г. Тимошенко, к.п.н., доц.

Современная культура с ее постоянной переоценкой ценностей привела не только к разрушению преемственности между поколениями, но и к снижению значения семейных ценностей. Уменьшается непосредственное влияние традиций на действия человека. Человек видит в другом не уникальную и неповторимую личность, а объект, необходимый для удовлетворения его потребностей. И в этой непростой ситуации праздник, обладая общими характерными чертами и являясь зеркалом своей эпохи, очень значим для возрождения традиций и семейных ценностей.

Изучение праздничных традиций достаточно широко освещены в научной литературе различных отраслей гуманитарного знания, таких как фольклористика, этнография, этнология, культурология, религия, философия культуры и т.д. Проблема традиций представлена в работах Э. С. Маркаряна, который определяет культуру как универсальную технологию человеческой деятельности или как адаптивное поведение социокультурных систем [8]. Труды С. А. Аверьянова, А. П. Артюпова, Э. А. Баллер, И. Т. Касавина, Ю. А. Плахова, Б. Г. Соколова посвящены влиянию традиций на различные аспекты жизни человека: науку, морально-нравственную сферу, политику, социальные отношения и др. [1, 2, 3, 6, 7, 8, 11].

Русские праздники и обряды, во время которых обеспечивается связь поколений, преемственность национальных традиций, представляют собой богатейший материал для изучения коллективных эмоций людей во время совместного времяпрепровождения массовых празднеств, хорового пения, вождения хороводов, игр и т.д.

Крестьянский быт, нравы и обычаи деревни, развитие земледельческого труда на Руси – все это нашло свое отражение и художественное воплощение в народных праздниках. Потребность разнообразить быт, красиво и торжественно отмечать важные события в жизни возникла у людей в самые отдаленные времена. Праздники и обряды подобно всем другим явлениям общественной жизни, появляются как ответ на потребности человека в общении, в познании окружающего мира, в активной деятельности, в стремлении к прекрасному.

Как известно, социальные потребности являются наиболее устойчивыми компонентами человеческого общества, побудительной силой человеческой деятельности. В современном обществе многие традиционные народные праздники стали интерпретироваться по иному, теряя, первоначальное значение. Приведем примеры некоторых из них. Например, празднование Масленицы, знакомое почти каждому россиянину, в настоящее время утратило истинный смысл праздника,

но осталось на уровне бытовой привычки. Истинный смысл этого праздника, который пришёл к нам из дохристианских верований наших предков, имел и сакральную и бытовую составляющие и праздновался в течение двух дней. В первый день происходила встреча Богини Весны – Весты, а во второй день – проводы Богини Зимы – Морёны, чучело которой сжигалось на костре.

Многие исследователи полагают, что Масленица в языческие времена была посвящена поминовению предков. Неделя проходила в бурном веселье и обильном угощении, которое называли тризной. В современном обыденном понимании тризна – это языческий погребальный пир. Однако у древних славян тризна являлась особой частью погребального ритуала и служила демонстрацией жизнеспособности соплеменников умершего. Блины – основа масленицы. Первый блин посвящали умершим предкам, оставляли его на могиле, часто клали на подоконник птицам, которые считались духами предков [2].

Из другого источника: «Наутро Масленицу и Масленика, сделанных из соломы и одетых в женское и мужское платья соответственно, возили на санях по всей округе, а затем с песнями и плясками усаживали на самом почётном месте. Смысл всего этого заключался в том, что эта пара – божественные жених и невеста. Масленица – это никто иная, как Снегурочка со всеми атрибутами. Масленик – считался прообразом Бога-громовика из языческих ритуалов и мифов» [10]. До нас древний ритуал дошёл в сильно урезанном виде – его сократили на мужскую единицу, оставив только Масленицу. С масленичными богами поступали двумя способами – сжигали или терзали в клочья. Мораль этой традиции такова: поиграли с грехом, поблудили, а потом сделали вид, что рассердились, осудили эту затею и сожгли «виновников» [5].

В наше время празднование Масленицы и сжигание чучела, носит лишь развлекательный характер, а не ритуальный, как это было ранее, и ассоциируется, в основном, с блинами.

Рассмотрим еще один праздник, пользующийся популярностью и имеющий широкое распространение среди населения сел и городов в настоящее время, – это праздник Ивана Купалы. В специальной литературе появляется всё большее количество сценариев проведения этого праздника – и домашние, и семейные, и специально для детей, и для большого числа людей и для небольшого и т. д. и т. п. В самом деле, на первый взгляд всё очень красиво и жизнерадостно: ночные костры, через которые нужно прыгать, девушки в старинных нарядах спускают на воду венки из цветов, целую ночь напролёт все гуляют, танцуют, поют и веселятся.

Однако не все знают о том, что, если следовать настоящим традициям исконного праздника Ивана Купалы, то такое мероприятие вряд ли может претендовать на звание «семейного» и предусматривать присутствие детей. В действительности – Иван Купала был самым эротическим праздником из всех славянских. Для знатоков языческих верований в этом нет ничего удивительного: так как день летнего солнцестояния знаменовал собой торжество жизненных сил, торжест-

во плодородия, которое должно быть отмечено соответствующим образом [12]. Поэтому средневековая христианская Церковь крайне негативно реагировала на праздник Ивана Купала не только из-за его «идеологического» языческого характера, но и за сексуальную сторону данного торжества.

Современный социум этот праздник воспринимает в основном как развлечение для детей и, наверное, это хорошо, так как в нашем обществе сексуальное воспитание и так слишком навязчивое.

Праздничная культура, связывающая в единое целое многочисленные празднества, обряды и ритуалы, разнообразные по виду и типу, по содержанию и идеологии, является одним из наиболее ярких и самобытных явлений национальной культуры. Поэтому изучение и трансляция в современное общество традиционных народных праздников и обрядов должно быть, с одной стороны, более углубленным, так как знакомство с обычаями русского народа помогает воспитывать интерес к истории, культуре, а, с другой стороны, подвергаться тщательному отбору.

Литература

1. Аверьянов В. В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60-90-е годы XX века) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 68-77. (*Научный журнал*)
2. Андреев А. П., Селиванов А. И. *Русская традиция*. М.: Алгоритм, 2004. 320 с. (*Монография*)
3. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // *Советская этнография*. 1981. № 2. С. 92-98. (*Научный журнал*)
4. Баллер А. Э. *Преемственность в развитии культуры*. М., 1969. 189 с. (*Монография*)
5. Касавин И. Т. *Познание в мире традиций*. М.: Наука, 1990. 206 с. (*Монография*)
6. Касавин И. Т. *Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии*. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2000. 320 с. (*Монография*)
7. Ледовская О. В. Роль традиций в современной культуре. disserCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191022.html> (дата обращения: 15.04.2013).
8. Маркарян Э. С. *Теория культуры и современная наука*. М., 1983. 406 с. (*Монография*)
9. Плахов В. Д. *Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования*. М.: Мысль, 1982. 220 с. (*Монография*)
10. *Русская культура, традиции, обычаи, ремёсла*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svarga.name/archives/763> (дата обращения: 15.04.2013).
11. Соколов Б. Г. *Культура и традиция // Метафизические исследования*. Выпуск 4. *Культура*. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ. СПб, 1997. С.27-49. (*Научный журнал*)
12. Соколов Э. В. *Традиция и культурная преемственность // Советская этнография*. 1981. № 3. С.56-59. (*Научный журнал*)

ХАРИЗМАТИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКА

Д. С. Прокудин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С.А. Селиванов, к. филос. н., доцент

На протяжении отрезка истории, начиная с периода античных государств и заканчивая современным, находились люди, которым другие приписывали необъяснимые качества. Правители, полководцы, преподаватели, пророки, «колдуны» и «ведьмы». Всех объединяло одно качество, которым их наделяли люди. И этим качеством является харизма.

Для начала надо определиться, что же это такое. Итак, большой эзотерический словарь говорит о том, что харизма – в современном широком словоупотреблении обозначает неопределяемые точно некие исключительные свойства, которыми наделён лидер в представлении своих сторонников, почитателей. Присуща пророкам, царям, политикам, полководцам, руководителям. Обычно под харизмой понимают эмоционально-психические способности человека, благодаря которым его оценивают как одарённого особыми качествами и способного оказывать эффективное влияние на других. В Греции харитами назывались древнегреческие богини красоты, грации и изящества. В христианстве же это снизошедшая благодать, дар божий.

В социологии термин ввел Э. Трельч, а М. Вебер в рамках своего анализа идеальных государств, опирался на понятие харизматического авторитета. Его определение: «Харизмой называется качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается, как одарённая сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям».

Харизматиком для Вебера является «вождь», способный воздействовать на массу людей с большой эмоциональной силой. При этом харизматическое действие предполагает трех игроков: «массы», вождя и харизматический управленческий аппарат.

Анализируя все объяснения того, что такое харизма можно заметить, что это что-то необъяснимое, приписываемое человеку другими людьми. А это значит, харизматичным человека делают окружающие его люди.

Среди известных истории харизматических личностей есть основатели мировых религий – Будда, пророк Мухаммед, Моисей и Христос. К харизматам относятся создатели направлений внутри мировых религий – Лютер и Кальвин, например. С другой стороны, это великие государственные и военные деятели, такие, как Чингисхан или Наполеон. В XX веке среди таких деятелей – Гитлер и Муссолини, Ленин, Сталин и Троцкий, но также Ганди и Мартин Лютер Кинг. Свойство харизмы относительно безразлично к роду деятельности и её морально-этическому содержанию: харизматическим лидером с равным успехом может быть и святой, и преступник.

Феномен харизмы имеет место в малых и особенно больших группах, где наблюдается персонификация идеалов в процессе сплочения. Харизма чаще всего возникает там, где сейчас больше всего необходим лидер. Качества харизматического лидера, действующего на религиозной или политической арене, мистифицируются. Его считают пророком, гигантской исторической фигурой, избавителем, полубогом, осуществляющим «великую миссию» приписываются все успехи его сторонников. Даже явные неудачи оборачиваются его прославлением (бегство воспринимается как спасение, любые потери – как необходимые жертвы или происки врагов, абсурдные утверждения – как непостижимая мудрость).

А возможно ли стать харизматичным? Вот одна из концепций, присутствующих в эзотерической традиции. Эзотерики связывают харизму с энергетическим центром ХАРА.

ХАРА – (япон. «живот»), центральная точка организма, задающая равновесие всех его видимых и невидимых частей. Традиционно считается, что хара находится чуть ниже пупка (две-три ширины пальца) и осуществляет работу с такой загадочной энергией, как воля. Когда хара действует нормально, чувства находят единое выражение в словах, поступках и на языке тела. Хара – это центр жизни и смерти (вспомните самурайское «хара-кири»), это центр равновесия телесного и духовного. Это скопление энергии, не связанной с мыслительной деятельностью либо чувствами. Многие люди черпают энергию именно из этого центра. Обратите внимание, где в основном держат руки некоторые харизматичные лидеры, например А. Гитлер или А.Г. Лукашенко.

Мнения эзотериков разделились относительно уникальности и потенциальности харизматических свойств. Сторонники уникальности считают, что харизма – врождённый дар, «свойства личности, данные Богом, вызывающие преклонение перед ней и безоговорочную веру в её возможности лидера, пророка, проповедника или политического деятеля. Под харизмой подразумеваются качества особой исключительности, сверхъестественности, непогрешимости и святости в глазах более или менее широкого круга приверженцев или последователей. Харизма – это магическая власть, или «магнетизм», которые приписывают своим лидерам их рьяные приверженцы. Харизма проявляется как в политической, так и в обычной и религиозной жизни» (БСЭТ). Соответственно, эта способность дарована лишь единицам и отсутствует у большинства [1].

На современном этапе развития эзотерического знания многие склонны считать, что у каждого существует врожденная предрасположенность к харизматичности. Однако в течение жизни в процессе воспитания и социализации этот потенциал прячется либо угасает. Необходимо отметить также, что для проявления харизматичности необходимо определенное окружение, именно оно воспринимает личность как лидера и поддерживает видимость его влияния на массы.

Харизма выражается в наборе внешних проявлений, а значит, многие эти элементы можно развивать.

- Харизматичность – это четкое осознание собственных целей.

- Харизматичность – это смелость желаний.
- Харизматичность – это открытость самовыражения.
- Харизматичность – это способность воздействовать не только на группу, но и на массы.
- Харизматичность – это невероятный заряд энергии, который распространяется на окружающих.
- Харизматичность – это управляемая или неосознанная способность влияния на окружающих людей.[1]

Рубеж XX-XXI дает нам яркие примеры таких харизматиков как Андрей Панин, актеру с его харизмой, доставались в основном роли второго плана и, чаще всего, отрицательные. Можно не помнить названия фильмов с его участием, но его персонажи не забываются. Это хан Тинибек в “Орде”, Нефедов в фильме “Высоцкий. Спасибо, что живой”, Штурман Здор в “Кандагаре”, подполковник Вишневецкий в “Сволочах” и другие.

Иное проявление харизматичности мы наблюдаем в жизни человека, чье имя даже после его смерти до сих пор на слуху – Стив Джобс. Сразу стоит отметить, что Джобс на работе – настоящий диктатор. Никакого инакомыслия он не терпит и в помине. Рассказывают, что когда он вернулся в Apple после изгнания из своей же компании на пару лет, тут же уволил значительную часть персонала. «Человек мог подниматься с ним в лифте, а когда двери открывались, уже быть уволенным», - рассказывают журналисты телеканалу Discovery. Но диктатура далеко не всегда плохо, если человек знает, что делает, а это идет на пользу и компании, и ее поклонникам, и бизнесу.

Писатель Гор Видал как-то заметил, что диктаторы могут быть милейшими людьми. Нам неприятен сам факт диктатуры, а человек нам может нравиться. С Джобсом все именно так и происходило.

Усама бен Ладен – еще один харизматичный лидер, организатор и спонсор Аль-Каида. Бен Ладен дал своим сторонникам проект который оправдывал жестокость для совершения терактов. Харизма Бен Ладена была замешана на синдроме афганского братства: где жестокость и нетерпимость соединяются с чувством солидарности, взаимовыручки. Среди личных качеств современного вождя джихада называют щедрость, скромность, серьезность, открытость и смелость. Годы проведенные боевиком, создали Бен Ладену репутацию нестигаемого бойца.[2] Поэтому жив он или мертв, его имя и образ будут влиять на приверженцев идеи радикального ислама еще долгое время.

Первая четверть XXI столетия по некоторым прогнозам будет сопровождаться различными кризисами: природными, социально-экономическими и культурными. В такое переломное время роль харизматичной личности станет актуальнее и востребованнее.

Литература

1. Ивасенко А. И. Эзотерика для начинающих. Введение в теорию и практику эзотерических умений. Методик улучшения судьбы и здоровья. Ростов : Феникс, 2007. 315 с.
2. Гоголицын Ю. М. Тайные учителя человечества. СПб.: Питер, 2006. 304 с.

МОЛОДЁЖЬ И РЕЛИГИЯ

А. А. Ральченко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т.И. Дунбинская к.и.н., доц.

Из истории известно, что в моменты кризисного состояния общества растет влияние религии на общественную и личную жизнь людей, расширяется спектр их религиозных и нерелигиозных верований, наблюдается всплеск всякого рода суеверий, оккультизма, мистики.

Примеры массового религиозного “обращения” мы наблюдаем в группах населения разных возрастов и профессий, но особенно оно заметно среди молодежи.

Если еще 10-15 лет тому назад среди всех возрастных групп самый низкий показатель религиозности (1–2%) был среди молодых (среди взрослых – около 10%), то ныне возрастные различия не влияют сколько-нибудь заметно на религиозность населения. В этом можно убедиться по ответам респондентов всех мировоззренческих групп.

Так, верующих в Бога среди опрошенной молодежи оказалось 32,1%, а среди взрослых – 34,9%; колеблющихся между верой и неверием – соответственно 27% и 27,6%; безразлично относящихся к религии – 13,9% и 14,7%; неверующих – 14,6% и 13,5%.

Относительно заметная разница фиксируется лишь среди верующих в сверхъестественные силы (соответственно, 12,4% и 9,3%), что, видимо, связано с увлечением молодежи различными формами нетрадиционной религиозности, в том числе невероисповедной мистикой (вера в общение с духами, магию, знахарство, гадание, колдовство, астрологию). Развитию отмеченного интереса к оккультизму, эзотерическим направлениям, всегда возрастающего в эпохи крутых общественных перемен, содействует и распространяемая в последнее время в изрядном количестве оккультная литература.

Одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп является молодежь. В настоящее время на территории России насчитывается около 150 молодежных экстремистских организаций с хорошей иерархией, дисциплиной, со своей идеологией, со своими вождями, лидерами. По разным оценкам, суммарная численность таких молодежных экстремистских организаций составляет 10 тысяч человек. При этом увеличивается опасность появления в скором будущем организованного массового молодежного движения, объединяющего экстремистов, прежде всего в качестве формы политической борьбы.

Среди многообразия проявлений экстремизма молодежный экстремизм обращает на себя внимание своей неоправданной жестокостью, высокой степенью агрессивности и массовостью. В молодежной среде экстремизм проявляется в деформациях сознания, в увлеченности националистическими, неофашистскими идеологиями, нетрадиционными для Российской Федерации новыми религиозными доктринами, в участии в деятельности радикальных движений и групп, в совершении

противоправных, а иногда и преступных действий в связи со своими убеждениями.

Как показывают исследования, молодые люди в возрасте 18–27 лет составляют до 70 % членов новых религиозных объединений. По утверждениям видного отечественного этноконфликтолога А.В. Авксентьева, за последние 15 лет произошло около сотни межэтнических конфликтов разного уровня и степени вовлеченности в них участников. В подавляющем большинстве случаев участниками конфликтов были молодые люди.

Проблемы экстремизма наиболее остро проявились на Северном Кавказе, самом сложном в этническом и конфессиональном отношении, регионе Российской Федерации.

Проведя анализ деятельности молодежных экстремистских организаций, действующих на территории России, в зависимости от направленности деятельности их можно классифицировать по следующим основным течениям:

1. Националистическо-расистской направленности.

В первую очередь, к данной категории следует отнести движение скинхедов.

Скинхеды – от англ. skinhead (бритоголовые). Радикальное молодежное движение, сформировавшееся в конце 60-х гг. XX в, в Англии как общность представителей рабочей молодежи, выступающих за запрет использования дешевой рабочей силы из стран третьего мира, на тот момент представленной в основном иммигрантами из Пакистана.

Наибольшее распространение скинхеды как движение получили в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске, Томске, Иркутске, Владивостоке, Воронеже и Ярославле. При этом, как показывают проведенные исследования, большая часть российских «бритоголовых» не имеют полной информации о движении, к которому себя причисляют, и восприняли лишь внешний облик западных скинхедов, предпочитая стиль «милитари» в одежде: камуфляж, военные ботинки, специфические шарфы и короткие куртки

В то же время, согласно экспертным оценкам, движение скинхедов в России, в основном, имеет стихийные очертания. У них отсутствует единый координирующий центр, а подавляющее большинство групп не имеет четкой структуры.

Еще одной характерной особенностью движения скинхедов в России является сращивание некоторых группировок с уголовно-преступной средой. Это происходит потому, что часть лидеров группировок имеют уголовное прошлое и придерживается «воровских» традиций.

Вызывают серьезные опасения случаи сращивания скинхедов с футбольными фанатами, отличающимися агрессивностью.

2. Религиозной направленности.

Как правило, эта деятельность сопряжена с насилием над гражданами, причинением вреда их здоровью, побуждением к отказу от исполнения гражданских обязанностей, а также с совершением иных противоправных деяний. При этом тщательно камуфлируемые религи-

озные доктрины данных структур допускают использование насилия, угроз, шантажа, если они идут на благо организации.

Наибольшую опасность для внутренней безопасности страны сегодня представляют сторонники нетрадиционного для российских мусульман течения ислама – ваххабизм.

Лидеры и идеологи ваххабитского течения работу среди молодежи Российской Федерации считают одним из главных направлений своей деятельности. В ряде субъектов Российской Федерации функционируют так называемые центры исламской молодежи и лагеря исламской молодежи, где членами международных террористических и экстремистских организаций («Хизбут-Тахрир», «ИДУ», «Рефах», «Аль-Фатх», «НУР» и др.) проводится обучение радикальному исламу, вербовка и вовлечение граждан в экстремистские формирования.

Еще одним религиозным течением, в рядах которого наблюдается большое количество молодых людей, являются сатанисты.

Из наиболее известных объединений сатанистов нашего времени можно назвать: церковь сатаны, Международную ассоциацию люциферистов кельтско-восточного обряда, «Зеленый орден», «Черный ангел», «Южный крест», культ Афины Паллады, культ Изиды, «Готы» и др. Представители этих движений несут ответственность за случаи ритуального насилия, являются социально опасными, особенно для молодежи, поскольку воздействуют на психику молодых людей.

3. Политизированной направленности.

К числу экстремистских политических организаций и движений, наиболее активно действующих на территории России, ставящих своей целью изменение конституционного строя в России, относится партия «Русское национальное единство» (РНЕ), которая в настоящее время является крупной праворадикальной политической организацией.

За последние три года в ряде городов и регионов отмечалась активность последователей РНЕ, деятельность которых заключается, как правило, в распространении материалов, популяризирующих идеи РНЕ и содержащих призывы к вступлению в эту организацию. Однако в ряде регионов имели место действия сторонников РНЕ, непосредственно направленные на разжигание национальной розни.

Как показывает анализ деятельности различных молодежных экстремистских организаций, действующих на территории России, большое влияние на функционирование и направленность деятельности организации имеет лидер и основным направлением противодействия молодежному экстремизму является установление и нейтрализация влияния лидеров неформальных организаций на окружение.

В политическом аспекте экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытаясь подорвать их стабильность, как правило, силовыми методами

Такова ситуация на сегодняшний день в России. Что касается нашего города, то в настоящее время в Томске есть верующие следующих основных российских конфессий:

Христианство:

- 1) Православие (в том числе старообрядцы), Армянская апостольская церковь.
- 2) Католицизм.
- 3) Протестантизм.
- 4) Ислам.
- 5) Иудаизм.
- 6) Буддизм.
- 7) Кришнаизм.

Насчитывается 125 религиозных организаций, наиболее часто упоминаемые это: «Мусульманское религиозное объединение», «Приход Воскресенской церкви г. Томска», «Религиозная организация Свидетелей Иеговы», «Тогурская воскресная церковь», «Томская Еврейская религиозная община», «Томская епархия русской православной церкви», «Томский христианский центр», «Томская церковь евангельских христиан баптистов», «Столп истины, религиозная организация», «Католическая община покровы пресвятой Богородицы царицы святого Розария», «Дом собраний церковь Иисуса Христа святых последних дней», «Буддийский центр алмазного пути школы Карма Кагью», «Агапе, центр христиан Веры Евангельской», «Местная религиозная организация христиан веры евангельской».

Кроме этого в Томске действуют религиозные, религиозно-политические, радикальные и мистикологические формирования и секты, а также псевдопсихологические и псевдокоммерческие, полурелигиозные центры. Большинство из них относится к организациям со структурой на основе тоталитарной идеологии.

В качестве примера можно привести секту, которая функционирует не только в России, но и в г. Томске. Секта «Ашрам Шамбалы». Эта одна из самых опасных и безнравственных тоталитарных сект России (другие названия «Международная Академия счастья», «Академия путь к счастью», «Путь в Беловодье», «Ашрам Шамбалы»), на совести которой тысячи покалеченных судеб, действует на территории г. Томска как минимум на протяжении 5 лет. Адепты секты осуществляют свою деятельность в г. Томске в различных частных спортивных, медицинских и культурных учреждениях.

Вовлечение в секту женщин и молодых девушек осуществляется под прикрытием занятий йогой, массажа, танцев живота, стрип-пластики. На занятиях проводятся физические тренировки, совмещенные с медитативными и дыхательными практиками. Указанные занятия ведёт группа женщин, так называемые младшие наставницы (белый хитон). Цель этих «наставниц» – поиск, обработка и вербовка новых членов, обеспечение посещаемости семинаров, проводимых старшими «наставниками», приезжающих из Новосибирска, продажа эзотерической литературы, производимой сектой, аудиодисков, амулетов, «предметов силы», сбор и передача денег. Все наставники скрывают истинные имена и лица (существует прямой запрет на фото и видеосъемку). Регулярно под их руководством проводятся семинары различной тематики. В Томск приезжали: Сирена, Драупади, Кали, Каляда и т.п. Семи-

нары старших наставников содержат жесткие методики контроля сознания, техники гипноза, введения адептов в трансное состояние, внушения. Пропагандируется уход из семьи – от мужа или родителей, разрыв социальных связей. Внушаются антисоциальные установки, избранность группы, религиозная нетерпимость, агрессивность, блудливость, разрушение нравственных барьеров.

Итак, молодежный экстремизм – противоправная деятельность физических лиц в возрасте от 14 до 25 лет, по принципу расовой, национальной, религиозной, политической, социальной или иной ненависти либо вражды.

Можно сделать вывод, что явление группового молодежного экстремизма – это продукт взаимодействия индивида с окружающей его средой и ее неблагоприятными условиями, а так же рядом негативных факторов, присущих некоторым сферам жизнедеятельности. Все они в совокупности или каждый из них в отдельности может явиться катализатором, необходимым толчком к участию той или иной личности в экстремистской деятельности. Социально-психологические характеристики человека (маргинальность, конформизм, жестокость, агрессивность и др.) так же являются факторами, способствующими экстремистской активизации личности.

Мобилизационным ресурсом для любой религии является молодежь. Именно она тот резерв, за который борются представители той или иной религии, чтобы увеличить ряды приверженцев. От молодежи зависит дальнейшая судьба нашего общества, от ее нравственных установок, ценностных ориентаций, которые зачастую складываются под влиянием религии.

Литература

1. Молодежь и религия: социальный аспект. //Православная народная газета (Самара): июнь 2003 г.
2. Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи //Социс.- 1998.- № 6. – С. 34 – 45.
3. Глуханюк А. А. Молодежь и религия: опыт американских исследований / А. А. Глуханюк // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(65).С. 82-91.
4. Андреева Л.А. Православие, протестантизм и стратегия устойчивого развития России в начале XXI в. //Общественные науки и современность.2004.№3.
5. Налетова И.В. Новые православные в России: тип или стереотип религиозности// СОЦИС.2004.-№5.
6. Каргина И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация //СОЦИС.2004.-№1.
7. Писманик М.Г. Современные верующие: их социальный облик и самочувствие // Социально-гуманитарные знания. 2003. – №4.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

И. А. Русинова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Общепризнанным является тот факт, что в современном российском обществе идут процессы утраты национальных традиций, и прежде всего в сфере народной художественной культуры. Об этом говорят и пишут многие современные деятели культуры и искусства, а также политики [1,2]. Не обошёл стороной этот процесс и русскую народную песню. «Сегодня в условиях универсальной глобализации мы наблюдаем негативные тенденции в развитии русской культуры, в том числе и забвение русской народной песни... Для современных масс-медиа русская песня оказалась «вне формата» [3]. Но ведь русская народная песня несла очень большую смысловую и функциональную нагрузку, следовательно, с ее уходом из современной российской культуры, мы теряем глубинное содержание самой культуры.

Таким образом, явно существует актуальная проблема сохранения песенных традиций с целью их трансляции в общественное сознание и современную российскую культуру. Сама постановка и обоснование проблемы, привлечение к ней общественного внимания, является важнейшей целью не только науки, но и для всего нашего общества.

Причины трансформации феномена русской песни кроются в изменении роли народного художественного творчества в процессе преобразования российского общества от традиционного типа до современного.

Так, «в раннем (или доклассовом) обществе при отсутствии заметного разделения труда художественное творчество было непосредственно вплетено в производственную деятельность, жизнь и быт» [4].

С развитием цивилизации крестьянский и ремесленный уклад жизни народа стимулировал сохранение общинных традиций. Яркий расцвет имели фольклор и декоративно-прикладное искусство.

В последующую эпоху феодализма народное художественное творчество особенно активизировалось, так как основное население на Руси было крестьянским с господствующим натуральным хозяйством и патриархальным бытом.

«Однако с развитием капитализма... в художественном исполнительстве стали появляться элементы городской культуры, связанные с развитием техники. Например, гитара и патефон вытесняли песни в живом исполнении и в сопровождении игры деревенских музыкантов на народных инструментах» [4].

Октябрьская революция 1917 года и последующие за ней индустриализация, коллективизация, развитие крупного производства в городах усилили процесс разрушения крестьянского быта. Новый государственный строй принёс с собой советские праздники и обряды, которые постепенно вытесняли привычную ранее традиционную народную культуру.

«Любительство, распространившееся в дореволюционное время, стало основой советской художественной самодеятельности, которую можно отнести к специфической форме народного художественного творчества... В 1992 г. многие самодеятельные коллективы были распущены из-за их нерентабельности в связи с введением принципов рыночной экономики и ориентацией на расширение хозрасчетных отношений в сфере культуры» [4].

Изменения в общественном сознании повлекли за собой изменение социокультурной ситуации в России, вызванное влиянием западной культуры в ее массовом варианте. Все это стало вытеснять традиционную культуру в России, в частности – русскую, а вместе с ней и ее составляющую – русскую народную песню.

Можно также обозначить современные социокультурные условия, усилившие её вытеснение [5].

1. Технический прогресс, который позволил появиться такому виду песни как виртуальная – фоновая, развлекательная: малая доля населения поёт (ТВ, радио, концерты, клубы, аудио- и видеозаписи и т.д.), а остальное большинство только наблюдает этот творческий процесс.

2. Современные интеграции стран и народов, их смешение и взаимопроникновение в различных областях жизни, что может привести к притуплению чувства национальной идентичности. Человек, утративший это чувство, перестаёт быть привязанным к своему народу, культуре и традициям, семейным ценностям.

3. Интенсивное вымирание деревни. Именно деревня всегда была хранителем традиционной русской культуры, частью которой является народная певческая культура.

4. Понижение уровня культуры речи в современном российском обществе (в том числе, с появлением «интернета»).

5. Противоречие между наполненностью, глубиной традиционной русской песни и поверхностностью песен коммерческой массовой культуры, которые быстрее «липнут» к языку, навязчиво становятся «модными» (песни-«однодневки»).

В процессе утверждения новых социокультурных условий появляются другие виды песни, которые вытесняют из привычного пространства русскую народную песню. Перечислим их:

1. классическая (академическая, опера, оперетта и т.д.),
2. эстрадная (диско, популярная, шлягеры, хиты),
3. рок,
4. джаз,
5. рок-н-ролл,
6. рэп,

7. шансон,
8. авторская песня (любительская, самодеятельная, бардовская, КВН),
9. мюзикл.

Но ведь русская народная песня всегда во все времена несла в себе важнейшие ценности, исконные смыслы, а также выполняла определённые функции в обществе, такие как [1]:

Познавательная. Освоение окружающего мира.

Мировоззренческая. Формирование определённого типа мышления, который служит основой для мировосприятия и деятельности.

Аксилогическая. Сохранение и передача от поколения к поколению духовно-нравственных ценностей и идеалов этноса.

Художественно-эстетическая. Развитие музыкально-поэтических способностей, выявление творческих задатков на материале этнических художественных традиций.

Арт-терапевтическая. Содействие лечению болезненных зависимостей, психосоматических и других заболеваний с помощью фольклорной арт-терапии.

Коммуникативная. Развитие культуры межнационального общения в процессе освоения этнохудожественных ценностей и песенных традиций разных народов.

Воспитательная. Воспитание таких качеств, как любовь к труду; здоровый образ жизни; нравственное благородство, вера в добро, чувство оптимизма; передача накопленного жизненного опыта, народной мудрости и знаний.

Социализирующая. Формирование определённых норм поведения людей при общении, умения приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам.

Этнокультурная. Любовь к Родине, чувство идентификации; знание традиционных особенностей (веры, обычаев, обрядов, праздников, фольклора и т.д.).

Следовательно, вытеснение русской народной песни влечёт за собой утерю этих важнейших функциональных основ нашей традиционной культуры и традиционного сознания.

Таким образом, изучая функционирование русской народной песни в современном российском обществе, мы, прежде всего, обнаруживаем проблему её вытеснения, а затем выявляем возможности не только её сохранения, но и возрождения в народной среде.

Литература

1. Спирина Ю. М. Народная художественная культура: теория и практика в современном социуме [Электронный ресурс]. URL: [www. Severberesta.ru](http://www.Severberesta.ru) (дата обращения: 28.11.2012).
2. Георгиева Т. С. Русская культура: история и современность: Учебное пособие. М.: Юрайт-М, 2001. С.3-5.
3. Копалов В. И. Песня – душа народа (материал из сборника «1150-летие России: от истоков до современности») [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2012/05/12/pesnya_dusha_naroda (дата обращения: 28.11.2012).

4. Михайлова Л. И. Народное художественное творчество и его место в российской культуре [Электронный ресурс]. URL: http://nhkt/narod.ru/article_4.htm (дата обращения 28.11.2012).
5. Самбур Е. В. Русская народная певческая культура: генезис и исторические трансформации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-narodnaya-pesnya-kak-etnokulturnyi-kontsept#ixzz2HTj0Azzk> (дата обращения: 28.11.2012).

ИЗУЧЕНИЕ ЛАГЕРНОГО БЫТА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ НА МАТЕРИАЛАХ ВОСПОМИНАНИЙ В. Е. КРЕМНЕВА

И. В. Сафронова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Советский период с его культурой, политикой, выработанной системой социальных отношений повлиял на формирование современного сознания. Одним из влияющих факторов являлась разветвленная система ГУЛАГа, распространившаяся на всю территорию Советского Союза. Согласно «Карте ГУЛАГа», составленной в 1998 г. на основании материалов справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» [5], за все время своего существования, с 1934 по 1960 гг., данная система включила в себя более 30000 мест заключения [3], через которые прошли миллионы людей разных национальностей, социального положения, образования и воспитания. Только за 15 месяцев, с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г., серии широкомасштабных спецопераций НКВД по уничтожению «врагов народа», проведенных по инициативе высшего партийного и государственного руководства во главе с И. В. Сталиным, на всей территории бывшего Советского Союза было арестовано около 1,5 миллионов человек, свыше 700 тыс. из которых расстреляли [2, с.19].

Каждый из людей, попадавших в советские лагеря, нес культурную, социальную информацию, которая в замкнутом пространстве смешивалась, изменялась, часть ее стиралась. Культура, пришедшая в лагерь с новой категорией заключенных – политических, сталкивалась с уже сложившейся за многовековую историю культурой уголовных заключенных с ее определенными правилами и принципами, в результате чего происходила взаимная трансформация. Из советского лагеря выходил человек уже новой формации, носитель новой культуры, которую он нес в повседневную, общественную жизнь. Эта культура распространилась на всю территорию Советского Союза, а через бытовое, семейное общение она укоренилась в сознании людей и стала передаваться из поколения в поколение. Это привело к тому, что сейчас на улицах, в общественных местах, по телевидению и в радиопередачах достаточно часто можно встретить слова из тюремного жаргона. Они настолько влились в наш повседневный лексикон, что, зачастую,

употребляя их, люди не задумываются об их значении и происхождении. То же самое происходит и во всех других сферах человеческой жизни.

Поэтому детальное изучение темы советских лагерей и жизни политических заключенных в СССР играет важную роль для понимания политической, социальной, культурной и экономической ситуации современной России. Для этого прибегают к анализу и изучению Постановлений, Указов, Справок и т.д. высших и местных органов управления СССР, архивно-следственных дел конкретных людей.

Немаловажную роль в изучении данной проблемы играет обращение к мемуарам, воспоминаниям людей, прошедших через советские лагеря. В них на первый план выходят живые, реальные чувства людей, а события рассказываются очевидцами, либо их участниками, что позволяет увидеть ситуацию изнутри и проанализировать ее на более глубинном уровне. Поэтому уже с конца 80-х гг. XX века ведется обширная работа по выявлению, сбору и изучению воспоминаний репрессированных.

Так, в июне 1989 г., членами Правозащитного общества «Мемориал» были получены воспоминания Владимира Ефимовича Кремнева [1], которые занимают важное место в изучении лагерного быта политзаключенных Омских лагерей.

В. Е. Кремнев родился в дер. Озерки Кузнецкого уезда Томской губернии в семье крестьянина. Учился в Томском технологическом институте, получил профессию инженера. Пред арестом работал начальником цеха паровозоремонтного завода в г. Омске. Арестован 1 декабря 1942 г. и осужден по статье 58-10 (контрреволюционная агитация) УК РСФСР на 8 лет исправительно-трудовых лагерей и пять лет поражения в правах. Срок отбывал в лагерях г. Омской области. Освобожден 1 декабря 1950 г.

Воспоминания им были записаны в Томске 1989 г, где он жил с 1976 г. Все его записи поделены на 5 блоков:

- 1 – Вступление [1, л.1].
- 2 – 1930-1941 годы. До ареста [1, л. 2-37].
- 3 – 1 декабря 1942 года – 16 марта 1943 года. От ареста до приговора [1, л. 37-61].
- 4 – 1943 – 1950 гг. Лагерная жизнь [1, л. 61-104].
- 5 – 1950 – 1898 гг. После освобождения [1, л. 104-138].

В данной работе будет рассмотрен 4 блок воспоминаний, посвященный лагерной жизни В. Е. Кремнева.

Владимир Ефимович за 8 лет заключения прошел через 4 колонии г.Омска и его окрестностей: пересыльная колония № 7, исправительные колонии №№ 2, 5 и 6 [1, л. 62, 66, 71, 77]. В колонии № 6, последней, где отбывал наказание Кремнев, «состав заключенных был смешанный: женщины, мужчины и подростки, 58-я статья и уголовники. Поэтому жизнь была беспокойная. Воровство, драки, проигрывание в карты и убийства имели место» [1, л. 80]. В предыдущих – женщины и подростки не находились, но уголовные и политические заключенные

содержались вместе, что приводило к постоянным столкновениям между этими двумя категориями.

Негативное, подозрительное отношение заключенных-уголовников и охранно-административного персонала колонии к людям, осужденным по 58 статье УК СССР, сказывалось на всех сферах их жизни.

Это касалось, в первую очередь, бытовых условий проживания. В пересыльной колонии № 7 политические заключенные не имели право на такие элементарные гигиенические процедуры, как бриться: «Около 10 дней я проработал в инвалидной бригаде. В парикмахерской меня ни разу не побрили. Как скажешь, что 58-ая статья, сразу тебе отказ. Если кому-то удастся обмануть, что не 58-ая, то будет побрит. Так что я значительно отрастил щетину» [1, л. 65]. Практически также дело обстояло и с посещением бани, где уголовные заключенные силой вытесняли политических, из-за чего те не получали должной гигиены и принимали это как данность.

Осужденные по контрреволюционной статье в лагерях и колониях практически не имели никаких прав. Они даже не могли пожаловаться на свои бытовые условия, питание. В. Е. Кремнев вспоминает такой случай, произошедший в колонии № 2: «Вспоминаю, однако, собрание в цехе, где было созвано большинство заключенных и присутствовал от УИТЛК по фамилии, кажется, Орлов. Он спрашивает заключенных:

– Как вас кормят, довольны ли?

Один говорит:

– Да, кормят ничего. Нам хватает.

А второй сказал:

– Нет, пища не качественная, ее не хватает.

Орлов сурово посмотрел на него. Спрашивает следующего. Тот говорит:

– Кормят ничего, нам хватает.

Еще один так же сказал. Тогда Орлов обращается к тому, который сказал, что кормят плохо:

– Как твоя фамилия? Какая статья?

Тот назвал фамилию и статью КРД.

– Так, ты что, на воле занимался контрреволюцией, да и здесь начинаешь вести контрреволюцию. Ты за это можешь получить 17 грамм в лоб.

Вот так, попробуй, пожалуись, что плохо кормят» [1, л. 69-70].

Все это приводило к подавлению человека, его личности. Боясь за свою жизнь, заключенные принимали как данность все, что происходило в колониях, не протестовали против существующего режима.

Но самыми ужасными для них были моральные страдания, переживания за себя и свою семью.

«Жизнь в колониях и лагерях в качестве заключенного выматывает человека, его душу. Он страдает и физически, и душевно. Особенно это репрессированные по 58-й статье. Ведь, они-то страдают безвинно. Бытовикам-уголовникам легче переносить этот гнет. Они знают, что

сами заработали это наказание. Воришки так и говорят: «Засыпался мать-мать...». Их семьи или родственники не преследуются в обществе. На семьи репрессированных ложилось страшное угнетение. Создается какое-то подозрение, избегают с ними общаться» [1, л. 76].

Все эти переживания еще больше угнетали людей, подавляли их, многие ломались и переступали общечеловеческие, моральные нормы. Но все же, некоторые заключенные находили в себе силы сохранить внутренний человеческий облик. Незаконно, в обход лагерным правилам, они находили способы и возможности в получении новых знаний, чтения книг, создавали самодеятельные музыкальные кружки и даже обзаводились такими домашними животными, как кошки, приручали диких птиц, ухаживали за растениями [1, л. 84-86]. Это давало им моральные силы для того, чтобы дождаться окончания срока заключения.

Владимир Ефимович Кремнев освобожден из мест заключения 1 декабря 1950 г. Полностью реабилитирован и восстановлен в правах лишь с первой волной реабилитации после смерти И. В. Сталина, в 1956 г. В выданной справке по реабилитации указано, что приговор от 16 марта 1943 г. в отношении его «отменен и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления» [4].

Справка отменяет вину человека, но не отменяет 8 лет заключения и 5 лет поражения в правах, не отменяет всех страданий и переживаний, перенесенных им и его семьей.

В. Е. Кремнев умер 25 марта 2002 г. на сотом году жизни, оставив после себя ценнейшие записи, воспоминания страшных лагерных лет, которые имеют важное значение для изучения истории XX века. Ведь через частную жизнь отдельного человека возможно проследить историю всего общества, его нравственные принципы, культуру.

Литература и источники

1. Архив «Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД». В. Е. Кремнев. Жизнь в период господства сталинщины, брежневщины и в последующие годы: 1930 – 1989. Томск, 1989. 139 л. Машинопись.
2. Архивы Сибири. Под грифом «Секретно». 1937-1938 гг. Операции НКВД: из хроники «большого террора» на томской земле: сборник документов и материалов / ред.-сост. Б. П. Тренин. Томск – М.: Водолей Publishers, 2005. 464 с. (*Сборник документов*)
3. Карта ГУЛАГа. НИПЦ «Мемориал». Москва. 1998. (*Карта*)
4. Личный архив Кремневых. Справка № 05-1474 от 29 сентября 1956 года «О реабилитации Кремнева В. Е.». Машинопись.
5. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: справочник / сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с. (*Справочник*)

ОБУЧЕНИЕ ИГРЕ НА КЛАВИШНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И. Ю. Симонова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доц.

Креативность является одним из важнейших психологических образований. Она обеспечивает успешность человека в самых разных областях деятельности, поэтому развитие креативности – одна из приоритетных задач современного образования.

По своей удивительной способности вызывать в человеке творческую активность, искусство занимает, безусловно, первое место среди всех многообразных элементов, составляющих сложную систему воспитания человека. Обучение игре на музыкальных инструментах, в том числе и фортепиано, является сильным стимулом к росту и самосовершенствованию детей. Познание мира через звуки музыки позволяет раскрыть творческие способности ребенка, помогает сформировать его эстетические пристрастия и тягу к прекрасному. Посредством обучения в ребенке могут раскрываться и другие способности, которых ранее ни взрослые, ни ребенок в себе не замечали. А благодаря музыкальному творчеству, приобретение дополнительных навыков позволяет ребенку выделяться среди других детей, привлекать их заинтересованное внимание, а значит чувствовать интерес к себе со стороны окружающих, достигать успехов и получать признание, что также является значительным стимулом в личностном развитии и преодолении сложностей и трудностей, которые могут возникнуть на жизненном пути.

Таким образом, обучение игре на клавишных инструментах (фортепиано, синтезатор, электронное пианино) обеспечивает комплексный подход к воспитанию творческой личности, который, охватывает широкий круг вопросов, относящихся к проблемам обще-эстетического и нравственного воспитания. Здесь присутствует неразрывное единство идейно-мировоззренческого, духовного и художественного, является неотъемлемым условием личности подрастающего человека, гармоничности ее развития.

Ценность творчества, его функции, заключаются не только в результативной стороне, но и в самом процессе творчества. Именно обучение игре на фортепиано может активно способствовать развитию креативности у учащихся младших классов. Под развитием креативности на занятиях с начинающими пианистами я подразумеваю: развитие творческих умений в исполнительстве и восприятии музыки, её неповторимой интерпретации, размышлении о музыке, умение представить конечный результат в виде осмысленного целостного произведения в своём понимании.

Младший школьный возраст, являясь наиболее благоприятным для развития креативности, личностного смысла позволяет закладывать основания для развития личности в целом, ее самораскрытия, самосовершенствования, самореализации, гибкой адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни, самодостаточности и толерантности. Многие исследователи отмечают, что традиционная система образования, по-прежнему имеющая наибольшее распространение в школах, уделяет недостаточно внимания развитию креативности. Поэтому сегодня в России большую популярность завоевала система дополнительного образования детей, которая выполняет функцию развития творческих способностей всех детей (не делая разделение по способностям) в различных видах деятельности, включая и обучение игре на музыкальных инструментах. Это центры дополнительного образования детей, дворцы детского (юношеского) творчества, дома детского творчества, детская школа искусств, различные негосударственные студии и т.д. Система дополнительного образования детей располагает богатыми социально – педагогическими возможностями по развитию творческих способностей всех детей, так как позволяет удовлетворять в условиях неформального образовательного процесса разнообразные, зачастую уникальные познавательные интересы личности. Кроме того, позволяет раскрыть потенциал одаренного и талантливого ребенка, поднять его на качественно новый уровень индивидуального развития, открыть массу возможностей для самореализации и самовоспитания.

Своей гибкостью, отсутствием излишней регламентации дополнительное образование детей способно снимать социальные проблемы, а также служить экспериментальной площадкой для отработки новых технологий, пригодных как для общего, так и для профессионального образования, способствовать их реализации.

Своеобразие креативности в том, что она составляет творческий, эстетический аспект индивидуального сознания личности, который состоит из критического анализа своего и чужого предшествующего опыта; понимания и выработки новых идей; умения видеть проблему там, где другим все ясно; способности быстро и смело отказываться от точки зрения, опровергнутой обстоятельствами; развитой интуиции и эстетического ощущения совершенства достигнутого результата.

Игра на музыкальных инструментах способна раскрыть творческие возможности младшего школьника более ярко, так как целый ряд психологических явлений превращает эстетическое переживание в со-творчество: это сопереживание, вовлечение в процесс, присутствие и т.д. На любом материале задача остается одной и той же: освободить мысль школьника, научить его стремиться к созданию нового, нестандартного, делать самостоятельный выбор, принимать самостоятельные решения за себя и других людей, вообще сформировать у него принципиальную установку на творчество.

Музыкально-художественная деятельность протекает в форме учебной деятельности тогда, когда школьники воспроизводят сам процесс рождения музыки, самостоятельно осуществляют творческий от-

бор выразительных средств (интонации, фразировки, адекватной динамики и др.) которые, по их мнению, лучше и полнее раскрывают художественное содержание произведения, творческий замысел автора и самого исполнителя. При этом учащиеся проникают в произведение, познавая саму природу музыкального творчества, музыкального знания, раскрывают в целостном самоценном искусстве явление действительности, его сущностные внутренние связи и отношения, благодаря чему музыка перед школьниками предстает как отражение «внутреннего» и «внешнего», как художественное произведение.

Литература

1. Артоболовская А. Д. Первая встреча с музыкой: учебное пособие. М.: Российское музыкальное издательство, 1996. 65 с.
2. Брянская Ф. Д. Формирование и развитие навыка игры с листа в первые годы обучения пианиста. М.: Классика – XXI, 2005. 68 с.
3. Живайкин П. Синтезатор – основной элемент общего музыкального образования в будущем // Музыка в школе. 2005. № 21. с. 4 – 9.
4. Красильников И.М. Методика обучения игре на клавишном синтезаторе: методическое пособие для преподавателей учреждений базового и дополнительного музыкального образования. М., Искусство в школе, 2007. 206 с.
5. Красильников И. М. Электронное музыкальное творчество: монография. Дубна: Феникс+, 2007. 496 с.
6. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. 5-е изд. М.: Музыка, 1988. 240 с.
7. Юдовина-Гальперина Т. Б. За роялем без слёз, или я – детский педагог. СПб: Союз художников, 2002. 112 с.

ФРЕСКА И ИКОНА НА РУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

М. А. Татарникова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Романова, к. культурологии, доц.

Как известно, духовность человека базируется на ценностях прошлых поколений. Поэтому для любого народа чрезвычайно важно помнить свои духовно-нравственные истоки, святыни и традиции. «Искусство каждого народа, слагаясь из всей совокупности его национальных особенностей, в своем росте и развитии неизбежно подвергается влиянию окружающих его культур» [2, с.1]. Память народа о ценностях поколений помогает ему обрести жизненный опыт, понять свою культуру. На современном этапе российское общество переживает духовный кризис, который обязывает нас обратиться к истокам русской духовности. Общение современного человека с предшествующими поколениями через искусство, литературу, религию, систему нравственных ценностей расширяет границы его непосредственной практики, духовно укрепляет, воспитывает любовь к своей Родине.

Обращение к истории и традициям отечественной духовной и художественной культуры актуально еще и потому, что многие ее образцы и сегодня не утратили своего духовного потенциала и могут служить средством воспитания чувства патриотизма, эстетических вкусов, высокой духовности нынешних и будущих поколений. Фресковое искусство и иконопись, имеют глубокие корни в русской православной культуре. Достаточно вспомнить такие имена как Андрей Рублев, Дионисий... Это истинно духовное, высочайшее искусство, и оно стоит того, чтобы потрудиться над его возрождением.

Фресковое искусство в России сейчас является достаточно востребованным. Современные строящиеся храмы все чаще стремятся украсить фресками. Также фреска занимает особое место в дизайне интерьера, поскольку является одним из самых модных течений в этой области. Но настоящих профессионалов, способных выполнить фреску, сегодня мало. И это действительно является проблемой. К сожалению, сейчас фреска такой ценности как в Древней Руси для народа уже не несет.

О русской иконе и фреске написано много научной искусствоведческой литературы. Для написания данной статьи использовались известные академические издания. Так, Т.С. Еремина в своей книге «Мир русских икон и монастырей: история, предания» [1] повествует об истории русских монастырей, об их основателях и святых, о важнейших иконах, почитаемых в России; особую ценность представляет раздел книги, посвященный иконографии. Г. Н. Вздорнов в монографии «Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде» [2] рассказывает о жизни Феофана Грека, о его работах и процессе творчества великого художника. Л. М. Евсеева, Н. И. Комашко и М. М. Красилин в великолепном издании «История иконописи» [3] опубликовали большое количество иллюстраций икон, а также привели описание техники иконописи, представили историю византийской иконы, греческой, древнерусской, грузинской, сербской, болгарской, македонской, украинской, белорусской и румынской (Молдовы и Валахии).

Целью данной работы является сравнительный анализ фрески и иконы на Руси. Сопоставление фрески и иконы позволяет лучше увидеть их особенности.

С принятием христианства в искусстве Древней Руси произошли перемены. С годами Церковь все больше и больше стала влиять на народное сознание. В основумировоззрения легли высокие христианские принципы и понятия о Боге, Спасении, человеческой душе. Первые иконы, фрески, мозаики, появились после крещения Руси (хотя иконы были известны на Руси еще до того). На первых порах все иконы, кресты, одежды священнослужителей и другие церковные атрибуты были привезены из Византии. Таким образом, сильное влияние византийского стиля на искусство Древней Руси очевидно. «Влияние Феофана рисуется нам в следующем виде. Он привез из Византии оздоровляющую реалистическую струю» [2, с.365]. Аскетизм и строгость в живописи, отраженный в каноне, возвышенность греческих церковных мо-

литв и песнопений стали образцом для русского христианского искусства. «Прививка именно этого жизненного, крепкого искусства была до последней степени необходима для тогдашней Руси» [2,с.365]. Древнерусские мастера поначалу копировали иконы и фрески свизантийских. В дальнейшем, получив навыки, русские мастера отказались от копирования и древнерусская живопись стала иной, не похожей на византийскую. Тем не менее, не смотря на то, что живопись отличалась особым своеобразием, каноны по-прежнему занимали особое место.

Икона – это образ, с которым вступает в общение молящийся. Это живописное изображение (реже рельефное) Иисуса Христа, Богоматери, ангелов и святых. Икона, в общем-то, автономна, т.е. не неизбежно привязана к тому или иному месту – храму, дому и пр. Ее нельзя считать картиной, вне ее воспроизводится не то, что художник имеет перед глазами, а некий прототип, которому он должен следовать. Икона как элемент культа, как искусство, наполненное литургическим смыслом, была связующим звеном между миром земным и миром «вышним». Эта основная ее функция в духовной жизни. В силу своего назначения быть моленным образом, посредником между земным и высшим миром она всегда отличалась повышенной концентрированностью духовного содержания. Основная тема, которой в древней русской живописи все подчиняется – это преодоление ненавистного разделения мира, преображение Вселенной во храм.

Для фрески это невозможно. Фреска, в первую очередь, связана с архитектурой. Искусство византийской и русской фрески и мозаики композиционно и тематически согласовано со зданием храма. Ведь сам храм имеет совершенно особые формы, и образ фрески подчиняется в определенных отношениях этим формам. Естественно, внутреннее пространство храма находится в согласии с его внешними формами. Архитектура храма всегда величественна или трогательно красива, но в то же время практична, т.е. подчинена функциям храмовой жизни. Понятно, что если стены имеют, например, полукруглое завершение, то фреска будет композиционно, а может быть и тематически, решаться иначе, чем на стенах с прямыми сторонами.

Можно, даже сказать, что то, как изображались лики и фигуры в храме, было как-то связано с окружающей местностью храма. Такова целостность, гармоничность мировосприятия средневекового человека. Для него все и вся было взаимосвязано. Поэтому многое в решении фрески, в ее динамике было связано с окружающей средой, с историческими и бытовыми условиями, с характером людей, наполняющих храм...

Надо сказать к тому же, что фреска, в отличие от иконы, не имеет задачи прямого контакта со зрителем. Но она создает у пришедшего в храм ощущение живого присутствия изображенного лика. Это подчеркивается и обратной перспективой изображения. И если человек приходил в расписанный фресками или украшенный мозаиками храм, то он как будто бы попадал на Небеса, в пространство, где вверху – образ Спасителя, а далее – по нисходящей – святых апостолов, святых

угодников Божиих. Причем Небо в храме это не иллюзия, это явление Небесного Царства, его таинственное проникновение в земной мир. Весь храм напоминает собою целостный образ этого Царства.

Иконы отличаются большей символичностью, чем фреска. Тем не менее, идея та же: постоянно напоминать о Боге. Встречаются сложные художественные композиции, иллюстрирующие библейские события и евангельские притчи. С веками эти ранние христианские символы и композиции стали более художественными и разнообразными.

Верующие, конечно, привыкли молиться перед иконами, глядя на них, но не очень легко себе представить молитву перед фреской. Однако у фрески такой задачи и нет. Она является материальным и мистическим пространством храма, которое, безусловно, воздействует и на духовное, и на физическое состояние человека, дает могучий импульс для молитвы, возводит человека в горний мир. «Фреска – это как бы дыхание храма. Фреска, образно говоря, – это то, что поведали бы нам стены храма, умей они говорить» [2, с.206].

Очень важное значение имеют краски, цветовое решение росписи. Язык фрески не может быть «расшифрован» словесно – это язык зрительных образов, у этого языка свой строй и свое богатство смыслов. Конечно, возможна цветовая метафора, но «переводить» ее в словесный ряд не следует. «Священное изображение – это не символ, это – изображение самого первообраза» [1, с.165]. А рядом с этим, во фреске мы встречаемся с неподражаемой передачей таких душевных настроений, как пламенная надежда или успокоение в Боге. Без этого он был бы похож на зал для светских собраний. Фреска все больше открывается по мере продвижения по храму, постепенно усиливая впечатление. И тут создатель фресок должен всегда искать самое лучшее индивидуальное решение, исходя из архитектуры храма, традиций и прочего.

Конечно, сравнивая фреску и икону, мы понимаем, что у них разная техника написания и технология. Материал, который использовали художники для красок при написании фрески или иконы – это яичная темпера. Икона писалась на дощечке, а вот фреска относится к технике монументальной живописи. Писалась фреска по свежей (сырой) штукатурке, разведенными на чистой или известковой воде красками, благодаря чему фреска приобретает исключительную прочность и долговечность. Техника фресковой живописи издавна является основной техникой стенных росписей. Кроме собственно фрески, с глубокой древности известна роспись по сухой штукатурке (асекко).

Техника фресковой живописи известна еще в античной художественной культуре, где использовались многослойные шлифованные грунты с добавлением мраморной пыли. Исходными материалами были: известь, песок, окрашенные минералы (краски). Простота материала, техника живописи, а также долговечность произведений вызвало большую популярность фресковых росписей в античном мире. Античные мастера заканчивали фреску по сухому с помощью темперы). В

этой технике на Руси работали Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий. Постепенно росписи, близкие по технике фреске, начали создаваться у народов Востока (в Индии, Средней Азии).

Главная трудность фресковой живописи в том, что художник должен начать и закончить работу в тот же день, пока сырая известь не высохла. Если же необходимы поправки, нужно вырезать соответствующую часть известкового слоя и накладывать новый. Техника фрески требует уверенной руки, быстрой работы и совершенно четкого представления обо всей композиции в каждой ее части.

В иконописи не какие-либо несущественные штрихи, а именно существенные черты предусмотрены и освящены канонами: и положение туловища святого, и взаимоотношение его крест-накрест сложенных рук, и сложение его благословляющих пальцев.

Фрески обычно писались в храмах, поэтому все сюжеты были библейскими. У икон в отличие от фресок существует деление по сюжетам:

- Иконы Святой Троицы (символические и «по пророческим видениям» изображения троичного догмата).
- Иконы христологического ряда (Спаситель, евангельские события с участием Христа; в т.ч. «страстные» иконы или иконы страстного цикла, повествующие о страданиях и распятии Христа).
- Богородичные иконы (Богородица, богородичные праздники).
- Иконы святых и сил бесплотных.
- Иконы праздников и событий священной истории.
- Символические и аллегорические композиции.

По количеству изображаемых персонажей выделяют одно-, двух-, и т.д., а также многофигурные композиции.

Материалы, используемые в иконописи – доска, пигменты красок и яичная основа темперы, рыбный клей. В деревянной основе (доске) делали углубление, которое называли «ковчегом» (или без него) и наклеивали ткань – «паволоку». Далее наносится меловой или алебастровый грунт – «левкас». Первым этапом работы была прокладка основных тонов – «роскрышь». В качестве краски используется яичная темпера. Завершает процесс работы над ликом наложение «движков» – светлых точек, пятен и черт в наиболее напряженных участках изображения. Заключительная стадия – роспись одежд, волос и прочих необходимых деталей изображения творёным золотом. В завершении икона покрывается защитным слоем – натуральной олифой.

Изображения на иконах и фресках передают в контурах и красках то, что Священное Писание описывает словами. Святые изображения создают в храме молитвенное настроение. Фреска в ее идее составляет неразрывное целое с храмом, а потому подчинена его архитектурному замыслу. Отсюда следует изумительная архитектурность нашей религиозной живописи: подчинение архитектурной форме чувствуется не только в храмовом целом, но и в каждом отдельном изображении.

Икона и фреска на протяжении нескольких веков являлись и продолжают являться для нас основой древних культурных, религиозных и живописных традиций.

Литература

1. Еремина Т. С. Мир русских икон и монастырей история, предания. М.: Международная академия «Наука», 1997. 597с. (Монография)
2. Вздорнов Г. И. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. М.: «Искусство», 1974. 699с. (Монография)
3. Евсеева Л. М., Красилин М. М., Комашко Н. И. История иконописи. М.: «Арт-БМБ», 2002. 287с. (Монография)

ИЗУЧЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО ЭСТРАДНОГО КОНЦЕРТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЧЕРА ПАМЯТИ МУСЛИМА МАГОМАЕВА)

М. С. Толкачева, Д. А. Сергеев

*Томский государственный педагогический университет,
Губернаторский колледж социально-культурных технологий и инноваций*

Научный руководитель: М.С. Толкачева

Постановка проблемы. Среди всех форм социально – культурной деятельности, концерт был и является самой востребованной формой социально – культурной деятельности. С точки зрения теории коммуникации этому можно найти следующие объяснение: концерт это распространенный способ непосредственного общения артистов и публики, который благодаря таким свойствам как – динамичность, жанровая открытость, разнообразие, тесное взаимодействие в системе актер и зритель, традиционность, большие возможности для ведения инноваций продолжает быть актуальным и сегодня.

В свою очередь, если проанализировать современную концертную деятельность, то среди всего разнообразия его видов чаще всего проводят эстрадные тематические концерты благодаря их демократичности, возможности приурочить к определенной значимой дате, таким образом, объединив в единое целое различные концертные номера и сделать в большинстве их доступными для широкой публики.

Отсюда вытекает цель исследования: изучить основные элементы тематического эстрадного концерта и рассмотреть их на примере концерта памяти Муслима Магомаева, где объектов исследования будет концерт как форма социально-культурной деятельности, а предметом эстрадный тематический концерт. Среди множества концертов в исследовании был взят для анализа именно концерт памяти М.Магомаева, так как его значение как эстрадного певца огромно. Этот концерт проходил в Крокус Сити Холле 25 октября 2009 года и является ярким примером тематического эстрадного концерта

В данной статье будет показано, как важно соблюдать организационные принципы при создании тематического концерта и данный концерт будет проанализирован ниже как пример для подобного вида юбилейных эстрадно-тематических концертов. Для доказательства этого в работе были следующие задачи, для решения которые требова-

лось: 1. определить сущность концерта и тематического эстрадного концерта. 2. определить основные принципы организации тематического концерта. 3. использовать их для анализа концерта памяти Муслима Магомаева. Методы исследования: метод анализа, метод классификации, описательный метод, сравнительный метод и метод наблюдения.

Обсуждения и выводы. Концерт – один из видов публичных выступлений, в котором в той или иной форме находят свое выражение не только пять видов основных сценических искусств: музыка, литература, хореография, театр, эстрада, но и другие виды, например цирк. Искусство эстрады – это вид сценического искусства, соединяющего в одном представлении (концерте) выступления нескольких артистов (чтецов, куплетистов, певцов, музыкантов, фокусников, акробатов, танцоров, конферансье, звукоподражателей и др.). Могут быть также сольные концерты, в которых участвует один артист.

В зависимости от характера исполняемого репертуара, концертную деятельность принято рассматривать как состоящую из двух основных разделов: филармонического (от греческого *phileo* – люблю и *harmonia* – гармония) и эстрадного (от латинского *stratum* – настил, помост). Отнесение жанров к филармоническим либо эстрадным непосредственно связано с исполняемым репертуаром.

Поскольку в данной статье анализируется эстрадно-тематический сборный концерт, то остановимся поподробнее на тематическом концерте. Появление и развитие этого вида концертной эстрадной деятельности отражает идейно-художественный развитие отечественной эстрады, обращающейся ко все более широкому кругу тем. Тематические концерты связаны с общественно-политическими праздниками, красными датами календаря, важными событиями в жизни коллектива, с именами замечательных людей и т. д. Сложность заключается в том, что при этих условиях тематический концерт как явление эстрадного искусства должен сохранить все качества и специфику эстрады: жизнерадостность, яркость, занимательность, веселость, зрелищность. Трудно учесть интересы всех возрастных категорий зрителя, что требует продуманности и соответствующей подачи каждого номера.

Приступая к работе над сборным концертом, надо помнить об основных принципах его организации, их в исследовании было выделено 14 и именно они послужили основой для анализа концерта памяти М. Магомаева.

1. *Учесть время всех номеров и концерта в целом.* В данном концерте по данному параметру не выходит за границы возможности восприятия зрителей поскольку длится один час тридцать семь минут.
2. *При расстановке номеров приходится в первую очередь решать чисто организационные, технические проблемы.* Этот параметр в данном концерте был соблюден, поскольку здесь были представлены как групповые номера и симфонические жанры, так и сольные артисты, музыкальные и театральные жанры. Между собой

были сбалансированы: эстрадное исполнение песен из репертуара М. Магомаева, выступления актеров, юмористов, хореографических коллективов, более того, они были расставлены логически по блокам связанных между собой, но по жанрам менялись в этих блоках, таким образом, не было допущено однообразия и интерес зрителей поддерживался, сохранялся и усиливался.

Некоторые номера использовали синкретический подход, одновременно воздействуя на все ощущения зрителей. Многие номера были проведены с использованием сложных технических средств, с использованием комбинированной видеозаписи, которая сопровождалась живым исполнением симфонического оркестра, а также были номера, где в начале были использованы песни М. Магомаева, а затем эта песня до конца исполнялась современным певцом. Пример: песня «My Way», где в начале было представлено видео М. Магомаева в его исполнении а завершил песню Эмин Агаларов. Были использованы видео презентации из фотографического материала самого Муслима Магомаева, а также использовались архивные записи, которые включались в исполнение самого номера и благодаря техническим приемам и использованию кросс-медийных средств создавали иллюзию того, что певец как будто присутствует на сцене и исполняет свои песни, например, М. Магомаев и Л. Долина исполняют песню «Благодарю тебя». Таким образом, не терялся темп концерта и сохранялась его целостность и интерес зрителям – благодаря сценарному ходу, который был выделен от начала до конца концерта и заключающемуся в реализации идеи, что М. Магомаев не просто великий музыкант прошлой эпохи, которого надо помнить, но было показано, что его творческое наследие живо, актуально, демократично и волнует представителей всех возрастов и социальных групп.

3. *Организатору важно, каждый номер концерта ставить в выгодные для исполнителя условия.* По отношению к исполнителям параметр также не был нарушен, поскольку по уровню исполнения, по взаимодействию, по сложности номера и подготовки исполнителей (то есть не было допущено такой частой в подобных концертах ошибки, когда более сильный исполнитель выступает перед слабым и т.д.) – все было построено по принципу нарастания, за исключением первого номера, призванного привлечь зрителей и пробудить их интерес.

4. *Программа концерта составлена с учетом нарастания зрительского интереса.* Как уже говорилось, этот параметр был реализован на протяжении всего концерта, более того, надо подчеркнуть тем, что в середине и ближе к концу были кульминационные номера, например такие песни как: «Верни мне музыку» в исполнении Ф. Киркорова, Митодия Бужора «Чертово колесо», Тамары Гвердцители «Не спеши», хора Турецкого «Свадьба», а так же «Вдоль по Питерской», исполненной в записи М. Магомаева, которая сопровождалась миниатюрой современного хореографического коллектива.

5. *С какого эффектного номера нужно начать концерт, чтобы сразу захватить внимание зрителя.*

В данном концерте это было очень ярко представлено, поскольку первый номер был использован со сложным технологическим приемом, где были взяты видеозапись и голос М.Магомаева исполняющего песню «Мелодия», которую сопровождал живой симфонический оркестр, этот номер был усилен хореографическим исполнением и на него настолько откликнулись, что все присутствующие на концерте зрители в едином порыве встали и тем самым почтили память артиста.

6. *Иногда несколько номеров в программе естественнее подать единым концертным блоком.* Этот параметр уже кратко упоминался выше, рассмотри его подробнее. В первом концертном блоке певцы и артисты исполняли песни из репертуара М.Магомаева, примером могут служить песни такие как: «Ноктюрн», «Надежда», «Благодарю тебя», второй блок был словесно жанровый, он посвящен именно воспоминаниям о певце, пример номер народного артиста России В. Винокура где идет рассказ о совместной поездки на гастроли, а третий блок там было много представлено самих выступлений М.Магомаева, архивных записей, воспоминания из фото архива, такие песни как «My Way», «Вдоль по Питерской», «Синяя вечность» «Пока я помню – я живу». Таким образом, три блока были представлены в данном концерте, что облегчало восприятие зрителей, несмотря на большое количество исполнителей.

7. *Важно заботиться и о целостности впечатления по поводу всей концертной программы, помнить о ее развитии, динамике.*

8. *Конечно, должно быть соблюдено тематическое единство концерта, в зависимости от заявленной цели и темы концерта.*

9. *Тематика концерта иногда бывает связана не только с праздничным весельем, но и с официальной торжественностью, а порой даже – и с трагическим содержанием юбилейной даты.*

Перечисленные три параметра в концерте были представлены логичностью развития, целостностью сюжетной организации концерта и его тематическим единством. Все выступления были именно посвящены творчеству, жизни и исполнению песен М.Магомаева не было ни одного номера, который бы выбивался из тематического единства концерта, таким образом, как целостность так и тематика концерта и его цель, посвященная памяти М.Магомаева и доказательству актуальности его творчества сегодняшнему российскому человеку и в целом пропаганде отечественного культурного наследия, была соблюдена. В то же время, несмотря на печальный тон концерта, который соответствовал дате памяти годовщины со дня смерти певца, не было излишней надрынности.

10. *Для разработки сценариев тематических концертов эстрадно-драматургу и режиссеру необходимо изучать соответствующие исторические документы, иногда переосмысливать те или иные факты, связанные с данной темой.*

В этом концерте было это представлено, потому что режиссер данного концерта не просто изучил биографию и жизнь певца, но и просмотрел фонды его записей, фото, видеотеку, таким образом, смог не

только представить все в единой системе, но и смог включить это в содержание самих номеров, таким образом, было показано не только музыкальное наследие и общественная деятельность певца, но он как будто сам участвовал в концерте.

11. Сценарная идея тематического концерта.

Основная идея данного концерта это не просто вспомнить о великом певце, насладиться мощью его концертной деятельности, отметить печальную дату год со дня его смерти, но главное: именно подчеркнуть что наследие его живо, что его песни помнят не только зрители которые были его поклонниками в то время, но и молодежь, она сохранила актуальность и в настоящий момент, более того необходимо подчеркнуть, необходимость пропаганду его наследия его творчества в будущем.

12. Есть свой некий обязательный ритуал, соответствующий именно данной дате.

В данном примере, поскольку это была печальная юбилейная дата, было соблюдено традиционные официальные соболезнования и высказывания о данном великом исполнителе, но не было нарушено целостность и развитие концерта, потому что они были логически распределены по блокам данного концерта и часто естественно переходили или включались в сам концертный номер.

13. Есть обычная и техническая художественная часть

14. Использование специального информационного, технического обеспечения концерта

Здесь были использованы технические средства как аудиовизуальные, так и светотехника, комбинирование и монтаж архивных материалов, что позволило – с одной стороны, сохранить все его традиционные формы, а с другой – сделать концерт интересным и легко воспринимаемым для зрителей.

Таким образом, структура концерта во всех его основных 14 параметрах, которые были перечислены выше, была соблюдена и концерт заслужил высокую оценку, как зрителей, так и исполнителей и критиков. Следовательно, такие элементы как тематическое единство, целостность, последовательность, техническое обеспечение, установление тесного контакта со зрителями выступающих, а также жанровое разнообразие были соблюдены, что сделало концерт интересным и запоминающимся и донесло его основную сценарную идею до зрителей.

Литература

1. Литературно-музыкальный журнал, посвящённый творчеству М.Магомаева: [Электронный ресурс]. – <http://www.muslimmagomaev.ru/node/1>
2. Концерт памяти Муслима Магомаева «Пока я помню – я живу» [Электронный ресурс]. – <http://www.magomaev.info/video-music.html>.

ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ПЕДАГОГА И ВОСПИТАННИКОВ ЭСТРАДНОЙ ГРУППЫ «СОЗВУЧИЕ» Д/К «ОГОНЁК»

А. В. Усова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доц.

Многопрофильный детский клуб «Огонек» является структурным подразделением МБОУДО «У Белого озера». В этом году д/к «Огонек» отпраздновал свой 25-летний Юбилей.

В нашем детском клубе воспитываются и обучаются, можно сказать, дети «от мала до велика»! Это ребята от 1,5 лет до 17 лет. Они посещают интересные объединения: «Знайкина школа», «Зернышко», «Сказка», «Рукодельница», «Живографика», «Мой мир», «Созвездие» (хореография), Магия моды, «Школа волшебников», «Гитара», Театр куклы и актера «Образ». Есть у нас такие интересные, современные направления, как фотоимидж. И, конечно же, в клубе есть изостудия.

Дети имеют возможность обучаться игре на фортепиано. А те, кто имеет способности к сольному пению, посещают занятия эстрадной группы «Созвучие». В детском клубе «Огонек» мне, музыканту и культурологу по образованию, преподавателю с педагогическим стажем восемнадцать лет, посчастливилось с 2007 года преподавать эстрадный вокал.

Эстрадный вокал, как разновидность массовой культуры, тесно связан с современными музыкальными стилями, которые возникли и стали широко распространяться, условно говоря, с конца XIX века. Рождение джаза и блюза, проникновение «на эстраду» сугубо культовых жанров (спиричуэл, госпел), выход бытовой музыки на концертные площадки повлекли за собой и появление специфических форм и приемов вокального исполнения. Современный вокал – это способы, манеры и приемы звукоизвлечения, возникшие (и продолжающиеся появляться до сих пор) в последнее столетие.

Эстрадный вокал как самый демократический стиль искусства привлекает и взрослых и детей. Пропаганда на телевидении таких передач как «Голос», «Евровидение» популяризируют интерес к своим вокальным данным. Хорошим тоном считается красиво петь караоке. Но возникает вопрос: что петь? Эстрадная песня относится к массовому виду искусства. Происходит намеренное упрощение музыкального языка, текста. Смысл теряется в угоду потребностям толпы, ставка делается на эпатаж, внешний лоск. Поэтому первейшая задача педагога по вокалу – подбор репертуара.

Всегда нужно помнить о том, что слово первично. И всегда задавать вопрос себе и своим ученикам: о чем поется? Какой смысл вложен в то или иное произведение. Приемы, техника исполнения напрямую связаны с образом, содержанием песни. На первом этапе главная цель педагога дополнительного образования – заинтересовать, увлечь, растрогать детей.

Каждый педагог мечтает о крепком, сплоченном коллективе. Поэтому что хорошие результаты, развитие способностей ребенка проявляются спустя некоторое время. Дополнительное образование является свободным для посещения, то есть нет такой обязательности, как в общеобразовательной школе. Поэтому главная задача педагога – создать творческий союз с детьми, на основе взаимоуважения и любви к искусству.

Эстрадное пение сейчас достаточно популярно в нашей стране. Оно демократично по своей сути – главное, желание и вокальные данные ребенка. Голос – это отражение душевных сил человека, его внутреннего «Я». Нет более увлекательного, чем исследовать свой музыкальный инструмент – голос. Музыкальные способности есть практически у каждого человека, как утверждают специалисты – в 90% случаях голос и слух развиваются.

Психологически первым, что должен сделать педагог в самом начале общения и преподавания – является установление дружественных, уважительных отношений с ребенком. На прослушивании я прошу спеть а-капелла любимую песню. Обязательно спрашиваю, о чем песня, ведь иногда дети и не задумываются о содержании. Я провожу групповые занятия в основном с детьми начальной школы. Их возраст – 7-10 лет, и на первых порах приходится приучать детей к внимательному отношению друг другу.

Самое сложное на первых занятиях выстроить унисон, научить слушать и слышать друг друга. В этом помогают психологические тренинги Фопеля, такие как «Подари подарок» (на дружелюбное отношение друг другу), «Музыкант» (развитие внимания), «Волшебный мешочек» (развитие фантазии) и т.д. Дети с удовольствием сами придумывают музыкальные загадки, шарады, рисуют рисунки к понравившимся произведениям. Главное – будить творческое воображение ребенка.

Для ребенка образовательный процесс должен проходить как игра: игра никогда не утомляет и не надоедает. Дети сейчас гиперактивны, поэтому я стараюсь, чтобы они побольше двигались. Развивая чувство ритма, активно в работе использую мячи, скакалку. И дети с удовольствием вспоминают свои любимые игры. Происходит проговаривание и показ скороговорок. Дети любят показывать животных, причем даю им задание изобразить характер того или иного зверя: «простодушную лису», «доброего крокодила». Дети любят парадоксы. Главное – побольше фантазии и юмора, понимания в общении с ними.

Что касается дыхательных упражнений, они проводятся как своего рода физкультурная разминка под музыку. С детьми работает еще и хореограф для театрализации, постановки номера. Эстрадная песня предполагает зрелищность, театрализацию. Ребята любят выступать, у них нет страха перед сценой. И пусть не каждый из них в будущем свяжет свою с музыкой, но если ребенок постепенно начинает чувствовать красоту музыкальных произведений, понимать их значимость, эмоционально чутко реагировать, сопереживая внутренне и становясь

более открытым миру, то можно считать, что педагог выполнил свою сверхзадачу: создал ситуацию успеха. А, значит, в будущем это поможет детям в представлении уже своего опыта.

Творческий союз педагога и детей помогает достичь главной педагогической цели: воспитание у подрастающего поколения творческого подхода к преобразованию окружающего мира, активности и самостоятельности мышления.

Литература

1. Анохина Т.В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования. // Классный руководитель, 2000. N 3. С. 63–81.
2. Бедерханова В.П. Педагогическая поддержка индивидуализации ребенка. // Классный руководитель, 2000. N 3. – С. 39–51.
3. Карягина А.В. Джазовый вокал: Практическое пособие для начинающих. СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2011. 48 с.
4. Карягина А.В. Современный вокал. Методические рекомендации. СПб.: Композитор, 2012. 52 с.
5. Крылова Н.Б. Педагогическая, психологическая и нравственная поддержка как пространство личностных изменений ребенка и взрослого. // Классный руководитель, 2000. N 3. С. 92–104.
6. Фопель К. Создание команды. Психологические игры и упражнения. М.: Генезис, 2003. 400 с.
7. Шереметьев В.А. Пение и воспитание детей в хоре: методика и опыт вокально-хоровой школы «Мечта». Челябинск: Изд-во Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2005. 250 с.

АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ В ДОМЕ РЕБЁНКА И ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ИХ ПСИХИКИ

М. В. Филонова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доц.

Адаптация, т.е. приспособление, является общебиологическим феноменом. Все живые организмы вынуждены приспосабливаться к жизни к в конкретных условиях: в воде, в воздухе, под землей, в бездонных глубинах океана и т.д. Человек не выпадает из этого ряда. Если к организму предъявляются какие-то новые требования, то включаются механизмы, вырабатывающие новые формы реагирования, адекватные этим новым условиям. Качественным отличием человека от всех других живых организмов является его существование в социальной среде. для человека социальная среда такой же объективный фактор воздействия, как и остальные условия (климат, температура, питание и т.д.). предварительная ориентировка человека на будущие изменения, осознанная установка на перестройку поведения в связи с изменившимися

социальными условиями определяются как социальная адаптация, необходимый компонент жизнедеятельности человека. В определенной микросоциальной среде (работа, семья и т.д.) у человека проявляются черты поведения, адекватные тем или иным социальным условиям.

Итак, способность к приспособлению создает условия оптимального существования организма. Если человек здоров и его эмоциональное отношение к жизни положительно, то его состояние определяется как физиологическая адаптация. Когда возникает необходимость каких-то изменений (человек идет в гору – у него учащается дыхание и сердцебиение), то заинтересованные системы начинают работать более интенсивно, так как всякая перестройка требует усиления определенных функций, напряжения. Это состояние обозначается как напряженная адаптация.

При социальной адаптации причинами напряжения могут быть либо резкое усиление психической деятельности, либо необходимость менять привычные формы поведения. Если возможности системы адаптационных механизмов не превышаются, то напряжение, перестройка приводит к новому уровню физиологической адаптации – к реакциям, адекватно отвечающим потребностям ситуации. В случае превышения адаптационных возможностей организма, когда функциональные системы начинают работать в неблагоприятных режимах, возникает патологическая адаптация и стресс.

Рождение ребенка – яркое проявление его биологической адаптации, переход из условий внутриутробного к условиям внеутробного существования требует коренной перестройки в деятельности всех систем организма: кровообращения, дыхания, пищеварения. К моменту рождения эти системы должны быть готовы осуществить функциональную перестройку, иными словами, должен существовать врожденный уровень готовности адаптационных механизмов. Действительно, здоровый новорожденный имеет этот уровень и достаточно быстро приспосабливается к существованию во внеутробных условиях. Так же, как и другие функциональные системы, система адаптационных механизмов продолжает свое созревание и совершенствование в течение дальнейшего роста и развития ребенка.

Возможности к социальной адаптации развиваются только после рождения и неотделимы от развития системы высшей нервной деятельности и сложных психических функций человека. Рождаясь, ребенок попадает в среду, преобразованную человеком. В результате воздействия взрослых и собственно активной деятельности у ребенка вырабатываются поведенческие реакции, наиболее адекватные для этой среды. В различные возрастные периоды дети и подростки сталкиваются с изменениями микросоциальной среды, что требует и изменения в поведении.

Уже в первые шесть месяцев жизни ребенка возникают реакции на режим, способ вскармливания, микроклимат окружающей среды. С 6 до 9 мес. формируются реакции на способы ухода за ребенком (т.е. он привыкает к тому, как его кормят, укладывают, как организуют

его бодрствование и т.д.). При семейных условиях воспитания в возрасте 9 – 10 мес. формируется еще одна реакция – привязанность к взрослому (мать, бабушка, няня). У ребенка расширяются возможности сознательно воспринимать окружающий мир и проявлять активную деятельность, но происходит это только с помощью взрослого, постоянного находящегося с ним. Это реакция доминирует до 1г.4мес. – 1г.6 мес., а затем постепенно ослабевает, так как у ребенка повышается ориентировочная реакция, активное стремление к новому, появляются возможности речевого общения и свободного передвижения в пространстве. В условиях дома ребенка этот вид поведенческого стереотипа протекает иначе: стойкой привязанности к определенному взрослому не возникает, ибо детям приходится общаться с разными взрослыми, которые часто сменяют друг друга. Многие психологи обращают внимание на то, что отсутствие стереотипа на определенное лицо затрудняет формирование прочных эмоционально-личностных связей в более поздние возрастные периоды. Выработанные у ребенка формы поведения, адекватные для данных микросоциальных условиях, можно считать физиологической стадией социальной адаптации.

Для детей раннего и дошкольного возраста характерна незрелость многих физиологических систем, что ведет к более легкому, чем у взрослых, возникновению состояний напряжения адаптационных механизмов.

Изучение всех проявлений адаптации позволило определить основные этапы привыкания к новым условиям среды, а также факторы, определяющие тяжесть адаптационного периода, и наметить пути профилактики тяжелой адаптации.

Весь период привыкания можно разделить на три этапа:

1. Острый период, или период дезадаптации, когда имеется более или менее ярко выраженное рассогласование между привычными поведенческими стереотипами и требованиями новой микросоциальной среды. В это время наиболее выражены сдвиги в поведенческих параметрах, ряд признаков, характеризующих нарушения в соматических состояниях (например, уменьшение массы тела), снижение сопротивляемости к инфекциям и др.

2. Подострый период, или собственно адаптация, когда ребенок активно осваивает новую среду, вырабатывая соответствующие ей формы поведения. Постепенно уменьшаются отклонения в различных системах, причем происходит это не синхронно. Быстрее всего нормализуется аппетит (до 15 дней); более продолжительны нарушения сна и эмоционального состояния; медленнее всего приходит в норму игра и речевая активность (до 60 дней).

3. Период компенсации, или адаптированности к данным условиям, когда жизнедеятельность организма нормализуется, т.е. достигает исходного уровня, а иногда и превышает его.

Дети, воспитываемые в домах ребенка, имеют меньше возможности для тренировки адаптационных механизмов, а, следовательно, более низкий уровень социальной адаптированности. Поэтому всякий

переход к изменившимся условиям является сильным стрессовым фактором. И к тому же почти у всех детей в домах ребенка имеются отягощенный биологический и социальный анамнез, отклонения в развитии и состояния здоровья, что, безусловно, снижает выносливость нервной системы. Это сказывается и на возможностях к социальной адаптации.

В доме ребенка существует несколько критических ситуаций:

1. Поступление ребенка из больницы;
2. Поступление ребенка из семьи;
3. Переход из изолятора в группу;
4. Переход из группы в группы, сопровождающийся сменой обслуживающего персонала;
5. Усыновление;
6. Перевод в детский дом.

Особенности исходного состояния здоровья детей, воспитывающихся в домах ребенка, объективные и субъективные недостатки условий жизни и воспитания приводит к тяжелым формам адаптационного синдрома:

- Появляется неадекватное поведение;
- Длительное снижение аппетита, в отдельных случаях может возникнуть стойкая анорексия или невротическая рвота при кормлении;
- Сон так же нарушен на протяжении длительного времени;
- Снижена ориентировочная активность;
- Эмоциональное состояние длительно нарушено. Ребенок либо плачет в течении всего отрезка бодрствования, либо плач и хныканье сменяется состояние пассивности, безразличия;
- Резко снижается двигательная и речевая активность.

Изменения к лучшему происходит очень медленно. Улучшения неустойчивы, возможно, рецидивы плаксивого и пассивного состояния. Однако ребенка не следует ограждать от социальной адаптации, а целенаправленно формировать и тренировать адаптационные возможности ребенка, без которых он не сможет адекватно вести себя в различных социальных ситуациях. Вопрос о тренировки адаптационных возможностей – один из главных в организации жизни детей в домах ребенка.

Главным моментом в адаптационном периоде является развитие эмоциональной сферы ребенка. Музыка является важным звеном в прохождении адаптации детей в коллективе и условиях учреждения. Уникальное, весьма значимое и, можно сказать, поистине неоценимое место в жизни детей занимают музыкальные занятия, праздники, развлечения, самостоятельная деятельность (слушание музыки в группе) и, конечно, индивидуальные занятия, направленные на развитие эмоционально-нравственной сферы детей.

Прежде чем начать занятие, нужно знать анамнез ребенка. Накапливая опыт работы, в течение почти четырёх лет работы я выработала алгоритм психолого-педагогических и профессиональных действий

музыканта в режиме индивидуальных занятий, которым охотно поделюсь с педагогами:

1. Создаю для ребенка благоприятную атмосферу, чтобы он себя чувствовал уютно, комфортно.
2. Вызываю к себе доверие: через коммуникативные игры, через прикосновения (поглаживание). Важно дать почувствовать ребёнку, что его понимают и принимают таким, какой он есть.
3. Чрезвычайно важна личная заинтересованность ребенка в общении с педагогом и собственно музыкальном занятии. Для этого ценным подспорьем является наглядный материал: музыкальные инструменты, различные погремушки, игрушки, палочки, иллюстрации, дидактический материал.
4. Музыка, как известно, также несет релаксационную функцию. Если ребенок испытывает какой-то стресс, то, приходя на занятие и слушая музыку, он постепенно начинает расслабляться, забывает, и тревожность, зажатость, плаксивость и другие проблемы проходят.
5. Музыка несёт катарсическую функцию. Катарсис в переводе с греческого языка – очищение. Психика ребёнка с помощью музыки постепенно, с каждым разом, всё более высвобождается от негативного опыта. Музыка влияет на положительное развитие как эмоциональной, так и нравственной сферы детской души.
6. Педагогу необходимо попытаться создать для ребёнка положительные впечатления от музыкальных занятий, игр, от общения с взрослыми, которые его окружают, и закрепить этот душевный опыт у малыша.
7. Ни в коем случае нельзя ребенка заставлять что-либо делать. Пускай он присмотрится к тому, чем занимаются ребяташки. В дальнейшем он сам изъявит желание участвовать в той или иной игре, или пляске.

Эти рекомендации весьма полезно знать начинающим педагогам-музыкантам.

Каждый педагог-музыкант – эмоциональная личность, которая находит творческое воплощение основным ориентирам действий, и наряду с важными инструкциями способна найти свои, индивидуальные приёмы общения с детьми и возможности расположить их к себе и к музыке, музыкальной деятельности.

Ребёнок должен быть психологически защищён, а с помощью музыки состояние психологической безопасности становится ещё более комфортным, приятным и естественным. Развитие эмоционально-нравственной сферы личности ребёнка и его адаптация в условиях детского оздоровительно-воспитательного учреждения проходит более успешно под влиянием такого мощного фактора, как погружение в музыкальную атмосферу занятий, а также в режиме арт-педагогического сопровождения и применения синтеза искусств, в благоприятном игровом русле жизнедеятельности, которое доминирует в младенческом возрасте.

Литература

1. Ветлугина Н.А. Возраст и музыкальная восприимчивость// Восприятие музыки. Сб. статей / В. Максимов. – М.: Музыка, 1980. – С. 54-68.
2. Кирнарская Д.К. Музыкальные способности. – М.: Таланты – XXI век, 2004.– 520 с.
3. Петрушин В.И. Музыкальная психология. – М.: Владос, 1997. – 240 с.
4. Тарасова К.В. Онтогенез музыкальных способностей. – М.: Просвещение, 1988.
5. Зимина А.Н. Основы музыкального воспитания и развития детей младшего возраста. – М.: Владос, 2000. – 220 с.
6. Картушина М.Ю. Проблемы современного музыкального воспитания дошкольников/ М.Ю. Картушина // Управление ДОУ. – 2005 – №5. – С. 42-46.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И КИТАЕМ (1962) В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

А. В. Ильенко, А. П. Мальцева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. и. н., доц. Рудковская И.Е.

Главной особенностью полувековой истории развития отношений Китайской Народной Республики с Индией является наличие резких переходов от дружбы к холодному отчуждению и прямым военным столкновениям. Несмотря на серьезные позитивные сдвиги последних десятилетий, значительное влияние на развитие индийско-китайских отношений до сих пор оказывает память о вооруженном пограничном конфликте 1962 г. [1]. 20 октября 1962 года столкнулись в вооруженной борьбе две крупнейшие страны Азии - Китай и Индия. Более миллиарда человек в обоих государствах оказались перед перспективой воевать друг с другом. Но тогда конфликт закончился так же внезапно, как и начался [2]. Актуальность данного исследования обуславливается высокими темпами их экономического роста, как Китая, так и Индии. Отношения между двумя столь быстро развивающимися азиатскими державами привлекают все большее внимание исследователей. Целью данного исследования является анализ китайско-индийского конфликта 1962 г. с точки зрения политической конфликтологии. В качестве основных задач рассматривались следующие: анализ структуры конфликта, его динамики и наиболее значимых функций, выявление его специфики с использованием принятых в политической конфликтологии классификаций.

Согласно М. Кашапову, *структурой политического конфликта* является совокупность устойчивых элементов конфликта, динамически взаимосвязанных и организующих конфликт в целостную систему и процесс. Структура политического конфликта имеет объективный и субъективный уровни [3]. Объективный уровень включает в себя две противоборствующие стороны: Китай и Индию. *Объектом конфликта* стала проблема неурегулированной границы по линии высочайших горных хребтов – Гималаи и Каракорум, а именно приграничная зона в

районах Аксай-Чин и Аруначал-Прадеш. Мотивы обеих стран к разворачиванию войны можно обозначить следующим образом: китайские власти утверждали, что «исторически законного определения пограничной линии никогда не производилось» [1], в то время как индийская сторона указывала, что «вся линия границы определена либо договорами и соглашениями, либо традицией, хотя на местности не всегда демаркирована» [1]. Следовательно, мотивами обеих стран было отстаивание своих прав на демаркацию границы. Ввиду малонаселенности и труднодоступности для Индии этот район хозяйственной ценности не имел, поэтому мотивом и главной целью поступков в войне может быть признано сохранение престижа, национального суверенитета. Для Китая эта территория имела и реальную ценность, в связи с тем, что по ней проходил участок построенной в середине пятидесятых годов стратегической Синьцзян-Тибетской дороги.

Субъектами данного вооруженного столкновения стали китайская коммунистическая элита, инициировавшая переход к активной политике в решении пограничного вопроса, и индийское правительство. Если ориентироваться на предложенное С. Хантингтоном разделение участия граждан на *автономное участие*, представляющее собой сознательную активность отдельных граждан, и *мобилизованное участие*, т. е. вынужденное, обусловленное неполитическими стимулами (страхом, чувством долга, подкупом и т. п.), то следует признать, что вариант участия представителей гражданского общества обеих азиатских держав в столкновении 1962 г. носил мобилизованный характер, так как для обеих стран характерен традиционный стиль ведения политики.

В качестве *косвенных участников конфликта* выступили правящие круги СССР, США и Великобритания, поддержавшие индийскую сторону. Вероятно, можно выделить также влияние позиции некоторых формально независимых государств в гималайском регионе (королевство Непал и Бутан, княжество Сикким, до 1950 г. - Тибет), длительное время составлявших своеобразный буфер, разделяющий территории Китая и Индии.

Помощь *третьей стороны*, которая способствовала бы завершению конфликта, не понадобилась, так как, не получив поддержки великих держав, китайское руководство было вынуждено отказаться от дальнейшей эскалации конфликта.

Одним из значимых элементов в структуре политического конфликта сегодня признаются его *жертвы*. С индийской стороны было убито 1383 солдата, 1696 пропало без вести, 3968 пленных, с китайской же стороны 722 убито, 1697 человек ранено. Более детальный анализ специфики жертв конфликта затруднен, так как, по некоторым источникам, Китай не публиковал данные о своих потерях.

Длительная пассивность британских колониальных властей Индии и руководства Китая (сначала имперского, а потом гоминьданского) в решении пограничной проблемы отрицательно повлияла на разворачивание и остроту конфликта. Рассматривая его *динамику*,

следует отметить, что событиям 1962 г. предшествовала довольно длительная *предконфликтная ситуация*. Еще в 1950 г. на территорию Тибета были введены подразделения Народно-освободительной армии Китая. В начале 1950-х гг. в Китае начали публиковаться географические карты, на которых значительная часть территорий Индии, а также Сикким, Бутан, Непал и некоторые другие государственные образования были обозначены как китайские. Территории в Аксай-Чине и в районе линии Макмагона включались в состав Тибетского района Китая и провинции Синьцзян. В июле-августе 1954 года правительство Китая впервые обвинило Индию в проникновении ее вооруженного отряда на территорию Тибетского района Китая близ перевала Нити. Индия же утверждала, что ее отряд находился в пределах своего государства. В течение 1955-58-х гг. китайские отряды неоднократно проникали в районы Аксай-Чин и за линию Макмагона [4, стр. 306]. Также наступательный характер действий китайской стороны проявлялся в частом проникновении вглубь спорной территории, в жестокой тактике в отношении индийских постов, заключавшейся в постепенном окружении с целью прекращения снабжения любого рода. Индия же, в свою очередь, проводила оборонительные действия и не уступала в притязаниях. Несколько этапов переговоров между странами не привели к желаемым результатам: избежать открытого конфликта не удалось.

23 января 1959 года премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай впервые официально заявил, что граница между Китаем и Индией никогда не была четко определена, что не существует никаких договоров и соглашений относительно границы между двумя странами [4, стр. 306]. Восстание в Тибете 10 марта 1959 года, его подавление и побег Далай-ламы в Индию радикальным образом обострили ситуацию. Стороны начали интенсивно наращивать военные силы в спорном районе, причем китайская армия и вооружение численно превосходили индийские. [4, стр. 307]. С осени 1961 года индийская сторона ответно обозначила свое военное присутствие к востоку от линии, на которую претендовал Китай [1]. Напряженность постепенно возрастала, и предотвратить вооруженную конфронтацию сторонам так и не удалось. Латентная стадия конфликта продолжалась до осени 1962 года. Согласно индийским данным, с июня 1955 года по июль 1962 в районе границы произошло более 30 вооруженных конфликтов.

В роли инцидента, который перевел предконфликтную ситуацию в стадию *открытого конфликта*, следует признать события, начавшиеся 20 октября 1962 года. В течение двух дней боев Народно-освободительная армия Китая установила контроль над всем спорным регионом. Началось массированное вторжение китайских войск вдоль всей пограничной линии на западном и восточном ее участках [1]. Однако *эскалация* конфликта оказалась недолгой. В боевых действиях наступило затишье на несколько дней. Политическая обстановка внутри Индии все более обострялась. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру в обращении к индийскому народу заявил, что над страной нависла самая серьезная угроза с момента провозглашения независимости [1].

20 ноября китайцы подавили сопротивление и буквально разгромили 4-ю пехотную дивизию Индии. Однако уже 21 ноября начался этап *завершения открытого конфликта*. Пекинское радио объявило об одностороннем прекращении огня [1]. Это было обусловлено тем, что Китай не получил ожидаемой поддержки от СССР, а Великобритания и США начали поставки оружия в Индию.

Несмотря на прекращение кровопролития в приграничной полосе, политическая конфронтация в течение *постконфликтной ситуации* продолжалась. Получение Индией помощи со стороны СССР и США Китай рассматривал как предательство идей неприсоединения. Одним из следствий китайско-индийского пограничного конфликта стала нормализация отношений между Китаем и Пакистаном. Завершением постконфликтного периода можно считать официальные дружественные встречи представителей Индии и Китая в 1979 - 1981 гг. В ходе визита министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Дели 26 июня 1981 г. была достигнута договоренность о поочередном проведении в Дели и Пекине регулярных встреч официальных делегаций двух стран для обсуждения проблем двухсторонних отношений [4].

В политической конфликтологии принято выделять как позитивные, так и негативные функции политических конфликтов. К ярко выраженным *позитивным* функциям, на которых делают акцент сторонники *конфликтной парадигмы* (Л. Козер, Р. Дарендорф и др.), в данном конфликте можно отнести *сигнализацию о проблемах*. Китайско-индийская война 1962 года стала толчком к решению пограничного вопроса между Китаем и Индией, обусловила совершенствование демаркации границы, что позволило несколько продвинуться по пути решения проблемы *баланса интересов*. Также, конфликт позволил предотвратить *более острый конфликт*. В то же время, рост социального напряжения, неизбежно произошедший в приграничных территориях, позволяет говорить о *деструктивной* составляющей данного конфликта.

Обращаясь к классификациям, данное столкновение по его масштабам можно обозначить как *локальное*. Конфликт 1962 г. следует отнести скорее к вооруженным конфликтам, чем к масштабной войне. По длительности, с одной стороны, это - *длительный конфликт*, так как он затянулся в связи с глубокими противоречиями между сторонами, но, с другой, само вооруженное столкновение было острым и непродолжительным. Данный конфликт можно назвать *открытым*, так как налицо активное наступление китайских войск вглубь спорных территорий [5, стр. 134].

На вопрос о том, является ли данный конфликт *завершенным* или *незавершенным*, нет однозначного ответа. Значимым признаком его незавершенности можно считать отсутствие договоров, четко регламентирующих границу между государствами. Данный вопрос стал обсуждаться обоими правительствами только через десятилетие непосредственно после самого столкновения.

В заключение хочется отметить, что он стал точкой отсчета в «строительстве» качественно новых отношений между Индией и Китаем.

ем. Несмотря на даваемые большинством экспертов оптимистические оценки перспектив развития индо-китайских отношений, следует помнить, что все достигнутые до сих пор соглашения касаются не границы, а линии фактического контроля, сложившейся в результате наступления китайских войск в 1962 г. [1]. Поэтому, как считают в Индии, дальнейшая судьба двусторонних отношений в большей степени зависит от того, сохранится ли курс на улучшение отношений с Индией одним из приоритетных направлений внешней политики Китая [1].

Литература

1. [Электронный ресурс]. <http://www.damanski-zhenbao.ru/files/india-04-rus.doc> (Дата обращения: 12.01.2013)
2. [Электронный ресурс]. <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008141901.html> (Дата обращения: 12.01.2013)
3. [Электронный ресурс]. <http://vocabulary.ru/dictionary/819>
4. Кашапов М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций. Краткий словарь, 2003 г. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 15.02.2013 г.)
5. Границы Китая: история формирования. Под общей ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.
6. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. – 320 с.

Содержание

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА) <i>Г. В. Горшков</i>	3
ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГРАЖДАНСКОЕ И ЭТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ <i>Е. С. Гугунова</i>	7
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТОМСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА <i>А. О. Дегтярёва</i>	10
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ЛЕЧЕБНО-КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРОВ ВРАЧЕБНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ТОМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА С 1945 ПО 1970-Е ГГ. <i>И. В. Клименко</i>	14
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЗЛАТОУСТОВСКИМИ ЗАВОДАМИ ОРЕН- БУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. (СОВРЕМЕН- НЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ) <i>Е. А. Кобякова</i>	19
КАДРОВАЯ ПОДГОТОВКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ <i>В. Н. Кокшенева</i>	23
ИСТОРИЯ ТОМСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ АВСТРИЙСКОГО СОГЛАСИЯ В ДОРЕГИСТРАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1860–1907 ГГ.) <i>Г. А. Кречетов</i>	27
УСЛОВИЯ ДОСТАВКИ И СОДЕРЖАНИЯ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА <i>Е. А. Перемитин</i>	32
ОБРАЗ Б. Н. ЕЛЬЦИНА В «ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ» И ШИРОКОФОРМАТНЫХ ГАЗЕТАХ 1987–1991 ГГ. <i>Д. А. Попцов</i>	37
ПОЛНОМОЧИЯ ИМПЕРАТОРА ПО КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРОЕКТАМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА <i>Д. А. Семендяева</i>	42
ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «РУССКОГО БУНТА» В СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДВИЖЕНИЯ И. И. БОЛОТНИКОВА) <i>М. В. Симонова</i>	47
ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ <i>Т. Г. Солдатенко</i>	52
ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. М. ФЛОРИНСКОГО <i>А. А. Сячина</i>	56

МИТРОПОЛИТ ЕВЛОГИЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ) – ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ <i>Р. Ю. Терекоев</i>	61
КОМПАКТНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЛЮТЕРАН НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.) <i>Д. Ю. Хоменко</i>	65
ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. ТОМСКА В 1920-Е ГГ. <i>Е.И. Шипицын</i>	69
ПРОБЛЕМА ЗЕМЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. <i>Ю. В. Шушпанников</i>	74

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЯПОНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРОТОИЕРЕЯ В. Е. МАХОВА <i>А. С. Борцова</i>	79
МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ 1929–1933 ГОДОВ В США <i>А. В. Грошева</i>	82
ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ДВИЖЕНИИ КАТАРОВ <i>Е. Г. Кайтова</i>	86
БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ТРАКТОВКЕ СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМА <i>В.О. Кривошеина</i>	90
ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭТИКИ НЕНАСИЛИЯ МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА <i>В. О. Кривошеина</i>	94
ФЕНОМЕН «КРАЙНЕ ПРАВЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ) <i>А.Ф. Крылова</i>	98
УНИВЕРСАЛИСТСКАЯ ИДЕЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДАЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА <i>Д. С. Купцевич</i>	101
КРОВНАЯ МЕСТЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ ПО ТЕКСТАМ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ <i>Е. Е. Лисицына</i>	106
ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ А.Н. РАДИЩЕВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА <i>Д. Р. Садикова</i>	109
«ПЕСНИ ИХЭТУАНЕЙ» ВО ВРЕМЯ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ В КИТАЕ <i>Ю. И. Степанова</i>	114

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ И ОБЫЧАЕВ НАРОДОВ МЕЗОАМЕРИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ ЕВРОПЕЙЦЕВ <i>Н. О. Бровкина</i>119
АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИИ ОРНИТОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ С РАСКРЫТЫМИ КРЫЛЬЯМИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА ИЗ ПРИОБЬЯ <i>Е. Ю. Волковицкая</i>124
ЭВОЛЮЦИЯ ТАТАРСКОГО ПРАЗДНИКА САБАНТУЙ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ) <i>М.Н. Митяева</i>128
ИСТОРИЯ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МЕСТНЫМИ КРАЕВЕДЧЕСКИМИ МУЗЕЯМИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1950–Х – 1980–Х ГГ. <i>Е.А. Нестеров</i>132
МЕЧ В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ МИРА <i>О.В. Скурихин</i>136

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ <i>Е. А. Агафонова</i>141
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ <i>А. Г. Белянко</i>145
ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРЫ И БЫТА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ <i>А. А. Кожина</i>148
ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ <i>И. П. Костень</i>152
ИГРА НА УРОКАХ ИСТОРИИ <i>М. Н. Митяева</i>154
ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ТПУ) <i>А. В. Петухова</i>156
МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ <i>О. В. Скурихин</i>160
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ <i>Ю.С. Суворина</i>162

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО И ДУХОВНО- ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ <i>А. С. Бессонова</i>166
--	------

ПРОТИВ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА» В. И. Вовченко168
ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В.В. Воробьёва172
ПРОБЛЕМА ИНФОРМИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ ТУСУРА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВНУТРИ ВУЗА Ю.В. Гаврилина, О.А. Дмитриева, А.В. Лоцейко175
ПЛАТОНИЗМ ГОТЛОБА ФРЕГЕ П.И. Григоренко177
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ. ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР? Е. Б. Гужавина181
ЦИНИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА А. В. Гукова183
КОНЦЕПЦИЯ ЧИСЛА ПИФАГОРА А. А. Дакнай-оол186
ДАОСИЗМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВ И. Желтовских190
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ» А. В. Жидков193
ФУНКЦИИ РЕЧИ В СОФИСТИКЕ А. Г. Ивлева196
«ТОЛКИЕНИСТЫ» В КАЗАХСТАНЕ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ СУБКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В. Ю. Корнева, Л. И. Щербак199
ФЕНОМЕН «КРАЙНЕ ПРАВЫХ» В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ) А. Ф. Крылова204
КОНЦЕПТОСФЕРА ЛИЧНОСТИ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК Ю.В. Суржанская207
РЕГИОНАЛЬНАЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ) М. С. Толкачева212
К ОБОСНОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМНОГО ВСЕЕДИНСТВА А. В. Фаерман218
ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗМА: ХИЛАРИ ПАТНЭМ VS РИЧАРД РОРТИ Е.А. Шадрина220
ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА НА ПРИРОДУ ЯЗЫКА М. Н. Шалдяков223

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЖАНА ПОЛЯ САРТРА <i>Е. О. Яткина</i>225
--	------

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ: «ШКОЛА РОКА» КАК СПОСОБ УСВОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ В ШКОЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Л. Ю. Аверченко</i>229
ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ XVII ВЕКА <i>И. И. Бушкова</i>231
НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ <i>Е.О. Быдзина</i>234
ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ <i>В. А. Воронкин</i>238
ГИПЕРРЕАЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА <i>О. А. Губеева</i>240
ГОЛЛАНДСКИЙ НАТЮРМОРТ И ЕГО ЭПОХА <i>Л. А. Губеева.</i>245
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯН О ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ <i>Д. Н. Гуль</i>250
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОЕКТ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ХОР» <i>Е. Е. Гуткевич.</i>255
П. П. ЧИСТЯКОВ КАК ЛИЧНОСТЬ И ПЕДАГОГ <i>А. А. Кузьменко.</i>259
ПРИЗНАКИ РОМАНТИЗМА В КЛЮЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЕЙЗАЖНОГО ЖАНРА РОССИИ XIX ВЕКА <i>О. Н. Кухарева</i>263
КУЛЬТУРА СИБИРСКОГО ЗДОРОВЬЯ – ФИЗИЧЕСКОГО, НРАВСТВЕННОГО И ДУХОВНОГО <i>Е. Е. Ланкина</i>268
МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ В ЦЕНТРЕ СИБИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА Г. ТОМСКА <i>П. С. Латышева</i>271
СИСТЕМА СТАНИСЛАВСКОГО КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ <i>А. Ю. Максимова</i>275
ВЛИЯНИЕ БАРОККО НА АРХИТЕКТУРУ ПРАГИ <i>Е. С. Мулюкова</i>279

ВОКАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАЗВИТИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ В НПОУ <i>Н. Правдюк</i>283
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ <i>И. А. Приходько</i>287
ХАРИЗМАТИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКА <i>Д. С. Прокудин</i>290
МОЛОДЁЖЬ И РЕЛИГИЯ <i>А. А. Ральченко</i>293
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ <i>И. А. Русинова</i>298
ИЗУЧЕНИЕ ЛАГЕРНОГО БЫТА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ НА МАТЕРИАЛАХ ВОСПОМИНАНИЙ В. Е. КРЕМНЕВА <i>И. В. Сафронова</i>301
ОБУЧЕНИЕ ИГРЕ НА КЛАВИШНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА <i>И. Ю. Симонова</i>305
ФРЕСКА И ИКОНА НА РУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ <i>М. А. Татарникова</i>307
ИЗУЧЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО ЭСТРАДНОГО КОНЦЕРТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЧЕРА ПАМЯТИ МУСЛИМА МАГОМАЕВА) <i>М. С. Толкачева, Д. А. Сергеев</i>312
ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ПЕДАГОГА И ВОСПИТАННИКОВ ЭСТРАДНОЙ ГРУППЫ «СОЗВУЧИЕ» Д/К «ОГОНЁК» <i>А. В. Усова</i>317
АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ В ДОМЕ РЕБЁНКА И ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ИХ ПСИХИКИ <i>М. В. Филонова</i>319
КОНФЛИКТ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И КИТАЕМ (1962) В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ <i>А. В. Ильенко, А. П. Мальцева</i>324

Научное издание

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»**

(22–26 апреля 2013 г.)

**Том IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Статьи публикуются в авторской редакции

*Технический редактор: Г. В. Белозёрова
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте*

Бумага: офсетная
Печать: трафаретная
Усл. печ. л.: 19,53
Уч. изд. л.: 21,87

Сдано в печать: 17.10.2013
Формат: 60×84/16
Заказ: 765/н
Тираж: 100 экз.

Издательство Томского государственного педагогического университета
634061, г. Томск, ул. Киевская, 60
Отпечатано в типографии Издательства ТГПУ
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (3822) 52–12–93
E-mail: tipograf@tspu.edu.ru